

П-74

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

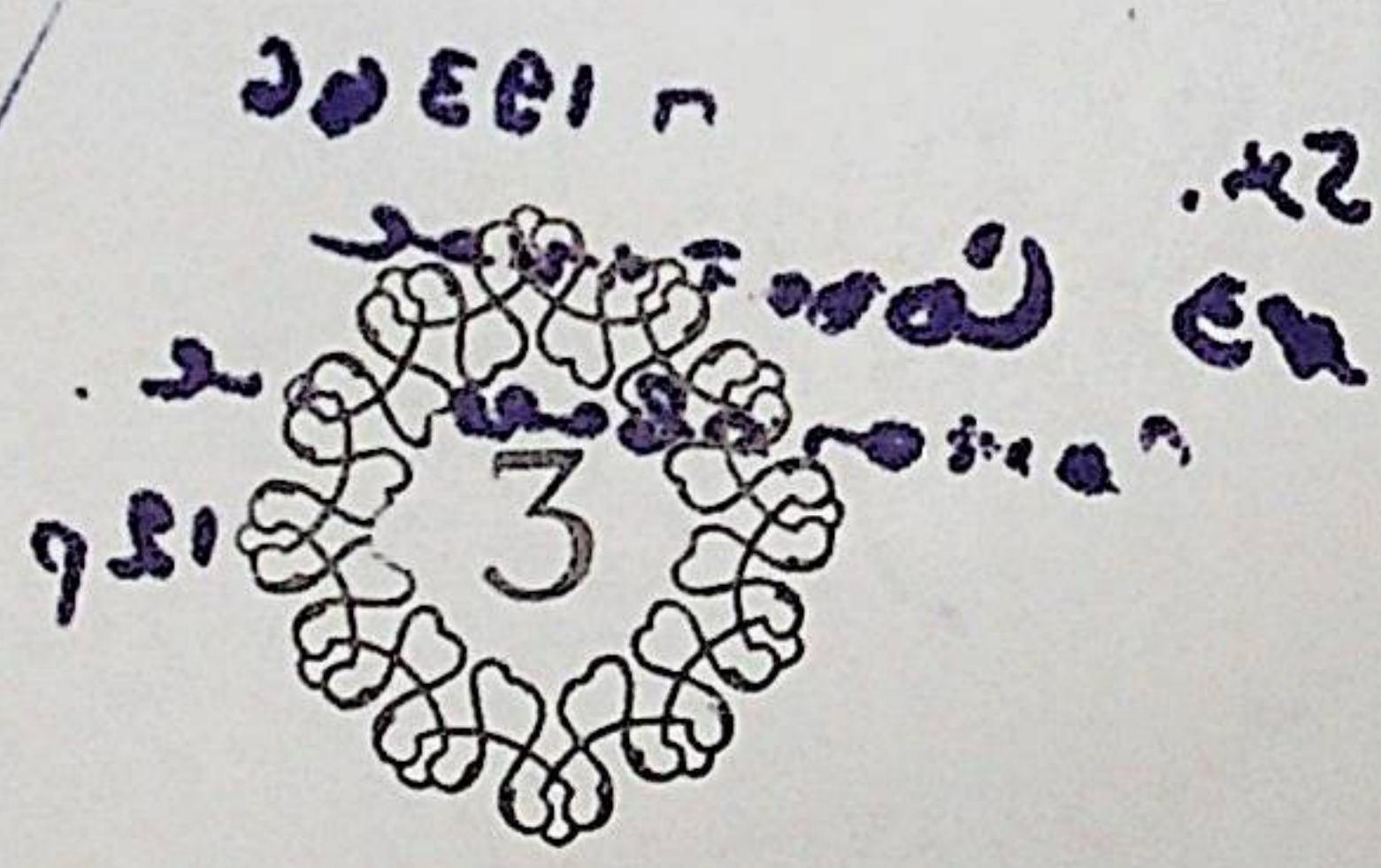
3

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1958

АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

СОВЕТСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

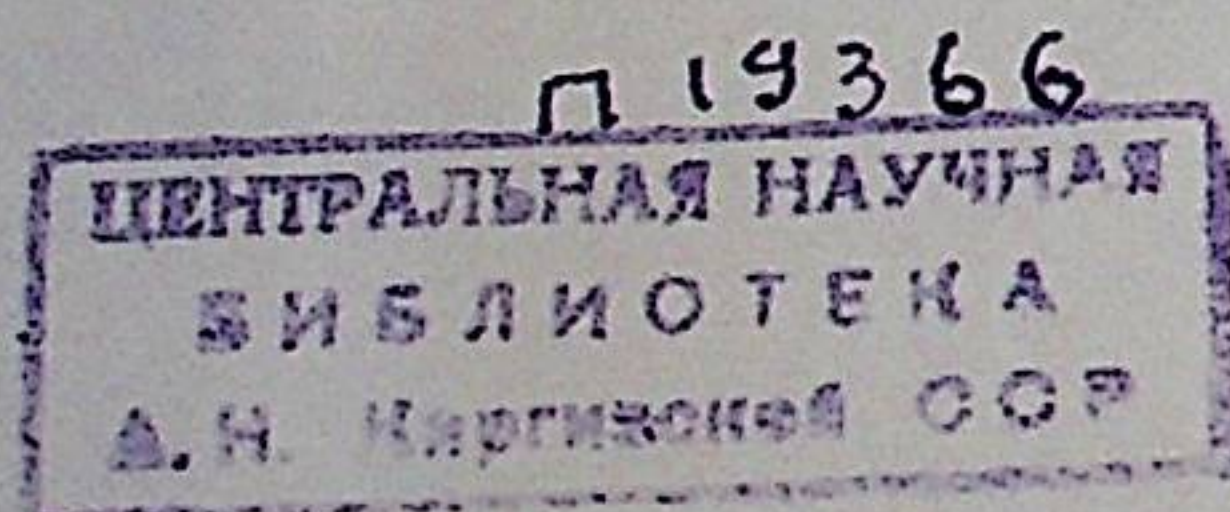
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА ~ 1958

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. С. БРАГИНСКИЙ (главный редактор),
Б. О. АУЭЗОВ, А. М. ДЬЯКОВ, Б. Н. ЗАХОДЕР,
Н. И. КОНРАД, А. А. КУЗНЕЦОВ, И. М. ЛЕМИН, А. Ф. МИЛЛЕР,
А. А. ПАШКОВСКИЙ, Б. В. РЖЕВИН (отв. секретарь),
В. В. СТРУВЕ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ (зам. главного редактора),
Г. В. ЦЕРЕТЕЛИ

54.
19366
Совхоз
12р

Технический редактор Л. М. Уша

Адрес редакции: Москва, Армянский пер., 2, Тел. К5-91-64

Т-05766. Подписано к печ. 24/VI 1958 г. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 7¹/₄.

Печ. л. 19,86+4 вкл.

Уч.-изд. листов 21,7.

Зак. 371.

Тираж 2700

2-я тип. Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., д. 10

МАТЕРИАЛЫ ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ КАРЛА МАРКСА

Публикуемая часть рукописи К. Маркса представляет собой записи, сделанные им при изучении третьей главы книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (Москва, 1879). Записи Маркса по другим главам этого труда будут публиковаться в дальнейшем. Полный текст рукописи составит при опубликовании около семи печатных листов. Он занимает 19—40 и 59—83 страницы большой записной тетради Маркса. В этой же тетради находятся «Хронологические выписки по истории Индии». Время составления публикуемых записей приблизительно октябрь 1879 г. — октябрь 1880 г.

М. М. Ковалевский, крупный русский ученый, привлечший к себе внимание уже первыми своими работами об общинном землевладении и затем заслуживший европейскую известность основательными трудами по истории первобытно-общинного строя, внес значительный вклад в развитие исторических знаний. По своему мировоззрению и методу исследования Ковалевский оставался на позициях буржуазной науки, хотя и утверждал, что без знакомства с Марксом он не занялся бы «ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы» и что на его научную деятельность Маркс оказал огромное влияние. В основу своих исторических работ Ковалевский вполне сознательно клал, как известно, контовский позитивизм.

Благодаря продолжительным занятиям в библиотеках Лондона и Парижа и изучению находившихся там богатых коллекций официальных документов, а также вследствие полученной им возможности ознакомиться с редкими мемуарами и перепиской колониальной администрации, Ковалевский мог построить свое исследование об общинном землевладении на большом фактическом материале по истории, этнографии, писаному и обычному праву.

Факт составления Марксом исключительно обстоятельного конспекта книги Ковалевского объясняется тем, что она отвечала научным интересам Маркса и содержала привлечший его внимание конкретно-исторический материал.

Первая часть рукописи Маркса посвящена изложению материала первой главы книги Ковалевского об общинном землевладении у североамериканских индейцев и главы об испанской земельной политике в Вест-Индии. Большая часть рукописи представляет собой записи и замечания Маркса, сделанные им при изучении глав (III—VII), посвященных Индии. Заключительная часть рукописи построена на материале последних двух глав книги Ковалевского о земельных отношениях в Алжире и о земельной политике французских колонизаторов в этой стране.

Конспект Маркса представляет собой квинтэссенцию содержания труда Ковалевского. Маркс не только излагает Ковалевского, а критически истолковывает все его заключения и выводы, использует приводимый им фактический материал для собственных обобщений, применяя свой метод исследования.

Работа Маркса над книгой Ковалевского должна быть поставлена в связь с предпринятым Марксом в 70-е годы специальным изучением вопросов земельной ренты и

земельных отношений вообще — для изложения их в соответствующем разделе «Капитала». В это время он много внимания уделяет источникам и литературе об общине и общинной собственности. Составленные Марксом рукописи показывают, что его интересовали характер общины как определенного социального коллектива, место и роль ее в социально-экономическом строе в разные эпохи и у разных народов — в странах Древнего Востока (в особенности в Индии), в германских странах Западной Европы и в славянских странах (преимущественно в России).

* * *

Учитывая своеобразие формы рукописи, не предназначавшейся автором для печати, при публикации ее применяется принятая Институтом система типографских выделений: текст собственных замечаний Маркса и отдельные слова, вставленные им от себя в конспект или выписки, даются *черным курсивом*, а в случае, если они подчеркнуты Марксом, — *черным курсивом в разрядку*. Подчеркнутые Марксом слова и выражения из конспектируемых работ напечатаны *светлым курсивом*, подчеркнутые дважды — *светлым курсивом в разрядку*. Прямые и круглые скобки принадлежат Марксу. В фигурные скобки заключены отдельные слова, вставленные редакцией для пояснения. Слова, написанные Марксом по-русски, отмечаются в тексте звездочкой*. На полях воспроизводится нумерация рукописных страниц.

Текст подготовлен к печати научным сотрудником Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Р. П. Колюшей. Примечания в конце текста составлены научным сотрудником Московского государственного университета А. М. Осиповым.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

II. Английская Ост-Индия

29 || А) *Современные формы общинной земельной собственности** в Индии в порядке их исторического возникновения.

Почему в древнейших законодательных памятниках столь скудный материал для исследования древнейших форм общественной жизни? (стр. 72). Каковы должны быть методы исторического исследования древнейших форм? (73—74).

Ни в одной стране нет такого разнообразия в формах земельных отношений, как в Индии. Рядом с *родовой общиной* — *соседская*, или *сельская*; *система периодического и равномерного передела пахотной и луговой земли, включая обмен жилищами***, рука об руку с *системой пожизненных неравных наделов*, размер которых определяется законами наследования или фактическим владением в эпоху последнего передела; *общинная эксплуатация* встречается наряду с *частной*; *общинная пахота* в одних местностях и *лишь общинные угодья** (как *лес, пастбище и т. д.*) в других; здесь *допущение всех жителей общины к пользованию общинными землями*, там — *ограничение права пользования небольшим числом семей старейших поселенцев*; и наряду с этими формами *общинной собственности**** всех видов и категорий, *крестьянская мелкая собственность*****, наконец, *крупная земель-*

* У Ковалевского: землевладения.

** У Ковалевского: усадьбами.

*** У Ковалевского: «общинной формы поземельных отношений».

**** У Ковалевского: «малоземельные крестьянские участки».

*ная собственность**), охватывающая часто целые округа (74).

Г) *Древнейшая форма* (сохранившаяся до сих пор): *родовая община*, члены которой *живут в нераздельности, сообща обрабатывают землю и удовлетворяют свои потребности из общих доходов*. В отношении этой формы в одном из *решений Privy Council*** говорится: «Ни один из членов рода не может указать на принадлежность ему не только в *собственность*, но и во *временное пользование той или иной части общинных земель*. Продукты общего хозяйства поступают в *общую кассу* и служат для удовлетворения потребностей *всей общины*» (75). Эта *форма общинного землевладения* сохранилась лишь в *некоторых местностях северной и северо-западной Индии*, притом в *форме совместной собственности* («совместного* владения**») и *общинной эксплуатации земли только ближайшими родичами, членами нераздельной семьи*, как называет эту форму *родовой общины Мен¹*. Из этого не следует, что она раньше не включала в свой состав и более отдаленных родственников (*членов рода*). Эта *современная семейная община* является скорее всего *продуктом разложения родовой общины*. Например, *семейные общины**** Боснии и Герцеговины, охватывающие нередко целые десятки и сотни семей (75).

По мере удаления от времени *первоначального поселения родов* в пределах *завоеванной ими территории [то, что родовая община обязательно живет на чужой, завоеванной территории, является произвольным предположением Ковалевского]* сознание *кровного родства между отдельными ветвями рода* неизбежно ослабевает. С *постепенным упадком этого сознания [почему сознание играет тут роль causa efficiens****], а не фактическое пространственное разделение, которое становится неизбежным при раздроблении рода на «ветви»?]* в каждом из *родовых подразделений* обнаруживается *желание регулировать свои имущественные отношения независимо от сферы участия и вмешательства более или менее чуждых ему остальных подразделений рода [вернее наступает фактическая необходимость раздробления (Aufbruchs) общего хозяйства на более обособленные круги]* и одновременно (?) неизбежно усиливается *тенденция к индивидуализации имущественных отношений* в пределах каждого поселка*.

Отсюда *результат: постепенное выделение из земель всего рода особых пространств (зон), общее владение которыми ограничено лишь членами того или другого подразделения*, другими словами, *большими нераздельными семьями*, как например, в *Бунделкханде²*. *Родовые союзы* из нескольких сот членов, владеющие сообща десятками квадратных миль, еще не редкость. *Mouzah³ Putana* в округе (*pergunah⁴*) *Hummerpur* имеет 9314 квадратных акров и 157 общинных владельцев; *mouzah Sordnee* в *Jelalpoor* состоит из 399 членов и владеет пространством в 12 033 квадратных акров; *Khurola Khass* является собственником 18 260 акров или 28 1/2 квадратных миль («*Calcutta Review*», 1850, сентябрь, № 14, стр. 155 и 156). Но *подразделения этих союзов, называемые thoks, behris и puttis⁵*, состоят друг с другом лишь в слабой связи. Каждая *putti* имеет свое самоуправление, *выбирает своего старшину* (lumberdar⁶)*, платит отдельно от дру-

* У Ковалевского: «громадные поместья».

** — Тайного совета.

*** У Ковалевского: задруги.

**** — действующей причины.

гих подразделений падающую на нее сумму государственных сборов, производит взимание их и || раскладку среди своих членов, связанных друг с другом *круговой* порукой* (Gesamtbürgerschaft)*. Каждый из членов *putti* получает свой надел только из земель последней. Все вместе пользуются общими пастбищами и другими *угодьями*, независимо от членов остальных *puttis*. Связь между *puttis*, не обнаруживающаяся в пределах каждой из них, пока речь идет только об интересах членов *отдельной putti*, обнаруживается как только как-либо *чрезвычайные обстоятельства* вызывают в той или другой *putti* явления, *прямо затрагивающие интересы всех членов рода*; тогда не только допускается, но и требуется участие всех членов рода в местных делах *отдельных putti*. Это *вмешательство* чаще всего имеет место тогда, когда то или другое *подразделение {рода} не в состоянии {уплатить} государственных налогов (jitta⁷⁾*. Чтобы избежать обязательной в силу закона *принудительной продажи части принадлежащей подразделению земли* и этим самым *уменьшения занятой родом территории, индийский закон требует распространения круговой поруки с членов низшего (самого узкого, мельчайшего) подразделения на членов высшего, с членов putti на членов behri, с последних — на членов thok и, наконец — на членов всего братства (bhaucharah⁸⁾*. То же {происходит} каждый раз, когда допущенная впервые *английскими законами продажа надела* тем или другим членом общины грозит уменьшением общему имуществу всего рода*; в этом случае индийское законодательство признает право *предпочтительной покупки* прежде всего за *округом* (pergana)*, к которому принадлежит продавец, а затем за *следующим за ним высшим подразделением рода и т. д. и, наконец, за родом во всем его составе (75—77)*.

Следствием тенденции к индивидуализации имущественных отношений в пределах *отдельных поселений (деревень)* является постепенное *отмирание нераздельной родовой собственности⁹⁾* и возникновение *новой формы собственности¹⁰⁾*. В большинстве провинций, в эпоху их захвата¹¹⁾ англичанами, *нераздельная родовая община* исчезла; существовали *еще* только обломки более поздних систем *земельной собственности¹²⁾*; в *одних общинах при условии пользования индивидуальными семьями неравными по своему размеру наделами*, причем размер последних определялся каждый раз либо *степенью родства их владельцев с действительным или мнимым родоначальником общины, либо фактической обработкой*; в *других общинах — при условии периодического передела общинной земли на равные доли (77—78)*.

2 а) Древнейшей из этих *более новых форм* является та, при которой *размер семейных наделов определяется законом наследования*. Эта система еще весьма распространена в *Северо-Западных провинциях Индии⁹⁾* и, в особенности, в *Бунделкханде и в Пенджабе¹⁰⁾ (78)*. Пенджаб. (Извлечение из «Report on the administration of the Punjab for the years 1849—50 and 1850—51». Calcutta, 1853.) «Землевладельческая община, члены которой принадлежат к одному клану [правильнее роду]¹¹⁾ и часто происходят даже от одного и того же родоначальника, встречается повсюду в стране и особенно часто у племени джа-

*) У Ковалевского: владения.
 **) У Ковалевского говорится о «других более сложных формах отношения народа к земле».
 ***) У Ковалевского: занятия.
 ****) У Ковалевского: «систем владения землею».
 *****) — уточнение Ковалевского.

80 19
 К. Ковалевский. Общинное землевладение в Индии 1879
 1) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 2) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 3) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 4) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 5) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 6) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 7) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 8) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 9) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 10) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 11) Семейная община (общинное землевладение в Индии)
 12) Семейная община (общинное землевладение в Индии)

Страница конспекта К. Маркса главы I книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»

тов¹¹. Каждый совладелец имеет определенный участок, который он обычно обрабатывает лично, уплачивая причитающуюся с него сумму поземельного сбора, соответственно произведенной общинными властями разверстке... Большая или меньшая близость к родоначальнику того или другого члена общины определяет размер находящегося в его распоряжении^{*)} участка. *Общественное мнение* так строго придерживается сохранения этой системы определяемых родством наделов, что мы нередко встречаем допущение к пользованию лиц, предки которых в течение одного или даже двух поколений не принимали вообще никакого участия в общинной собственности^{*)}... Определяемые таким образом наделы пахотной земли не могут рассматриваться ни как *пожизненные*, ни как *наследственные*. Они остаются в распоряжении^{*)} той или иной семьи до тех пор, пока необходимость предоставления новых наделов родившимся или временно устраненным членам рода^{*)} не явится основанием для нового передела общинной пахотной земли... Нередко общины производят передел пахотной земли и сенокосов с целью установления *большого соответствия между степенью родства и размером наделов*. *Еще* чаще та же цель достигается тем, что, не изменяя существующей нарезки, известные участки необработанной земли^{*)}), находящейся в *общем пользовании членов родовой общины*, передаются тем из совладельцев, которые требуют увеличения своих наделов. || *Этим путем индивидуальные наделы de facto становятся пожизненными и даже наследственными*» (78, 79).

Северо-Западные провинции: в отчете покойного Роуза (1845. См. стр. 28^{*)}), сборщика податей¹² в Банда¹³ между прочим сказано:

«Приступая к определению индивидуальных совладельцев в селении *Khujoogesa* (провинция Банда), общинный совет (*pinchayat*¹⁴) прежде всего занялся определением степени родства каждого из членов общины с родоначальником и затем предоставил в пользование каждой семье больший или меньший участок земли, согласно предписанию *индийского закона* о размере участия отдельных родичей в наследовании оставленного покойником имущества» (79).

*В общем: индивидуальные наделы отдельных семей далеко не обнимают собой всех земель общины**. Часть последних, состоящая в большинстве случаев из лесов, болот и пастбищ, но нередко включающая в себя и пригодные к земледелию участки, остается в общинном пользовании всех членов рода, и в отношении этой земли осуществляется еще^{*)} долгое время исчезнувшая уже, в применении к лучшим по плодородию почвы^{*} пространствам, система совместной эксплуатации, будь то личным трудом родичей или трудом наемников^{*)} (79, 80).

2 в) *Определение степени родства с родоначальником с течением времени и по мере численного размножения членов рода становится все более затруднительным и невозможным*, когда к этому добавляются *насильственные изменения* — когда состав рода нарушается вследствие

*) У Ковалевского переведено: владении.

)) У Ковалевского переведено: родственникам.

))*) У Ковалевского: пустошь; у Маркса всюду: «необработанная земля».

))*) — страница печатаемой рукописи Маркса. На этой странице тетради Маркс выписал целый ряд источников, использованных Ковалевским в его труде. В данном случае речь идет об издании: «Selection from public correspondence, N. W. provinces», № XXXIV.

))*)*) — поставленный здесь и вынесенный на поля такой же знак стоит в рукописи Маркса.

))*)*)*) У Ковалевского: «трудом наемным».

войны с соседними родами, некоторые родовые общины исчезают, их земельные наделы частично захвачены или частично снова {превращены} в необрабатываемую землю. Так, Томасон¹⁵ говорит [в своем докладе (относительно поселений *Chuklah*. См. стр. 28*)]: «Было бы неправильно предполагать, что семейства продолжали размножаться нормальным путем, без перерывов, начиная со времени первоначального их возникновения вплоть до настоящего времени. Неоднократно имели место насильственные изменения. Целые племена исчезали под напором чужих родов или вследствие враждебных столкновений с соседями». В результате всего этого [к указанным случаям надо причислить и преднамеренную колонизацию (в смысле Маурера¹⁶)] индивидуальные наделы в общинных землях фактически перестают зависеть — по крайней мере, в отношении своих размеров — от степени родства с родоначальником; больший или меньший размер этих наделов определяется теперь относительным размером пространства, фактически подвергаемого обработке той или иной семьей. Отсюда значительная неравномерность в территориальном протяжении отдельных наделов*, которую Кэмпбелл¹⁷ («Systems of Land tenure. Cobden Club Essays») {называет} преобладающим типом общинного землевладения в Индии (80).

По этому поводу следующая цитата, касающаяся общинного землевладения в одном из селений *regunah Chebo*, в округе Банда (отчет Роуза. См. стр. 28**): «Мы не встречаем в общине* постоянных наделов. Каждый владеет обрабатываемым им участком до тех пор, пока продолжается обработка. Как только то или другое пространство земли остается необработанным, оно снова входит в состав общинной «пустоши» и может быть занято любым из членов общины, при условии возделывания его и уплаты причитающегося с него поземельного сбора» (81). Неравномерность наделов часто ведет к спорам между членами общины [эти споры называются «*Kum o beshee*»¹⁸ (это название относится несомненно только к частям Пенджаба, о чем говорит Томасон в своем отчете о поселениях в *Chuklah*)]. При этих раздорах одни отстаивают существующий передел, другие требуют нового передела (1. с.).

3) Томасон там же описывает один из таких споров «*Kum o beshee*» следующим образом: «Лица, требующие нового передела, настаивают на равномерности участков и одинаково враждебны как системе наделов, определяемых степенью родства, так и системе санкционирования фактического владения».

Равномерный передел общинной земли, проводимый в определенные промежутки времени, и часто ежегодно, является поэтому сравнительно более поздней формой в истории индийских форм земельной собственности*). Она и теперь существует только в некоторых северных и северо-западных округах; чаще всего она встречается в Пенджабе: здесь она встречается не только в пределах одного и того же селения, но и между двумя и больше родственными друг другу поселками, касаясь нередко не только пахотной земли, но и крестьянского двора (усадебной* земли* — земли, примыкающей к жилищу

*) В составленном Марксом списке: Report on the Settlement of Chuklah, 16 dec. 1837.

**) В составленном Марксом списке: «Selection from public correspondence, N. W. provinces», №. XXXIV. Report on Bhej Burrar tenures in Zillah Banda, by the late H. Rose, collector of Banda, 1845.

**) У Ковалевского: «поземельных отношений».

32 || *крестьянина*). В своем отчете об общинных поселениях в Густунгаре в дистрикте Пешавар¹⁹, помеченном: Лагор, 17 апреля 1852 г., комиссар Джемс пишет: || «Я не должен упустить из виду чрезвычайно оригинальный обычай, существующий в последнее время в некоторых местностях, я разумею обычай периодического обмена земель между отдельными поселениями и их подразделениями (*kundees*²⁰). В некоторых округах этот обмен касается только земель. Жители одной *kundee* переходят на земли другой и наоборот, как например, в *Safurr Khel*²¹ и *Sudos Khel*, в то время, как в других округах × сами жилища переходят из рук в руки. Последнее происходит до сих пор каждые пять лет между жителями двух поселений *Prujgur* и *Tarnah*, а также между жителями обеих *kundees* селения *Kheshgee*» (81, 82).

О том же сообщает лейтенант Ламсен, комиссар кадастрации округа *Joozoofzall*²² в области Пешавар [в «Selections from the public correspondence of the administration for the affairs of the Punjab», 1857, t. I, p. 367, в своем отчете об округе *Joozoofzall* от 17 января 1853 года].

«Между некоторыми селениями в округе *Joozoofzall* еще недавно существовал обычай периодического обмена землями и жилищами, обыкновенно каждые 5 или 7 лет. Все подобного рода обмены стали выходить из употребления начиная с 1847 года... В последнее время такой обмен становится все реже и реже... Причина этого, согласно Томасону, в его отчете относительно общинных поселений в Густунгаре (в «Selections from the public correspondence of the administration for the affairs of the Punjab», 1857, t. I): «С течением времени обмен полей между отдельными родственными друг другу селениями часто наталкивается × на сильную оппозицию со стороны заинтересованных лиц: × временные владельцы лучших по плодородию земель нередко отказывались уступить их соседям в обмен на худшие; всюду, где сила и влияние были на их стороне, обмен земель между селениями совершенно прекратился» (82). То же говорится *ibidem* (1. с., стр. 102) относительно прекращения обмена усадьбами [дом с прилегающим к нему полем] в пределах одного и того же селения: «Опыт показывает, что поселяне, принужденные покинуть свои прежние места жительства, обыкновенно предварительно сносят свои усадьбы*, оставляя на месте прежнего поселения пустое незастроенное пространство, и тем самым наглядно протестуют против предписываемой обычаем обязанности предоставлять другим результаты собственного труда» (82, 83).

Но если обмен усадьбами* прекратился повсюду, то, наоборот, теперь еще во многих местностях часто встречается обмен пахотной землей между членами одной и той же общины. Земли каждой общины*, равно как и каждого из ее подразделений (*kundees*) разделяются на известное число наделов, соответственно числу имеющих в общине или ее подразделениях общинных владельцев (называются здесь *duftarees*²³). Каждый из последних получает в свое исключительное пользование × земли, различные по своей плодородности и употреблению [т. е. специальности, которой они лучше всего служат].

Так как наиболее пригодные для обработки участки расположены по течению рек или вдоль линии ирригационных каналов, то в интересах сохранения равенства наделов необходимо было предоставить каждому из членов равное пользование как способной к ирригации землей [называемой *sholqura* от *shola* — рис*, который можно сеять только на землях, орошаемых реками и каналами], так и неспособной к ирригации землей, известной под названием *lutmee*. Поэтому, прежде чем выделить каждому семейству его соответственный надел (называемый *bikra*), в каждой общине предварительно происходит раздел всей принадлежащей ей земли

на несколько конов*, как это имеет или имело место в России и Германии; эти коны* называются в Пенджабе «wind»²⁴; владельцы наделов (bukra) получают участки в каждом из этих конов*; таким образом, каждому предоставляется равное участие в общинной земле, и он обязан взамен нести одинаковую с остальными долю натуральных и денежных повинностей, т. е. равно как для целей местного управления — издержки по содержанию в порядке дорог и каналов и по оплате жалования местным общинным властям (83) — так и по покрытию падающей на общину суммы государственных налогов (называющихся jutta). Каждый раз, когда прирост населения и недостаток незанятой еще, хотя и пригодной для обработки земли делает неравномерным существующее распределение земли между членами общины, последние приступают к переделу.

33

Х Передел не имеет, таким образом, периодического характера, по крайней мере, в общинах, богатых новью (целиной). Однако там, где такой земли мало, передел происходит в более или менее короткие промежутки времени — 10, 8, 5 лет, а часто даже ежегодно. Последнее чаще всего встречается в тех общинах, в которых незначительное протяжение наиболее пригодных к обработке пространств делает невозможным одинаковое наделение ими всех совладельцев при том же переделе в данном году. [Они, следовательно, по очереди получают право пользования этими землями, в результате ежегодно повторяющегося передела.] Эта форма общинного землевладения, основанная на принципе ежегодного передела, называется в Северо-Западных провинциях «Routh tepure», в Пенджабе «Khetbet tepure» [см. отчет Роуза, а также «Отчет лейтенанта Ламсдена», соответственно страницы 79 и 367] (84). Раньше периодический обмен наделами встречался также и во всех остальных провинциях [в то время как теперь только в Пенджабе и в Северо-Западных провинциях]. Так например, в отчете Пласа (см. стр. 28) о Мадрасе между прочим {сказано}: «Мы весьма часто встречаем среди землевладельцев обычай ежегодно менять свои участки. Этот обычай встречается даже в самых богатых селениях. Я думаю, что он возник из желания устранить всякое неравенство, поводом к которому могла послужить передача земель в более или менее постоянное пользование» (84).

4) Наконец, в процессе своего разложения сельская община Индии доходит и до стадии развития, преобладающей в средневековой Германии, Англии и Франции и в настоящее время еще на всей территории Швейцарии, а именно: пашотная, а часто и сенокосная земля находятся в частной собственности различных членов общины и только так называемые уголья* остаются их общей собственностью*; последние называются в Северо-Западных провинциях «sauger» и включают в себя: а) необработанную землю, богатую травой, кустарником или лесом; б) искусственные и естественные резервуары воды (как, например, колодцы и болота, которые могут служить для ирригации); в) рощи и сады с плодовыми деревьями и дровяным лесом; г) незанятую членами общины садовую землю, с которой они получают определенную ренту за возведенные на ней жилища и постройки; е) пустоши, содержащие селитру или железные руды, добывание которых составляет занятие самих членов общины или посторонних арендаторов; ф) наконец, ярмарочные пошлыны и планетные ремеслом. Итак, право* езды*, право* выпаса* и целый ряд других прав, тождественных со средневековыми «Mark» и «Gemeindegerechtigkeiten», которые принадлежат каждому из общинных землевладельцев,

* У Ковалевского: достоянием.

II) Уездный Уезд 80 39

Содержание главы 2. Организация уездных органов управления и их компетенция

Уездный орган управления — это орган местного самоуправления, который осуществляет управление на территории уезда. Он состоит из представителей различных слоев населения и имеет право издавать постановления, обязательные для исполнения на территории уезда.

Уездный орган управления должен обеспечивать соблюдение интересов населения и поддерживать порядок на территории уезда. Он должен также следить за исполнением законов и указов высших органов власти.

Уездный орган управления имеет право собирать налоги и пошлины, а также распределять средства на различные нужды населения. Он должен также обеспечивать охрану общественного порядка и безопасность населения.

Уездный орган управления должен также следить за развитием сельского хозяйства и промышленности на территории уезда. Он должен также обеспечивать улучшение условий жизни населения и повышение его благосостояния.

Уездный орган управления должен также следить за соблюдением законов и указов высших органов власти. Он должен также обеспечивать исполнение наказаний, назначенных высшими органами власти.

Уездный орган управления должен также следить за соблюдением интересов населения и поддерживать порядок на территории уезда. Он должен также следить за исполнением законов и указов высших органов власти.

Страница конспекта К. Маркса главы III книги М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения»

соответственно размеру его собственного земельного участка, как это {имело место} в Германии вслед за выделением из марки пахотной земли и раздела ее в частную собственность между отдельными членами общины (85). Однако особенностью индийской системы — вследствие ее большей близости к древнейшим формам общинного землевладения — {является то}, что и те жители общины, которые по той или иной причине стали безземельными, принимают участие в {пользовании} «общим»^{*)}. Так, в «Calcutta Review» (№ 14, стр. 138; см. эту тетрадь стр. 28) говорится: «Член той или иной общины, продолжающий проживать в ней также после отчуждения его земельного участка или оставления последнего без обработки, имеет полное право участия в пользовании «sayer» (85, 86).

Итак, следующий ход {развития}: 1) Сначала родовая община с нераздельной земельной собственностью^{*)} и ее коллективной обработкой^{**)}; 2) Родовая община распадается, в зависимости от количества ветвей рода, на большее или меньшее число семейных общин [в южно-славянском смысле]. В конце концов и здесь исчезает неделимость земельной собственности и совместная обработка земли; 3) Система определяемых правом наследования, т. е. степенью родства, и потому неравных, наделов. Война, колонизация и т. д. искусственно изменяют состав рода и тем самым размер наделов. Препятствие неравенство возрастает; 4) оно не имеет более своим основанием степень родства с тем же самым главою племени^{*)*)}, а фактическое владение, выражающееся в самой обработке. Это {вызывает} сопротивление и отсюда: 5) система более или менее периодического передела общинных земель и т. д. Первоначально передел касается одинаково усадеб (с прилегающим участком), пахотной земли и сенокосов. Продолжающийся процесс приводит сначала к выделению в частную собственность усадебной земли [включая прилегающее к жилищу поле и т. д.], позже также и пахотной земли и сенокоса. От старой системы общей собственности^{*)*)*)} остается лишь в качестве *beauix restes*^{*)*)*)*)} общинная земля [в смысле противопоставления земле, || перешедшей в частную собственность], [или то, что раньше было только угодьями] и, с другой стороны, совместная семейная собственность; но и эта семья, в силу процесса исторического развития, все больше и больше сводится к частной отдельной семье в современном смысле (86, 87).

Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 3984.

*) у Ковалевского: «лесом, пастбищами и пустошью».

**) у Ковалевского: владением.

)) у Ковалевского: «общинной эксплуатацией».

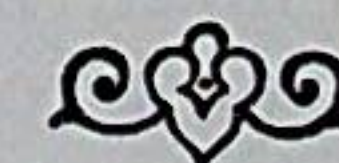
))*) у Ковалевского: родоначальником.

))*)*) у Ковалевского: владения.

))*)*)*) — «остатков былой красы».

- ¹ *Генри Сомнер Мен* (1822—1888) — английский историк права и создатель школы историко-сравнительного метода его изучения. В своих работах Мен широко привлекал данные индийского обычного права, которое он имел возможность изучить в Индии, находясь в совете генерал-губернатора в 1862—1869 гг. и занимаясь подготовкой колониальных законов для Индии. Им был написан ряд работ, в частности «Village-communities in the East and West» и упоминаемая М. М. Ковалевским «Lectures on the early history of institutions». Работы Г. С. Мена имеются в переводе на русский язык. — 5.
- ² *Бунделкханд* — историческое наименование района, расположенного к югу от р. Джамны, входящего ныне в состав штатов Виндхья-Прадеш и Уттар-Прадеш. Экономически отсталый район экстенсивного земледелия, сочетаемого с разведением домашнего скота. Самый крупный город Бунделкханда — Джанси насчитывает ныне всего лишь около 127,5 тыс. жителей. — 5.
- ³ *Мауза* (арабск.) — в налоговых реестрах и других официальных документах английских колониальных властей название села с принадлежащими ему угодьями. Под это понятие колониальные власти подводили землю, обрабатываемую или занятую деревней. Мауза являлась также административной единицей. — 5.
- ⁴ *Паргана* — административно-территориальная единица, составляющая часть дистрикта (округа). — 5.
- ⁵ *Патти* (доля, листок). В одном из своих значений это слово обозначало также надел малой (индивидуальной) семьи. — 5.
- ⁶ *Ламбердар* (испорченное английское «number» и персидская морфема обладания — «дар»). В колониальный период Индии в Пенджабе и в нынешнем Уттар-Прадеше так назывался староста села, отвечавший за взнос налога сельской общиной и зарегистрированный (отсюда «имевший номер») в налоговых списках начальника округа. — 5.
- ⁷ *Джама* — (арабск.) дословно: «сумма», «целое». В колониальной налоговой терминологии обозначало общую сумму земельного налога с данной единицы обложения: села, округа, поместья. — 6.
- ⁸ *Бхаичара* (хинди) — дословно: «родство». Этим термином обозначался также особый тип сельской общины, противопоставляемый общинам типа «паттидари», отличавшимся друг от друга тем, что в первой раскладка общинных доходов и расходов (в том числе и земельного налога) между общинниками производилась по размерам находившихся в фактическом владении земельных участков, а в паттидарских общинах по величине идеальных, т. е. соответствующих структуре генеалогического древа наследственных долей в общем владении, числящихся за каждым общинником. — 6.
- ⁹ *Северо-Западные провинции* — область в среднем течении рек Джамны и Ганга, созданная английским колониальным правительством из так называемых «уступленных округов» (Ceded districts), правильнее, отнятых у князя Ауда в 1801 г., и из «завоеванных округов» (Conquered districts) в результате англо-маратхской войны 1801—1804 гг. — 6.
- ¹⁰ *Пенджаб* — область на северо-западе Индии, присоединенная к владениям английской Ост-Индской компании после второй англо-сикхской войны 1849 г. По разделу между Республикой Индии и Пакистаном большая, западная часть Пенджаба отошла к Пакистану. — 6.
- ¹¹ *Джаты* — название многочисленной этнической группы населения Пенджаба и нынешнего штата Уттар-Прадеш, основным занятием которой является земледелие. В начале XIX в. джаты составляли в большинстве своем высшую прослойку общинного крестьянства, полноправных владельцев общинной земли. — 7.
- ¹² *Сборщик податей* или *коллектор* — в колониальный период истории Индии наименование английского начальника округа (дистрикта), ведавшего помимо общей администрации также сбором налога и полицией и наделенного к тому же судебными правами по налоговым вопросам. — 7.
- ¹³ *Банда* — округ (зила) на территории нынешнего штата Уттар-Прадеш. — 7.

- ¹⁴ *Панчayat* — литературно: «совет пяти», фактически же совет из любого количества лиц. В сельских общинах — орган общинного самоуправления, возглавляемый сельским старостой. — 7.
- ¹⁵ *Джеймс Томасон* — губернатор Северо-Западных провинций, сторонник ограничения земельных прав феодальной аристократии. — 8.
- ¹⁶ *Георг Людвиг фон Маурер* (1790—1872) — немецкий буржуазный историк, исследователь общественного строя древних германцев. Его перу принадлежат работы: «Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt» (1854), переведенная на русский язык под заглавием «Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и общественной власти» (1880), «Geschichte der Markenverfassung in Deutschland» (1856) и др. Маркс, резко критикуя реакционные выводы Маурера, считал его работы по общинному землевладению классическими (см. *К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч.*, т. XV, стр. 259 и т. XXIV, стр. 28, 31, 33). — 8.
- ¹⁷ *Джордж Кэмпбелл* — крупный английский чиновник. Автор работы «Modern India» (1852) и др. — 8.
- ¹⁸ *Кам-о-беши* — дословно «уменьшение и увеличение». — 8.
- ¹⁹ *Пешавар* — округ в Пенджабе, ныне на территории Пакистана. — 8.
- ²⁰ *Канди* (пушту). Название части деревни или города. — 9.
- ²¹ *Хель* (от арабского слова, означавшего группу вооруженных всадников). У афганцев прежде всего обозначает род, но также и более крупное подразделение. — 9.
- ²² *Юсуфзай* — афганское племя. Населяют часть Пешаварской долины и горные области отрогов Гиндукуша. Это племя состоит из двух хелей: хели равнинных юсуфзаев и хели горных юсуфзаев. У афганцев очень долго сохранялись пережитки общинно-родового строя, в частности существовала родовая община. Однако в конце XVIII и начале XIX в. внутри племени отмечается и глубокое имущественное и социальное неравенство. В XIX в. у юсуфзаев был широко распространен обычай периодического обмена землями между хелями и внутри хеля между отдельными семьями. — 9.
- ²³ *Дафтари* — у афганцев так назывались наследственные участки земли полноправных членов племени, зарегистрированные в описи всех земель хеля — дафтаре. — 9.
- ²⁴ *Ванд* — участок земли племени (или его подразделения). Один из терминов, употреблявшихся для обозначения племенных земель у юсуфзаев. Термин ванд обозначает также кон (доля, часть) земли при периодических переделах земли. — 10.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ФРАНЦИИ И КОЛОНИАЛЬНЫЙ ВОПРОС

В. ЖОАННЕС

Пагубная роль, которую играют правые руководители Социалистической партии Франции (СФИО) в политике нашей страны, с особой очевидностью сказывается в вопросе, приобретшем сейчас жгучую актуальность, — в вопросе об окончательном уничтожении позорной колониальной системы. Ги Молле и его сторонники в руководстве партии действуют заодно с колонизаторами. Они превратили Социалистическую партию Франции в одно из главных орудий колониалистской политики империализма.

Подобная роль отнюдь не является случайной, она не представляет собой какого-либо неожиданного явления. Ее корни можно проследить в политике Социалистической партии Франции в прошлые годы.

Известно, что разрыв между реформистской, социал-демократической и революционной, коммунистической концепциями в национальном и колониальном вопросе впервые во французском социалистическом движении произошел на съезде в Туре (1920 г.).

До указанного времени этот вопрос ставился лишь ограниченно, частично. На международной арене колониальный вопрос обсуждался на социалистических конгрессах: в Париже — в 1900 г., в Амстердаме — в 1904 г., в Штутгарте — в 1907 г. На этих конгрессах принимались резолюции, в которых можно встретить правильные принципиальные формулировки этого вопроса. Так, в резолюции Парижского конгресса утверждалось, что «колониальная политика преследует лишь одну цель — умножить прибыли класса капиталистов и поддержать капиталистическую систему ценой крови и пота пролетариата».

Однако ни в одной из этих резолюций не указывалось, как рабочий класс и социалистические партии в капиталистических странах должны относиться к национально-освободительному движению в колониях. Существование колониализма в известной мере даже допускалось; единственная четкая директива, сформулированная в решениях Парижского конгресса, заключалась в следующем: «Противодействовать расширению (подчеркнуто мной. — В. Ж.) колониальных владений капитализма».

Ленин был единственным, кто открыто и во всем объеме определил конкретные задачи пролетариата в колониальном вопросе. Ленин указал, что признание права народов решать самим свою судьбу еще недостаточно и надо дополнить его признанием борьбы колониальных и зависимых народов как составной части пролетарской революции. Пролетарии всех стран обязаны рассматривать эту борьбу как свою собственную и помогать ей всеми силами.

Гэд и Жорес самым решительным образом выступили против насильственного порабощения народов. Многие из сказанного и написанного ими сохраняет свою силу и поныне. Они, в частности, разоблачили грабительские авантюры буржуазии в Индо-Китае и Марокко. Однако их позиции не всегда были последовательно антиимпериалистическими и абсолютно неуязвимыми.

По вопросу об Алжире, например, социалистическая партия, наиболее выдающимися вождями которой были Гэд и Жорес, стояла начиная с 1912 г. на ассимиляторских позициях. Жорес заявлял, что он считает «возможным сразу же распространить политические права на всех арабов», и это «без всякого риска лишь увеличит блеск самой Франции». Если эта мера покажется слишком «дерзкой», то, по его мнению, можно было бы «двигаться по этапам», опираясь как на ветеранов (т. е. алжирцев, служивших во французской армии. — *Ред.*), так и на те менее многочисленные элементы, которые смогли получить во французских школах «первые основы благородного духа Франции». Все предлагавшиеся в то время реформы имели по сути дела один смысл (гуманный и благородный в понимании Жореса): «цивилизовать арабов» французским воспитанием и расширением их политических прав.

На съезде в Туре вопрос о праве народов самим решать свою судьбу, а точнее о поддержке борьбы колониальных народов против их угнетателей, был поставлен совершенно определенно, поскольку он фигурировал среди 21 условия приема в III Интернационал. Именно это побудило социалистов, представлявших на съезде страны Африки, поддержать подавляющим большинством голосов резолюцию о вступлении в III Интернационал. В этой резолюции указывалось: «Партия полностью согласна с Коммунистическим Интернационалом по вопросу о необходимости разоблачать колониальный империализм и активно поддерживать население, угнетаемое европейским империализмом, в его борьбе против угнетения в любых формах»¹.

В противовес этому в резолюции, представленной Леоном Блюмом и раскольническим меньшинством, утверждалось, что партия «не прекратит своих усилий (как она всегда это делала), направленных на пользу туземного населения, которое обречено капиталистической системой на завоевание, эксплуатацию и порабощение. Но партия не желает смешивать движение возмущения угнетенных народов с делом пролетарского освобождения; она не может согласиться с пропагандой, стремящейся извратить классовую борьбу и развязать расовую борьбу, которая в равной степени противоположна как принципам братства, так и воле к миру»².

В этих положениях уже сформулирована вся колониальная доктрина французских правых социалистов. Они свидетельствуют как о силе предвзятых рассуждений мелкобуржуазного мышления, этого болота, в котором погряз II Интернационал, так и о неспособности, а порой и о нежелании рассматривать мировое освободительное движение в целом, связать национальный вопрос с вопросом колониальным.

* * *

Доктринерская позиция раскольников и их вождя Леона Блюма имела и практические последствия. Она послужила базой для разработки колониальной политики правых руководителей Социалистической партии Франции после первой мировой войны. Эта политика имела свои особые

¹ «18-е Congrès National tenu à Tours... decembre 1920». Compte-rendu sténographique. Parti socialiste. Paris, 1921, p. 575.

² Там же, стр. 589.

конкретные, специфические черты. Ее сущность состояла в том, чтобы либо одобрять колониальные авантюры буржуазии, либо принимать в них непосредственное участие.

Между двумя мировыми войнами руководители и депутаты СФИО постоянно голосовали за кредиты, испрашиваемые буржуазией и ее правительством для колониальных разбойничьих авантур. В 1925—1926 гг. социалистические вожди защищали и поддерживали правительства, начавшие грабительские войны в Марокко и Сирии. В то же время они решительно осуждали все мероприятия, предлагавшиеся Комитетом действия против войны в Марокко. Этот Комитет, во главе которого стоял Морис Торез, организовал 12 октября 1925 г. крупнейшую политическую массовую стачку (в ней участвовало около миллиона трудящихся Франции).

Начиная с этого времени, правые лидеры социалистической партии стали принимать непосредственное участие в осуществлении империалистической политики в колониях. Один из них, депутат от округа Пюи де Дом Александр Варенн, стал генерал-губернатором Индо-Китая. На этом посту он особенно «прославился» дальнейшим развитием и усовершенствованием военного и полицейского аппарата колониального управления. При нем происходила также раздача концессий в самых чудовищных размерах, которые когда-либо знал Аннам.

Само собой разумеется, что если правое руководство социалистов проводит ныне колониалистскую политику, то это отнюдь не препятствует тому, что вожди СФИО выступают время от времени с радикальными заявлениями против колониальной экспансии, «не являющейся необходимой для развития французского производства». И если они выступают против «безусловной эвакуации французских колоний», то лишь потому, что они-де «озабочены сохранением мира, который может оказаться под угрозой в результате внезапного взрыва восстаний или проявления каких-либо вождельний»³.

Рассматривая капиталистический колониальный режим как неизбежное зло, которое «тесно связано с потребностями крупной промышленности»⁴, эти правые лидеры предлагают «улучшить», «реформировать» его. У них в запасе имеется целый набор реформ, «приспособленных к самым различным типам колоний»⁵. Прежде всего следует упомянуть о «полной ассимиляции», являющейся, по их мнению, существенным средством превращения «плохого» колониализма в «хороший». Подобный тип реформы является не чем иным, как ловушкой для того, чтобы обмануть угнетенные массы обещаниями предоставить им «равные гражданские и политические права со всеми французскими гражданами» и «допустить представителей коренного населения к участию в некоторых институтах, осуществляющих политическое руководство колониями». Все это в действительности может иметь место, — говорится в программе партии, — лишь на базе распространения избирательных прав на ту часть коренного населения, которая может «читать и писать по-французски». Остальные, то есть подавляющее большинство, должны быть по-прежнему лишены всех политических и гражданских прав.

В отношении других типов колоний эти предложения носят еще более циничный характер. Так, например, в программе ближайших действий, принятой Парижским съездом партии в декабре 1927 г., содержалось заявление о том, что социалистическая партия добивается «учреждения ман-

³ Le Programme d'action immédiate du Parti socialiste voté au Congrès National extraordinaire de Paris (decembre 1927). Paris, 1928, p. 47.

⁴ «Populaire», 8 апреля 1931 г. (приложение).

⁵ Le Programme d'action immédiate du Parti socialiste voté au Congrès National extraordinaire de Paris (decembre 1927). Paris, 1928, p. 47.

датов, осуществляемых под эффективным контролем Лиги наций и направленных на создание государств или других туземных государственных формирований, способных существовать самостоятельно»⁶. Подобное демагогическое утверждение ни к чему не обязывало. В действительности, достаточно было лишь в каждом отдельном случае признать, что то или иное туземное государство или формирование еще не способно «существовать самостоятельно», чтобы оправдать сохранение опеки. В этом отношении весьма типичен пример Сирии, находившейся под французским мандатным управлением, которая смогла добиться независимости лишь в ходе второй мировой войны. Следует напомнить к тому же, что депутаты-социалисты Франции в 1925 г. голосовали за кредиты на организацию карательной экспедиции, осуществившей кровавую расправу с населением Дамаска.

Как мы уже видели, правые лидеры социалистов в своих речах и резолюциях продолжают осуждать «принцип» колониализма. Но это лишь маска, которой они прикрывают свою колониальную политику. Их позиции по существу дублируют позиции империализма, но на особый лад, в соответствии с той миссией, которую выполняют реформисты: усыпить народные массы. Эти лидеры стремятся использовать партию для того, чтобы обмануть рабочий класс и народ, скрыть подлинное лицо колониализма и затормозить национально-освободительное движение в колониях.

* * *

В настоящее время правые лидеры социалистов уже не ограничиваются только поддержкой колониальных авантур империалистов или участием в них. После окончания второй мировой войны они зачастую вдохновляют и непосредственно осуществляют эти мероприятия, руководят ими.

В бытность социалиста Ива Шатеньо генерал-губернатором Алжира в мае 1945 г. произошли кровавые события в Константине, стоившие алжирскому населению более 30 000 жертв. Эта провокация была очевидной, и отнюдь не случайно, что для ее осуществления был избран именно тот момент, когда народы сломали хребет гитлеровскому зверю. В действительности дело заключалось в том, чтобы задушить в зародыше всякую попытку со стороны алжирского народа заявить о своем законном праве на свободу и независимость.

Социалист Мариус Муте, в то время министр по делам заморских владений, организовал в 1946 г. провокацию в Хайфоне и агрессию против вьетнамского народа. И хотя не было недостатка в демагогических заявлениях, имевших целью внести замешательство в ряды французского рабочего класса, депутаты-социалисты в течение семи лет всеми средствами поддерживали «грязную войну». Это преступление оправдывал министр-социалист Макс Лежен в своей речи, которую он произнес в июле 1949 г. в Тулле: «В момент, когда дети Туллы гибнут на полях сражений Дальнего Востока, не следует говорить, что их жертвы напрасны. Эти жертвы будут вписаны в цивилизаторскую миссию Франции». Этот же Макс Лежен, ныне министр по делам Сахары, заявил по поводу Алжира: «Франция не должна уходить из Алжира», на социалистах лежит миссия заботиться о том, чтобы обеспечить французской молодежи «арену для экспансии в будущем»⁷.

Социалист Де Коппе, верховный комиссар Мадагаскара, заявил: «Если головы должны пасть, они падут». Потом он выступил с еще более резкой угрозой: «Если мальгашский народ хочет иметь войну, он ее получит».

⁶ Там же.

⁷ «Populaire», 1 июля 1957 г.

И разразилась война, которую желал не мальгашский народ, а французские колонналисты и исполнитель их воли Де Коппе. 90 000 убитых — таков итог этой войны. Этот список можно было бы продолжить. Генеральные администраторы Черной Африки и Берега Слоновой Кости социалисты Бешар и Пешу организовали в 1950 г. кровавые провокации, стоившие многих десятков жертв. Социалистические лидеры постоянно одобряли всевозможные «чистки» и «прочесывания» в Тунисе и Марокко, короче говоря, они одобряли все репрессии, осуществлявшиеся французскими правительствами вплоть до того времени, когда была достигнута и признана независимость этих двух стран.

Вреднейшая роль, которую играют правые лидеры французской социал-демократии как по отношению к рабочему и демократическому движению во всем мире, так и по отношению к делу упрочения мира и к подлинным интересам Франции, во всем своем безобразии и жестокости проявилась после начала новой «грязной» войны в Алжире в 1954 г.

Известно, что выборы 2 января 1956 г. дали прочное большинство левым политическим партиям, которые в ходе избирательной кампании объявляли себя сторонниками мира в Алжире. К этому большинству принадлежала, судя по заявлениям ее лидеров, и Социалистическая партия Франции. Ее генеральный секретарь Ги Молле, который осуществил под вывеской Республиканского Фронта избирательный блок СФИО с партией радикал-социалистов и ее тогдашним лидером Мендес-Франсом, сформировал новое правительство.

Став председателем совета министров, Ги Молле быстро забыл о торжественных обязательствах, которые он взял от имени своей партии: «положить в ближайшем будущем конец войне и восстановить отношения доверия между всеми элементами населения, чтобы установить прочные, длительные и добровольно осознанные связи между Францией и Алжиром»⁸. Действительно, в демагогических заявлениях руководящей группы СФИО никогда не было недостатка. В речах, статьях и в резолюциях постоянно выражалось стремление «восстановить мир», «не дать увлечь себя на путь массовых репрессий», добиться «умиротворения». Все это было увенчано предложением предоставить Алжиру статут, по которому ему будет дарована «сперва коммунальная, а затем территориальная ответственность» (не следует двигаться слишком быстро!) и «будет уничтожено генерал-губернаторство — символ деспотического централизма». Какое великодушье!...

Но война продолжалась, она приобретала всеобщий характер и развивалась неумолимо. Ги Молле и Лакост, бывший социалистический министр по делам Алжира, не только вовлекли французскую армию в самые активные военные операции, но и заставили ее принять участие в массовых и жестоких репрессиях, которые наносили ущерб моральному состоянию армии и молодежи. Вместе с небезызвестным социалистом — министром иностранных дел Кристианом Пино они приняли самое активное участие в организации франко-англо-израильской агрессии против Египта. Они видели в этом не только средство восстановить привилегии монополистов из Компании Суэцкого канала, но также и прежде всего средство для подавления национально-освободительного движения в Алжире.

Ги Молле не является больше председателем совета министров. Но начатая им колониалистская, расистская и шовинистическая политика в Алжире продолжала проводиться. Ультраколонизаторы открыто приветствовали то, что они именуют «социалистическим наследием» в этом вопросе.

⁸ «Journal officiel». Paris, 1956, p. 4184.

Они обратились к Лакосту с просьбой продолжать свое «дело» в Алжире в качестве исполнителя единой воли руководства социалистической партии Франции и колониалистов. Лакост продолжал осуществление политики, которую он вдохновлял вместе с другими правыми лидерами партии.

Вполне понятно, что правые руководители социалистов, возглавляющие репрессии против национальных движений колониальных народов, проповедают принцип колониализма и, более того, стремятся использовать членов своей партии и весь рабочий класс для защиты этого принципа.

В одном из партийных документов, датированном 27 марта 1946 г., можно прочесть следующее: «Факты требуют пересмотра некоторых суждений, которые являются слишком упрощенными. *Сегодня колониализм может быть объяснен и допущен как помощь народа-колонизатора, более развитого в культурном, моральном и, в особенности, в материальном отношении, колонизируемому народу с целью направить последний на путь все более широкой автономии. Колониализм является законным явлением, если рассматривать его как усилие, осуществляемое совместно двумя народами, как сотрудничество, выгодное и одному, и другому*»⁹ (подчеркнуто мной. — В. Ж.). Лидер социалистов Рамадье, который в качестве председателя совета министров выполнил в мае 1947 г. директиву американских империалистов об изгнании министров-коммунистов из французского правительства, заявил в июне 1949 г.: «У нас не отнимут нашей империи, ибо мы представляем не только силу, но и право».

Именно по этому вопросу, в связи с колониальной войной, которую они ведут в Алжире и в которой особенно открыто и цинично проявляется их колониализм, правые руководители социалистической партии выступают с самыми категорическими заявлениями. Они уже не ограничиваются «ревизией», они фальсифицируют. Так, на съезде в Тулузе в июле 1957 г. Ги Молле, охотно изображающий себя теоретиком, отстаивающим «чистоту» доктрины социализма, заявил: «Было бы неправильным полагать, что социалисты провозгласили право народов самим решать свою судьбу без всяких оговорок. Это могло бы привести к признанию гитлеровского тезиса о «жизненном пространстве». Социализм утверждает лишь право личности на решение своей судьбы, да и то ограничивает ее в этом»¹⁰.

Круг замкнулся! Вожди французской социал-демократии отказывались вчера, в резолюции Леона Блюма на съезде в Туре, от провозглашения солидарности пролетарской борьбы в метрополии с борьбой угнетенных народов колоний; они предлагают сегодня «пересмотреть» суждения о колониализме, они отказываются от безусловного признания права всех народов самим решать свою судьбу, а ведь именно это признание является базой, исходным пунктом всякой последовательной антиколониалистской политики пролетариата.

* * *

Подобная эволюция вполне объяснима. Прежде всего она объясняется тем, что ныне правые руководители социалистической партии в соответствии с формулой Макса Лежена «связаны правительственной ответственностью».

Для реформистских руководителей СФИО, учеников великого жреца реформизма Леона Блюма, выражение «быть связанным правительственной ответственностью» имеет вполне определенное содержание и смысл. Это означает, по определению этого властителя дум социал-демократии,

⁹ «Arguments et ripostes», № 5. Paris, 1946.

¹⁰ «Populaire», 1 июля 1957 г.

быть при всех обстоятельствах верными и лояльными чиновниками, управляющими делами капиталистического общества. Как разъяснял Блюм на съезде социалистической партии в 1946 г., эта политика «верных управителей на службе у капиталистического общества» — новое кредо французских социалистов в вопросе о власти — должна проводиться и в том случае, если партия располагает большинством в парламенте.

Правое руководство партии, ее вожди в парламенте и правительстве вместе с реакционными партиями управляли общими делами класса буржуазии. Они готовы взять и действительно брали на себя все виды ответственности: во главе партии рабочего класса они тормозят развитие борьбы за мир и социализм, против капитала; как колониальные администраторы они действуют в интересах империализма: они защищают империализм от национально-освободительного движения колониальных народов всеми средствами, включая и войну (причем не только колониальную грабительскую войну), ведь суэцкой авантюрой они показали, что готовы пойти и на всеобщий конфликт.

Выполняя эту функцию «управляющих делами», правые лидеры стремятся в то же время и упрочить свое собственное положение, так как они связали свою судьбу с судьбами правящих слоев буржуазии и все более отдаляются от рабочего класса. Именно в этом и состоит вторая и, быть может, более глубокая причина той эволюции, которую проделали правые лидеры социал-демократии. Борьба колониальных и зависимых народов за свою свободу и независимость ознаменовалась такими огромными успехами и приняла столь широкий размах, что капиталистическая система, сотрясаемая до основания, грозит рухнуть, безжалостно увлекая в своем падении всех тех, кто связал с нею свою судьбу.

Лидеры СФИО хорошо видят, как рушится гигантская пирамида колониального угнетения. 1300 млн. человек освободились от колониальной и полуколониальной зависимости. Французский империализм, угнетавший более 60 млн. человек в колониях, сам был затронут этим разрушением. Он вынужден прекратить войну в Индо-Китае и признать независимость Туниса и Марокко. Он сильно потрепан в Алжире. В движение пришла вся Черная Африка.

Так, перед лицом могучего антиимпериалистического фронта, который охватывает весь мир и, само собой разумеется, Францию, где растет и ширится боевая солидарность между пролетариатом метрополии и колониальными народами, ведущими борьбу за свою независимость, правые лидеры СФИО сознают необходимость, если не остановить ход истории (ибо это невозможно!), то попытаться по крайней мере замедлить его и отвести от себя приближающуюся грозу. Ги Молле и Лакост не щадят сил, чтобы вовлечь всю партию в поиски и осуществление на практике различных методов, которые могли бы затормозить национально-освободительное движение колониальных народов.

Если иногда, на известный промежуток времени, это им удастся, то это свидетельствует прежде всего о трудностях, которые встают в наши дни перед рабочим и демократическим движением во Франции, стремящимся освободиться от националистических предрассудков и правильно поставить, во всем его объеме, колониальный вопрос. Было бы неправильным игнорировать тот факт, что Ги Молле и руководящая группа социалистической партии имеют поддержку известных кругов членов партии и даже некоторой части левых слоев.

Ги Молле спрашивает: «Разве националистические требования предоставления независимости не являются средством для прикрытия нищеты? Разве феодальный строй стал нашим идолом? Что может означать независимость государства, если гражданин является рабом?». Он утверждает:

«Путь к социалистической демократии означает прежде всего предоставление свободы человеку»¹¹. Подобной фразеологией Ги Молле пытается замаскировать обветшавшие идеи; он умалчивает о недавнем историческом опыте, который свидетельствует о том, что политическая независимость порождает для каждого народа возможность значительного прогресса. Но эти формулировки, к сожалению, находят отклик у некоторой части членов социалистической партии, воспитанных в духе самого устарелого прудонизма и зачастую неосведомленных, из-за плохой информации, об успехах, достигнутых народами, освободившимися от колониального рабства. К тому же некоторые трудящиеся продолжают верить в «цивилизаторскую миссию Франции», несущую «свободу» рабам феодализма. Они верят в необходимость «присутствия французов», защищающих эту «свободу» против «фанатизма» и «анархизма». Они не знают (впрочем, это очень трудно понять сразу), что «блага цивилизации» — города, порты, дороги и т. д., — построенные в колониях, это не что иное, как создание империалистами лучших материальных условий для увеличения своих чудовищных колониальных сверхприбылей.

Съезд СФИО в Тулузе отметил в резолюции: «В тот период, когда мировое экономическое развитие с необходимостью приводит к уничтожению барьеров между странами и к созданию обширных объединений, управляемых наднациональными властями, роль социализма заключается не в том, чтобы поощрять рождение новых, лишь фиктивно независимых наций, а в том, чтобы помочь заинтересованным народам миновать этап, столь же бесполезный, сколь и опасный»¹². Эта идея была встречена с одобрением частью членов социалистической партии.

Коммунисты и передовые трудящиеся Франции хорошо знают, что мы живем сейчас в такую эпоху, когда многие народы во всем мире добились или добиваются независимости и вышли из того состояния изоляции, в котором их держали империалисты. Исторические Бандунгская и Каирская конференции наглядно продемонстрировали могущество дружественного сотрудничества, порожденного созданием и расцветом наций, ранее подвергавшихся жестокому угнетению. Они знают, что «аргументы», оправдывающие отказ от удовлетворения законных национальных требований колониальных народов, пускаются в ход и для того, чтобы оправдать создание «Малой Европы». Под прикрытием «помощи Европы развитию Африки» снова пущена в ход старая гитлеровская идея «Еврафрики». В нынешних условиях эта идея ведет к созданию Европы, находящейся под руководством американского империализма, о чем мечтают правящие круги французской буржуазии.

Но трудящиеся-социалисты, чье благородное стремление к социализму подвергается пагубному влиянию оппортунистических, реформистских идей, которые в течение десятилетий проповедуются правыми вождями социал-демократии, не могут охватить всего этого сразу. На деле может даже получиться обратное, ибо старая идея об «уничтожении границ и национальностей», которой сверх всякой меры пользуются социалистические вожди, не разъясняя, впрочем, как это «уничтожение» произойдет, является одной из тех расплывчатых идей, которые свойственны полному иллюзий мышлению. Корни этого явления можно проследить в истории французского социалистического движения. Известно письмо К. Маркса к Ф. Энгельсу от 20 июня 1866 г., в котором основатель марксизма, останавливаясь на прениях в Совете Интернационала, пишет: «Прения свелись, как и следовало ожидать, к вопросу о «национальностях» вообще и

¹¹ «Le Populaire de Paris», 2 июля 1956 г.

¹² «Populaire», 1 июня 1957 г.

о нашем отношении к нему... Представители «Молодой Франции» (*не рабочие*) выдвигали ту точку зрения, что всякая национальность и сама нация — «устарелые предрассудки». Прудонистское штирнерианство... весь мир должен ждать, пока французы созреют для совершения социальной революции... Англичане очень смеялись, когда я начал свою речь с того, что наш друг Лафарг и другие, отменившие национальности, обращаются к нам *«по-французски»*, т. е. на языке, непонятном для 9/10 собрания. Далее я намекнул, что Лафарг, сам того не сознавая, под отрицанием национальностей понимает, кажется, их поглощение образцовой французской нацией»¹³.

Ги Молле сегодня сознательно использует тезис о необходимости последовательного уничтожения «понятия суверенитета». Он служит ему не только для того, чтобы оправдать отказ от предоставления независимости колониальным народам, но и для того, чтобы обосновать возможность поглощения французской нации новой «образцовой нацией» — США и таким образом способствовать использованию Франции как колониального жандарма на службе Евразии, этого сверхсиндиката колониальных эксплуататоров, возглавляемых американскими империалистами.

Теоретическим источником, если так можно выразиться, всего этого идеологического арсенала остается широко распространяемый правыми лидерами французских социалистов и усвоенный частью членов этой партии тезис о возможности прийти к социализму без борьбы, путем медленной эволюции и преобразования капитализма в социализм.

«Первым этапом социалистической структуры не должно быть грубое разрушение капиталистического общества, без завтрашнего дня или с завтрашним днем, полным жестокости и разочарований. Этот первый этап должен быть полной реализацией капитализма, регулируемым, планируемым и постоянно находящимся под контролем масс неокapитализмом»¹⁴. Вот, если очистить ее от затемняющих смысл определений, формула «демократического социализма», столь любезного сердцу Ги Молле. Это определение не нуждается в комментариях! Перед нами, во всей ее наготе, самая бесстыдная фальсификация некоторых основных положений марксизма. Марксизм учит, что все формы производства и все формы организации общества исторически связаны друг с другом и исторически взаимно обусловлены. Он утверждает в то же время, что в капиталистическом обществе создаются материальные предпосылки социалистического общества. Эти положения являются аксиомами для каждого марксиста. Однако было бы по меньшей мере странным делать из этого тот вывод, что для того, чтобы построить социалистическое общество, надо поддерживать, защищать капитализм и помогать ему «полностью реализовать себя». И тем не менее лидеры французской социал-демократии пришли именно к такому заключению. Отсюда лишь один шаг (и этот шаг уже сделан!) до утверждения, что социалисты не должны поддерживать движение колониальных народов. Ведь это движение препятствует «полной реализации капитализма».

Таковы некоторые соображения, позволяющие лучше понять ту роль, которую играют ныне Ги Молле и Лакост. Им удается навязывать большинству партии колониалистскую политику, углубляющую пропасть, отделяющую рабочий класс и французский народ от угнетенных народов колоний, его друзей и союзников в борьбе против империализма. Такая политика противоречит жизненным интересам французского рабочего класса, интересам народа, она подрывает международный престиж Франции, ее позиции на мировой арене.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1947, стр. 178—179.

¹⁴ G. Charraz. L'Afrique est la solution du problème colonial. «Revue socialiste», № 107, апрель 1957.

* * *

Было бы неправильным утверждать, что Ги Молле и руководство СФИО осуществляли эту колониалистскую политику, не встречая на пути никаких препятствий, никаких трудностей.

На мировой арене они оказались изолированными. Лейбористская секция Бирмингама и конгресс Социалистической партии Японии потребовали даже исключения СФИО из Социалистического Интернационала. Этому способствовали война в Алжире, крайняя позиция, занятая французскими социалистами и их действия в этой войне.

На Венском конгрессе Социалистического Интернационала в июле 1957 г. с резкими обвинениями против политики СФИО выступили представитель Норвежской рабочей партии Финн Му и видный деятель английской лейбористской партии Эньюрин Бивен. Подобные же и подчас еще более резкие обвинения были высказаны в Тунисе на конгрессе так называемой Международной конфедерации свободных профсоюзов, который происходил в это же время. В этом конгрессе участвовали также и представители профессиональных союзов Алжира и Марокко.

Резолюция, принятая в Тунисе, открыто осуждала позицию социалистической партии Франции. В ней указывается, что решение алжирской проблемы может быть достигнуто только путем переговоров, выдвигается требование немедленного восстановления профсоюзных свобод и свободы слова в Алжире. Резолюция выступает против арестов профсоюзных деятелей и требует освобождения всех политических заключенных. В ней осуждаются все принудительные меры, которые предпринимались сменяющимися друг друга французскими правительствами, большей частью по инициативе министра-резидента Алжира, социалиста Лакоста. Венский конгресс Социалистического Интернационала в более расплывчатой по своему характеру резолюции напоминал, однако, о решениях международной социал-демократии, осуждавших колониализм, и обращал внимание всех секций, в том числе и французской, на необходимость соблюдать эти решения.

Конфликт между Социалистической партией Франции и другими партиями, входящими в Социалистический Интернационал, все более углублялся. Обострение войны в Алжире, жестокости и непрекращающиеся провокации, к которым прибегали французские правительства, их социалистические министры иностранных дел и министры-резиденты в Алжире, желавшие скрыть таким образом свои военные, дипломатические и политические поражения, представляли собой большую опасность для дела мира во всем мире. Это все больше и больше беспокоило мировое общественное мнение и социалистов всех стран. Лидеры СФИО, которые все дальше увлекали свою партию в «глупую и безвыходную» (по выражению самого Ги Молле) авантюру, неизбежно усиливали свою изоляцию от международного рабочего и социалистического движения.

Коммунистическая партия Франции может гордиться тем, что она распространяла ленинские идеи по колониальному вопросу, что она неустанно боролась за торжество принципов пролетарского интернационализма. Со времени своего рождения в Туре в 1920 г. Коммунистическая партия Франции никогда не переставала поддерживать и оказывать всемерную помощь угнетенным империализмом народам, борющимся за свою независимость и освобождение.

Почти 20 лет тому назад, 11 февраля 1939 г., партия устами своего генерального секретаря Мориса Тореза обратила внимание всех тех, кто борется за социализм и демократию, на существенную особенность данной эпохи, а именно на тот факт, что происходит формирование алжирской нации

из различных этнических групп. В ходе борьбы Коммунистическая партия показала, как эта нация становится реальностью.

В 1925 г. Коммунистическая партия была вдохновителем и организатором борьбы против войны в Марокко. Позднее она организовала движение против «грязной войны» во Вьетнаме, постепенно вовлекая в борьбу социалистов, республиканцев и всех простых честных людей.

Благодаря ее непрекращающимся усилиям, направленным на разъяснение жгучих проблем и организацию практических действий, крепнет единство, все более ширится массовое движение против «грязной войны» в Алжире. Растут ряды участников этого движения. Плечом к плечу борются рабочие коммунисты и социалисты, члены «Форс Увриер» и ВКТ, неорганизованные трудящиеся. Все они требуют положить конец алжирской войне. Так, например, на тысячах манифестаций и митингов, которые состоялись во Франции во время национальных дней борьбы и забастовок 3, 16, 17 и 25 октября 1957 г., трудящиеся повсюду, наряду с требованиями повышения заработной платы, выдвигали два лозунга: «Мир в Алжире!» и «За правительство прогресса и мира».

Идеи, выдвинутые Коммунистической партией Франции, ее неутомимая деятельность, проводимая ею тактика единого фронта, являющаяся неотъемлемой частью ее политики, содействовали и содействуют росту сознательности народных масс, вовлечению их в борьбу. Это также помогает рабочему классу понять глубокую внутреннюю связь, существующую в настоящее время между борьбой за мир и социализм и борьбой колониальных народов за свою независимость.

Вся эта кропотливая и длительная работа, результаты которой в настоящее время вполне ощутимы, облегчает многим социалистам более правильное понимание колониальных проблем и способствует тому, что они переходят на позиции благоприятного отношения к национально-освободительной борьбе колониальных народов. Именно этим можно, например, объяснить, что на съезде социалистической партии в Лилле в июле 1956 г. депутат-социалист от департамента Коте дю Нор — Мазье задал вопрос: «Не являются ли уже алжирцы нацией?». Этот тезис Даниель Мейер повторял не только в Лилле, но и в 1957 г. в Тулузе, заявив: «В течение двадцати лет выковывается национальное единство алжирцев, и мы выковываем его ежедневно против нас самих». Бывший министр Эдуард Делор отмечал в Лилле: «Это факт, что народы Азии и Африки, которые еще вчера были колониальными и угнетенными, сегодня стремятся к независимости. Это факт, с которым нельзя не считаться. Рядом с независимым Тунисом и независимым Марокко мы не сможем сохранить Алжир таким, каким он был вчера».

Все это объясняет, почему Ги Молле и Лакост были вынуждены в Лилле маневрировать и согласиться, по крайней мере формально, на включение в резолюцию по алжирскому вопросу следующих требований: «восстановить мир, путем свободных выборов объединить в единой коллегии законных и квалифицированных представителей; повести переговоры с этими представителями на условиях полного равенства о новом статуте Алжира, признающем и уважающем алжирское гражданство (подчеркнуто мной. — В. Ж.). При любом положении вещей указанный статут не должен быть подготовлен лишь одной стороной»¹⁵.

Конечно, Ги Молле и Лакост игнорируют решение, принятое в Лилле, и членам социалистической партии, выступающим против проводимой ими политики, не удается пока заставить этих руководителей уважать принятое решение. Но идея о необходимости «признания алжирской нации» распространяется все шире.

¹⁵ См. «Populaire», 2 июля 1957.

События, которые развернулись в Алжире и во Франции после 13 мая нынешнего года, наглядно показали связь между политикой колониальной войны и антидемократической политикой. Правые руководители французских социалистов несут самую серьезную ответственность и за ту и за другую политику.

Во время голосования 1 июня с. г. в Национальном Собрании, давшего возможность генералу де Голлю сосредоточить в своих руках полноту исполнительной и законодательной власти, 42 депутата-социалиста (из 95) открыто предали идеалы социализма.

Война в Алжире облегчила колонизаторским элементам подготовку и осуществление государственного переворота. Они организовали в Алжире «Комитет общественного спасения» и прибегли к угрозе применить силу, чтобы вынудить правительство Пфлимлена капитулировать. Одним из самых активных сторонников этой капитуляции был Ги Молле. Еще 6 февраля 1956 г., всего лишь месяц спустя после выборов, в ходе которых народ высказался за мир в Алжире, Ги Молле пошел на позорную уступку алжирским ультра-колонизаторам. С этого времени политика возглавлявшегося им правительства была направлена на продолжение войны. 6 февраля 1956 г. содержало уже в зародыше 13 мая 1958 г.

И действительно, де Голль, заместителем которого в правительстве является Ги Молле, заявил, что Алжир был и останется французским. Это выступление де Голля, являвшееся вызовом Фронту национального освобождения Алжира, было встречено с негодованием в Тунисе и Марокко. За ним сразу же последовала активизация военных действий в Алжире.

Предательство Ги Молле и других правых лидеров французских социалистов вызвало в социалистической партии внутренний кризис, который сейчас продолжает углубляться.

Коммунистическая партия, окрепшая в испытаниях, возглавила мощное движение в защиту свободы, демократии и Республики. Все, кто поднялись на эту борьбу, понимали, что политика «интеграции» Алжира, проводимая ультра-колонизаторами, означает не что иное, как продолжение войны против алжирского народа, что она неминуемо приведет к обострению отношений Франции со всеми народами Африки.

Все большее число французов убеждается в том, что в Алжире действительно имеется армия освобождения, которая крепнет, несмотря на все попытки сломить ее, что эта армия опирается на поддержку большинства алжирского народа, стремящегося к независимости. Французы, ведущие борьбу за свободу и демократию в своей стране, способствуют самым неизбежному торжеству дела освобождения алжирского народа. Они положат конец войне и добьются того, что будет установлен мир на основе признания права алжирского народа на национальную независимость. Между Францией и Алжиром возникнут новые отношения, основанные на свободном согласии и отвечающие интересам обеих стран.

S U M M A R Y

In his article V. Joannes analyses the policy of the Socialist Party of France in the colonial question. He observes that while the French Socialist leaders denounce colonialism, in practice they support it and carry out a policy of suppressing the national liberation movement. V. Joannes dwells in detail on the policy of the French Socialist Party leaders in the Algerian question.

СЕАТО — ОРУДИЕ ПОДАВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Н. С. МЕРЗЛЯКОВ

Агрессивный блок СЕАТО был создан его американскими организаторами как главное орудие колониальных держав, направленное на сужение обширной зоны мира в Юго-Восточной Азии и противопоставление ей другой зоны — зоны войны и колониализма. Оформленный на Манильской конференции 1954 г. «договором о коллективной обороне Юго-Восточной Азии»¹ новый «священный союз» воинствующих американских, английских, французских и других колонизаторов имеет своей целью как подготовку этого важного в стратегическом отношении района к агрессивной войне, так и подавление национально-освободительного движения в азиатских странах.

Создавая военный блок в Юго-Восточной Азии, США стремились прежде всего закрепить в Манильском пакте «права» колониальных держав и распространить «зону защиты» СЕАТО на всю Юго-Восточную и Южную Азию, а также на огромный район Тихого океана, с тем чтобы сохранить за собой этот богатейший район в качестве объекта колониальной эксплуатации. Осуществляя под видом «международного соглашения» колонизаторов с тремя зависимыми от них странами Юго-Восточной Азии — Филиппинами, Таиландом и Пакистаном грубейшее посягательство на права и независимость многих народов и государств, СЕАТО по существу стремится установить в этом обширном районе огромную «сферу влияния» по образцу тех, которые возникли в конце XIX в. на зависимых и колониальных территориях. Разница лишь в том, что тогда в этих районах существовала английская «сфера влияния», а ныне здесь пытаются создать свою «сферу влияния» американские неокolonизаторы.

Заключение Манильского пакта усилило напряженность в Юго-Восточной Азии. Проблема обеспечения безопасности приобрела здесь такую остроту, какую она никогда не имела в прошлом. Руководители СЕАТО, и прежде всего государственный секретарь США Даллес, настаивают на том, чтобы члены блока всемерно увеличивали свои вооруженные силы и активно участвовали в гонке вооружений. Под предлогом борьбы с мнимой «коммунистической агрессией» американские империалистические круги готовят и организуют с помощью военного механизма СЕАТО подлинную агрессию против Китая, Демократической Республики Вьетнам, а также Индии, Бирмы, Цейлона, Индонезии и других азиатских

государств. Индийская газета «Нейшил геральд» отмечала, что «существование коммунизма на земном шаре является не более чем предлогом для прикрытия хищного колониализма США и Англии», и охарактеризовала СЕАТО как «новый вид международного разбоя»².

На территории азиатских стран — участниц СЕАТО — сооружаются военные базы, предназначенные для ведения атомной войны. На Филиппинах построены базы Куби-Пойнт, Кларк-Филд, Сангли-Пойнт и Субак-Бэй. В Таиланде сооружается военно-морская база в Сатахине, модернизируются авиационные базы Бантакли, Корат и Доминанг. Несколько новых военных баз сооружается в Пакистане.

Военные органы СЕАТО, и прежде всего так называемый комитет военных советников, уже четвертый год разрабатывают планы агрессии, регулярно проводят объединенные и региональные маневры вооруженных сил в районе действия пакта, осуществляют стандартизацию вооружений и другие меры, направленные на реорганизацию национальных армий с целью их консолидации и подчинения американскому военному командованию.

Разработанная под руководством американских экспертов военно-стратегическая концепция СЕАТО не предусматривает пока создания в Юго-Восточной Азии объединенного командования и объединенных вооруженных сил по образцу «армии НАТО». Рабочий тезис военных стратегов СЕАТО заключается в создании и поддержании на уровне «мобильности» специальных воинских формирований участников блока, как «подвижных ударных частей», которые могут быть «быстро и в превосходящем количестве доставлены в любой возможный район опасности»³. Подчеркивая колониальную специфику этой концепции, один из ведущих американских военных журналов «Ордианс» отмечал в марте 1957 г., что эти формирования должны быть приспособлены как для «глобальной войны», так и, в первую очередь, для «малых» колониальных войн.

Стратегическая концепция блока СЕАТО исходит из новейшей «глобальной» доктрины американского империализма — «доктрины Рокфеллеров», подчиняющей всю военную стратегию США подготовке к ведению как «тотальной», так и «малых войн», и считающей «повелительной необходимостью» для США создание специальных воинских частей, способных быстро и эффективно действовать с целью предотвращения развития нежелательных для американских империалистов «ситуаций» в любой части света⁴.

Вторым компонентом «устрашающей силы» СЕАТО являются «стратегически расположенные резервы». Это преимущественно крупные американские военно-морские и военно-воздушные силы, размещенные не на континентальной территории — территории государств-членов СЕАТО Таиланда и Пакистана, а главным образом на близлежащих островах и архипелагах — Филиппинских островах, о. Тайвань, Японских островах, о. Окинава и др. Такое размещение «стратегических резервов» СЕАТО диктуется прежде всего тем, что, как признается в докладе английского Королевского института международных отношений, «демонстративное размещение западных вооруженных сил в районе пакта может значительно усилить националистические чувства, что принесло бы большой политический ущерб»⁵.

Размещая свои «стратегически расположенные резервы» в непосредственной близости от континентальных стран Юго-Восточной Азии, США

² «National Herald», 12 марта 1956 г.

³ «Collective defence in South-East Asia». London — New York, 1956, p. 143.

⁴ «New York Herald Tribune», 6 января 1958 г.

⁵ «Collective defence in South-East Asia», p. 127.

¹ «The department of state bulletin», 1954, № 795.

могут постоянно угрожать им. Кроме того, они получают возможность контролировать вооруженные силы азиатских участников СЕАТО. Этот контроль весьма важен для американских стратегов, так как, по признанию Даллеса, США при планировании войны в Азии «будут полагаться на подвижные вооруженные силы союзников», а «вклад Соединенных Штатов в первую очередь выразится в военно-морских и военно-воздушных силах»⁶, расположенных на прибрежной цепи островов. В секретной директиве Госдепартамента США от 21 марта 1957 г. американским послам в странах Азии указывается: «подчинение вооруженных сил азиатских стран СЕАТО по-прежнему остается нашей первейшей задачей»⁷.

Формально каждый участник Манильского пакта вносит «вклад» в «военные усилия» СЕАТО своими «мобильными ударными частями», обеспечивая тем самым «военное сотрудничество» участников блока. «СЕАТО, — писал американский журнал «Нейшн», — опирается на вооруженные силы Австралии, Новой Зеландии, те части британской армии, которые могут быть выделены для Дальнего Востока, вооруженные силы Таиланда и Филиппинской Республики. Но, — добавляет журнал, — практически это означает, что без США СЕАТО — ничто»⁸.

США, получив с помощью СЕАТО возможность контролировать 300-тысячную пакистанскую армию, 200-тысячную армию Таиланда и 130-тысячную армию Филиппин, превратились фактически в военного диктатора района Юго-Восточной Азии. Этому способствовала и концентрация в районе СЕАТО крупных американских вооруженных сил, которые, как заявил Даллес, в районе действия договора СЕАТО сейчас имеют большие размеры, чем общая численность американских вооруженных сил на Тихом океане во время второй мировой войны»⁹.

Главным звеном сосредоточенной здесь полумиллионной американской армии является Тихоокеанский флот США — один из самых крупных флотов капиталистических стран. Он состоит из 1-го и 7-го флотов, имеет 400 кораблей различных классов и свыше 6 тыс. самолетов. В районе Тихого океана сосредоточено свыше 300 тыс. пехотинцев и 30 авиационных эскадрилий, насчитывающих 2000 боевых самолетов. Эти крупные «централизованные ударные силы» США находятся под единым командованием с главным штабом на Гавайских островах¹⁰. Таким образом, американская военная мощь является преобладающей в СЕАТО. США широко используют это обстоятельство для давления на своих партнеров с целью подчинения их своему руководству и консолидации вооруженных сил членов СЕАТО под американским командованием.

Тем же целям подготовки агрессивной войны в Азии и организации планомерного грабежа азиатских стран служит деятельность экономических органов СЕАТО, и прежде всего комитета экономических экспертов. Под предлогом необходимости определять общее направление экономической и торговой политики стран — участниц блока они вмешиваются в такие вопросы, как составление бюджетов, планов импорта и экспорта азиатских стран — участниц СЕАТО, настаивая на предварительной «консультации» по этим вопросам и целиком подчиняя таким путем экономику этих стран задачам повышения их военно-экономического потенциала.

Военные расходы азиатских участников СЕАТО поглощают львиную

⁶ «Правда», 10 марта 1955 г.

⁷ «Blitz», 12 октября 1957 г.

⁸ «The Nation», 10 September 1954, № 11, p. 220.

⁹ См. «Правда», 10 марта 1956 г.

¹⁰ М. Петров. Военные приготовления США на Тихом океане. «Коммунист», 1956, № 15, стр. 97; «Дружба», 14 июля 1957 г.

долю их бюджета; они значительно превышают экономические возможности этих стран и во много раз превосходят размеры предоставляемой им американской «помощи». Все это неизбежно ведет к подрыву экономики указанных государств. Например, Таиланд, расходуя на военные цели 70% бюджетных средств, на нужды развития экономики выделяет из бюджета лишь незначительную часть (около 11% в 1955 г.). Даже по официальным данным стоимость жизни в Таиланде возросла по сравнению с довоенным периодом в 18 раз. Военный бюджет Филиппин (по официальным данным — свыше 30% его расходной части) явился основной причиной глубокого экономического кризиса, который переживает эта страна. «Число безработных составляет здесь 2 млн. человек из 8 млн. трудящихся, что считается самым высоким процентом в Азии», — сообщает агентство Юнайтед Пресс. Индекс стоимости жизни достиг уровня, наивысшего за все послевоенное время. «Американская помощь Филиппинам, — говорится в обзоре французского общества экономических исследований, — внешне значительная (2,5 млрд. долларов с конца войны), прошла, не оставив никакого заметного следа»¹¹. В Таиланде прямые и косвенные военные расходы за последние годы в 7 раз превысили полученную от США «помощь». Военные расходы Пакистана, как сообщает пакистанская печать, также значительно превышают военную помощь, которую эта страна получает от США¹².

Военная машина СЕАТО уже была однажды пущена в ход колонизаторами для ведения «малой» колониальной войны в Юго-Восточной Азии: «мобильные силы СЕАТО» в виде английских, австралийских и новозеландских войск свыше трех лет вели колониальную агрессию в Малайе, которую еще до создания СЕАТО в течение нескольких лет вели на свой страх и риск английские колонизаторы. При этом официально признается, что эти войска действуют там при активной поддержке США, в «осуществление договора СЕАТО»¹³.

Положение изменилось и после провозглашения независимости Малайи в августе 1957 г.: по условиям «договора о взаимной помощи» Англия закрепила за собой «право» не только держать в Малайе свои вооруженные силы, увеличивать их численность, но и продолжать использовать против национально-освободительного движения малайского народа дислоцированные в стране австралийские и новозеландские «мобильные силы»¹⁴.

Особо опасным для народов и государств Юго-Восточной Азии является намерение американских руководителей СЕАТО разместить в «беспокойных районах» Азии — на Тайване, в Японии, Пакистане, на Филиппинах и на других территориях американские атомные оперативные группы, вооруженные новейшими образцами управляемых снарядов типа «Матадор», реактивными снарядами «Онест Джон», «Литтл Джон», «Лакрос»¹⁵.

В последнее время военным командованием США была разработана новая организация пехотной и воздушно-десантной дивизий, специально приспособленных, по сообщениям прессы, для использования в условиях как «глобальной», так и «малых» колониальных войн с применением ядерного оружия. Дивизии имеют на вооружении в качестве атомных средств батарею 203,2-миллиметровых гаубиц и батарею реактивных снарядов «Онест Джон»¹⁶.

¹¹ «Perspectives», 22 ноября 1957 г.

¹² «Dawn», 26 сентября 1956 г.

¹³ «Collective defence in South East Asia», p. 161.

¹⁴ «Malaya», October 1957, p. 32—33.

¹⁵ «Dawn», 9 декабря 1957 г.

¹⁶ «U. S. News and world report», 25 January 1957, p. 51.

В 1958 г. на новую организацию планируется перевести все американские соединения, в том числе и расположенные на Дальнем Востоке. Кроме того, в этом районе предполагается сформировать экспедиционный корпус особого назначения в составе пехотной, воздушно-десантной и специальной дивизий. Английские военные специалисты заняты сейчас изучением вопроса о применении «тактического» атомного оружия в ведущейся сейчас войне против национально-освободительных сил Малайи¹⁷. Все эти планы размещения американских, а также английских атомных частей в зоне СЕАТО, равно как и общий план подготовки блоком СЕАТО атомной войны в Азии, служили предметом обсуждения на третьей сессии Совета СЕАТО в Канберре в марте 1957 г. и особенно на секретном совещании 110 военных советников СЕАТО в австралийском военном лагере Пакепьюниал в октябре 1957 г. Политические и военные руководители СЕАТО изыскивают новые эффективные способы подавления национально-освободительного движения народов Азии.

СЕАТО является связующим звеном всей «глобальной» системы агрессивных колониальных пактов и союзов американского империализма¹⁸.

Связь СЕАТО с АНЗЮС, с одной стороны, с Багдадским и Североатлантическим пактами, с другой, еще более усиливает угрозу миру, безопасности и национальной независимости народов, которую создает этот блок колонизаторов в Юго-Восточной Азии. Эта угроза намного возросла в последнее время в связи с планами американских руководителей военных блоков организационно слить СЕАТО с НАТО и другими агрессивными блоками в единую всемирную военную организацию империалистов¹⁹.

* * *

Другим важнейшим аспектом деятельности СЕАТО является проводимая этим блоком широкая подрывная деятельность против законных правительств, а также против рабочего и других прогрессивных народных движений в странах этого района. Агрессивные круги США, возведя впервые в истории на уровень государственной политики подрывную деятельность против «неудобных» им государств и движений и узаконив ее в статье II Манильского пакта в виде обязательства участников пакта предупреждать и отражать мнимую «подрывную деятельность, направленную извне, против территориальной целостности и политической стабильности сторон», грубо вмешиваются во внутренние дела стран района СЕАТО, если происходящие в них события угрожают их интересам или стратегическим планам. Это вмешательство, согласно циничному заявлению американского журнала «Пэсифик Аффэрз», может принять «форму экономического вмешательства, военной помощи или даже всеобщей интервенции, ибо,» одни только военные меры не могут дать абсолютного перевеса в борьбе с коммунизмом²⁰.

Поднимая шумиху в связи с мнимой «коммунистической угрозой», органы СЕАТО развернули в широких масштабах подрывную деятельность в странах Азии. Программу и методы осуществления этой подрывной деятельности разрабатывает так называемый Комитет специалистов СЕАТО по вопросам безопасности. Комитет состоит из «компетентных специалистов» по шпионской и подрывной деятельности, — как военных так и гражданских, представляющих разведки стран-участниц пакта. Он организует подготовку шпионов и специальных агентов для ведения подрывной дея-

¹⁷ «The Hindu», 25 октября 1957 г.

¹⁸ См. «Revue de défense nationale», Janvier 1957, p. 129.

¹⁹ «Dawn», 19 декабря 1957 г.

²⁰ «Pacific Affairs», September 1955, p. 207.

тельности в странах Азии, направляет в эти страны подрывные группы, а также координирует деятельность органов полиции стран-участниц. На его секретных заседаниях и «семинарах» осуществляется обмен информацией и опытом подавления национально-освободительного движения, составляются планы вмешательства во внутренние дела других стран, развёртывания шпионской деятельности против Китайской Народной Республики и других социалистических стран.

Деятельность этого важнейшего комитета СЕАТО организуется и направляется американским Центральным разведывательным управлением, имеющим в комитете своих «высококомпетентных представителей». Кроме того, это управление непосредственно контролирует разведки Филиппин, Таиланда, Пакистана, Южного Вьетнама и некоторых других государств этого района²¹. Подрывной деятельностью СЕАТО руководит также и специальное разведывательное отделение госдепартамента, которое возглавляет бывший посол США в Индонезии Камминг.

При проведении подрывной работы комитет руководствуется разработанной в высших правительственных сферах США и опубликованной в официальном сборнике документов Конгресса «Конгрэшил рекордс» общей «программой политического наступления против мирового коммунизма», которая предусматривает, в частности, широкое «антикоммунистическое наступление» в Азии путем организации и финансирования «антикоммунистического подполья в Азии» и ведения там подрывной деятельности всеми возможными путями и методами. Среди этих методов, по заявлению начальника отдела национальной разведки Центрального разведывательного управления США Шермана Кента, — подстрекательство к измене родине, запугивание, террор, подкуп, шантаж, саботаж и диверсия, насильственное похищение людей, убийства и т. п.

СЕАТО и ее американские руководители развертывают активную подрывную деятельность против независимой Камбоджи. Эта подрывная деятельность особенно усилилась с 1957 г., когда Национальное собрание Камбоджи приняло закон о нейтралитете²².

Американские тайные агенты не жалеют усилий, чтобы подорвать эту политику нейтралитета, широко прибегая для вербовки своих сторонников к подкупу. Как сообщают камбоджийские газеты, они используют такие методы, как вручение взяток американскими долларами, автомобилем и т. п.; наем помещений у занимающих видное положение камбоджийцев с умышленной уплатой крайне высокой аренды; подношение подарков. Среди завербованных таким образом людей есть политические деятели, коммерсанты, служащие.

Руководители СЕАТО используют Южный Вьетнам и Таиланд для провокаций против Камбоджи. В Южном Вьетнаме представители США, с одной стороны, подстрекают нгодиньдёмовские войска к вторжению в пограничные провинции Камбоджи, причем дело доходит до того, что нередко американцы сами принимают участие в агрессивных нападениях в качестве командиров воинских частей; с другой стороны, они засылают в Камбоджу из Южного Вьетнама тайных агентов. Представитель южно-вьетнамских властей в Пном-Пене — столице Камбоджи постоянно снабжает оружием проникших туда южновьетнамских тайных агентов, организует с их помощью террористические акты²³. В Таиланде создана группа тайных агентов, сформировано вооруженное соединение, именуемое «Свободная Камбоджа».

²¹ В. Жуков. Пронски США против стран социализма. «Международная жизнь», 1957, № 1, стр. 140—141.

²² «Nhân dân», 12 сентября 1957 г.

²³ «Дружба», 23 июля 1957 г.

Подобными же методами действуют американские руководители СЕАТО и в другой нейтральной стране — Лаосе. Пытаясь воспрепятствовать достижению договоренности между королевским правительством Суванна Фумы и силами Патет-Лао о вхождении их на началах равноправия в национальное сообщество Лаоса, руководители СЕАТО использовали арсенал самых различных средств — от дипломатического давления на правительство Суванна Фумы²⁴ до попыток подкупить депутатов Национального собрания и других политических деятелей. Так, каждому депутату, голосующему против правительства Суванна Фумы, было обещано крупное денежное вознаграждение. Один из наиболее ярых сторонников США получил в «подарок» 5 млн. пиастров²⁵.

В соответствии с рекомендациями Комитета специалистов по вопросам безопасности, а также так называемого Комитета по вопросам труда в странах — участницах СЕАТО преследуется деятельность демократических организаций, профсоюзов и партий, прежде всего коммунистических и рабочих партий. Свирепый «антикоммунистический закон» действует в Таиланде. Режим антикоммунистического террора в течение многих лет существует на Филиппинах. Недавно здесь официально принят закон о запрещении компартии. Принадлежность к ней карается вплоть до смертной казни²⁶.

Действуя в духе американской «антикоммунистической оговорки» к договору СЕАТО, власти Нго Динь Дьема в Южном Вьетнаме втянули страну в «антикоммунистическую лигу», с участием азиатских членов СЕАТО и марионеточных режимов Ли Сын Мана и Чан Кай-ши под эгидой США, и регулярно проводят разнузданные террористические кампании, которые они называют «антикоммунистическими» или «кампаниями по разоблачению коммунистов»²⁷. Для проведения этих кампаний они мобилизовали административный аппарат, полицию, разведку, армию, пустили в ход все средства обмана и запугивания. Под предлогом борьбы с коммунистами власти Южного Вьетнама обрушились с террором на тех, кто выступает за мир и единство своей родины²⁸.

Империалистические круги США широко используют Манильский пакт для прикрытия американского вмешательства во внутренние дела Вьетнама и ведения там подрывной деятельности с целью срыва предусмотренного Женевскими соглашениями объединения страны путем всеобщих выборов. Это подтверждают многочисленные факты непосредственного вмешательства СЕАТО во внутренние дела Вьетнама.

Так, вопрос об объединении Вьетнама неоднократно обсуждался руководителями СЕАТО — США, Англией и Францией. Американская сторона категорически заявила, что общевьетнамских выборов «никогда не будет»²⁹. Проблема Вьетнама неизменно входит в повестку дня всех сессий Совета СЕАТО. Она была важнейшим пунктом повестки дня Бангкокской сессии (февраль 1955 г.)³⁰. Ей уделяли большое внимание сессии СЕАТО в Карачи (март 1956 г.) и Канберре (март 1957 г.). Например, сессия в Карачи, состоявшаяся сразу же после проведения в Южном Вьетнаме незаконных сепаратных выборов 4 марта 1956 г., приветствовала в своем заключительном коммюнике «дальнейшее развитие представительных форм

²⁴ «La Liberté», Phnom-Penh, 20 февраля 1957 г.

²⁵ «Démocratie nouvelle», 1957, № 2, p. 94.

²⁶ «The Manila chronicle», 23 апреля 1957 г.

²⁷ «Nhân dân», 29 декабря 1957 г.

²⁸ «Nhân dân», 24 октября 1957 г.

²⁹ См. M. S. Farley. United States relations with Southeast Asia. New York, 1955, p. 62.

³⁰ «Nhân dân», 1955, Số 1, t. 95.

правления» в Южном Вьетнаме³¹. Тем самым Совет СЕАТО одобрил политику саботажа Женевских соглашений и срыва объединения Вьетнама, проводимую южновьетнамскими властями.

Показательно, что и власти Южного Вьетнама в качестве одного из «законных оснований» срыва всеобщих выборов для объединения страны выдвигают... Манильский пакт. Так, Нго Динь Дьем, ссылаясь на то, что договором СЕАТО запрещается «подрывная деятельность», заявил, что всеобщие выборы, могущие стать источником такой «подрывной деятельности» и «всякого рода смуты, должны быть отложены на неопределенное время»³².

Подрывная деятельность СЕАТО во Вьетнаме и поддержка советом СЕАТО раскольнических действий южновьетнамских властей направлена на то, чтобы сорвать объединение Вьетнама и втянуть Южный Вьетнам в военную систему Манильского пакта.

СЕАТО и ее американские руководители проводят политику открытого вмешательства во внутренние дела азиатских стран как не членов пакта, так и его членов. Например, в Таиланде американские руководители СЕАТО, видя неспособность прежнего правительства страны справиться с бурным ростом антиамериканских, нейтралистских настроений, организовали против него заговор в конце 1957 г. Осуществив этот заговор в те дни, когда в Бангкоке происходила конференция военных советников СЕАТО³³, они поставили у власти Пота Сарасина, бывшего посла Таиланда в США и генерального секретаря СЕАТО.

Вмешательство во внутренние дела азиатских стран — участниц СЕАТО становится столь грубым, что, например, даже на Филиппинах оно вызвало официальный протест со стороны президента Гарсиа, который потребовал от американцев «не вмешиваться во „внутренние дела“ правительственных учреждений» и даже пригрозил выслать наиболее бесцеремонных американских «советников»³⁴.

Активную подрывную деятельность проводят члены СЕАТО и в нейтральных странах Юго-Восточной Азии. В Бирме американские руководители СЕАТО используют сепаратистские настроения некоторых феодальных вождей автономного Шанского государства. Пытаясь превратить его территорию в новую атомную авиабазу СЕАТО, они разработали план превращения Шанского государства в «независимое» государство, установили контакты с некоторыми феодалами, обещая им поддержку и «помощь» при условии присоединения к СЕАТО³⁵. Кроме того, по указанию США подрывную деятельность в Бирме ведут находящиеся в районе, примыкающем к Таиланду, гоминьдановские войска, насчитывающие несколько тысяч человек.

США вместе с другими членами СЕАТО, и прежде всего Пакистаном, всеми силами раздувают антииндийскую кампанию в связи с кашмирским вопросом, искусственно созданным колониальными державами. Органы СЕАТО, превратив важную в стратегическом отношении оккупированную Пакистаном часть Кашмира в арсенал блока с мощными опорными пунктами в Читрале и Гилгите, используя ее в качестве базы для вооруженных налетов и подрывной деятельности против Индии, создают в этом районе напряженную обстановку и всячески провоцируют конфликт между Индией и Пакистаном³⁶.

³¹ «Dawn», 9 марта 1956 г.

³² «Quelques témoignages de presse sur le régime Ngo-Dinh-Diem au Sud Viet-Nam». Hanoi, 1955, p. 15.

³³ «United Asia». Bombay, 1957, vol. IX, № 4, p. 221—222.

³⁴ «The Manila chronicle», 11 мая 1957 г.

³⁵ «Delhi times», 24 июня 1957 г.

³⁶ «United Asia». Bombay, 1957, vol. XI, № 4, p. 221; «Blitz», 26 октября 1957 г.

Аналогичные мероприятия проводятся руководителями СЕАТО в Гоа — исконной индийской территории, оккупированной Португалией. «То, что происходит в Гоа, — пишет индийская газета «Хинду», — является самым махровым колониализмом, а США, эта «великая демократия», поддерживает его»³⁷. США, официально поддерживав, в совместном американо-португальском заявлении «старомодный» португальский колониализм, заключили затем с Португалией секретное соглашение о сооружении на территории Гоа новых военных баз³⁸. США явно рассчитывают использовать Гоа как базу СЕАТО для шантажа и подрывной деятельности против Индии, а также для подготовки новой войны.

Особый размах приобрела подрывная деятельность стран СЕАТО в Индонезии. Это нашло свое яркое выражение в злодейском покушении на жизнь президента Республики Сукарно и в мятежах сепаратистов³⁹. В роли организаторов этих мятежей выступают разведывательные органы СЕАТО и американские руководители этого блока. Они активно поддерживают в Индонезии всякого рода незаконные организации и вооруженные банды, такие, как «Южная Молуккская Республика», «Дар уль-Ислам», «Партизанские отряды Голландии в Ост-Индии», «Белый орел», «АТРА» и др.⁴⁰

Для координации всей этой подрывной деятельности в начале 1957 г. в Сингапуре был создан специальный центр СЕАТО. Этот центр, по сообщению газеты «Сулу Индонезия», оказывает всестороннюю помощь сепаратистским и другим подрывным силам, действующим против центрального индонезийского правительства в западной части страны. Центр занимается также организацией контрабандного ввоза оружия для этих сил и для банд «Дар уль-Ислам», штаб-квартирой которых он является. Через своих многочисленных агентов он поддерживает прямой контакт с так называемыми военными советами «Бантенг» и «Гаруда» на Суматре.

В оккупированном голландцами Западном Ириане создан центр для организации подрывной деятельности в Восточной Индонезии, который будет координировать свою деятельность с Сингапурским центром. По сообщениям печати, англо-американские руководители СЕАТО решили втянуть в эту подрывную деятельность и других членов блока, прежде всего Австралию и Филиппины⁴¹.

В целях сохранения за собой Западного Ириана — этого удобного опорного пункта подрывной и шпионской деятельности против независимого индонезийского государства и использования созданных здесь, а также на островах Мисол и Тимор многочисленных американских военных баз, входящих в систему СЕАТО, США с помощью «устрашающей силы» СЕАТО поддерживают голландских колонизаторов, все еще занимающих 22% индонезийской территории⁴². В последнее время, в связи с опубликованием президентом Сукарно программы демократического развития Индонезии и ростом борьбы индонезийского народа за освобождение Западного Ириана от колониального гнета, вмешательство США во внутренние дела Индонезии и их подрывная деятельность особенно усилились. Посольство США в Джакарте, как стало ясно из опубликованных индийским еженедельником «Блиц» секретных телеграмм бывшего посла США в Индонезии Аллисона государственному департаменту США, утерянных американцами на Тайване во время разгрома в мае 1957 г. аме-

риканского посольства, стало центром проведения подрывной деятельности⁴³.

Газета «Берита Индонезия» сообщала, например, что арестованный в марте 1957 г. главный организатор подрывной деятельности в Индонезии Хасибуан, генерал отрядов «Дар уль-Ислам», получал от посольства США десятки миллионов рупий в качестве помощи для ведения подрывной деятельности, направленной на свержение законного правительства и ликвидацию в Индонезии демократического строя. Миллионы рупий тратят на финансирование сепаратистских, подрывных элементов на Суматре и в других районах Индонезии такие американские организации, как «Фонд развития стран Азии», «Фонд Форда» и действующие там нефтяные компании США. Американская газета «Сатэрдей Ивнинг Пост» так характеризовала значение Суматры для США: «Суматра, этот неисчерпаемый источник стратегического сырья, располагает всем, в чем Соединенные Штаты так нуждаются; к тому же суматранцы с большой готовностью согласятся допустить иностранный капитал для эксплуатации их природных ресурсов»⁴⁴.

О колонизаторских устремлениях американских руководителей СЕАТО свидетельствуют решения четвертой сессии Совета СЕАТО, проходившей в марте 1958 г. в Маниле. Под предлогом разработки планов борьбы с так называемой подрывной деятельностью сессия, по инициативе американской делегации, возглавлявшейся государственным секретарем Даллесом, уделила основное внимание обсуждению положения в Индонезии, где именно в этот период мятежники-сепаратисты на Центральной Суматре и Северном Сулавеси при прямой поддержке США пытались нарушить единство Индонезийской республики. Обсуждение вопроса о положении в этой стране, проходившее за закрытыми дверями, последовавшие за этим крупные военные демонстрации вооруженных сил участников СЕАТО у берегов Индонезии, вплоть до бомбардировки иностранными самолетами индонезийских судов, а также городов, дорог и мостов, — все это означает, что подрывная деятельность СЕАТО против Индонезии приняла опасные для дела мира в Юго-Восточной Азии формы. Как заявил недавно президент Сукарно, сейчас речь идет уже не о вмешательстве иностранных сил, а об их открытой интервенции. «Опасная игра, затеянная определенными кругами западных держав в районе Индонезии, — указывается в заявлении Советского правительства об Индонезии от 14 мая 1958 г., — и события, развернувшиеся вокруг Индонезии в последнее время, лишней раз подтверждают агрессивную и колонизаторскую сущность военных блоков, созданных западными державами».

Большое внимание на сессии было уделено разработке стратегических планов, и прежде всего планов размещения на территории некоторых стран Азии американского ядерного и ракетного оружия. Наиболее активно ратовал за это филиппинский президент Гарсиа, который, вопреки интересам своей страны и всех азиатских государств, выступил на сессии за создание в странах Юго-Восточной Азии баз для запуска американских ракет и одобрил сооружение таких баз на Филиппинах⁴⁵.

Опасность ядерно-ракетной войны, нависшая над Азией в связи с этими планами, тем более возрастает, если учесть, что на вооружении американских войск, находящихся в Южной Корее и на Тайване, уже имеется ракетное оружие с ядерными зарядами, а самолеты стратегической авиации США совершают в этих районах Азии патрульные полеты, имея на борту водородные бомбы⁴⁶.

³⁷ «The Hindu», 5 ноября 1957 г.

³⁸ «Delhi times», 17 декабря 1957 г.

³⁹ «Times of Indonesia», 26 февраля 1958 г.

⁴⁰ «Дружба», 15 февраля 1957 г.; «Blitz», 28 сентября 1957 г.

⁴¹ «Правда», 6 сентября 1957 г.

⁴² «The truth about West Irian». Ministry of information. Republic of Indonesia, p. 44.

⁴³ «Blitz», 28 сентября 1957 г.

⁴⁴ «Saturday evening post», 12 октября 1957 г.

⁴⁵ «Manila chronicle», 12—14 марта 1958 г.

⁴⁶ «Правда», 9 марта 1958 г.

Решения Манильской сессии чрезвычайно наглядно показывают, что колониальные державы, и прежде всего США, используют блок СЕАТО, для того чтобы путем вмешательства во внутренние дела стран Юго-Восточной Азии, а также создания в этом районе угрозы ядерно-ракетной войны сохранить здесь свои политические и экономические позиции, удерживать народы этих стран в зависимом положении и усилить международную напряженность в Азии.

«В руководящих кругах Советского Союза, — отмечалось в связи с этим в заявлении ТАСС о манильской сессии СЕАТО, — считают необходимым обратить внимание правительств стран-участниц СЕАТО на ту серьезную ответственность, которую они несут, стремясь реализовать планы, направленные на дальнейшее обострение международной напряженности»⁴⁷.

Вдохновители СЕАТО, таким образом, стремятся сохранить в Юго-Восточной Азии остатки колониализма и навязать народам этой части земного шара свое господство. Пытаясь замаскировать свои подлинные намерения, руководители СЕАТО в Тихоокеанской хартии и в последующих официальных документах блока «негодуют» против колониализма и ратуют за «самоопределение наций» и за «свободу». Но даже таиландская газета «Сатиралап» от 30 июля 1956 г. в статье «Разочарование в СЕАТО» вынуждена была бросить руководителям блока хотя быть может и наивный, но едкий упрек в том, что «несмотря на усиление с каждым днем национализма в Азии, СЕАТО до сих пор не созвала ни одного совещания по колониальной проблеме, хотя это входит в ее задачи».

СЕАТО и его американские руководители все в более широких масштабах развертывают в Юго-Восточной Азии идеологическую подрывную деятельность. Достаточно сказать, что только США, по подсчетам американских авторов, ежегодно расходуют на пропаганду в зарубежных странах, в том числе в странах Юго-Восточной Азии, свыше миллиарда долларов⁴⁸. На эти деньги создаются сотни «информационных центров», располагающих библиотеками, кинозалами, штатом лекторов, выставками; работают десятки мощных радиостанций; книжный рынок этих стран наводняют пропагандистские брошюры, книги, журналы; выпускаются фильмы о «миротворческой» деятельности СЕАТО; систематическую пропаганду ведут сотни специальных организаций как «частных», так и «международных». Огромные суммы тратятся на подкуп органов печати в различных странах. Идеологическая агрессия стала неотъемлемым элементом империалистической политики руководителей СЕАТО.

Особый упор руководители СЕАТО делают на подрывную радиопропаганду. С 1951 г. на Азию ведет передачи радиопропаганда «Свободная Азия». Он выступает от имени организованного в США так называемого «Комитета борьбы за свободную Азию». Радио «Свободная Азия» организует клеветнические, подстрекательские передачи на Китайскую Народную Республику и другие страны Азии. Американская радиопропаганда настойчиво уговаривает азиатские страны принять «руководство» США как державы, якобы отвергающей колониальную политику и будто бы добывающейся ликвидации колониальной системы. Деятельность этого радиопропаганда финансируется американской реакционной организацией «Крестовый поход за свободу», основанной еще в 1950 г. при участии видных представителей правящих кругов США⁴⁹. Официальный рупор информационного агентства Соединенных Штатов (ЮСИА) «Голос Америки» ведет передачи на Юго-Восточную Азию на английском, а также на многих

⁴⁷ «Правда», 9 марта 1958 г.

⁴⁸ См. «Международная жизнь», 1956, № 12, стр. 13.

⁴⁹ См. К. Владимиров. Фабрика лжи: информационное агентство США. «Международная жизнь», 1955, № 2, стр. 98.

восточных языках. Наиболее активна в Юго-Восточной Азии британская радиовещательная корпорация Би-Би-Си, которая располагает в Малайе двумя мощными передатчиками, регулярно ретранслирующими передачи из Лондона на восточных языках. Подрывную пропаганду ведут здесь радиостанции Австралии, Голландии и др.

Координируя и направляя эту разнообразную подрывную деятельность, специальные комитеты СЕАТО организуют регулярный обмен разведывательной информацией и «опытом». На секретных заседаниях комитета по вопросам безопасности заслушивались доклады представителя Филиппин о методах подавления национально-освободительного движения Хукбалахап, представителя Англии относительно «прогресса» в борьбе с освободительным движением в Малайе⁵⁰ и доклад американского представителя об «опыте» его соотечественников — специалистов по подрывной деятельности, накопленном ими в Южном Вьетнаме⁵¹. В силу специального решения третьей сессии Совета СЕАТО руководители разведок стран СЕАТО провели в ноябре 1957 г. в Багио (Филиппины) под руководством американского адмирала Рэдфорда семинар по взаимному обмену и изучению «опыта» подрывной и разведывательной деятельности.

Таким образом, предусмотренные Манильским пактом обязательства его участников вести борьбу с так называемой подрывной деятельностью в Юго-Восточной Азии оказываются в действительности обязательствами колонизаторов всеми средствами подавлять национально-освободительное движение народов этого района.

Проводимая с помощью СЕАТО американскими и другими колонизаторами под шум и крики о «коммунистической угрозе» подрывная деятельность против независимых государств Юго-Восточной и Южной Азии, являющаяся одним из видов империалистической агрессии, таит в себе серьезную опасность для свободы и национальной независимости азиатских народов и для дела мира в этой части света. «Агрессивный блок СЕАТО содержит опасность войны в Юго-Восточной Азии», — указывается в Декларации Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран. Этой опасности противостоят крепнущие миролюбивые силы народов Юго-Восточной Азии, с которыми солидарно все передовое человечество.

S U M M A R Y

The author shows how the colonial powers are using the aggressive SEATO bloc for suppressing the national liberation movement of the peoples of the East. He analyses the concrete forms and methods of SEATO activities and the growing resistance offered by the peoples of Southeast Asia.

⁵⁰ M. S. Farley. Указ. соч., стр. 49—50.

⁵¹ «The economist», January 21, 1956, p. 217.

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ ИНДИИ

А. М. ДЬЯКОВ

Литературная традиция народов Индии начинается очень давно. Найденные в долине Инда в Мохенджо-Даро и Хараппа нерасшифрованные до сих пор иероглифы свидетельствуют о том, что письменность у народов Индии существовала уже в III—II тысячелетиях до нашей эры. Затем появляется литература на ведическом языке, а в последние века до н. э. и в начале нашей эры — богатейшая художественная и научная литература на санскрите. С развитием джайнизма и буддизма развивается литература на среднеиндийских языках, особенно богатая на языке пали.

На современных индийских языках литература появилась в средние века, примерно в VIII в. С X в., а по некоторым данным с VIII в. н. э. начинает развиваться литература на различных диалектах хинди и раджастанхрани. Эти древние диалекты именовались пингаль и дингаль. На них слагали свои героические песни барды раджпутских князей. Известные под названием «расо», эти поэмы частично дошли до нас и некоторые из них опубликованы и переведены на современный хинди. Древние формы хинди и раджастанхрани еще сравнительно мало отличались от пракритов саурасени и саураштри, но все же носили некоторые черты новоиндийских языков.

Поэзия, появившаяся в X в. н. э., не сделалась достоянием народа и развивалась преимущественно при дворах раджпутских князей¹. Однако современные индийские языки не получили широкого распространения в качестве литературных среди высших классов общества. Основным литературным языком индусских брахманов был санскрит, в мусульманских державах был распространен арабский язык и фарси, выполнявший кроме того и функцию государственного языка. Вопрос о том, откуда проник фарси в Индию, до сих пор не может считаться решенным. В большинстве случаев заимствованные из него слова произносятся индийцами на таджикский манер. Это дает основание думать, что фарси был занесен в Индию преимущественно из Средней Азии. Однако вопрос этот подлежит дальнейшему изучению.

В XIV в. в связи с ростом городов, торговли и ремесла растут также классы городского общества: ремесленники, торговцы, создаются их организации (шрени). Эти классы, угнетаемые как светскими, так и духовными феодалами, выступают против феодального гнета. Сначала эта борьба ведется главным образом против засилья брахманов, в средние века она принимает характер сектантской борьбы против духовенства и религиоз-

ных догм, ставящих торговые и ремесленные касты в приниженное положение. Так же как и в Европе, недовольные феодальными порядками классы поднимались против господствующей церкви. В Индии эта борьба носила характер сектантского движения вишнуитов. Сектанты-вишнуиты выступали против индуистской обрядности, против кастового строя и доказывали, что спасение человека зависит не от его происхождения или исполнения им обрядов, а от преданности и любви его к богу, поэтому это движение известно в истории под названием бхакти. В этот период начинает широко развиваться на большинстве языков Индии действительно народная литература, связанная с антифеодальным движением и с поклонением богу Вишну и его аватарам (воплощениям), главнейшими из которых были Кришна и Рама².

Мы очень мало знаем об экономических отношениях этого периода, но известно, что в период могольской империи, в особенности в годы правления Акбара, широко развивались товарно-денежные отношения, появились местные рынки, выросла необходимость непосредственного языкового общения носителей различных диалектов. Таким образом создались непосредственные условия для формирования общенародных языков, в процессе которого стирались отдельные диалектные особенности.

В средние века, как и в древности, наиболее экономически развитым районом Индии была Индо-Гангская равнина и особенно междуречье Ганга и Джамны. Естественно, что этот район стал играть ведущую роль и в культурной жизни страны. На этой огромной территории с населением в несколько десятков миллионов человек было распространено много языков и диалектов и, судя по данным Амир Хусроу и Абуль-Фазла, эти языки и диалекты сложились в данном районе уже в то время (XIV—XV вв.).

Многие современные лингвисты, индийские и английские, подразделяют все эти диалекты на группы, определяя комплекс диалектов каждой группы как язык; таких языков они насчитывают пять, а именно: западный хинди (наиболее западные диалекты), восточный хинди (диалекты восточной части современного штата Уттар Прадеш и Мадхья Прадеш), бихари (диалекты Бихара), раджастанхрани (крайние юго-западные диалекты), на которых говорят в Раджастанхане и которые составляют промежуточное звено между хинди и гуджарати, и пахари (группа диалектов, распространенных в предгорьях Гималаев).

Разумеется, эта классификация, отражающая традиционные взгляды, очень искусственна. Так, например, не существует единого языка бихари, есть только группа диалектов Бихара, весьма условно и разделение хинди на западный и восточный. Таким образом, можно говорить о реально существовавших и существующих ныне 3 языках: хинди (западный и восточный), раджастанхрани и пахари. Эти языки делятся на ряд диалектов; так, например, хинди (западный) включает диалекты: кхари-боли, иначе называемый хиндустани, — наиболее западный диалект, являющийся переходным между хинди и пенджаби. Диалект этот распространен в восточных округах Пенджаба, в Дели и в штате Уттар Прадеш, на территории, экономическими и культурными центрами которой являлись города Мирут и Алигарх, а также в Рокхильканде; брадж или, как он именуется в народе, бердж-бхагха. Это диалект района Агры и Матхуры, а также Этавы на Ганге. Он распространен и в прежних княжествах Бхаратпур, Каранги и в северной части Гвалиора. К востоку от него между реками Гангом и Джамной употребляется диалект канауджи и еще восточнее, в Бунделькханде, распространен диалект бундели. Хинди (восточный), иначе име-

¹ हाजारी प्रसाद द्विवेदी हिन्दी साहित्य (Хазари Прасад Дживедеди. Литература хинди). Дели, 1952, стр. 43—83.

² Хазари Прасад Дживедеди. Указ. соч., стр. 90.

нуемый пурби, делится на следующие диалекты: авадхи, багхели и чат-тисгархи. Авадхи распространен в районе Лакхнау — Аллахабада.

Диалектов Бихара, территория действия которых простирается от города Бенарес на западе и до восточных границ штата Бихар, три, а именно: бходжпури, магадхи и майтхили. Эти диалекты довольно сильно разнятся между собой и являются переходными между диалектами хинди и бенгали. Раджастхани делится на множество диалектов, из которых важнейшими являются: марвари, мевари, мевати и др. Пахари делится на две большие группы диалектов: западную и восточную³. Один из диалектов восточного пахари развился впоследствии в национальный язык Непала — непали.

Многие из перечисленных выше диалектов имели также литературно-письменную форму. На диалекте кхари-боли первые литературные памятники отмечены в XIV в. н. э. Одна из разговорных форм этого диалекта (называемая *зaban-и урду* 'язык лагеря'), к которой чаще всего прибегало городское население пригангской Индии при непосредственном общении, легла в основу особого литературно-письменного языка — урду, использовавшего арабский алфавит. На урду развилась большая литература, распространявшаяся главным образом при дворе. Постепенно этот язык начал вытеснять фарси.

Будучи введенными в литературное употребление, многие диалекты использовались далеко за пределами территориального своего распространения. Наиболее богатая литература в средние века развилась на диалекте брадж. С XIII по начало XVIII в. эта литературная форма использовалась от Бихара на востоке до Пенджаба на западе. Более того, ряд маратхских поэтов, например Намдев, Бхаскар и другие⁴, писали не только на языке маратхи, но и на языке брадж. На этом же диалекте писал основатель секты сикхов гуру Нанак и другие сикхские гуру вплоть до гуру Говинда Сингха⁵. В литературе, связанной с культом Кришны, этот диалект использовался особенно широко. На нем писали такие крупнейшие поэты средневековья, как Сурдас, Кришнадас, Кумбхардас и др. Почти все эти поэты происходили из низших слоев городского населения и занимали низкое положение в кастовой иерархии.

В чем причина такого широкого распространения диалекта брадж, до сих пор трудно еще решить окончательно. Мы знаем, что во времена империи Моголов на территории действия этого диалекта, так называемой Бердж-Бхуми, были сосредоточены крупные города: Агра, Матхура и другие. Именно здесь прокатилась волна наиболее активных народных движений. В качестве примера можно привести восстание джатов во время Аурангзеба. Исходя из этого, можно предполагать, что в данном районе была особенно оживленная экономическая жизнь ремесленников и торговцев, а отсюда и особенно усиленное сектантское движение. Так, известно, что в XVII—XVIII вв. здесь действовала секта сатнами. По-видимому, как раз в то время здесь складывался единый рынок, связывающий районы, население которых говорило на языке брадж.

В XVI в. развивается литература на диалекте авадхи восточного хинди. На нем написал свою знаменитую *Рамаяну* Тульсидас, и с тех пор на этом диалекте слагались почти все произведения, воспевающие Раму и его подвиги. Из всех диалектов Бихара только майтхили имел литературную форму, на нем в XIII в. писал видный представитель бхакти Видьяпати Тхакур. Произведения этого писателя оказали влияние как на язык хинди, так

³ S. T. Chatterji. The origin and development of the Bengali language, part I. Calcutta, 1926, p. 1—13.

⁴ Хазари Прасад Деведеи. Указ. соч., стр. 115—116.

⁵ Там же, стр. 148.

и на бенгали. В дальнейшем на основе смешанной формы майтхили и бенгали возник даже особый литературный язык, получивший название броджо-були. На этом языке в ранний период своего творчества написал несколько стихотворений Рабиндранат Тагор.

В Раджастхане в этот период литературная норма базировалась на диалекте марвари. На нем была создана значительная литература, представленная, главным образом, драмами религиозного содержания.

Процесс складывания общенациональных языков происходил не только в центре Индии. Становление разговорных и литературных норм характерно и для языков бенгали, маратхи, гуджарати, ория, ассамского, а также языков юга Индии, тамильского, телугу, малайялам и каннара, на которых развивается большая литература.

С XVII в. англичане начали завоевывать Индию. XVIII век был веком усиленной выкачки из Индии материальных богатств как путем прямого ограбления, так и через торговлю. Накопление за счет другой страны ускорило развитие производительных сил Англии и созревание в ней капиталистических отношений, но в то же время задержало развитие Индии. Процесс складывания местных рынков в Индии замедлился, некоторые зародыши капиталистических отношений были уничтожены английскими завоевателями. Индия превратилась в еще более аграрную страну, чем раньше, ирригационная система перестала поддерживаться правительством и пришла в упадок. Замедлилось культурное развитие страны. Так продолжалось до конца XVIII в. Но в начале XIX в. Англия, выросшая к этому времени в промышленную капиталистическую страну, превратила Индию в рынок сбыта своих товаров и источник сырья для английской промышленности. Это изменило всю направленность экономики Индии. Основная торговля страны была теперь направлена на обслуживание английской экономики. Ускоряется развитие приморских районов, тяготеющих к таким портам, как Бомбей, Мадрас, Калькутта, и, наоборот, резко замедляется развитие внутренних районов страны, когда-то игравших ведущую роль в ее экономической жизни.

В начале XIX в. в колониальной Индии появляются ростки капиталистических отношений. В первую очередь они развиваются в Бенгалии и в окрестностях Бомбея. Строятся первые железные дороги. Английский капитал вкладывается в джутовые предприятия Калькутты, а в районе Бомбея возникают первые хлопчатобумажные предприятия, принадлежащие индийцам.

В связи с развитием капиталистических отношений появляются и классы капиталистического общества: национальная буржуазия, пролетариат. Еще до восстания 1857—1859 гг. в Индии появляются газеты на местных языках: бенгали, хинди, гуджарати и тамильском языке. Так, первые газеты на бенгали появились в 1818 г., на тамильском языке в 1830 г., тогда же стали выходить газеты на языке гуджарати. Однако художественная литература и пресса этого периода использовала старый литературный язык, сложившийся в средние века и к этому времени уже малопонятный народу. Бенгальские газеты выходили на языке садху бхаша, тамильские — на сентамиль и т. д. В Бенгалии первыми представителями бенгальской буржуазии была начата борьба против средневековых обычаев и порядков, препятствующих развитию капиталистических отношений. Эта борьба связана прежде всего с деятельностью Раммохан Райя, организовавшего в Бенгалии общество Брахмо Самадж, которое ставило своей задачей модернизацию индуизма и приспособление его к нуждам капиталистического общества. Общество Брахмо Самадж действовало не только в Бенгалии, его ответвления имелись в Гуджарате и некоторых других районах Индии.

Завоевание всей территории Индии и проведение англичанами политики угнетения широких слоев индийского населения, и в том числе верхушки индийской сельской общины, вызвало большое недовольство в индийском обществе. В 1857—1859 гг. Индия была охвачена мощным антианглийским движением. Это движение было подавлено английскими властями. В течение довольно длительного периода английские власти, боявшиеся возобновления антианглийского движения, пресекали малейшее проявление активности местного населения. Газеты на местных языках проходили жестокую цензуру. Всякие попытки оживить общественную деятельность преследовались властями.

Политическая жизнь индийцев оживает вновь в 70 годах XIX в. В это время в разных местах Индии вспыхивают стихийные восстания, например в Махараштре, в Андхрадеше и т. д. В Калькутте, Мадрасе и Бомбее начинают создаваться различные политические группы и общества, добивающиеся расширения участия индийской буржуазии, буржуазной интеллигенции и либеральных помещиков в управлении Индией. В 1885 г. в Индии все разрозненные организации буржуазии и интеллигенции объединяются в единую партию Всеиндийский национальный конгресс.

В конце XIX столетия оживает также культурная жизнь. В стране начинают складываться национальные рынки. К этому же периоду относится и становление национальных языков народов Индии.

В своей работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин писал: «единство языка и беспрепятственное развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяином или хозяйчиком, продавцом и покупателем»⁶.

Развивается пресса на индийских языках, растет литература. Немного позднее, в начале XX в. (1905—1913 гг.) начинается движение за создание так называемых лингвистических провинций, т. е. за объединение всех территорий, население которых говорит на одном языке.

Национальные языки развиваются, как правило, на основе тех диалектов, которые стали преобладать в основных культурных центрах национальных районов. Особенности экономического, исторического и культурного развития различных народов Индии, диалектное многообразие приводили к тому, что процесс формирования общенародных, а затем и национальных языков протекал в каждом случае своеобразно. Иногда процесс этот осложнялся наличием нескольких литературных форм, одни из которых ныне уже не употребляются, а другие используются и в настоящее время. Однако общая тенденция — становление национального языка на базе наиболее развитого диалекта, действующего в основном культурном центре конкретного национального района. Так, в Бенгалии в конечном счете побеждает диалект района Калькутты, так называемый чалит бхаша. Наиболее крупный знаток бенгальского языка С. К. Чаттерджи пишет по этому поводу (слова эти относятся к 1909 г.): «Разговорный язык Калькутты, тот, которым пользуются образованные люди Западной Бенгалии, завоевывает почву, ибо Калькутта — интеллектуальный центр бенгальской нации, и учащиеся со всех концов Бенгалии тысячами собираются там каждый год. Этот факт привел нас к лингвистическому единству Бенгалии, какого ранее никогда не существовало»⁷. Но в Бенгалии все еще сохраняются большие различия в грамматическом строе разговорного и литературного

языков. Наряду с чалит бхаша, который был окончательно утвержден в качестве литературной нормы произведениями Тагора, до сих пор языком прессы и научной прозы является главным образом прежний литературный язык, так называемый садху бхаша.

В языке маратхи в средние века существовали три литературные формы, развившиеся на основе конкани, т. е. диалекта Конканского побережья, деши, диалекта районов, прилегающих к Пуне, и диалекта Нагпура. В XIX в. в основу национального языка лег диалект деши, т. е. пунский диалект, соответственно литературная форма деши окончательно вытеснила остальные литературные языки. Теперь даже в речи образованных людей считается неправильной сильная назализация гласных, свойственная конканскому диалекту.

Совсем особое положение с кхари-боли. В XIX в. этот диалект распространен по всем городам нынешних штатов Уттар Прадеш, Бихар, Раджастан и Мадхья Прадеш. Но в то же время на основе этого диалекта развились два письменных языка, две литературные формы, а именно: урду, который использует арабский алфавит и черпает термины из фарси и арабского языков, и хинди или, как его иногда называют, «высокий хинди», с алфавитом деванагари, использующий при создании научной терминологии санскрит. Разница между литературными формами урду и хинди весьма значительна. Разговорный же язык одинаков, он не перегружен ни персидско-арабскими, ни санскритскими терминами и близок к деревенскому кхари-боли, который действует в соответствующих районах штата Уттар Прадеш и Пенджаб.

Вместе с тем в домашнем обиходе все еще продолжают бытовать такие диалекты, как брадж, авадхи, бходжпури и другие, а на майтхили и марвари делаются даже попытки возродить литературу. Наиболее последовательным борцом за внедрение во все области литературы хинди диалекта кхари-боли в XIX в. выступил крупный драматург, публицист и поэт Бхаратенду Харишчандра. Однако и до сих пор диалекты, упомянутые выше, продолжают жить и наряду с другими условиями (недостаточное экономическое развитие, не полностью реорганизованная система просвещения) препятствуют дальнейшей консолидации языка хинди в национальный. Еще более этому мешает наличие двух литературных форм, восходящих к одному и тому же диалекту, — современного литературного урду и современного литературного хинди.

У некоторых других народов, где обе формы национального языка (устная и письменно-литературная) восходят к единому диалекту, но значительно расходятся между собой, главным образом в отношении словаря, начался процесс сближения литературного языка с разговорным. Так, за счет живых разговорных форм значительно обновляется лексика литературных телугу, малаялама и ория, в которых в огромном количестве бытовали санскритизмы, а также литературные языки тамилы и каннацев, изобиловавшие древними, малопонятными народу формами.

Консолидация различных национальных языков в Индии происходила весьма неравномерно, поскольку крайне неравномерно протекал процесс складывания народов Индии в нации. Колониальное положение страны тормозило его развитие. Если такие народы, как бенгальцы, тамилы, маратхи, ория, гуджератцы, стали складываться в нации в начале XIX в., то малаяли, каннарцы — только в конце XIX в., а такие, как пенджабцы и кашмирцы, стали складываться в нации значительно позднее, начиная с 30-х годов XX в. Процесс складывания национальностей Хиндустана (т. е. территории, где преобладает язык хинди и урду) еще не закончился.

Одной из существенных особенностей национального языка, отличающих его от языка народности, является многообразие функций, которые

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368.

⁷ Цит. по «Linguistic survey of India», vol. I, part I, Calcutta, 1927, p. 222.

возникают в связи с необходимостью удовлетворить растущие и усложняющиеся потребности общества. Национальный язык должен непосредственно реагировать на развитие художественной литературы, науки, техники и т. д. Длительное колониальное порабощение Индии препятствовало всестороннему развитию ее языков, в частности засилье английского языка препятствовало созданию научных трудов на индийских языках и разработке научной терминологии.

Богатая художественная литература развилась на всех языках Индии, в частности в XIX в. появилась реалистическая, отражающая современную жизнь проза. Такие писатели, как Тагор в Бенгалии, Прем Чанд в Соединенных провинциях, Бхарати в Тамилнаде, Валлатхол в Керале, Хари Нараян Апте в Махараштре, Факир Мохан Сенапати в Ориссе, сыграли огромную роль в развитии литературы и литературного языка соответствующих народов. Что же касается научной литературы на большинстве индийских языков, то ее почти не было. За исключением исследований по литературоведению и языкознанию, учебников для средних школ и научно-популярных изданий, которые выходили на индийских языках, все остальные труды ученые индийцы писали на английском языке. Это отразилось и на лексике индийских языков. Имея развитую терминологию в других областях, индийские языки в большинстве случаев не выработали научной и технической терминологии.

Некоторые индийские деятели просвещения объясняют это природной недостаточностью индийских языков. Они считают, что, поскольку в словаре индийских языков нет научных терминов, их нельзя использовать для преподавания в вузах, для государственной и судебной практики, а также для изложения технических дисциплин и предметов. Однако нет никакого сомнения, что любой из языков Индии может развиваться в такой степени, что он будет обслуживать все стороны общественной жизни и являться средством выражения научной мысли во всех областях знания. Известно, что некоторые научные деятели Махараштры и Бенгалии в своей практике употребляли национальный язык. Крупный маратхский историк Раджваде не написал ни одной работы на английском языке. Главнейшие работы Ганди, иногда очень сложного философского содержания, были написаны на языке гуджарати. Тагор свои философские и публицистические произведения писал на бенгали. Некоторые бенгальские профессора преподавали физику и высшую математику на бенгали.

После достижения Индией независимости развитие национальных языков вступило в новую фазу. Их нормализации способствует создание штатов, которые объединяют население, говорящее на одном языке; изменение системы преподавания, в частности введение дисциплин в старших классах на родном языке; терминологическая работа, проводящаяся в государственных масштабах, и т. д. Наконец, и это самое главное, всестороннему развитию национальных языков способствует признание индийской конституцией их равноправия. Индийские языки, признанные конституцией, это языки, на которых говорят миллионы людей. Из 14 официально признанных в Индии языков самым малочисленным является малаялам, но и на нем говорят 13 миллионов человек, т. е. значительно больше, чем, к примеру, на любом из скандинавских языков. Естественно, что при таком положении очень сложным является вопрос о государственном или межнациональном языке Индии. Эта проблема не может быть решена сразу, поскольку ни один из языков Индии, в силу длительного колониального закабаления, в ходе исторического развития не стал межнациональным.

Конечно, единственным языком в Индии, который может претендовать на роль государственного и межнационального языка Индии, является

хинди. На нем говорит не менее 40% населения всей Индии, а понимает его еще большее число людей. По числу говорящих на нем хинди принадлежит к величайшим языкам мира. Как совершенно правильно отмечал Джавахарлал Неру, хинди близок к языкам севера Индии, что же касается народов Южной Индии, то им его также легче усвоить, чем любой из европейских языков. Наряду с распространением хинди в районах, где население не говорит на нем, будут созданы все условия для развития этого языка, ибо только тогда люди, не говорящие на хинди, будут чувствовать, что изучение хинди поможет им овладеть наукой и знаниями.

На последнем съезде партии Национальный конгресс вопрос о языке занял большое место. Съезд вынужден был признать неудачу предпринятых в течение 10 лет попыток заменить английский язык языком хинди и принял решение продолжать пользоваться английским языком в качестве официального и после 1965 г. (согласно прежнему решению в 1965 г. английский язык должен был перестать считаться официальным языком страны). Вместе с тем в речи многих делегатов и, в частности, главы правительства Джавахарлала Неру обращалось внимание на то, что все языки штатов должны быть признаны национальными языками и введение хинди в качестве государственного языка ни в какой мере не ущемляет прав языков штатов. Неру выступил также в защиту языка урду, подчеркнув его большое значение как одного из основных языков Индии. Он заявил, что введение хинди должно проводиться постепенно и в порядке добровольности. В тех районах, где хинди является языком населения, в школах должен быть введен какой-либо другой индийский язык, кроме хинди. Особенно подчеркивали делегаты необходимость более тесного контакта между севером и югом и изучения на севере Индии южных языков⁸.

Такая постановка этого вопроса обещает большой успех в деле распространения хинди и подготовки к замене английского языка языками штатов и языком хинди как языком межнациональных сношений.

S U M M A R Y

Tracing the development of various national languages in India, the author observes that it was a very uneven process owing to the unevenness of the process of consolidation of India's peoples into nations. He points out that the specific features of the economic, historic and cultural development of different peoples and the great variety of dialects account for the fact that the formation of the popular and later on the national languages was different in each case. At times this process was complicated by the existence of several literary language forms, some of which have become obsolete while others are still used.

The concluding part of the article deals with the question of a language for all India purposes.

⁸ См. «New age». January 6958, p. 12.

КАИРСКИЕ ВОССТАНИЯ 1798—1800 гг. И ОПИСАНИЕ ИХ В ХРОНИКЕ АБД АР-РАХМАНА АЛЬ-ДЖАБАРТИ

И. М. ФИЛЬШТИНСКИЙ

Французские документальные источники и многочисленные мемуары участников египетской экспедиции генерала Бонапарта дают возможность воспроизвести общую картину событий 1798—1801 гг. К числу важнейших французских источников этого периода относится собрание «Писем Наполеона»¹ и сборник «Клебер и Мену»².

Важные материалы имеются в пятитомном труде Ла Жонкьера³ — собрании отрывков из архивных и других документов, относящихся к египетской экспедиции. Значительный интерес представляют перехваченные сторожевыми судами английского флота в Средиземном море письма французских офицеров⁴, а также мемуары участников французской экспедиции Бонапарта — Бертье, Рейнье, Бейара, Мармона, Девернуа, Догеро, Савари, Жофруа Сент-Иллера, Вийе дю Терража и многих других.

Однако одностороннее, а иногда и тенденциозное освещение событий внутриполитической истории является существенным недостатком французских источников, а также работ французских и английских буржуазных исследователей, интересовавшихся почти исключительно дипломатической и военной стороной вопроса. В источниках и литературе этого рода обычно освещается только так называемая проблема взаимоотношений между французским командованием и «мусульманскими фанатиками». Так, Шарль Ру посвятил специальную статью «промульманской» политике Бонапарта⁵. Лакруа восхищался «грандиозными идеями и патриотическими целями» Бонапарта, стремившегося основать в Египте французскую колонию⁶, Анри Д'Эстр в книге «Бонапарт. Восточный мираж» пытается доказать, что каирские восстания были вызваны англотурецкой пропагандой⁷. Таким образом, факты, относящиеся к освободительному движению в Египте, в западноевропейских источниках и литературе освещены недостаточно, а иногда и искаженно. Поэтому для правильного понимания внутренних процессов, происходивших в Египте,

¹ «Correspondance de Napoléon I-er, publiée par ordre de l'Empereur Napoléon III», t. IV—VIII. Paris, 1860—1861.

² «Kléber et Menou en Égypte depuis le départ de Bonaparte (Août 1799—Septembre 1801)». Paris, 1900.

³ C. de la Jonquière. L'expédition d'Égypte (1798—1801). Paris, s. a.

⁴ «Copies of original letters from the army of general Bonaparte in Egypt intercepted by the Fleet under the command of admiral Lord Nelson». London, 1798.

⁵ F. Charles-Roux. La politique musulman de Bonaparte. «Revue des études napoléoniennes», 1925, t. XXIV p. 23—47.

⁶ D. Lacroix. Bonaparte en Égypte (1798—1799). Paris, 1899.

⁷ Henry d'Estre. Bonaparte. Le Mirage oriental. Égypte (1798—1799). Paris, 1946.

большое значение приобретает арабская хроника Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, содержащая описание событий египетской истории второй половины XVIII и первых двух десятилетий XIX в.

Для настоящей статьи использован третий том хроники, посвященный событиям 1798—1801 гг.⁸

Аль-Джабарти был одним из влиятельных шейхов аль-Азхара⁹.

В отличие от средневековых арабских летописцев, которые делили мир только на мусульман и иноверцев, аль-Джабарти ввел в употребление понятие «египтянин» и широко пользовался им, что само по себе свидетельствует о пробуждении у арабов чувства национального самосознания. Враждебно настроенный по отношению к французским завоевателям, автор хроники сочувствует «священной войне» и с несомненным участием относится к городской бедноте и феллахам Египта, однако размах борьбы народных масс Каира, которые не всегда слепо следовали за своими руководителями из турецко-мамлюкских феодальных верхов, вызывает его явное беспокойство.

Как видно из многочисленных французских документов, Директория намеревалась превратить Египет во французскую колонию¹⁰.

Действия французских колонизаторов вызывали решительное сопротивление египетского населения. Движением против иноземных завоевателей были охвачены все слои египетского общества во всех провинциях Египта. Наиболее значительными и драматическими эпизодами этого движения явились каирские восстания 1798—1800 гг.

Основные силы повстанцев состояли из ремесленников, рабочих¹¹, членов неремесленных цехов и корпораций, мелких торговцев и представителей низшего духовенства. Значительную роль в восстании играли шейхи аль-Азхара; многие из них были крупными землевладельцами, некоторые занимались также торговлей¹².

Главные силы французской армии находились в Каире. Обстановка здесь была исключительно напряженной, в город проникали слухи о волнениях в провинциях, сражениях в Дамiette и Мансуре, об убийствах французами египтян, о турецкой армии, идущей на помощь последним¹³. Все эти слухи находили в городе благодатную почву, ибо жители Каира особенно остро страдали от действий французских властей. Стремясь предотвратить восстание, Бонапарт приказал укрепить позиции французского гарнизона в Каире: уничтожить ворота, разделявшие каирские кварталы, расчистить улицы, установить на минаретах пушки¹⁴. Французы выселили из каирской крепости местное население, усилили крепостную артиллерию.

⁸ عبد الرحمان اجبرتي، عجائب آلا آثار في التراجم و الاخبار (Абд ар-Рахман аль-Джабарти. Удивительные памятники прошлого в биографиях и сообщениях). Булак, 1880.

⁹ Интересные данные о жизни и деятельности аль-Джабарти содержатся в двухтомной монографии Махмуда аш-Шаркави. مصر في القرن الثامن عشر (Махмуд аш-Шаркави. Египет в XVIII веке). Каир, 1955—1956.

¹⁰ См. Charles Roux. Les origines de l'expédition d'Égypte. Paris, 1910.

¹¹ В конце XVIII в. население Каира достигало 300 тыс. человек, причем из 100 тыс. взрослого мужского населения 25 тыс. составляли ремесленники и 15 тыс. — рабские. E. Jomard. Mémoire sur la population comparée de l'Égypte. Description de l'Égypte, t. 9. Paris, 1829, p. 123—124.

¹² Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 25; M. de Chabrol. Essai sur les moeurs. Description de l'Égypte, t. 18. Paris, 1826, p. 68.

¹³ نقولا التركي، ذكر تملك جمهور الفرنس وية الاقطار المصرية والبلاد الشامية (Навула ат-Турки. Воспоминания о французской экспедиции в Египет и Сирию). Париж, 1839, стр. 65.

¹⁴ «Correspondance de Napoléon I-er...», t. IV, № 2945, 2956, 2957; t. V, № 3445.

Французские солдаты получили инструкции на случай тревоги. Каирскую полицию возглавил Бартеlemi — продажный и жестокий человек. Жителям Каира было приказано сдать оружие. Нарушавшие приказ подвергались штрафам и тяжелым телесным наказаниям. Владельцы домов, в которых полиция обнаруживала пушки и боеприпасы, предавались смертной казни¹⁵. Владельцам всех постоянных дворов было отдано распоряжение не сдавать помещений иностранцам и не принимать жильцов без разрешения полиции. К осени 1798 г. положение в Каире стало особенно напряженным. На одном из последних заседаний Большого Дивана, деятельность которого прекратилась 19 октября, был «принят» налог на движимое и недвижимое имущество в размере 3,6 и 8 фр. талеров. Постоялые дворы, бани, маслобойни, лавки облагались налогом от 30 до 40 талеров. 20 октября обмерщики стали обходить кварталы, устанавливая категорию собственности того или иного владельца. Это и послужило непосредственным поводом к восстанию. На улицах стали собираться возмущенные жители города. Волновался в основном простой народ. «Те, кто носил чалму, — по словам аль-Джабарти, — лишь одобряли это дело»¹⁶. Источники не содержат подробных сведений о руководителях восстания. Известно лишь, что с самого начала восстание возглавили шейхи Сулейман аль-Джаусаки — глава корпорации слепых, Ахмад аш-Шаркави, Исмаил аль-Баррави, Юсуф аль-Муслихи, Абд аль-Ваххаб аш-Шабрави, Абд аль-Керим, аль-Бадр аль-Кудси и другие¹⁷. Невозможно также, к сожалению, установить, как подготавливалось это восстание. Имеются лишь сведения о том, что шейхам египетских провинций и расположенных близ Каира деревень были направлены письма с призывом прийти на помощь повстанцам, как только они выступят. Такое письмо было послано шейху аш-Шаварби, который должен был прибыть в Каир с войском и бедуинами в точно указанный день¹⁸.

Восстание началось утром 21 октября, когда муэдзины призвали горожан подняться на борьбу с «неверными»¹⁹. Вооруженные ружьями и палками, жители Каира направились в центральные кварталы города. Свыше тысячи человек собралось перед домом каирского кади — Ибрахим-эфенди. Направленная к нему в дом депутация из двадцати человек потребовала, чтобы он отправился к Бонапарту и добился отмены налога и прекращения кадастрации имущества. Испугавшийся толпы кади пытался бежать, тогда возмущенные жители избили сторожей и разграбили дом кади. «Услышав призыв, — писал Накула ат-Турки, — мусульмане закрывали лавки и спешили к аль-Азхару»²⁰. Мечеть стала центром восстания, откуда во все концы города были разосланы гонцы с призывом присоединиться к восставшим.

Получив первые сведения о волнениях, комендант города генерал Дююк отправился с небольшим отрядом к дому кади. Отряд был разбит в столкновении с повстанцами около ворот Захума (улица Венецианцев), а Дююк смертельно ранен²¹. Восставшие атаковали французов почти во всех районах Каира. Нападению подверглись здания французских учреждений и принадлежавшие французам частные дома.

Повстанцы заняли центральную часть города, окружив ее кольцом баррикад. «За каждой баррикадой, — отмечал аль-Джабарти, — расположи-

¹⁵ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 11, 20 «Correspondance de Napoléon I-er...», t. IV, № 2903, 2912, 2967; t. V, № 3391, 3394.

¹⁶ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 22, 25.

¹⁷ Там же, т. 3, стр. 91—92; «Correspondance de Napoléon I-er...», t. V, № 3571.

¹⁸ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 70.

¹⁹ С. de la Jonquière. Указ. соч., т. III, стр. 279.

²⁰ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 67.

²¹ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 25.

лась большая толпа людей». «Не только артиллерия не могла здесь пройти, но и пехота», — писал Детруайе²². Со всех сторон раздавались выстрелы. «Французские патрули подверглись нападению и во многих местах были отброшены к позициям резерва. Даже во французском квартале в 200 туазах от главной ставки... я был атакован более чем ста пятьюдесятью восставшими»²³.

В первый же день восстания французы предприняли наступление из квартала аль-Манахиллия, пытались овладеть баррикадой повстанцев в квартале аш-Шаваин, но были остановлены и отброшены из занимаемого ими квартала защищавшими баррикады магрибинцами — жителями квартала аль-Фахамин. Ободренные успехом, повстанцы перешли в наступление и вторглись в квартал аль-Джаванийя²⁴.

В ночь с 21 на 22 октября французское командование перебросило артиллерию, подвезли боеприпасы и тем самым обеспечили господство французской артиллерии над всеми охваченными восстанием районами. Бонапарт направил послание шейхам аль-Азхара, предлагая прекратить сопротивление. Послание это осталось, однако, без ответа. «Главные шейхи, — сообщал Бонапарт Директории, — появились на баррикадах большой мечети, но восставшие помешали им выйти за пределы баррикад, встретив их выстрелами»²⁵. Утром комендант Каира генерал Бон получил приказ Бонапарта «без промедления атаковать восставший квартал, подвергнуть бомбардировке мечеть... и захватить ворота и главные дома, ведущие к мечети». «Главнокомандующий приказал, чтобы Вы уничтожили всех, кого Вы встретите на улице вооруженными. Вы должны объявить, что все дома, из которых будут бросать на улицу камни, будут сожжены. Истребите всех, кто будет в мечети, и установите сильные патрули»²⁶.

22 октября в 4 часа дня начался сильный артиллерийский обстрел занятой повстанцами части города. «Французы, — писал аль-Джабарти, — особенно стремились попасть в мечеть аль-Азхар и подтянули поближе к месту, где она находилась, пушки и ядра». Жестокому обстрелу подверглись также кварталы аль-Хурийя и аль-Фахамин. Тогда шейхи аль-Азхара решили, по-видимому, взять на себя инициативу мирных переговоров. Бонапарт, стремившийся возможно скорее добиться капитуляции горожан, «милостиво» принял депутацию шейхов, и к вечеру в районе аль-Азхара сражение прекратилось. Только жители квартала аль-Хусейнийя далеко за полночь продолжали сопротивляться французским войскам и прекратили борьбу лишь после того, как израсходовали все боеприпасы²⁷. Каирское восстание было довольно широко поддержано населением близлежащих деревень и городов. 22 октября к Каиру стали подходить отряды феллахов и бедуинов из соседних деревень²⁸.

С отрядом в несколько тысяч человек из Кальюбе прибыл шейх аш-Шаварби²⁹. Аш-Шаварби неоднократно выступал против французских завоевателей. Он пользовался огромной популярностью у населения, и французские власти поэтому были вынуждены оставить его на посту шейха. Аш-Шаварби поддерживал связь с шейхами аль-Азхара и мамлюками Верхнего Египта и разослал по деревням Кальюбии письма с призывом идти

²² См. С. de la Jonquière. Указ. соч., т. III, стр. 280.

²³ Там же, стр. 279.

²⁴ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 26.

²⁵ «Correspondance de Napoléon I-er...», t. V, № 3538.

²⁶ Там же, № 3524.

²⁷ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 22.

²⁸ С. de la Jonquière. Указ. соч., т. III, стр. 281.

²⁹ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 7.

на помощь каирцам. Такие письма были позднее обнаружены французами в Сирийакоме и других местах³⁰.

Феллахско-бедуинское войско аш-Шаварби было, однако, рассеяно и отброшено от Каира высланными ему навстречу сильными отрядами генералов Ланна, Во и Дюма³¹.

На исходе ночи с 22 на 23 октября французские войска начали продвигаться в кварталы, занятые восставшими. Через ворота аль-Баркийя они вошли в квартал аль-Хурийя. «Как черти или как дьявольское войско, — писал аль-Джабарти, — они прошли по улицам и переулкам, не встречая на своем пути сопротивления». Группа французских солдат и офицеров проникла в мечеть аль-Азхар и разграбила ее. «Они буйствовали в галереях и проходах, разбили лампы и светильники, вдребезги разломали шкафы живущих там учащихся, студентов и писцов, разграбили вещи, посуду и ценности, спрятанные в шкафах и хранилищах. Они разорвали книги и свитки корана, разбросали их по полу и топтали ногами. Они осквернили это место, испражнялись, мочились, сморкались, пили вино, били посуду и бросали все во двор и в сторону, а кого встречали — раздвигали и отнимали одежду»³².

Весь район восстания квартал за кварталом подвергся обыску. Лица, заподозренных в участии в восстании или схваченных с оружием в руках, беспощадно расстреливали³³. Ликвидировав вечером 23 октября последние очаги восстания, французские власти перешли к жестоким репрессиям. «Ежедневно, — писал Бонапарт, — мы отрубаем по три десятка голов... это им послужит примером»³⁴. Было убито около 2,5 тыс. каирцев³⁵. Среди казненных было много муэдзинов, которых французы обвиняли в подстрекательстве к восстанию³⁶. Зачинщиками восстания были объявлены четырнадцать шейхов, семерых из них казнили, остальные сумели скрыться и были осуждены заочно. Имущество приговоренных было конфисковано. Каирская полиция в поисках оружия обыскивала горожан, производила аресты и по малейшему подозрению убивала без суда и следствия. «Один Аллах знает, сколько людей погибло в эти несколько дней», — писал аль-Джабарти³⁷.

Второе Каирское восстание вспыхнуло в конце марта 1800 г.

Его возглавили представители высшего духовенства и богатейшего купечества, к которым примыкали находившиеся в Каире мамлюки: Омар-эфенди, Ахмад аль-Махруки (глава каирских купцов) и Хусейн-ага Шанан.

Большие толпы каирцев, среди которых было значительное число купцов, проживавших в квартале Хан аль-Халили, и магрибинцев, вооруженных палками и огнестрельным оружием, собрались на холмах за воротами ан-Наср в ожидании исхода сражения в аль-Матарийя. Аль-Джабарти писал, что среди восставших было особенно много представителей беднейшей части каирского населения, которых он именуется в своей хронике «черню» и «босьяками»³⁸.

³⁰ «Correspondance de Napoléon I-er...», t. V, № 3757; Аль-Джабарти. Указ. соч., стр. 32.

³¹ «Correspondance de Napoléon I-er...», t. V, № 3538; P. Martin. Histoire de l'expédition française en Égypte, t. I. Paris, 1815, p. 256—257.

³² Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 22.

³³ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 68; Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 27.

³⁴ «Correspondance de Napoléon I-er...», t. V, № 3539; E. de Villiers du Terrage. Journal et souvenirs sur l'expédition d'Égypte (1798—1801). Paris, 1899, p. 84.

³⁵ «Correspondance de Napoléon I-er...», t. V, № 3538. Бейар дает другую цифру — 4 000 (C. de la Jonquièrre. Указ. соч., т. III, стр. 282).

³⁶ J. P. Doguereau. Journal de l'expédition d'Égypte. Paris, 1904, p. 94.

³⁷ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 28.

³⁸ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 91; Аль-Джабарти употребляет слова رعا ع — чернь, غوغا — сборище, اوباش — сброд, подонки.

20 марта, в середине дня, в Каир пришел шеститысячный отряд уцелевших от разгрома после сражения с французскими войсками под аль-Матарийя турецких солдат и мамлюков во главе с Насиф-пашой. Среди прибывших был один из руководителей турецкой армии Осман-кятхода и крупнейшие мамлюкские беи (Ибрахим-бей, Хасан-бей аль-Джадави, Осман-бей аль-Муради, Осман-бей аль-Ашкар, Осман-бей аш-Шаркави и др.) в сопровождении своих приближенных. Кроме турок и мамлюков на помощь повстанцам в город пришло около 10 тыс. вооруженных жителей соседних деревень³⁹. 21 марта утром восставшие доставили из аль-Матарийя три пушки, брошенные при отступлении отрядом Насиф-паши, а потом захваченные и приведенные в негодность французами. Эти пушки были починены и в первые дни восстания представляли всю артиллерию повстанцев⁴⁰.

21 марта Насиф-паша начал наступление на главный штаб французских войск в Каире, находившийся в доме Мухаммад-бея аль-Альфи на площади аль-Узбекия. Превосходство французов в вооружении и плохая организация наступления позволили французам отразить наступление.

После неудачной атаки главного штаба французских войск восставшие перешли к обороне. Весь день 22 марта жители Каира строили баррикады и укрепляли город. В ночь на 23 марта французы начали из крепости и фортов артиллерийский обстрел квартала аль-Джамалия, где была сосредоточена основная масса повстанцев. Турецкие и мамлюкские военачальники, как сообщает аль-Джабарти, «пришли к мнению о необходимости в ту же ночь уйти из города, так как сил для продолжения сопротивления не хватало, а форты находились в руках французов»⁴¹. Это решение вызвало всеобщее негодование каирцев, которые обвиняли турок и мамлюков в малодушии. Жители города спрятали лошадей мамлюкских предводителей и заперли ворота ан-Наср. Насиф-паша вынужден был подчиниться воле народа. Судя по сообщениям аль-Джабарти, энтузиазм населения Каира был исключительно велик. Только больные и немощные оставались дома — все остальные принимали участие в сражениях. Муэдзины мечетей призывали всех к борьбе⁴². Были извлечены пушки, закопанные в домах некоторых мамлюкских беев. Продавцы принесли из лавок железные и каменные гири, которые были использованы в качестве ядер. Повстанцы начали обстреливать главный штаб в аль-Узбекия⁴³. Однако время было упущено. Вечером 23 марта в Каир прибыл генерал Лагранж с пятью батальонами, посланный сюда Клебером после сражения в аль-Ханке⁴⁴.

Повстанцы опоясали город кольцом баррикад, командование на них почти повсеместно перешло в руки мамлюкских беев. Население квартала аль-Хусейнийя и аль-Ашуф заняло позиции у ворот ан-Наср, аль-Хадид и аль-Карафа, жители квартала Хан аль-Халили и аль-Джамаа расположились у ворот аль-Баркийя. «Одним словом, — писал аль-Джабарти, — жители окраин города присоединились к солдатам, находившимся в их районе». Часть вооруженных жителей и турецких солдат составила резерв и находилась в квартале аль-Джамалия. В доме Каид-ага на улице аль-Харанфиш было организовано производство пороха. «Сюда привели оружейников, тележников, кузнецов и литейщиков и заставили их из-

³⁹ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 357; Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 91.

⁴⁰ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 92.

⁴¹ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 92; Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 172.

⁴² J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 359.

⁴³ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 93.

⁴⁴ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 360.

готовлять пушки и бомбы, исправлять пушки, которые были найдены в некоторых домах, изготовлять другие виды вооружения»⁴⁵.

Через несколько дней после начала восстания в Каир прибыл Мухаммад-бей аль-Альфи со своими мамлюками. Он занял район улиц Абд аль-Хакк и аль-Бейдак. Под предводительством Исмаила-кяшифа и других кяшифов жители предприняли энергичное наступление на площади аль-Узбекия. Одновременно другая группа повстанцев наступала на французские позиции в квартале коптов⁴⁶. Вскоре в Каире появился магрибинец Мулай-Мухаммад, который во время сирийского похода Бонапарта возглавил восстание египтян в провинции Бухайра. Вокруг него объединились жившие в Каире магрибинцы и большая часть каирской бедноты. Гнев каирцев обрушился прежде всего на тех, кто сотрудничал с французскими властями⁴⁷.

Одновременно с восстанием в Каире вспыхнуло восстание в Булаке. Здесь повстанцев возглавил старый враг французов Мустафа аль-Баштили. Жители Булака напали на французский лагерь на берегу Нила, перебили его охрану и завладели имуществом лагеря. Они атаковали также форт Камен, расположенный у ворот аль-Узбекия, но были отброшены артиллерийским огнем⁴⁸. Так же, как в Каире, булакские повстанцы соорудили в районе восстания баррикады. Однако им не удалось соединиться с восставшими каирцами.

События в Каире чрезвычайно беспокоили Клебера. Как уже указывалось, из аль-Ханка он послал в подкрепление каирскому гарнизону отряд Лагранжа. Изгнав турок из Бильбейса, Клебер спешно отправил в Каир отряд генерала Фриана, а после занятия ас-Салихийи со всей французской армией быстрым маршем двинулся на Каир. Лишь незначительные силы были оставлены на сирийской границе: каирское восстание пугало Клебера значительно больше, чем угроза нового турецкого вторжения.

Клебер рассчитывал подавить восстание в три дня⁴⁹. Однако уже первые попытки генерала Фриана начать наступление на Каир натолкнулись на исключительно сильное сопротивление защитников города. Догеро писал, что «весь город со всех сторон был опоясан баррикадами из камня в 12 футов вышины с двумя рядами бойниц. Перед баррикадами имелись широкие и глубокие рвы»⁵⁰. Тогда Клебер решил изменить тактику. Он задумал задуть защитников города голодом. Французские войска окружили Каир и Булак и, закрыв тем самым доступ в город, обрекли многотысячное каирское население на голод⁵¹.

После прибытия Клебера из ас-Салихийи французы стали ежедневно обстреливать город снарядами, начиненными горючими смесями, отчего возникали страшные пожары. «Снаряды падали без перерыва ночью и днем, утром и вечером», — писал аль-Джабарти. К концу марта в городе стал ощущаться недостаток продовольствия и воды. «Исчезло зерно и хлеб с рынков», — писал аль-Джабарти, — «цена на воду из колодцев и источников поднялась и достигла более чем 60 пара за бурдюк. До Нила почти никто не добирался». Тяжелое положение защитников города усугублялось еще тем, что турецкие солдаты отнимали у жителей пищу и питье.

Чтобы прокормить защитников города, купечество и другие богатые лица были обложены налогом в сто кошельков. Эти деньги передали для

⁴⁵ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 93.

⁴⁶ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 360.

⁴⁷ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 94; Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 171.

⁴⁸ P. Martin. Указ. соч., стр. 81; J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 356—357.

⁴⁹ «Kléber et Menou...», p. 253.

⁵⁰ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 361.

⁵¹ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 96.

использования по назначению шейхам ас-Садату и ас-Сави⁵². Шейху, ас-Садату было поручено также нести расходы по содержанию Мустафы-бея и его отряда. Многие богатые купцы и шейхи (аль-Махруки и др.) добровольно взяли на себя расходы по питанию защитников города⁵³. Продовольствие получали только те, кто носил оружие или работал на строительстве укреплений⁵⁴. «Люди отдавали все, что имели, помогали друг другу и делали все, что было в их силах и возможностях», — писал аль-Джабарти.

В начале апреля французы начали наступать на город. Ожесточенные бои 3 и 4 апреля происходили в районе коптского квартала. Некоторые здания и баррикады по несколько раз переходили из рук в руки. В конце концов французам удалось захватить квартал⁵⁵. Мужественно вели себя некоторые мамлюки, особенно Хасан-бей аль-Джавади. Аль-Джабарти так описывает его деятельность. «Днем и ночью люди видели его отвагу, храбрость и выдержку в борьбе с врагом, что говорило о высоких качествах его души, силе сердца и большой энергии. Мало было сражений в любом из районов, душой которых он не являлся бы и где бы он не возглавил воинов»⁵⁶. Шахин-кяши, назначенный повстанцами начальником полиции вместо казненного Мустафы-ага, взял на себя наблюдение за порядком внутри города. Активное участие в восстании принимали также многие шейхи аль-Азхара.

В течение первой половины апреля в городе шли ожесточенные бои. Каирцы сражались с неослабевающим мужеством, и французские войска продвигались вперед с большим трудом. Не будучи в состоянии отбить у повстанцев некоторые дома и кварталы, они уничтожали их⁵⁷.

Большие потери французской армии вынуждали Клебера искать иных путей, чтобы принудить восставших к капитуляции. В начале апреля он впервые предложил восставшим прекратить борьбу, угрожая в противном случае полностью разрушить город. Предложение было отвергнуто⁵⁸. В середине апреля французские агенты из числа примкнувших к французам мамлюков неоднократно пробирались в осажденный город и уговаривали мамлюков и турок прекратить борьбу и покинуть Каир⁵⁹.

Турецкие военачальники и большая часть мамлюкских беев были готовы принять предложение французов. Они не видели для себя смысла продолжать борьбу в блокированном городе и лишь добивались приемлемых условий капитуляции. Поэтому они согласились на новое предложение Клебера начать мирные переговоры и откомандировали к нему для этой цели наиболее известных шейхов (аш-Шаркави, аль-Махди, ас-Сирси, аль-Файюми и других). Клебер, желавший возможно скорее покончить с восстанием, предложил относительно приемлемые для турок условия.

Известие о переговорах шейхов с Клебером и о подготовляющемся соглашении было принято населением Каира с негодованием. Возвратившихся после переговоров шейхов встретили оскорбительными возгласами, аш-Шаркави и ас-Сирси избили⁶⁰. Открыто говорили об измене шейхов,

⁵² Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 96.

⁵³ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 172.

⁵⁴ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 361—362.

⁵⁵ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 369—370; L. Reybaud. Histoire de l'expédition française en Égypte, t. V; Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte, t. VII. Paris, 1830—1836, p. 435—436.

⁵⁶ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 98.

⁵⁷ Одно перечисление улиц, переулков и отдельных знаменитых зданий и дворов, разрушенных и сожженных во время боев, занимает у аль-Джабарти целую страницу (Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 97).

⁵⁸ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 99; «Kléber et Menou...», p. 256.

⁵⁹ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 99.

⁶⁰ Там же.

о полученных ими за это деньгах. «Можно было видеть женщин и детей, останавливавших янычар и мамлюков... и упрекавших их за измену», — писал Догеро⁶¹. Во главе каирских жителей встал уже известный нам магрибинец Мулай-Мухаммад. Он решительно заявил о прекращении мирных переговоров и возобновлении борьбы с французами. «Жители сплотились вокруг магрибинца и поддерживали друг друга», — писал аль-Джабарти, — они «взяли на себя обязанность снабжать пищей и питьем его и тех, кто к нему присоединится»⁶².

Твердая решимость каирцев продолжить борьбу и расправиться с теми, кто пожелает пойти на соглашение с французами, заставила турецких военачальников и каирскую знать вновь отказаться от него⁶³.

Часть французской армии во главе с генералом Бейяром была занята в это время подавлением восстания в Дельте. Жители Дамьетты, узнав о подготавливаемой эвакуации французов из Египта, устроили торжественную манифестацию, во время которой пронесли по улицам чучела Клебера и Бонапарта, которые затем сожгли⁶⁴. Особенно ожесточенные сражения разыгрались в районе Дамьетты. Восстанием были охвачены также города Менуф, Танта, Махалат Каль-убра и др.

Убедившись в непреклонном желании каирцев продолжать борьбу, Клебер решил, не прекращая наступления на Каир, главный удар по повстанцам нанести в Булаке. С 11 по 15 апреля французы подвозили боеприпасы и подтягивали подкрепления из Дельты. Подавив восстания в городах Нижнего Египта, Бейяр двинулся в Каир. 15 апреля войска под командованием Бейяра начали генеральный штурм Булака. Мужественные защитники города во главе с аль-Баштили оказывали яростное сопротивление. Каждый дом, каждую баррикаду французы брали после ожесточенного боя. Сами французы отмечали большую стойкость защитников города. «Враг защищался с большим мужеством, — писал Догеро, — каждый дом служил для него крепостью, преодолеть которую мог только огонь»⁶⁵.

Но силы были неравные. Почти вся французская армия с большим количеством артиллерии атаковала Булак. Сжигая и разрушая здания, обороняемые повстанцами, французы медленно продвигались в глубь города. 16 апреля вечером большая часть Булака была занята французскими войсками. Тогда начались грабежи. «Французы предали грабежу и разбою... и поступили с населением так, что волосы седеют от ужаса, — писал аль-Джабарти. — Они захватили постоянные дворы, склады, завладевшие вещами, данными в залог, и товарами. Они заняли дома и захватили находившееся там имущество, женщин, мальчиков и девочек, склады зерна, сахара, льна, хлопка, семян, риса, жиров, благовоний — одним словом, захватили столько, что всего нельзя описать словами, и не охватит всего никакая книга»⁶⁶. «Ворвавшиеся солдаты в течение трех дней грабили город, — писал Накула ат-Турки. — Они насиловали женщин и девочек...»⁶⁷. Сами французы признавали, что «грабеж продолжался много дней», и что «город был подвергнут разграблению и сожжению»⁶⁸. По приказу французских властей был убит руководитель булакских повстанцев Мустафа аль-Баштили⁶⁹. Жители разрушенного и разграбленного

⁶¹ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 363—364.

⁶² Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 99—100.

⁶³ Там же.

⁶⁴ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 368; L. Reybaud. Указ. соч., стр. 422—423.

⁶⁵ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 372.

⁶⁶ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 101—102.

⁶⁷ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 173.

⁶⁸ J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 373; «Kléber et Menou...», р. 267.

⁶⁹ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 102.

Булака были обложены контрибуцией в 4 тыс. кошельков, а ряд лиц специальным штрафом в 200 тыс. риалов⁷⁰.

Расправившись с восстанием в Булаке, Клебер подтянул все свои войска к Каиру.

Положение в Каире было очень тяжелым. «Рассказ о нем мог бы заставить задрожать горы и побелеть волосы юноши», — писал Накула ат-Турки. Но особенно тяжело было каирцам выносить обиды от их «союзников» — турецких солдат. «Турецкие солдаты обижали жителей, отнимали то, что находили»⁷¹.

18 апреля французы начали генеральное наступление на Каир. Им удалось несколько продвинуться вперед. Насиф-паша использовал отступление из районов Кантара аль-Харуби и квартала Абиар-Риш для того, чтобы склонить турецких военачальников, кяшифов и улемов к прекращению сопротивления. 20 апреля представитель Насиф-паши привез Клеберу подписанный турками договор о капитуляции. В трехдневный срок турки и мамлюки должны были покинуть Каир с оружием и имуществом и направиться в Сирию. До ухода турецкой армии из Египта обе армии должны были обменяться заложниками⁷². Известие о подписании соглашения о капитуляции вызвало в Каире новый взрыв негодования. Блокада, артиллерийский обстрел и многодневные уличные бои не сломили боевого духа повстанцев. Жители Каира не желали складывать оружие и требовали продолжения борьбы. Огромная толпа напала на здание мечети аль-Джамали, где находились присланные Клебером французские заложники. Насиф-паше стоило больших усилий спасти их. Ненависть к изменникам туркам была столь велика, что жители хотели убить Османа-кятходу, одного из руководителей турецкой армии. Мулай-Мухаммад и аль-Махруки призвали население к продолжению борьбы. Однако Насиф-паша помешал этому.

25 апреля турецкие войска покинули город. С ними ушли мамлюки во главе с Ибрахим-беем и многие жители города, принявшие активное участие в восстании и опасавшиеся преследований со стороны французов. Среди покинувших город были Ахмед аль-Махруки, магрибинец Мулай-Мухаммад и т. д. Жители города с ненавистью и презрением смотрели вслед уходившим туркам и мамлюкам. «Ваша слепота и тирания явились причиной нашего поражения», — говорили они, обращаясь к уходившей армии. «Вы причина наших несчастий. Мы жертвы вашей злобы»⁷³.

Шейх ас-Садат написал гневное письмо Осману-кятходе, в котором справедливо обвинил турецких военачальников в предательстве. Вместо того, чтобы помочь жителям в борьбе с французами, турецкие солдаты, по словам ас-Садата, «принесли верующим унижение и вред..., а в грабежах и пороках достигли пределов»⁷⁴.

Каирское восстание в марте—апреле 1800 г. было, бесспорно, одним из самых мощных выступлений египтян в период 1798—1801 гг. В нем приняли участие все слои городского населения, а также жители окрестных районов — феллахи и бедуины. Основное ядро повстанцев составляли ремесленники, рабочие и мелкие торговцы, возглавляемые шейхами цехов и торговых корпораций и представителями мусульманского духовенства.

⁷⁰ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 173; Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 102; «Kléber et Menou...», р. 261.

⁷¹ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 175; Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 102.

⁷² J. P. Doguereau. Указ. соч., стр. 379—381.

⁷³ Накула ат-Турки. Указ. соч., стр. 178.

⁷⁴ Аль-Джабарти. Указ. соч., т. 3, стр. 103.

Каирские восстания и события 1798—1801 гг. оказали большое влияние на последующую историю Египта. После изгнания французских войск англичане и турки столкнулись с народом, имевшим уже опыт вооруженной борьбы с иностранными захватчиками. События 1798—1801 гг. в какой-то мере подготовили условия для проведения реформ Мухаммада Али. В этом и состоит их историческое значение.

SUMMARY

The Cairo uprisings of 1798—1800 are the most significant episodes of the liberation movement in Egypt during Napoleon's campaign.

At the head of the first Cairo uprising were the sheikhs of al Azkhar. The new leaders who came to the forefront at the time of the second Cairo uprising were Omar al Mahruki, head of the merchants' corporation, and Mulai Muhammad, leader of the poor of Cairo. The uprisings demonstrated that the urban population of Egypt was becoming more and more active.

As all the events of 1798—1801, the Cairo uprisings were to exert great influence on the later history of Egypt. After the expulsion of the French troops, the British and the Turks found themselves face to face with a people who had undergone a complete change in the three years of the liberation struggle.

О РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Д. С. КОМИССАРОВ

В свое время один из крупнейших иранских писателей Садек Хедаят так характеризовал новейшую иранскую архитектуру: «Нынешние архитекторы словно потеряли вкус и способность понимать изящное. Несмотря на возможности, которые у них имеются, они строят не в иранском и не в европейском стиле, у них каждая часть здания имеет свой стиль. Например, колонны — греческие, арки — иранские, а окна — в английском духе. Создается впечатление, что все части здания стремятся обособиться друг от друга, и человеку хочется охватить дом руками, чтобы его части не разбежались в разные стороны»¹. Эта образная оценка, пожалуй, в известной степени применима и к современной персидской литературе, которая включает в себя наряду с действительно самобытными произведениями и явные подражания далеко не лучшим образцам литературы Запада, и сочинения, в которых ясно прослеживается влияние модных модернистских течений. Так, мы встречаем в ней и многочисленные авантюрные романы, написанные в подражание американской гангстерской литературе, вроде романа Хосейна Мадани *اسمال در نیویورک* (Исмал в Нью-Йорке) и рассказы типа *قوس قزح* (Радуга) и *خون بها* (Плата за кровь) Нури, проповедующие неприкрытый звериный эгоизм, и стихи, несущие на себе явственный отпечаток декадентства, каковы, на наш взгляд, при всех несомненных формальных достоинствах, стихи Форуг Фаррох-зад с их нарочито подчеркнутой чувственностью, сводящие проблему неравноправия женщины к проблеме взаимоотношения полов.

Очевидно, подобного рода произведения и имел в виду крупный иранский писатель Сеид Мохаммед-Али Джамал-заде, выступая в 1954 г. в предисловии к 5-му изданию своих популярных новелл *یکی بود و یکی نبود* (Были и небылицы) против увлечения «литературными школами, ввозимыми в Иран в качестве гостинца из Европы и Америки»².

Но сквозь беспорядочное переплетение различных модных западных влияний и воздействий уже давно прокладывает себе путь в современной персидской литературе самобытная реалистическая тенденция. То, что реализм является исторической необходимостью, что реалистический ме-

¹ *صادق هدایت پروین دختر ساسان به همراه اصفهان نصف جهان* (Садек Хедаят. Сборник «Парвин-сасанидская девушка и Исфаган-полмира»). Тегеран, 1333/1954, стр. 90. Русский перевод см. Садек Хедаят. Избранное. М., 1957, стр. 225.

² *Сеид Мохаммед-Али Джамал-заде. Были и небылицы*. Тегеран, 1333/1954, предисловие к 5-му изданию, стр. 12.

год должен стать главенствующим в персидской литературе, признают теперь многие иранские писатели и литературоведы. Известный иранский литературовед и писатель Саид Нафиси в предисловии ко 2 тому составленной им антологии современной персидской прозы пишет: «Подобно тому, как живопись воспроизводит красивые цвета, скульптура лепит красивые формы, музыка дает красивые звуки, литература должна выражать прекрасные мысли, а не ограничиваться красивыми словами... Сегодня мировая литература обращает свои взоры к содержанию»³.

Характеризуя состояние современной персидской литературы, Джамалзаде в упомянутом нами предисловии отмечает: «У персидских писателей изменился метод. Они стараются не очень отдаляться от правды и действительности в изображении явлений и объяснении обстоятельств»⁴. Касаясь необходимости создания «хороших и содержательных книг», он подчеркивает, что их можно написать, «лишь хорошо зная жизнь во всех ее проявлениях, со всеми ее особенностями. А для этого писателю надо общаться с народом повседневно и тесно»⁵.

Даже писатель Али Дашти, произведения которого не отличаются прогрессивностью, в одной из своих статей вынужден признать, что «...мир идет к реализму»⁶, хотя в целом статья содержит много неясных и спорных положений. Нельзя, например, согласиться с данной Али Дашти огульно отрицательной оценкой всех произведений персидской прозы как неудачных, мрачных и тоскливых. Под «мрачными» писатель, как видно, подразумевает произведения, обнажающие и бичующие неприглядные стороны общественной жизни. А таких романов и особенно рассказов в современной персидской литературе немало. Более того, реализм подчас находит в ней наиболее полное выражение именно в произведениях, посвященных критике социальных зол и пороков. При этом писатели стараются использовать самые различные приемы реалистического воплощения темы.

В присущей ему манере рассказчика-бытописца ведет повествование Джамалзаде в своем произведении *معصومه شیرازی* (Маасуме из Шираза), входящем составной частью в задуманное писателем большое полотно *صحرای محشر* (Долина страшного суда). В строго реалистической манере изображен здесь старый лицемерный и развратный ахунд, толкающий на преступление и совращающий честную девушку Маасуме. Как бы желая подчеркнуть традиционный и самобытный характер темы, Джамалзаде предпосылает повести в качестве эпиграфа следующее приписываемое Омару Хайяму рубаи:

شیخی بز نفا حشه گفتا مستی
هر لحظه بدام دیگران پا بستی
گفتا شیخا هر آنچه گوئی هستم
اما تو چنانکه مینمائی هستی

Шейх сказал блуднице: «Ты пьяна».
«Не скрываю,— говорит она,—
Ну, а ты похож ли на того,
Кем ты кажешься, о старина?»

(Перевод И. Сельвинского)

³ Саид Нафиси (Саид Нафиси. Шедевры современной персидской прозы), т. II, 1331/1953, стр. 1—2.

⁴ С. М.-А. Джамалзаде. Указ. соч., стр. 3.

⁵ Там же, стр. 12.

⁶ Али Дашти. Будущее литературы Ирана. «اطلاعات ماهانه» (Ежемесячные известия), 1334/1955, № 85, стр. 7.

Повесть Партоу Азама *کاج کج* (Кривая сосна), также посвященная борьбе с темными силами клерикальной реакции, построена на образном сравнении. Писатель рисует в повести злоедейский образ шейха Джамала Джамарани — набожного с виду старца, потерявшего всякую честь и совесть. Вся жизнь этого святоши прошла в погоне за наживой, в лицемерии и обмане, в разврате. Ему уже семьдесят лет, он, как кривая сосна, — вот-вот рухнет, но все еще продолжает портить жизнь доверчивым людям.

На образном сравнении построен и рассказ Аббаса Хейдари *کرم ابریشم* (Шелкопряд), хотя здесь поставлена уже другая тема — тема труда на частных ковровых предприятиях Ирана. Маленькая и хрупкая девочка, перебирающая своими тоненькими пальчиками нити ковра, сравнивается с шелковичным червем. Она измучена и ищет возможности избавиться от изнурительного труда... но девочка не может бежать от своего ковра, как шелковичный червь из кокона, который он свивает себе на гибель. Утром девочка заканчивает работу, но уйти она уже не в силах, ее выносят из мастерской, как выбрасывают из кокона уже ненужного, мертвого, сделавшего свое дело шелкопряда.

Часто реалистическое отображение действительности можно обнаружить в произведениях аллегорического характера. Причем применение аллегии (в отличие от прошлого, когда она призвана была прятать мысли, скрыто намекать) теперь содействует более образному, наглядному и убедительному раскрытию темы и идеи. Таковы некоторые произведения Э. Афшина, написанные в форме аллегорической сказки: *وقایع فوق العاده* (Э. Афшина, написанные в форме аллегорической сказки: *انقلاب* (Китайские грезы) и другие. Последнее произведение разоблачает американских империалистов как опору реакционных режимов, ненавистных народам. Мистеру Гринлифу снится, что его посылают в Китай в качестве руководителя «миссии помощи». Он летит на самолете «Белый слон В-32». На борту самолета — доллары и атомная бомба, которую он собирается сбросить на свободный Китай. Но Гринлиф и его помощники попадают в руки партизан, которые решают применить к членам миссии меры, которые те готовили против китайского народа. На самолете «Белый слон В-32» Гринлифа доставляют на необитаемый остров. Затем самолет поднимается и сбрасывает на остров бомбы, привезенные американской миссией «помощи». Великий страх охватывает мистера Гринлифа, и он просыпается. В ужасе Гринлиф мечется, бьется, истерично кричит. Его везут в психиатрический институт, и профессор ставит диагноз: «Атомомания с сопутствующими явлениями долларомании». Как видим, произведение вполне правдиво отразило действительность. И хотя произведение построено в плане аллегии и даже сказочной фантастики, зато, употребляя выражение А. М. Горького, «сказано удобнее и проще».

Но реализм в современной персидской литературе сказывается не только в разоблачении косного и реакционного, а и в утверждении передового, прогрессивного. Как бы ни был рыхл образ рабочего Аббаса в рассказе С. Хедаята *فردا* (Завтра), он все же верно выражает типическое в тружениках Ирана, зовет к единству, выдержке, стойкости.

Своеобразен образ крестьянина в рассказе Аббаса Хейдари *کوهکن* (Срывающий горы). Содержание рассказа — это сама жизнь. Автор изобразил крестьянина, который носит почетное прозвище легендарного Фархада — Кухкан (срывающий горы). Это герой-труженик, с большим трудом очистивший маленький участок земли от камней, чтобы посеять пшеницу. Но как только Кухкан подготовил клочек земли для посева,

местный мулла отнял участок у крестьянина. Как будто торжествует зло. Однако мулла предстает перед читателем как низкий негодяй. Наоборот, Кухкана представляешь себе могучим, красивым, честным, благородным. Становится понятным, почему народ встал на сторону Кухкана.

Все произведения Джавада Фазела (а издано их много) посвящены иранской женщине. Это преимущественно повествования о неудачной любви, о вынужденном браке, о неравноправном положении женщины, о проституции и т. п. Хотя в большинстве книг Фазела встречается много приключенческих эпизодов, а любовь обязательно сопровождается слезами, кровью и смертью, однако не все герои его произведений разбиваются о многочисленные трудности и препятствия, не все гибнут. Так, молодая девушка Сима из новеллы دختر یتیم (Девушка-сирота) идет наперекор традициям семейной жизни, проявляя редкую в условиях Ирана решительность. Когда ей навязывают брак с богатым, но старым и черствым человеком, она бежит из родительского дома и тайно выходит замуж за любимого, не считаясь с тем, что он из небогатой семьи. Вскоре, однако, ее счастье омрачается многими тяжелыми испытаниями, которые она преодолевает ценою неисчислимых мук. В поединке со злыми силами Сима выходит победительницей, и не только потому, что прекрасны были ее идеалы, но еще и потому, что она обладала непреклонной силой воли и настойчивостью в достижении цели.

Стремление к реализму, к правдивому отображению действительности сопровождается, как часто и бывает при поисках новых путей, различными неудачами. С одной стороны, в изображении положительного героя наблюдается сдержанность, скупость красок. Он наделяется недостаточно сильными чертами характера, отчего и выглядит часто слишком неярким, заурядным, хотя из общего содержания произведения, из авторской характеристики мы узнаем о его прогрессивных идеях и совершенных качествах. С другой стороны, в стремлении быть как можно ближе к слишком узко понимаемой правде жизни писатель иногда впадает в натурализм, типизация заменяется фотографированием.

Например, طلب آمرزش (Замаливание грехов) или علویه خانم (Алявийе-ханум) С. Хедаята прекрасны тем, что очень выразительно изображают внутренний мир простых людей. До чего колоритны фигуры Азиз-ага (Замаливание грехов) или Алявийе-ханум и Юзбаши (Алявийе-ханум), насколько ярко раскрыты характеры этих отсталых, изуродованных средой людей! Но, стараясь наиболее полно, до предела убедительно нарисовать трагедию человека, искалеченного страшными феодальными пережитками, С. Хедаят подчас злоупотребляет натуралистическими деталями.

Одержимая завистью, боясь оказаться в семье на положении служанки, бездетная первая жена Гада-Али — Азиз-ага убивает одного за другим грудных детей второй, молодой жены Хадичи. Довольно живучий в Иране обычай, когда бесплодие жены может явиться достаточным основанием для мужчины, чтобы ввести в дом вторую жену или сиге (временную жену), ярко показан писателем. Но когда читаешь, как Азиз-ага иголкой прокалывает темячку грудному ребенку, как Юзбаши начинает самым непристойным образом ругаться по-русски и азербайджански, то становится не по себе. И не оттого, что писатель беспощаден в показе правды жизни, а потому, что подобная детализация начинает оттеснять на второй план художественный синтез.

Встречается и натурализм, носящий политическую окраску. Так, на наш взгляд, он привел к искаженному показу демократического движения в рассказе Джамал-заде رجل سیاسی (Политик) и в романе Каземи طهران مخوف (Страшный Тегеран). Нет сомнения, что зарисовки с натуры,

имеющиеся в этих произведениях, действительно сделаны блестяще. Но ведь это всего лишь зарисовки (к тому же утрированные) деталей, частных эпизодов большого народного движения за культуру, прогресс, свободу и независимость. Само же движение не показано, это подменено подробным описанием случаев, имевших в действительности второстепенное значение.

Другого рода натурализм наблюдается, например, в творчестве Бозорга Аляви. Писатель иногда не дает художественных обобщений, а лишь копирует жизнь, выводит в своих произведениях не типы, а портреты. Именно поэтому, надо полагать, в романе چشمهایش (Ее глаза) образ Фарангис получился чрезмерно эксцентричным, а благородный и прогрессивный художник Макан выведен неоправданно робким и даже несколько вялым. Вводя в характеристику героя несущественные, ненужные детали, автор сделал образ Макана расплывчатым, хотя реальное изображение действительности в художественном произведении вовсе не предполагает необходимости приводить обязательно все подробности, подчас приводящие лишь к деформации образа.

Так в современной персидской литературе натурализм нередко переплетается с реализмом, а иногда и подменяет его.

Успешному развитию реалистической тенденции в современной персидской литературе мешала и мешает также непоследовательность в творчестве некоторых видных писателей. Нельзя, пожалуй, найти ни одного современного иранского писателя, которого можно было бы без оговорок назвать реалистом.

Так, в основе творческого метода общепризнанного мастера современной персидской новеллы С. Хедаята лежит реалистическое изображение действительности. Но среди многочисленных его произведений, относящихся не только к раннему, начальному периоду творчества, встречаются и импрессионистские рассказы типа عروسک پشت پرده (Манекен в витрине), и декадентские, вроде بوف کور (Слепая сова), и до известной степени мистические, как, например, تخت ابو نصر (Трон Абу Насра).

В то же время и у писателей, весьма далеких от реализма, мы можем найти произведения, реалистически отражающие иранскую действительность. Таковы, например, пьеса کلیل کنید (Сделайте Махмуда-ага депутатом) М. Хеджази, большинство произведений которого написано в духе эротической литературы Запада. В этом, конечно, нельзя не видеть могучего воздействия самой действительности, вовлекающей в русло реализма самых различных писателей, когда они пытаются правдиво показать жизнь страны и народа.

В современной иранской поэзии одним из наиболее любопытных показателей борьбы за реализм можно, на наш взгляд, считать движение за реформу поэтического стиля с целью подчинить форму содержанию стиха. Пионером «свободного стиля» в Иране считается Нима Юшидж. Хотя поэту уже 60 лет, но по содержанию стихов и смелым исканиям в области формы он должен быть отнесен скорее к молодому поколению иранских мастеров слова. Цена достоинства классических канонов, Нима Юшидж считает, однако, возможным нарушить их для того, чтобы рифма и размер не сковывали содержание, а делали его еще более доходчивым и понятным. «Свободный стих, — говорит поэт, — призван удовлетворять потребности современной общественной жизни. Я понимаю, что он не годится для восхваления вина, пиршества и богатства. Я и сам наслаждался древним стихосложением, его мелодичностью и много сочинял для себя стихотворений классическими размерами. Но для того, чтобы можно было простым, естественным языком пробуждать чувства в народе, я решил выработать новый

стиль. Он является видом той же поэзии, его стихотворные размеры по-
коятся на принципах того же аруза. Однако я хочу, чтобы не метрика
аруза господствовала над нами, а мы — над ней сообразно состоянию
и чувствам своим... В новой поэзии изменился метод, он заставил стих из-
менить свой размер, чтобы подчинить размер смыслу, а не смысл размеру»⁷.

В последние годы движение за реформу поэтического стиля укрепилось
и расширилось. Наряду с Нима Юшиджем выступают Кули, Сайе и другие
иранские поэты, которые допускают, вопреки старым традициям, разные
размеры и способы рифмовки в пределах одного стихотворения, при-
держиваясь, однако, определенной системы и организации стиха.

Как скоро «свободный стих» утвердится в современной персидской
поэзии, сказать трудно, так как это зависит от многих обстоятельств.
Во всяком случае, эта новая и непривычная для персидской просодии
метрика, как и вольная рифма, используются уже многими поэтами Ирана.
Отметим в этой связи незаурядного и пользующегося заслуженной по-
пулярностью лирика Мехди Хамиди, в частности его стихотворение *خارکن*
(Собиратель колючек). Вынужденный идти собирать колючку, крестья-
нин оставляет большую дочь одну. Вернувшись домой, он застаёт ее в пред-
смертной агонии. Вскоре дочь умирает у него на руках. Таково содержа-
ние баллады, которую нельзя читать без волнения, — настолько оно
правдиво и ярко передает трагедию бедного крестьянина, потерявшего
единственного ребенка. Эмоциональная сила стихотворения увеличивается
тем, что Хамиди строит его в свободном стиле. Он не скован традиционной
формой и поэтому не обязан все эпизоды передавать в одном размере;
так, сцена в горах, где крестьянин собирает колючки, написана короткими
рублеными строками, экспрессивными фразами, подчеркивающими бес-
покойство, царящее в душе крестьянина:

شام تاریک
ره باریک
ماه در تیرگی ناهویدا
ابر غران
برق پیدا⁸

Ночь темна,
Дорога не видна,
Месяц во мраке не блещет.
Слышится гром,
Ярким огнем
Молния в небе трещет.

Сцена прощания дочери с отцом написана в мягких элегических тонах,
что сопровождается и сменой ритма, изменившимся синтаксисом поэти-
ческой речи:

دختری کرد بروی نگاهی
ریخت اشکی و بر خاست آهی!
آخرین شعله زندگانی
جمع شد با فروغ جوانی

⁷ Цит. по *آبوالقاسم جنبتی نیما یوشیج و قسمتی از اشعار او* (Абулкасем Джаннати. Нима Юшидж и его некоторые стихи). Тегеран, 1334/1955, стр. 23—24.

⁸ *مهدی خمینی* (Мехди Хамиди. Райские напевы). Тегеран, 1333/1954, стр. 243.

دست و پا کرد
سینه وا کرد
بوسه بر گونه های پدر زد
بال و پر زد
تنگ بگرفت و بوئید مویش
اشک غلطید و آمد برویش!
قلبی آهسته افتاد از کار
چشمی آهسته افتاد برهم
آمد از دور نسیمی بیدار
مرغی از دور زد ناله غم⁹

Она смотрела на отца
С надеждой и мольбой
В ней догорала до конца
Нить жизни молодой.
И вот, вздохнувши глубоко,
Поднявши кисть руки,
Она коснулась легко
Морщинистой щеки.
Его седины обняла, приникла вся к отцу,
И слезы чистые ее струились по лицу.
Затихло сердце, не стучит...
Смыкает очи сон...
Ворвался ветер, и в ночи
Раздался птичий стон.

Борьба за реализм нашла свое отражение и в литературной критике.
Весьма характерна в этом плане дискуссия на страницах журнала «انتقاد کتاب»
(Рецензирование книг) в связи со статьей доктора Митра о сборнике
стихов *اسیر* (Пленница) уже упоминавшейся поэтессы Форуз Фаррох-зад.

Отдавая дань незаурядным поэтическим способностям Фаррох-зад,
цена выразительность и эмоциональность ее стихов, доктор Митра не
соглашается с концепцией поэтессы, усматривающей причины всех бед
и несчастий иранской женщины только в том, что она подвластна муж-
чине; он возражает против подмены борьбы за «идеальную свободу» жен-
щины борьбой за освобождение ее из плена «рода мужского».

Считая, что причины отсталости иранской женщины надо искать в об-
щественных отношениях, рецензент спрашивает: «Разве поэтессе, считаю-
щей себя «пленницей в клетке мужчины», не ведомо, что на самом деле в на-
шем обществе человеческих прав лишены оба — и мужчина и женщина, что
они не занимают подобающего им места в обществе. Когда женщина лишена
социальных и политических прав, не имеет возможности самой решать
свою судьбу, признание «физиологической свободы» (آزادی جنسی) един-
ственным ее правом свидетельствует о незнании роли женщины в общест-
ве»¹⁰.

В заключении своей рецензии д-р Митра пишет: «Можно смело ска-
зать, что если мадам Фаррох-зад будет смотреть на женщину как она
есть в действительности, в жизни и соединит свое поэтическое дарование

⁹ М. Хамиди. Указ. соч., стр. 246—247.

¹⁰ دکتر میترا مجموعه شعر از فروغ فرخزاد (Д-р Митра. О сборнике сти-
хов Форуз Фаррох-зад) «انتقاد کتاب» (Рецензирование книг), 1335/1956, № 5, стр. 25.

с общественным сознанием, воплотит свои прекрасные сюжеты в более четкую форму, заговорит о своих темах более душевными и нежными словами, то без сомнения она займет место в первых рядах современных персоязычных поэтов»¹¹.

На рецензию д-ра Митра откликнулся студент медицинского факультета, укрывшийся под инициалами Б. С.: «Идея или общественное сознание не обязательны для искусства, хотя и не находятся во вражде с ним»¹², — таково категорическое суждение Б. С. На протяжении всей, сравнительно большой статьи он старается внушить читателю, что в искусстве чувство имеет первенствующее значение, эмоции превалируют над разумом. Эту мысль автор резюмирует в заключительной части статьи: «Все стихотворения Фаррох-зад основаны на чувстве... так разве такой талант не достоин похвалы, уважения и почета? Разве вольно или невольно мы не очаровываемся и не пленяемся им? Если Фаррох-зад как художник начнет чувствовать более логично или начнет больше заблуждаться, то она поколеблет только свою «научную ценность», но дело в том, что ее «художественная ценность» заключается в ее глубоком ощущении...»¹³.

Это заставило д-ра Митра выступить с ответной статьей, в которой он пишет: «Если мы будем уводить художника от сознания и станем вместо этого начинать его ощущениями, — утверждает д-р Митра, — то совершим предательство. Равным образом бессмысленны старания разделить «железным занавесом» науку и искусство»¹⁴.

Эту довольно горячую полемику нельзя считать оконченной. В конце своей второй статьи д-р Митра подчеркивает, что считает ее только «вступлением» к обсуждению вопроса о «сознании и чувстве» в более широких масштабах.

Несомненно, однако, что в ней при обсуждении, казалось бы, частного вопроса резко столкнулись две тенденции современной иранской критики — апологетика «чистого искусства», выступающая на сей раз под лозунгом «необязательности» идей для искусства и понимание необходимости реалистического, «солнечного» изображения жизни.

Подводя итоги, отметим, что реалистическая струя в новой персидской литературе развивалась — как и в других литературах, при разной степени интенсивности — в непосредственной связи с историческими изменениями, происходившими в стране. Иранская революция 1906—1911 гг. вызвала небывалую активность в литературе. Отходят на задний план мистика и абстрактная романтика; литература выдвигает насущные проблемы жизни, вырабатывает новые жанры. В известной мере, на наш взгляд, ослабевают реалистическая тенденция, особенно в прозе, в 30-е годы. Значительный успех реализма наступил лишь в 40-х годах, когда в литературу пришли люди с новыми, прогрессивными идеями. Как известно, вследствие изменившейся обстановки в 50-х годах реалистической литературе не удалось сохранить свои позиции. Снова стремление изобразить разные человеческие характеры, раскрыть душу и психологию людей, показать жизнь, как она есть, начинает заменяться примитивной дидактикой, призывом к самоусовершенствованию. Литература начинает направляться в русло мелких частных вопросов и отдаляться от

¹¹ Д-р Митра. Указ. соч., стр. 26.

¹² «انتقاد بر انتقاد دکتر میترا از «اسیر» فروغ فرخزاد» (Б. С. Рецензия на рецензию д-ра Митры на «Пленницу» Форуз Фаррох-зад). «انتقاد کتاب» (Рецензирование книг), 1335/1956, № 6, стр. 20.

¹³ Б. С. Указ. соч., стр. 22.

¹⁴ «انتقاد دکتر میترا اندیشه و احساس» (Д-р Митра. Сознание и чувство). «انتقاد کتاب» (Рецензирование книг), 1335/1956, № 7, стр. 15—16.

проблем общественных отношений, от глубокого образного анализа дум и чаяний человека. Однако, исторические перипетии оказались способны лишь затормозить, а не приостановить движение персидской литературы к реализму.

Говоря о реализме в современной персидской литературе, нельзя представлять его себе как окончательно утвердившееся литературное направление. Это пока только тенденция, которая живет и развивается, неумолимо прокладывая себе путь во всех жанрах. Хотя зримые зачатки реализма появились уже в конце XIX века (а отдельные его элементы обнаруживаются значительно раньше), все же ему пришлось пройти сложную историю борьбы за право на существование. Это и задержало оформление реализма в персидской литературе в четкое и последовательное течение.

SUMMARY

Iran's modern literature is developing in difficult conditions owing to the influence of various Western modernistic trends. This notwithstanding realistic trend undoubtedly exists and is developing in Persian literature. Realism, as many well known Iranian literary critics recognize today, is a historic necessity, and realistic elements may be found in Persian prose, poetry and literary criticism. Realism is taking deeper root in Persian literature, although it develops in its own and rather contradictory way. It cannot, however, be treated as a literary trend which has taken full shape, and so far it represents only a realistic tendency. But the future belongs to it.

МАТЕРИАЛЫ ОБ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В МАЛАЙЕ

П. В. ДМИТРИЕВ и В. С. РУДНЕВ

До захвата английскими колонизаторами раздробленной на отдельные княжества Малайи там господствовала феодально-теократическая система управления: верховными собственниками земли были султаны. Феодалы получали участки земли в лен от султана. Султан и феодалы принуждали крестьян к несению повинностей: натуральных податей, отработок, а иногда и к уплате денежных налогов. Кроме того крестьяне вносили султану, как духовному правителю, церковную десятину. Крестьяне входили в общину, которая передавала им землю под пахоту и выпас скота. В соответствии с мусульманским правом существовало две главных категории общинной земли: *tanah mati* «мертвая», т. е. необрабатываемая земля, лесные угодья, горные массивы и т. п. и *tanah hidup* «живая», т. е. обрабатываемая или пригодная для обработки земля. В соответствии с практикой, существовавшей в отношении пользования землями первой категории, крестьянин имел право обрабатывать любую землю, на которой не имелось следов очистки от джунглей или обработки, проведенной его предшественниками. До тех пор, пока крестьянин продолжал заниматься земледелием на данном участке, ему принадлежали все права на него. Пользоваться землей второй категории крестьянин мог лишь в том случае, если имелись доказательства, что эта земля уже давно заброшена и не обрабатывается. Общинная форма пользования землей преобладала на всей территории Малайи.

После захвата страны колонизаторы стали разрушать устои общинного землепользования. Отнимая крестьянскую землю, они стремились использовать ее под плантации каучуконосов и для разработок олова. Экспроприация крестьянских земель проводилась от имени султанов. При этом происходило как прямое присвоение земли, так и изъятие у общины прав на пользование ею.

На территории Стрейтс Сеттльментс, где колонизаторы обосновались значительно раньше, чем на территории федерированных и нефедерированных княжеств¹, присвое-

¹ До второй мировой войны Малайя была разделена на три административные части. Одна часть называлась «Колонией Стрейтс Сеттльментс», т. е. «поселения у проливов». В нее входили владения, расположенные в основном у Малаккского полуострова: о-в Сингапур, о-в Пенанг с провинцией Уэлсли, Малакка и ряд мелких островов — Кокосовые и Рождества в Индийском океане и Лабуан, расположенный недалеко от Борнео. Территория колонии составляла 3513 км; население (по данным 1941 г.) — 1420 тыс. человек. Вторая административная часть Малайи носила название «федерированные малайские княжества». В нее входили объединенные английскими колонизаторами в 1895 г. четыре княжества Малайи — Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Паханг, причем Негри-Сембилан (это название означает по-малайски «9 государств») сам по себе является административным объединением девяти мелких феодальных княжеств, находившихся под контролем английского резидента. Территория этих княжеств составляла 71 320 кв. км. Население — 2193 тыс. человек. Третья часть — «нефедерированные малайские княжества» (Джохор, Кедах, Перлис, Келантан и Тренгану). Их территория — 57 180 кв. км; население — 1889 тыс. человек.

ние англичанами крестьянской земли оформлялось договорными сделками, навязанными султанам Кедаха и Джохора. По договору, заключенному в 1790 г. с султаном Кедаха, Англия приобрела в бессрочное пользование («пока светят солнце и луна») важный в стратегическом отношении остров Пенанг (110 кв. миль) за сумму, эквивалентную 6000 довоенным малайским долларам² и в 1800 г. — провинцию Уэлсли, (290 кв. миль) за ежегодную плату в 4000 малайских долларов. По договору с султаном Джохора Англия за 4000 малайских долларов получила важнейший в стратегическом отношении остров Сингапур (320 кв. миль) и с «согласия» этого султана в 1824 г. были присоединены к английской короне бывшие голландские земли в Малакке (640 кв. миль).

На территории федерированных и нефедерированных княжеств колонизаторы, заключив договоры с их правителями, присвоили себе право распоряжаться землей. Формально система общинного землепользования здесь еще продолжала существовать. В обмен на обязательства «защищать» княжества англичане навязали султанам своих резидентов и советников. Их рекомендации по всем вопросам, кроме религиозных, считались обязательными для султана. Султаны не могли противостоять колонизаторам и были вынуждены идти на соглашение с ними. К тому же они рассчитывали под покровительством английских властей укрепить свое господство над общиной и усилить налоговую эксплуатацию крестьян.

После заключения договоров и оформления «союза» с султанами английские власти, начиная с 1874 г., через резидентов в федерированных княжествах, а с 1909 г. через советников в нефедерированных княжествах, приступили к изъятию земли у крестьян.

Английские резиденты и советники ввели на территории княжеств обязательную регистрацию и распределение всей общинной земли по так называемой системе Торренса, примененной впервые в 1858 г. в Австралии, а затем получившей распространение и в других странах Британской империи³. По этой системе крестьяне могли получить землю только после приобретения за высокую плату титульных грамот на право пользования землей в течение 30 лет⁴. Это позволило колонизаторам усилить закабаление крестьян, ввести новые виды денежного обложения при регистрации земли. Были изменены также условия сбора натуральных податей в пользу малайских феодалов.

В 1896 г. английские власти в коронной колонии и в федерированных княжествах Малайи официально объявили всю землю и ее недра собственностью государства (или отдельного княжества, формально управляемого султаном, а фактически — английскими властями), а обработку земли крестьянами — их обязанностью перед государством. Крестьянин мог пользоваться землей только на правах аренды непосредственно у представителей английских властей в коронной колонии и через султанов — в княжествах (при условии обязательного взноса натуральных податей в пользу феодалов).

В нарушение норм обычного права колонизаторы установили, что вся невозделываемая в течение трех лет земля, которой пользовались крестьяне, автоматически переходит в собственность короны. Крестьяне могли получить эту землю обратно лишь с разрешения английских властей. Подобные акты не только сохраняли личную зависимость крестьянина от феодала, но и усиливали контроль колониальных властей над земельным фондом, создавая дополнительные возможности присвоения крестьянских земель за неуплату налогов. До установления английского господства неуплата крестьянами податей не влекла за собой присвоения крестьянской земли феодалами. В худшем случае феодал отбирал у крестьянина только урожай. В статье «Кто владеет землей», опубликованной в приложении к прогрессивному бюллетеню «Ма-

² Малайский доллар — денежная единица, равная до второй мировой войны 2 руб. 50 коп., а в настоящее время — 1 руб. 30 коп.

³ «Encyclopedia Americana», vol. 26, 1940, p. 708—709.

⁴ R. Z. German. Handbook to British Malaya, London, s. a., p. 87.

лайен монитор» в 1951 г., указывалось, что до 1874 г., т. е. до подчинения Англии малайских правителей... «неуплата натуральных податей в размере 10% от сбора урожая влекла за собой только экспроприацию урожая... Теперь она влечет экспроприацию земли»⁵.

Главная продовольственная культура — рис, при английском господстве быстро вытеснялась. Колонизаторы считали более выгодным организовать в Малайе производство каучука при помощи дешевой рабочей силы, завезенной из Индии и Китая. Подавляющее большинство малайцев не хотело работать на отнятых у них землях; поэтому посевные площади непрерывно сокращались. Рисовые поля заменялись каучуковыми плантациями (особенно интенсивно с 1910 г.), что приводило к одностороннему развитию экономики страны и затрудняло обеспечение населения Малайи рисом, являющимся основным продуктом питания.

Однако подобное развитие экономики страны мало беспокоило колонизаторов. Интерес к производству риса появлялся у них лишь тогда, когда цены на олово и каучук на мировом рынке падали. Малайя превращалась в источник сырья, рынок сбыта и сферу приложения английского капитала, что ускорило развитие товарно-денежного хозяйства. Быстро росли такие города как Сингапур, Пенанг, Куала-Лумпур и Ипох. В города, на рудники и плантации одновременно с рабочими из Индии и Китая и других стран прибывало множество иностранных купцов, мелких чиновников, прислуги, надсмотрщиков, лавочников, четтиаров-ростовщиков и т. п.⁶.

По мере внедрения товарно-денежных отношений в Малайе, разорение крестьян и разложение деревенской общины шло более интенсивными темпами. Помимо англичан или их представителей, крестьянская земля попадала также в руки китайских и индийских ростовщиков, которые в соответствии с установленными английскими властями законами могли ссужать малайским крестьянам деньги под заклад земельных участков, и в случае неуплаты долгов присваивать эти участки. Китайские предприниматели, как правило, организовывали на этих землях добычу олова и в меньшей степени использовали их для производства каучука, которое по преимуществу находилось в руках индийских собственников.

Точных данных о задолженности крестьян правителям княжеств в источниках не приводится. Однако известно, что этот долг составлял значительную сумму, выплата которой для должников не представлялась возможной⁷. Задолженность малайских крестьян китайским и индийским ростовщикам на 31 декабря 1930 г. составляла 5 972 496 малайских долл. В этот долг не включалась сумма в 1 800 000 малайских долл., незарегистрированная английскими чиновниками, как подлежащая выплате за конфискованную землю⁸.

Накануне второй мировой войны крестьяне должны были вносить за пользование землей большую единовременную арендную плату (размеры этой платы колебались в зависимости от района, качества земли, срока и целей ее использования), плату за пользование орошением и так называемые натуральные подати в виде церковной десятины. Помимо этого существовало множество других поборов: за выдачу дарственных и титульных грамот на владение землей, за приложение печати и т. д. Английские власти принуждали крестьян работать на постройке железных и шос-

⁵ «Malayan monitor», January 1951, Suppl., p. 2.

⁶ Часть китайцев и индийцев проживала в Малайе и до вторжения английских колонизаторов, но с проникновением английского капитала китайское и индийское население в Малайе росло более интенсивно, чем малайское. С 1921 по 1931 гг. последнее увеличилось лишь на 12,9%, в то время как индийское — на 32,3% и китайское — на 45,3%. По данным переписи 1947 г., из общего числа населения в Малайе в 5,8 млн. человек китайцы составляли 44,7%, малайцы — 43,5%, индийцы — 10,2%, европейцы — 0,32%, евроазиаты — 0,33% и другие — 0,91%. В настоящее время население Малайи составляет около 6,5 млн. человек.

⁷ L. A. Mills. British rule in Eastern Asia. London, 1942, p. 277.

⁸ Там же, стр. 251.

сеиных дорог и нести другие повинности. По явно заниженным официальным данным, накануне второй мировой войны различные ежегодные денежные обложения (прямые и косвенные налоги), арендная плата за пользование землей и орошение и разные гербовые, судебные, свадебные и др. сборы поглощали у крестьян значительную долю урожая.

Все налоги, включая арендную плату, натуральные подати или церковную десятину, составляли до двух третей урожая, выплачиваемых колонизаторам и султанам. Для личных нужд крестьян оставалась только 1/3 урожая (но надо было оставлять не менее 1/10 на семена и кормиться с семьей до следующего урожая). Задолженность крестьян колониальным властям, султанам и ростовщикам постоянно возрастала. В 30-е годы от 40 до 90% всех крестьян являлись должниками⁹. В 1933 г., когда над Малайей нависла угроза голода из-за нехватки риса, английские власти были вынуждены запретить на некоторое время отчуждение крестьянских участков за неплату недоимок и долгов.

По изданному в 1933 г. закону о так называемых резервациях английские резиденты и советники могли объявить зарезервированными любые пустующие и некультивируемые земли. Эти земли не могли сдаваться в аренду и пользование лицам не-малайского происхождения.

В 1938 г. в пользовании малайских землевладельцев, включая зажиточных крестьян, оставалось менее 2 млн. акров или 35% из 5 284 000 акров¹⁰ земли, использовавшейся для производства сельскохозяйственных продуктов и добычи минерального сырья. В руках малайских крестьян находилось примерно 650—750 тыс. акров, занятых под каучуком; 726 тыс. акров земли, занятой под рисом, 400 тыс. акров земли, как, например, ананасы (67 тыс. акров), масличные пальмы (72,7 тыс. акров) и разные другие культуры: овощи, перец, гвоздика, кофе, чай, сахарный тростник, тапиока, табак, бананы и др. (257 791 тыс. акров) равно как и остальные земли, занятые под каучуковыми плантациями, а также земли, занятые под разработками олова (245,3 тыс. акров) принадлежали не малайцам, а в основном англичанам и в меньшей степени китайцам и индийцам¹¹.

Многие земельные участки, находившиеся в руках англичан на Сингапуре, Пенанге, в Малакке, Уэлсли и в других местах использовались для военных нужд. Таким образом, колонизаторам принадлежало не менее половины всей освоенной земли в Малайе, включая земельные участки, отведенные для строительства зданий и различных сооружений. По данным Л. Миллса, количество всей освоенной земли в Малайе с учетом земель, на которых строились здания, в 1938 г. составляло 5 952 021 акр¹².

К моменту нападения Японии на Малайю к англичанам фактически перешло захватное право на крестьянскую землю. Английские власти определяли, какие земли должны и какие не должны обрабатываться — т. е. отводиться под выгоны, пастбища, лесные массивы, в резерв и т. д. Крестьяне повсеместно лишались земли, подвергались нещадной эксплуатации и нищали. Еще более ухудшилось их положение в период оккупации Малайи японскими империалистами (с февраля 1942 г. по август 1945 г.). Установив обязательные натуральные поставки и увеличив на 10% денежные налоги, японцы отнимали у крестьян почти весь урожай. При неуплате налогов оккупанты либо из крестьян не имел возможности уплатить налоги, японцы накладывали коллективные штрафы на всех жителей деревни¹³.

⁹ L. A. Mills. Указ. соч., стр. 261.

¹⁰ L. A. Mills. Указ. соч., стр. 553.

¹¹ L. A. Mills. Указ. соч., стр. 213, 553; E. H. Jacoby. Agrarian unrest in Southeast Asia. New York, 1949; p. 110.

¹² L. A. Mills. Указ. соч., стр. 553.

¹³ «Nippon Times», 15 апреля 1942 г.; Rawlings. Malaya. London — New York — Bombay, 1945, p. 33—34.

В период оккупации крестьяне были лишены возможности поправить свое экономическое положение продажей каучука. Потребности японской промышленности в каучуке удовлетворялись за счет запасов, захваченных у английских плантаторов. Традиционные же рынки сбыта малайского каучука в США и Англии были, естественно, потеряны. Отсутствие возможностей для сбыта продукции привело к вырубке значительного количества каучуковых деревьев на плантациях. Однако, несмотря на ухудшение экономического положения крестьянства, японские, оккупанты продолжали облагать сельское население непосильными налогами, наводняли страну обесцененными денежными знаками и старались вывезти из Малайи как можно больше сырья.

Нешадное ограбление Малайи японцами привело ее экономику к полному упадку. Производство каучука сократилось с 600 тыс. тонн в 1941 г. до 8,6 тыс. тонн в 1945 г. Фактически полностью прекратилось производство и экспорт ананасов и продукции масличных культур. Площади, занятые под кокосовыми пальмами, за период оккупации уменьшились на 17%. Производство риса также значительно сократилось по сравнению с довоенным уровнем. В течение всего периода японской оккупации 500—600 тыс. рабочих, занятых на производстве каучука и в горнодобывающей промышленности, не имели постоянной работы. Зачастую малайцы были вынуждены питаться травой, корнями и плодами лесных деревьев. В стране свирепствовали туберкулез, малярия, дизентерия и другие болезни.

В послевоенное время процессы обезземеливания и обнищания крестьян приобрели еще больший размах. Из 1578 хозяйств, подвергшихся обследованию в 1955 г. в долине Криан, 1025 не имели собственной земли¹⁴. В другом районе султаната Кеда в мукиме Дуланг было установлено, что из 882 хозяйств 458 не имели земли¹⁵. В то время как подавляющая масса крестьян лишается даже своих крохотных участков в 2—3 акра, значительные земельные площади находятся в руках феодалов, кулаков, торговцев и четтиаров-ростовщиков. Так, в мукиме Дуланг крупнейшим земельным собственником является малайский помещик, владеющий 113 акрами земли¹⁶.

В Малайе была широко распространена система займа, называемая пади кунша: крестьянин, заняв деньги или продукты в период выращивания риса, должен был, собрав урожай, вернуть рис на большую сумму, чем он одолжил. При такой системе займа крестьянин должен ежемесячно выплачивать более 12 процентов¹⁷. Это приводило к тому, что значительная часть крестьянской земли за долги переходила к феодалам, торговцам и ростовщикам. Обычно крестьяне теряли землю, закладывая ее при получении займа (так называемый гадар). Если крестьянин не в состоянии вернуть полученную сумму, его или сгоняют с земли или же он превращается в арендатора-издольщика на своей бывшей земле¹⁸. Многие крестьяне теряют землю не имея возможности вносить налоги. Наконец, нередко крестьян просто сгоняли с земель, принадлежавших компаниям по добыче олова.

В настоящее время наиболее распространенной формой эксплуатации крестьянства в Малайе является кабальная издольная аренда, которая в различных частях страны носит различные названия. В качестве арендаторов выступают как безземельные, так и малоземельные крестьяне. О распространении издольной аренды можно судить по следующим данным. Из 882 хозяйств, обследованных в мукиме Дуланг, 475 хозяйств выплачивали арендную плату за пользование землей¹⁹. Из 1578 хозяйств, обследованных в долине Криан, 1025 были арендаторскими²⁰. Широко распространена кабальная издольная аренда в султанатах Келантан, Тренггану и др.

¹⁴ «Straits times», 1 февраля 1955 г.

¹⁵ «Straits times», 7 февраля 1955 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ «Straits times», 16 апреля 1952 г.

¹⁸ Raymond Firth. Malay fishermen: their peasant economy. London, 1946, p. 170—171.

¹⁹ «Straits times», 7 февраля 1955 г.

²⁰ «Straits times», 1 февраля 1955 г.

Как правило, арендаторы отдают владельцу земли половину или более урожая. Преобладает натуральная арендная плата. Так, из 475 арендаторских хозяйств в мукиме Дуланг только 45 платили денежную арендную плату, а остальные — натуральную²¹. В долине Криан крестьянин-арендатор за обработку 4,5 акров земли (это еще значительная площадь) получал на всю семью в день только 2,5 фунта риса, и из этого количества вносил арендную плату. Землевладельцы постоянно повышают размеры арендной платы и по своему произволу сгоняют арендаторов с земли²².

Тяжелые условия существования вынуждают арендаторов-издольщиков и малоземельных крестьян отправляться на различные отхожие промыслы. Чаще всего крестьяне уходят работать на плантации. Растет, хотя и незначительно, число батраков и поденщиков²³.

Предприятия по обработке сельскохозяйственного сырья: рисовые фабрики, фабрики по обработке сырого каучука и т. д., находятся в руках колонизаторов и отчасти местной буржуазии. Владельцы этих предприятий постоянно понижают закупочные цены на сырье, поставляемое крестьянами, что делает еще более тяжелым положение крестьянства и особенно его беднейшей части.

Нищета гонит крестьян на плантации, на оловянные рудники и в города. В послевоенные годы резко возросло число рабочих-малайцев и прежде всего сельскохозяйственных рабочих на плантациях. Так, в 1954 году только в Малайской федерации без Сингапура насчитывалось 102,4 тыс. рабочих-малайцев (включая и небольшое число малайцев из Индонезии). Из них на плантациях трудилось 54,6 тыс. человек²⁴.

Доведенные до отчаяния нищетой, крестьяне целыми деревнями снимаются с насиженных мест и занимают свободные земли в джунглях. Так, в 1955 г. 100 семейств из районов Пасир Путе и Мачанг в султанате Келантане переселились в султанаты Тренггану и Паханг²⁵.

Во многом сходно с положением крестьянства и положение плантационных рабочих. Производство каучука чрезвычайно важно для английских монополий. В 1954 г. Малайская федерация (без острова Сингапура, где плантационное хозяйство, как и вообще сельское хозяйство, играло незначительную роль) произвела 583 тыс. тонн каучука, из них 343 тыс. тонн на плантациях²⁶. Каучуковые плантации (свыше 100 акров) в 1953 г. занимали площадь 2 030 тыс. акров²⁷. Примерно 75% всех плантаций принадлежат английским, американским и некоторым западноевропейским компаниям. Подавляющая часть плантаций находится во владении английских компаний, хотя число американских компаний непрерывно растет²⁸. Английским компаниям принадлежат также почти все плантации масличных пальм и плантации ряда других тропических культур (кокосовые, какао, чай и т. д.). Число плантаций, находящихся в руках местной китайской, индийской и немногочисленной малайской буржуазии, значительно меньше, чем у иностранных компаний, к тому же они весьма невелики по своим размерам.

В 1954 г. на плантациях (к плантациям статистика в Малайе причисляет земельные владения площадью свыше 100 акров) было занято 294,5 тыс. рабочих, в том числе индийцев — 153,9 тыс., китайцев — 85,3 тыс. и малайцев — 54,6 тыс.²⁹. Рост числа китайских и малайских плантационных рабочих — характерное явление для послевоенных лет. Среди мелких владений (к которым статистика относит все владения размером менее 100 акров), различия в типе хозяйств весьма значительны. Большинство

²¹ «Straits times», 7 февраля 1955 г.

²² «Straits times», 7 февраля 1955 г.

²³ «Straits times», 7 февраля 1955 г.

²⁴ «Federation of Malaya. Annual report, 1954». London, 1955, p. 32.

²⁵ «Straits times», 5 февраля 1955 г.

²⁶ «Federation of Malaya. Annual report, 1954». London, 1955, p. 134.

²⁷ Там же.

²⁸ «Fact», July 1954.

²⁹ «Annual report, 1954», p. 32.

мелких крестьянских хозяйств имело земельные участки в 3—4 и даже менее акров. Мелкие хозяйства, располагающие примерно 20 акрами земли и выше являются по своему характеру капиталистическими. Для них характерно применение наемного труда. Это в первую очередь относится к землевладениям китайцев и индийцев. Некоторые исследователи, например, П. Т. Бауэр, считают, что от двух третей до трех четвертей общего числа мелких каучуковых плантаций, принадлежащих китайцам и индийцам обрабатывается при помощи наемного труда³⁰. Что касается малайцев, то плантационное хозяйство весьма распространено в наиболее развитом султанате Джохоре.

Таким образом к тремстам тысячам плантационных рабочих крупных плантаций надо еще добавить большое число сельскохозяйственных рабочих мелких плантаций. Кроме того, следует учесть, что многие малайские крестьяне сезонно работают на плантациях.

В эксплуатации плантационных рабочих как на крупных, так и на мелких плантациях сохраняются еще докапиталистические методы. Широкое распространение имеет труд по контракту. По всей стране сельскохозяйственных рабочих нанимают не непосредственно, а через десятников (мандор — у индийских рабочих и кепала — у малайских). Над десятниками стоят надсмотрщики, которыми на европейских плантациях ведают европейцы — управляющие³¹. Десятники и надсмотрщики распределяют заработную плату среди рабочих и оставляют себе около 25% всех сумм. Они также наживаются на поставках рабочим продуктов и одежды³².

Нередко европейские плантаторы, особенно в годы после второй мировой войны, вообще удерживали заработную плату рабочих в счет оплаты поставляемых ими втридорога продуктов. В Малайе существует дискриминация в оплате сельскохозяйственных рабочих различных национальностей. Труд женщин и детей оплачивается значительно хуже, чем труд мужчин. Что касается форм оплаты сельскохозяйственных рабочих, то большинство рабочих малайцев и индийцев получают заработную плату по-дневно, а большинство китайских — сдельно, причем заработная плата работающих сдельно выше, нежели работающих по-дневно. Так, в 1954 г. средняя месячная заработная плата рабочих мужчин, работающих по-дневно, составила от 50 до 60 малайских долларов, а работающих сдельно — от 60 до 70 малайских долл.³³ Прожиточный минимум крестьянской семьи, состоящей из 4-х человек, составлял 240 малайских долл.³⁴ Плантационные рабочие стремятся перейти в другие отрасли хозяйства. В период после второй мировой войны плантаторы с целью удержать рабочих широко прибегали к выдаче им небольших участков земли в личное пользование.

Характерной особенностью экономики Малайи является скваттерство. Спасаясь от нужды, безработные рабочие с семьями переселялись на окраины джунглей, расчищали небольшие земельные участки и выращивали тапиоку, батат, различные овощи, разводили свиней и домашнюю птицу. Первые скваттеры появились в стране еще в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. из числа обезземеленных крестьян и безработных. В годы второй мировой войны, в период японской оккупации 1942—1945 гг., почти полностью прекратилось производство каучука и олова, что вызвало огромную безработицу и голод.

К концу второй мировой войны в Малайе насчитывалось около 100 тыс. скваттерских хозяйств, а общая численность скваттерского населения превысила полмиллиона человек. По некоторым же данным скваттеров было более 600 тыс. В основном районы расселения скваттеров находятся поблизости от их прежних мест работы — в султанатах Перак, Селангор, Негри-Сембилан и Джохор.

³⁰ P. T. Bauer. Report on a visit to the rubber growing smallholdings of Malaya. London, 1948, p. 78.

³¹ P. T. Bauer. Указ. соч., стр. 22.

³² V. Thompson. Labor problems in Southeast Asia. London, 1947, p. 92.

³³ «Annual report, 1954», p. 35.

³⁴ V. Thompson. Postmortem on Malaya. New York, 1943, p. 54.

В годы войны скваттеры вели почти целиком натуральное хозяйство. После окончания второй мировой войны, в условиях острой нехватки продуктов питания в Малайе, хозяйства скваттеров с каждым годом приобретали все большее значение как источник продовольствия. Особенно возросла роль скваттерских хозяйств в снабжении мясом и овощами населения городов, рудников и плантаций.

Часть скваттеров после окончания второй мировой войны и возобновления производства каучука и олова вернулась на работу на плантации и рудники. Нередко сам скваттер работал на плантации, руднике или даже в городе, а его семейство должно было вести хозяйство.

Колониальные власти преследовали скваттеров за самовольный захват земли. С 1950 г. английские власти, стремясь изолировать скваттеров от Освободительной армии народов Малайи, начали сгонять их в огороженные колючей проволокой поселения, концентрационные лагеря, которые колонизаторы именовали «новыми деревнями». К 1955 г. сотни тысяч скваттеров были согнаны в 550 концентрационных лагерей. Создание этих лагерей сразу же сказалось на продовольственном положении Малайи. В стране резко уменьшилось производство мяса, птицы, овощей и т. д.

В августе 1957 г. английские колонизаторы под напором национально-освободительного движения оказались вынужденными пойти на предоставление Малайской федерации, состоящей из девяти малайских султанатов и Пенанга с Малаккой, «независимости и самоуправления в пределах Британского содружества наций». Однако эта независимость далеко не полная. Английские войска остаются в стране. Сохраняется засилье английского монополистического капитала в экономике Малайи.

Важнейший экономический и политический центр Малайи — Сингапур оторван от остальной страны и остается английской колонией. Народам Малайи предстоит еще преодолеть серьезные преграды на пути к полному освобождению страны от империалистического гнета.

S U M M A R Y

The authors bring out the main features of the agrarian relations in colonial Malaya. They show that imperialist exploitation in Malaya ruined the peasants. After World War II the dispossession of the peasants of their land and their impoverishment attained still greater proportions.

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ В ПАКИСТАНЕ

С. А. КУЗЬМИН

Расположенный на стыке стран Среднего Востока и Юго-Восточной Азии, вблизи границ Советского Союза и Китайской Народной Республики, Пакистан занимает значительное место во внешнеполитических планах США. Интерес американских монополий привлекают также минеральные и сырьевые ресурсы Пакистана. Однако проникновение США в Пакистан вызывает ожесточенное сопротивление английских монополий. Развернувшаяся борьба за политическое и экономическое влияние на Пакистан является в основном борьбой двух главных империалистических держав — Англии и США.

Пакистан был создан в 1947 г. в результате раздела бывшей Британской Индии на два доминиона. Слабая, неустойчивая экономика, доставшаяся ему в наследство от колониальных времен, находилась почти целиком под господством английского и связанного с ним индийского капитала. Пакистан в этот период почти не имел своей промышленности; в районах, отошедших к Западному Пакистану, в колониальный период получили развитие лишь некоторые отрасли горнодобывающей промышленности — нефтяная, угольная и добыча хромитов. Вся добыча и переработка нефти была монополизирована английской компанией «Атток ойл»; угля — компанией «Пауэлл Даффрин», добыча хромитов — английской компанией «Балучистан Кроум майнз Лимитед».

Во владении национального капитала находилось лишь несколько мелких угольных копей и хромитовых рудников, продукцию которых целиком скупали английские компании¹.

Английский и в некоторой мере связанный с ним в тот период (1947 г.) индийский капитал господствовал в сфере обращения. В первое время после раздела Пакистан не имел даже своего эмиссионного банка, и все вопросы, связанные с денежным обращением в стране, находились в ведении Резервного банка Индии. Лишь через год после раздела был создан Государственный банк Пакистана, принявший от Резервного банка функции эмиссии денежных знаков, чеканки монет и распределения валютных резервов в Пакистане. Общее число коммерческих банков, занесенных в список², в 1948 г. составляло 38³. Большая часть из них являлась индийскими банками или филиалами крупных английских банков — «Ллойдс бэнк», «Гриндлейз бэнк», «Нэшнл бэнк оф Индия», «Чартеред бэнк оф Индия, Острэлия энд Чайна».

¹ *Mushtaq Ahmad*. The Economy of Pakistan. Karachi, 1950, p. 8; «Industry in Pakistan». August 1951, p. 12—13.

² «Занесенными в список» в Пакистане являются банки, имеющие оплаченный капитал не ниже 500 тыс. рупий.

³ *W. Godfrey*. Pakistan. Economic and Commercial Conditions in Pakistan. May 1950. London, 1951, p. 58.

Подобное положение наблюдалось и в страховом деле. В 1948 г. в Пакистане было зарегистрировано 76 страховых компаний; из них национальных компаний было 8, английских — 38, и индийских 19⁴.

Внешняя торговля страны была почти целиком монополизирована крупнейшими английскими фирмами «Волкарт бразерс», «Рэлли бразерс» и др. Ряд пакистанских фирм, действовавших в этот период в области внешней торговли, выполнял по существу посреднические функции между пакистанскими товаропроизводителями и английскими торговыми монополиями. Таким образом, английские монополии владели ключевыми позициями в пакистанской экономике.

Однако в настоящее время, несмотря на некоторое увеличение общих размеров английских капиталовложений, позиции английских монополий в ряде отраслей экономики Пакистана несколько ослабели. В промышленной сфере в целом удельный вес английских капиталовложений упал в результате роста ряда предприятий и целых отраслей промышленности, таких, как цементная, джутовая и др., в которых почти не имеется английского капитала; в горнодобывающей промышленности монополии Англии сохранили свой контроль, однако и здесь они были вынуждены несколько потесниться в пользу национального капитала: начала свою деятельность компания «Петролеум девелопмент оф Пакистан Лтд», основанная целиком национальным капиталом Пакистана⁵, создано несколько смешанных англо-пакистанских компаний. Добычу хрома также ведет смешанная англо-пакистанская компания «Пакистан Кроум майнз»⁶. Но в настоящее время национальный капитал еще не угрожает господству английских монополий в горнодобывающей промышленности. Гораздо большую опасность для них представляет конкуренция американских нефтяных компаний, которые обеспечили себе ряд выгодных концессий.

Заметней всего национальный капитал потеснил английский в сфере кредитного и страхового дела. В стране выросли свои национальные банки, играющие сейчас большую роль в экономике Пакистана — Государственный банк Пакистана, частные коммерческие банки «Хабиб бэнк», «Муслим бэнк» и др. В 1953 г. на долю национальных коммерческих банков приходилось уже 55% общей суммы средств банков, 45% выданных кредитов и около 60% капиталовложений в акции и государственные ценные бумаги⁷. По состоянию на 30 июня 1957 г. на долю пакистанских банков приходилось 65,4% всех обязательств коммерческих банков, 63,3% всех банковских кредитов и 59,2% капиталовложений⁸. В страховом деле доля национальных компаний в период с 1950 по 1955 гг. увеличилась: в страховании жизни — с 14 до 27,7%, в страховании морских перевозок — с 19,4 до 36,6%, в других видах страхования — с 35 до 39%⁹.

Главными причинами некоторого оттеснения английских монополий в Пакистане явился, во-первых, рост национальной буржуазии, и, во-вторых, проникновение других империалистических держав в Пакистан, в частности англо-американская конкурентная борьба.

Рост национальной буржуазии Пакистана и ее требования определенным образом влияли на политику пакистанского правительства по отношению к английскому капиталу. Поощряя иностранные капиталовложения, правительство Пакистана в 1949—1951 гг. вместе с тем приняло ряд законов, отменяющих специальные льготы английских инвесторов, поставив их в этом отношении в один ряд с другими иностранными вкладчиками. Как сообщается в американском справочнике для зарубежных инвесторов, «правительство [Пакистана] предприняло ряд мер, которые, хотя и не были направлены специально против интересов Англии, в первую очередь отразились на

⁴ *W. Godfrey*. Указ. соч., стр. 134.

⁵ «Pakistan trade», June 1956, p. 67.

⁶ «Pakistan trade», September 1956, p. 3.

⁷ *C. M. Azmar*. Экономика Пакистана. М., 1957, стр. 275.

⁸ «State bank of Pakistan bulletin», September 1957, p. 58—59.

⁹ «The Pakistan times», 13 августа 1956 г.

английских компаниях, ввиду их господствующего положения среди иностранных компаний в Пакистане. Эти меры включали в себя изменение ставок имперских преференций, оставление определенных отраслей промышленности за государственным сектором, и требование, чтобы пакистанскому капиталу и техническому персоналу была дана возможность участвовать в иностранных предприятиях»¹⁰.

Кроме того, правительство Пакистана отменило «специальные льготы (не распространявшиеся на других иностранных инвесторов), которыми британские инвесторы ранее пользовались в отношении горнодобывающих предприятий»¹¹. Подобная политика пакистанского правительства, безусловно, снизила конкурентоспособность английского капитала. Совершенно очевидно, что на политику пакистанского правительства по отношению к английскому капиталу в немалой степени повлияла и ориентация Пакистана на американскую военную и экономическую «помощь».

Поставив перед собой задачу активного проникновения в Пакистан и подчинения его стратегическим планам США на Ближнем и Среднем Востоке, американские монополии, естественно, не могли ограничиться проникновением лишь по линии частных капиталовложений. Кроме того, на этом пути они встретились с серьезными препятствиями в виде засилья английских монополий в сфере частных иностранных инвестиций и принадлежности Пакистана к стерлинговой зоне. США добивались прежде всего политической зависимости Пакистана от американского империализма. Именно поэтому главным орудием американского проникновения в Пакистан явилась программа так называемой «помощи». Американская «помощь» служит также основным средством США для вытеснения Англии с пакистанского рынка и ослабления ее позиций в экономике Пакистана.

В конце 1953 — начале 1954 гг., после заключения «Договора о взаимной безопасности» между США и Пакистаном, начинается активное проникновение США в страну путем предоставления военной и экономической «помощи». К концу 1956 г. ассигнования США на нужды экономического развития и продовольственной помощи Пакистану составили 464 млн. долларов, или около 69% всей «иностранной помощи» полученной этой страной¹².

В настоящее время в экономических планах пакистанского правительства упор делается на так называемую американскую «помощь»¹³. Значение Англии как иностранного кредитора падает, поскольку она в силу своего экономического положения не может так широко кредитовать слаборазвитые страны, как это могут делать США. Вследствие большой зависимости своих экономических и внешнеполитических планов от американской «помощи» правительство Пакистана в основном ориентируется на США.

Используя экономическую «помощь» как средство давления на Пакистан, американские монополии добились благоприятных условий для своей деятельности в Пакистане. По соглашению между правительствами США и Пакистана от 26 мая 1955 г. «О гарантии частным капиталовложениям», частные американские инвестиции, одобренные правительством Пакистана, считаются гарантированными правительствами США и Пакистана. Американским вкладчикам гарантируется полная

¹⁰ «Investment in Pakistan. Conditions and outlook for United States investors». U. S. Department of Commerce. Washington, 1954, p. 44.

¹¹ Там же, стр. 53.

¹² «Pakistan trade», January 1957, p. 78—79.

¹³ По первоначальному проекту пятилетнего плана экономического развития Пакистана, принятому в 1956 г., общая сумма иностранных ассигнований должна составить 4 200 млн. рупий или свыше 36% всех капиталовложений по плану (3 800 млн. рупий — ассигнования в счет «помощи» и 400 млн. рупий — частные иностранные инвестиции). Большую часть этих средств предполагается получить из США («Pakistan trade», June 1956, p. 1—4; «Pakistan 1955-56». Pakistan publications. Karachi, 1956, p. 80).

защита против ущерба из-за национализации и обратимость их вложений в долларовую валюту¹⁴.

Ряд других соглашений также направлен на поощрение американского капитала в Пакистане. Пользуясь этим американские нефтяные компании в последние годы активизировали свою деятельность в стране. С 1954 по 1957 гг. между правительством Пакистана и крупнейшими нефтяными объединениями США был заключен ряд соглашений о разведке и добыче нефти в различных районах Пакистана. В 1954 г. компания «Стандард вакуум ойл компани» получила концессию на разведку нефти в Западной и Восточном Пакистане¹⁵. В 1955 г. было подписано соглашение между правительством Пакистана и тexasской нефтяной группировкой «Хант интернешнл ойл компани, Даллас, Техас» о разведке нефтяных месторождений на Мекранском побережье и в Синде (Западный Пакистан)¹⁶. Велись переговоры также с американской «Оверсиз ойл компани»¹⁷.

Условия соглашений весьма выгодны для американских монополий. 75% всех затрат по изысканиям нефти несет компания, 25% — правительство Пакистана. В случае, если компания начнет промышленную добычу нефти, правительству будет принадлежать четвертая часть всей добычи¹⁸. Соглашение со «Стандард вакуум ойл компани» предусматривает также, что компания сможет закупить у правительства его часть добычи нефти¹⁹.

Стремясь добиться еще более льготных условий для своих капиталовложений, США в течение ряда лет пытаются навязать Пакистану так называемый «Договор о дружбе, торговле и судоходстве», по которому американские монополии, вкладывающие свои капиталы в Пакистане, пользовались бы теми же самыми льготами в своей финансовой и производственной деятельности и таким же покровительством со стороны правительства, как и национальные компании. Критикуя кабальный характер подобного соглашения, ставящего под угрозу полное удушение национальной промышленности, газета «Пакистан таймс» отмечает вместе с тем, что договор стал бы мощным орудием США в конкурентной борьбе против Англии и других стран, на которых не распространяются условия договора. «... Договор, — пишет газета, — ... не только поставит под угрозу интересы Пакистана, но также и таких стран, как Англия, которая имеет промышленные и коммерческие интересы в Пакистане»²⁰. Проект «Договора о дружбе, торговле и судоходстве» встретил резкую оппозицию прессы и деловых кругов страны, в результате чего его утверждение было отложено на неопределенное время.

Американская «помощь» Пакистану, безусловно, значительно укрепила политические и экономические позиции США в этой стране. Однако было бы ошибочным полагать, что американским монополиям удалось устранить своих английских конкурентов. Позиции английского империализма в Пакистане все еще очень сильны.

Важным оружием Англии в конкурентной борьбе против США по-прежнему является использование стерлинговых авуаров и сохранившихся имперских преференций. В настоящее время ряд промышленных предприятий Пакистана целиком зависит от Англии в снабжении запасными частями и оборудованием. В промышленности до сих пор широко используются английские стандарты. «Англичане до сих пор гос-

¹⁴ «Guaranty of private investments. Agreement between the United States of America and Pakistan signed at Washington. May 26, 1955» Treaties and other international acts series, 3269; см. также «Economic Observer», February 1957, p. 5.

¹⁵ «Pakistan trade», November 1954, p. 11—12; «Pakistan trade», April 1956, p. 25; «Pakistan standard», 11 февраля 1955 г.

¹⁶ «Импоз», 29 декабря 1956 г.; «Pakistan trade», September 1956, p. 4.

¹⁷ «Импоз», 22 декабря 1956 г.

¹⁸ «Pakistan trade», November 1954, p. 11—12; «Pakistan trade», April 1956, p. 25; «Импоз», 22 декабря 1956 г.

¹⁹ «Pakistan trade», November 1954, p. 12.

²⁰ «The Pakistan Times», 21 января 1957 г.

подствуют на рынках своих бывших колоний главным образом потому, что эти страны используют английское оборудование, а переход на другое стоит дорого», — отмечает пакистанский журнал «Экономик обсервер»²¹.

Англия использует для сохранения своих позиций в Пакистане и другие средства, в том числе предоставление кредитов Пакистану по линии межгосударственных соглашений, помощь по «плану Коломбо» и др. Так, в мае 1953 г. правительство Англии предоставило Пакистану заем в размере 10 млн. фунтов стерлингов для закупки в Англии ряда промышленных товаров и оборудования для различных проектов развития сельского хозяйства Пакистана²². «Позиции английского капитала [в Пакистане] недавно получили дополнительную поддержку в виде займа Пакистану со стороны Соединенного Королевства на 10 млн. ф. стерлингов», — отмечается в американском справочнике для инвесторов США в Пакистане²³. Эта сделка была весьма выгодна для английских монополий еще и потому, что реализация займа должна была произойти в самой Англии.

Поскольку главной формой проникновения США в Пакистан является «программа помощи», Англия пытается бороться с американскими конкурентами аналогичным оружием, предоставляя Пакистану в виде «помощи» свои денежные средства, а также средства стран, связанных с нею. Таким путем Англия стремится уменьшить зависимость экономических планов Пакистана от США, поставить осуществление части этих планов в зависимость от субсидий Англии и других стран Британского содружества.

Программа помощи по «плану Коломбо» была начата в 1951 г. и рассчитана на 6 лет. В осуществлении «помощи» принимают участие Англия, Австралия, Канада и Новая Зеландия. По сентябрь 1956 г. Пакистану по «плану Коломбо» было ассигновано 90,9 млн. долл.²⁴. Из этой суммы Пакистан реализовал 43,7 млн. долл.

Условия предоставления «помощи» и механизм взаимных расчетов стран, дающих и получающих помощь заключаются в следующем. На представленные квоты «помощи» заводятся «эквивалентные счета» в рупиях, равные стоимости предоставленных продовольственных и промышленных товаров. Средства, положенные на эти счета, расходуются на различные «проекты развития» при условии обязательного согласования с правительством страны, предоставившей «помощь». Правительство Пакистана не может по своему усмотрению распоряжаться ассигнованными средствами.

Необходимость открывать «рупийные счета» на каждую представленную квоту «помощи» из бюджетных средств, что правительство Пакистана не всегда в состоянии сделать, и «согласовывать» с правительством страны, давшей «помощь», ее конкретное размещение снижает возможности использования Пакистаном получаемых средств. Этим, в частности, объясняется, почему из 202 млн. долл. всей «иностранной помощи», ассигнованной на экономическое строительство Пакистана к концу 1956 г., он смог реализовать лишь около 90 млн. долл.²⁵. Газета «Пакистан таймс» отмечала, что «американская помощь предоставляется для объектов, по поводу которых имеются специальные соглашения, и в тех случаях, когда Пакистан не может финансировать тот или иной проект из-за нехватки собственных ресурсов, американская помощь остается неиспользованной. По условиям соглашений эта помощь не может быть использована на строительство других объектов, где она может потребоваться»²⁶.

²¹ «Economic observer», August 1957, p. 17.

²² «Pakistan trade», February 1956, p. 21.

²³ «Investment in Pakistan...», p. 43.

²⁴ Исключая упоминавшийся выше заем Англии Пакистану в размере 28 млн. долл. (10 млн. ф. стерлингов).

«Foreign aid and its utilisation in Pakistan». Ministry of Economic Affairs. Government of Pakistan. Karachi, 1956, p. 6, 9; «Pakistan trade», January 1957, p. 78—79.

²⁵ «Pakistan trade», January 1957, p. 78—79.

²⁶ «The Pakistan times», 4 декабря 1956 г.

Условия «помощи» по «плану Коломбо», так же как и условия американской «помощи», облегчают возможность давления на правительство Пакистана путем предоставления или отказа от ассигнований на тот или иной проект. Некоторые ограничения в свободе выбора тех или иных проектов содержатся уже в основных соглашениях о принципах сотрудничества между правительством Пакистана и правительствами стран — участниц плана Коломбо. Так, в совместном «Заявлении о принципах сотрудничества» правительства Пакистана и правительства Канады указывается, что при заключении соглашения о субсидиях для того или иного конкретного проекта в первую очередь должны учитываться «коммерческая характеристика указанного проекта с точки зрения его рентабельности и его роль в сбережении иностранной валюты для Пакистана»²⁷. Это условие ограничивает использование «помощи» для осуществления проектов, жизненно необходимых для Пакистана, но в течение определенного, может быть длительного, периода малорентабельных. Все соглашения о «помощи» предусматривают, что правительство Пакистана будет представлять соответствующим странам подробную информацию об использовании предоставленных ему средств, о выполнении проектов и т. д.

Следует отметить, что условия использования Пакистаном помощи, предоставленной ему по «плану Коломбо», иногда менее обременительны, чем условия американской помощи, что, без сомнения, вызвано соображениями конкуренции. Так, при расчетах со «странами Коломбо» в отличие от расчетов по американской «помощи» правительство Пакистана может не открывать «эквивалентных счетов» против поставок оборудования для «проектов развития», а лишь против товарных поставок, и таким образом определенная сумма местной валюты остается в руках правительства Пакистана для расходования на внутренние нужды по своему усмотрению²⁸.

Целевое размещение помощи по «плану Коломбо» в целом аналогично размещению американской помощи. Основными объектами «иностранной помощи» являются сельское хозяйство, энергетические источники и коммуникации; определенная часть средств ассигнуется на подготовку технических кадров низшей квалификации из пакистанцев²⁹. Размеры ассигнований на строительство ряда важнейших объектов определяются прежде всего их военно-стратегическим значением. Как сообщает пакистанский журнал «Экономик обсервер», «значительная часть помощи, которая рассматривается как экономическая, играет жизненно важную роль в оборонительных мероприятиях США, а вся программа иностранной помощи до сих пор в действительности является главным образом военной»³⁰. Сюда следует отнести строительство аэродромов, шоссе и железных дорог, оборудование портов и др. Ассигнования по программе «иностранной помощи» имеют также целью создание условий для эксплуатации страны как рынка сбыта, источника стратегических материалов и сферы приложения капитала. В числе основных факторов, препятствующих в настоящее время империалистической эксплуатации Пакистана, в американском справочнике для заграничных инвесторов отмечаются: ограниченные запасы разведанных полезных ископаемых, недостаток транспортных средств, электроэнергии и квалифицированной рабочей силы³¹. Размещение «помощи» по объектам показывает, что и ассигнования по программе американской «помощи» и ассигнования по «плану Коломбо» в известной мере преследуют военно-политические цели. В этом смысле цели и английский и американский монополий в Пакистане совпадают, поскольку в военно-стратегическом отношении Англия подчиняется США, как своему более сильному партнеру. Империалистическая борьба между Англией и США в Пакистане развертывается главным образом по линии борьбы за влияние на экономическую жизнь страны и ее пла-

²⁷ «Foreign aid...», p. 89.

²⁸ Там же, стр. 16.

²⁹ Там же, приложение II, стр. 102—143.

³⁰ «Economic Observer», August 1957, p. 17.

³¹ «Investment in Pakistan...», p. 2.

ны экономического развития, за контроль над ее сырьевыми и минеральными источниками.

Однако в настоящее время размеры американской «помощи» превосходят размеры «помощи» по «плану Колумбо». Поэтому Англии, даже с помощью стран, входящих в Британское содружество, лишь с большим трудом удается удерживать свои позиции в Пакистане.

Конкурентная борьба между США и Англией идет и внутри «плана Колумбо». США стремятся взять в свои руки контроль над использованием средств, предоставляемых «по плану Колумбо», подчинить строительство, финансируемое частично за счет помощи по «плану Колумбо», общим военно-стратегическим и экономическим планам США по отношению к Пакистану.

Одним из методов, используемых для этого, является участие США в многосторонних соглашениях об осуществлении того или иного проекта, из числа наиболее важных для империалистических целей. Так, США участвуют в строительстве ряда пригационных и энергетических сооружений, в реконструкции железнодорожного транспорта страны. США стремятся проникнуть и в те проекты, которые осуществляются правительством Пакистана и «странами Колумбо». Вкладывая в них порой даже весьма ограниченные средства, американские монополии получают возможность влиять на темпы и направление строительства. Так, США предоставили оборудование для строительства гидроэлектростанции в Варсаке на сумму 250 тыс. долл., хотя по первоначальному соглашению строительство в Варсаке финансируется Канадой и Австралией. США обязались также финансировать работы по увеличению производственной мощности цементных заводов и других проектов. Результаты американского «участия» в осуществлении этих проектов не замедлили сказаться. «Осуществление некоторых важных проектов... строительство заводов по производству удобрений, расширения цементных заводов «Зил-Пак» и «Мэпл-лиф» (заводы, финансируемые по «плану Колумбо».— С.К.), картонных фабрик, сталепрокатного завода в восточном Пакистане... и др.— отложено на неопределенное время,— сообщила в январе 1957 г. газета «Пакистан таймс».— Считают, что судьба дальнейшей индустриализации во многом зависит от итогов переговоров министра финансов Саеда Амджада Али в Америке...»³². Иными словами, судьба этих проектов попала в руки американских монополий. Таким образом, в ряде случаев «план Колумбо» помогает США упрочить свое экономическое и политическое влияние в Пакистане. Однако это обстоятельство, являющееся следствием финансового и политического превосходства США по сравнению с другими партнерами, не снимает вопроса о борьбе между Англией и США, в том числе и в рамках «иностранный помощи» Пакистану, о дальнейшем росте империалистических противоречий.

Используя противоречия между Англией и США, в экономику Пакистана пытаются проникнуть монополии и других развитых капиталистических государств — Западной Германии, Японии, Франции, Италии и др. Так, западногерманский капитал проявляет интерес к машиностроению, химии и металлургии³³. В 1953 г. в Пакистане была создана смешанная компания «БЕКО-КСБ» с участием пакистанской компании «Батала инжиниринг компани» и западногерманской фирмы КСБ³⁴. Западногерманская фирма Крупп — Демаг производит разведку железорудных месторождений в Белуджистане³⁵. Эти изыскания связаны с проектом строительства металлургического завода в Мультаке, в соответствии с соглашением, заключенным между правительством Пакистана и фирмой Круппа. Осуществление этого проекта было отложено на неопределенное время под давлением США, выступивших на защиту интересов своих монополий, экспортирующих сталь³⁶.

³² «The Pakistan times», 17 января 1957 г.

³³ «Investment in Pakistan...», р. 44.

³⁴ «The Pakistan times», 6 августа 1956 г.

³⁵ «The Pakistan times», 24 ноября 1956 г.

³⁶ «Импоз», 26 августа 1956 г.; «Dawn», 15 июля 1957 г.; «The Pakistan times», 1 февраля 1957 г.

Западногерманские промышленники стремятся обеспечить себе крупные заказы на производство оборудования для ряда промышленных проектов в Пакистане. Получение заказов сопровождается острой конкурентной борьбой монополий США и западноевропейских стран. Так, например, крупные фирмы США, Японии и ряда европейских стран стремились обеспечить себе заказы на паровые котлы и турбины для осуществления проекта «Суп-газ». Однако в результате ожесточенной конкурентной борьбы заказ был передан западногерманской фирме АЕГ и Штейнмюллер³⁷.

Японский капитал стремится проникнуть в отрасли легкой промышленности в частности в хлопчатобумажную³⁸, где он не встречает конкуренции со стороны английской и американского капитала. Японские компании поставили новейшее оборудование для многих текстильных предприятий в Пакистане.

Особый интерес ряда иностранных монополий вызывает строительство в Пакистане предприятий по производству искусственных удобрений. Получение заказов на строительство этих предприятий сопровождается усиленным соперничеством иностранных монополий. Так, в ноябре 1956 г. в связи с заявлением пакистанского правительства о намерении построить в стране два завода по производству химических удобрений, ряд японских, французских, итальянских и американских химических компаний прислали в Пакистан своих представителей с целью изучения возможностей строительства этих предприятий.

В конце 1957 г. заказы на строительство этих двух заводов получили французская и японская компании.

Конкурентная борьба империалистических держав в Пакистане иногда вынуждает эти державы смягчать условия своей «помощи» Пакистану, а также финансировать отдельные проекты, содействующие индустриальному развитию страны.

* * *

Усиление в стране позиций империалистических держав и, в первую очередь США, ставит экономику и политику страны под угрозу диктата и контроля со стороны иностранных монополий. Подобное положение сложилось в настоящее время в Пакистане. Отказ от политики нейтралитета и поддержка агрессивных планов США на Ближнем и Среднем Востоке поставили не только политику, но и экономику страны в зависимость от американского империализма. Сильная зависимость экономического строительства в Пакистане от военно-стратегических планов США, непосильные ассигнования из бюджета на военные цели — главные результаты американской «помощи» Пакистану³⁹. «Сотрудничество» с другими империалистическими державами также не способствует решению основных экономических проблем Пакистана.

Только равноправная и взаимовыгодная торговля может помочь Пакистану выйти из тяжелых экономических затруднений. В этой связи определенные круги национальной буржуазии Пакистана призывают правительство не делать различий между странами социалистического лагеря и западными державами. «Мы должны стараться, — пишет журнал «Карачи коммерс», — не разрешать политическим соображениям ограничивать наш выбор тех стран, которые могли бы помочь нам стать экономически более сильными. Нам не следует проводить дискриминацию между Востоком и Западом, Севером и Югом, поскольку дело касается снабжения нас капитальными товарами и машинным оборудованием. Мы можем торговать с СССР так же, как и с США, и с Чехословакией так же, как с Великобританией»⁴⁰. До сих пор правящие круги Пакистана

³⁷ «The Pakistan Times», 14 августа 1956 г.

³⁸ «Investment in Pakistan...», р. 44.

³⁹ Как отмечает американская газета «Кристен Сайенс монитор», ассигнования на военные цели, связанные с участием Пакистана в военных блоках СЕАТО и Багдадского пакта, «каждый год поглощают не менее 69% пакистанского бюджета» («The Christian science monitor». Boston, Mass., 17 августа 1957 г.).

⁴⁰ «Karachi Commerce», weekly, April 1956; см. также «The Pakistan Times», 20 сентября 1957 г.

не устанавливали широких экономических связей со странами социалистического лагеря, хотя ряд торговых договоров был заключен. Доля СССР, социалистических стран Восточной Европы и Китая во внешней торговле Пакистана составила в 1956 г. по экспорту 5,9 процента, по импорту — 3,1 процента, а за девять месяцев 1957 г. соответственно — 5,3 и 2,6 процента.

Однако ухудшение внешней торговли Пакистана, сокращение возможностей экспорта его основных торговых культур — хлопка и джута, все острее ставят перед правящими кругами вопрос об отказе от односторонней торговли с империалистическими странами и расширении экономических и внешнеторговых связей с мировым социалистическим рынком. Этого настоятельно требуют развивающаяся экономика Пакистана и укрепление его политической и экономической независимости.

Помощь без политических условий и взаимовыгодная торговля без дискриминации — основа нового типа международных экономических отношений, устанавливаемых между странами социализма и слаборазвитыми странами.

S U M M A R Y

Analysing the contradictions between English and American imperialists in Pakistan, the author shows that the United States is using its so-called aid as a means of pressure upon Pakistan where the positions of British imperialism are still strong. In these conditions Pakistan can strengthen its political and economic independence only by refusing to participate in aggressive blocs and in disadvantageous unilateral economic agreements with imperialist countries; by broadening its economic ties with the socialist world.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛЬНОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В ЕГИПТЕ XV ВЕКА

Л. А. СЕМЕНОВА

Одним из источников, дающих представление о формах и развитии феодального землевладения в Египте в XV в., служит кадастр Шериф-ад-дина Яхья ибн Макара ибн аль-Джи'ана, представителя фамилии, члены которой в течение многих поколений возглавляли главную канцелярию султана. Роспись эта относится ко времени правления султана Каит-бея (1468—1496). В основу ее положен подобный же кадастр, составленный при султани Ашрафе Насир-ад-дине Шаабане (1363—1377)¹.

Точно этот памятник впервые датировал немецкий исследователь В. Мориз, убедительно опровергнувший утверждение Сильвестра де Саси, относившего кадастр к концу XIV в.

Отдельные цифры и факты из этого источника были использованы А. Поляком в его работе «Feudalism in Egypt, Syria, Palestine and the Lebanon, 1250—1900» (London, 1939), однако подробного анализа всего кадастра с учетом особенностей отдельных провинций до сих пор произведено не было.

В кадастре аль-Джи'ана дана земельная роспись по округам отдельных провинций и окрестностям крупных городов. В кадастре указываются виды земельных владений (а иногда и имена владельцев), имевшихся в данной местности в прошлом и во время составления росписи, размер владений в федданах и доход, получавшийся со всего участка, в динарах.

Анализ этого ценнейшего источника и сопоставление его с отрывочными данными других источников позволяют получить общее представление о земельном строе в мамлюкском Египте в XV в.

К началу XV в. площадь государственных земель равнялась примерно 518 тыс. федданов. Часть этих земель составлял домен султана; управление им осуществлялось ведомством диван аль-хас (ديوان الخاص), возникшим в конце XIV в.² Другую часть государственного фонда составляли земли, доходы с которых шли на содержание государственных чиновников и мамлюков султана; этими землями управлял диван аль-муфрад (ديوان المفرد), появление которого также относится к XIV в. Определить точно площадь указанных двух категорий земель государственного фонда для начала XV в. по рассматриваемому кадастру невозможно. Наиболее значительную площадь занимали

¹ كتاب التحفة السنوية باسم البلاد المصرية جمع الشيخ الامام شرف الدين
Ибн аль-Джи'ан. Книга высшего подарка об именах египетских стран). Каир, 1898, стр. II (В дальнейшем
Ибн аль-Джи'ан.)

² Иногда в этом же значении употребляется наименование ديوان السلطنة или
ديوان الاملاك

государственные земли в Гизе (101 007 федданов), а также в Кусе (78 963 феддана), Файюме (52 963 феддана) и Гарбии (48 079 федданов). К концу XV в. размер земель, контролируемых султанскими ведомствами, значительно увеличился, достигнув 815 038,2 феддана. К государственному фонду было присоединено около 500 тыс. федданов. В Гарбии к султанским землям отошли владения площадью в 46 495,2 феддана; в Бахнесавии — в 110 154,5, в Бухайре — в 75 509, в Шаркии — в 40163,5 и в Ашмунейне в 48 098 федданов. Кроме того, в Гарбии размер государственных земель увеличился за счет присоединения к ним некоторой части земель пяти имений, ранее принадлежавших другим владельцам; в Шаркии — четырех, в Файюме — трех подобных имений, в Кусе — двух и в Атфихе 2 тыс. федданов земли имения, ранее принадлежавшего эмиру.

Все земли, ставшие государственными владениями, принадлежали ранее эмирам или мамлюкам иных рангов, в трех случаях присоединенные участки в начале XV в. находились во владении арабов-бедуинов; один участок ранее был вакуфным. В фонд государственных земель включались также икта, конфискованные у мамлюков, подвергшихся опале или попавших в плен, и земли, отнятые у мамлюков, не пригодных к несению военной службы или в случае их смерти. В кадастре аль-Джи'ана имеется указание, что в XV в. в большинстве случаев земли отходили в ведение казны или дивана *مصر*, а не в султанский домен. В Шаркии, например, к концу XV в. в ведение казны и указанного дивана перешло 20 держаний эмиров, в домен султана — два, в Гарбии в казну и диван *مصر* отошло 23 владения из 29, в Бухайре — 30 из 35, в Бахнесавии — 24 из 30, в Ашмунейне — все 17 и т. д.

В казну из домена султана перешла и часть уцелевших на протяжении XV в. земель государственного фонда: в Гизе — 5 имений, в Бухайре — 3, в Ашмунейне — 5, в Кальюбии и окрестностях Каира — по 3 и т. д.

Большая часть государственных земель — 120 062,7 феддана была роздана в икта. Известно, что Насир Мухаммед (1496—1498), сын и наследник Кант-бея, распределил среди мамлюков оставшиеся у него после Кант-бея земельные держания, всего около тысячи³. Распределение икта происходило и при султанах Ашрафе Кансухе Гури (1501—1516 гг.)⁴. Таким образом, те земли, которые, судя по кадастру, относились к государственному фонду, в действительности к концу XV в. находились во владении феодалов.

Согласно кадастру аль-Джи'ана, владения икта в Египте к началу XV в. составляли около 2300 тыс. федданов; особенно больших размеров достигали земли икта в Шаркии, Гарбии, Бахнесавии и Бухайре. По ряду округов размер икта в источниках не указан.

В XV в., как и в предыдущий период, считалось, что икта — держание, обусловленное военной службой. Икта соответствовали определенной должности. Так, например, Тагри-Бирди сообщает, что в 1459 г. «султан передал икта Аркмаса аль-Джамуса аль-Яшбеки после его смерти Бердбеку аль-Таджи аль-Ашрафу, а [что касается] икта, подобающего эмиру десятка, то он передал икта вышеупомянутого Бердбека его товарищу Дукмаку Яшбеки, ибо каждый из них был эмиром десятка»⁵. В 1465 г. «в пятый день первого джумада передал султан икта Кесбая аль-Шамли аль-Муайяда

³ *Silvestre de Sacy. Sur la nature et les révolutions du droit de propriété territoriale en Egypte...*, t. II. «Bibliothèque des arabisants français», I série. Caire, 1923, p. 250.

⁴ كتاب تاريخ مصر المشهور ببداية الزهور في وقائع الدهور (Мухаммед ибн Ахмед ибн Айас аль-Ханафи. Книга истории Египта, известной редкими цветами среди событий веков), т. IV, Стамбул, 1931, стр. 50.

⁵ حوادث الدهور في مدى الايام والشهور لابي المحاسن يوسف بن تغرى بردى (Абул-Махасин Юсуф ибн Тагри-Бирди. События веков на протяжении дней и месяцев). Калифорния, 1930—1932, стр. 322.

Джанбеку, помощнику главного смотрителя конюшен султана, после смерти его (Кесбая), и это — икта эмира с оркестром (представителя высшей мамлюкской знати.— Л. С.) и поделил икта Джанбека между Сабаем — помощником помощника главного смотрителя конюшен султана и Джанбеком аз-Зейни⁶, который также был мамлюком низшего ранга.

Однако эти традиционные установления не всегда соблюдались. Уже при тюркских султанах часть икта переходила от мамлюков по наследству к их сыновьям. По свидетельству аль-Омари, «в целом, сыновья наследовали своему отцу, брат — брату, двоюродный брат по отцовской линии — своему двоюродному брату, и часто случалось, что после смерти владельца икта, если хотели передать грамоту на пользование им человеку, чуждому данной фамилии, родственник представлял определенную грамоту, где ссылался на принадлежность ему права на икта и его оставляли за ним»⁷. Макризи, говоря о наследовании икта во владениях сирийского правителя Нур-ад-дина Махмуда ибн Зенги, приписывает его воинам следующие слова: «Икта — наша собственность, наши дети наследуют ее от отцов», и утверждает, что примеру Зенгидов следовали многие государи Египта. Судя по контексту, он имел в виду султанов — своих современников или живших во времена, близкие его времени⁸. О наследовании икта при султанах Захире Сейф-ад-дине Чакмаке (1438—1453) говорится у Ибн-Айаса⁹. Тагри-Бирди под 1453 г. сообщает о переходе икта мамлюка Мухаммеда Сагира после его смерти к сыну¹⁰. По-видимому, и при черкесских султанах часть икта, приобретенная наследственным характером и утрачивая обусловленность военной службой, приближалась по своему характеру к владению типа мулька.

Наиболее характерным явлением для Египта XV в. был переход земельных владений типа икта в другие виды владений, в результате чего к концу века общая площадь земель икта сократилась более чем в два раза по сравнению с началом столетия. В XV в. площадь, занимаемая икта, уменьшилась на 1 263 676,2 феддана. Земли части округов, в начале века относившиеся к икта, целиком перешли в вакфы; в окрестностях Дамьеты они составили 15% всех земель икта, перешедших в другие виды владений, в Дакахлии — 11%, в Файюме около 50%. Часть земель икта целиком превратилась в ризки — пожизненные земельные владения, жалуемые государством в качестве пенсии — (в Бухайре, например, 4 округа общей площадью в 2541 феддан, в Дакахлии — 8 округов площадью в 3666 федданов и т. д.). В Гарбии и Шаркии увеличилась площадь земель, занятых арабами-бедуинами.

В основном же земельные владения многих округов, состоявшие в начале века исключительно из икта, к концу его превратились в комплексы владений разных видов — икта, вакфов, ризков и мульков в различных сочетаниях, причем размеры этих новых участков в кадастре не указываются. В Кальюбии, например, такие изменения произошли в 17 округах из 22, в Шаркии — в 118 из 147, в Гарбии — в 180 из 252 и т. д.

Важным фактором, способствовавшим превращению земель икта в мулек в XV в., была их купля-продажа. Продажа икта мамлюками торговцам и ремесленникам имела место уже при последних тюркских султанах. Макризи пишет: «После смерти султана

⁶ Тагри-Бирди. Указ. соч., стр. 437. См. также محمد بن عبد الرحمن بن محمد بن أبي بكر بن عثمان السخاوي كتاب التبر المسبوك في ذيل السلوك (Мухаммед ибн Абд-ар Рахман ибн Мухаммед ибн Абу Бекр ибн Осман ас-Сакхави. Книга расплавленной руды о конце пути). Булак, 1896, стр. 324.

⁷ См. *Gaudefroy-Detombynes. La Syrie a l'époque des mamelouks d'après les auteurs arabes.* Paris, 1923, p. XLVI—XLVII.

⁸ أحمد بن علي المقریزی المواعظ و الاعتبار بذكر الخطط و الآثار (Ахмед ибн Али аль-Макризи. Поучения и соображения по части указания округов и памятников Египта, т. III). Каир, 1906—1908, стр. 354.

⁹ Ибн-Айас. Указ. соч., т. II. Булак, 1893, стр. 34.

¹⁰ Тагри-Бирди. Указ. соч., стр. 361.

Насира Мухаммеда ибн Калауна (1340/1341) обычай передавать свой икта другому за определенную сумму серебра или обменивать его на другой икта был введен среди гвардейцев. В среду гвардейцев проникло много самозванцев; чернь и ничтожные люди оказались владельцами икта...»¹¹. Так, 700 икта гвардейцев принадлежало детям судьи Али-ад-дина Зенбура, который не был мамлюком¹². «И забрали многие [лица] из простонародья икта гвардейцев... Икта войска отошло к ремесленникам»¹³, — пишет Тагри-Бирди о последствиях чумы 1348 г. Позже сделки такого рода стали обычным явлением. «Со времени эмира Сейф-ад-дина Килая, ставшего наместником султана в 753 (1352) г., — продолжает Макризи, — войны продавали и покупали икта без помехи; купцы и ремесленники приобретали икта»¹⁴. Купля и продажа земель столь участились, что «появилось более трехсот человек — посредников, которые занимались тем, что навещали воинов и побуждали их уступить или обменять их икта, и за комиссию они брали десять процентов»¹⁵. Переходу икта гвардейцев в руки горожан, по видимому, способствовала политика некоторых султанов. «И в этом (1346) году по безрассудству султана Камиля Сейф-ад-дина Шаабана были отчуждены многие икта за определенные суммы...», — сообщает Ибн-Айас¹⁶.

Практика купли-продажи икта стала столь распространенной, что уже в 1347 г. военное ведомство было вынуждено составить списки ремесленников, которые приобрели икта. Одновременно возникло и специальное ведомство по обмену икта — *بدل*, куда лица, совершавшие эти сделки, вносили определенные суммы за скрепление их грамот печатью султана. Появилась и определенная таблица цен, утвержденная везиром¹⁷. Попытки некоторых эмиров прекратить эту практику успеха не имели.

В XV в. признаки разложения ленной системы стали еще более очевидными. После того, как первый черкесский султан Захир Баркук разрешил своим мамлюкам селиться в городе, начался процесс их ассимиляции с местным населением. Макризи пишет: «Они покинули цитадель, женившись на женщинах из города, пристрастились к легкой жизни и забыли прежние обычаи»¹⁸. В связи с сокращением репты мамлюки охотно продавали свои икта, находя более выгодным занятия торговлей и ремеслами, где они пользовались всеми привилегиями, вытекавшими из их положения высшего слоя господствующего класса. «И это, — пишет Макризи (имея в виду продажу икта), — стало всеобщим, и сейчас гвардейцы почти все стали ремесленниками, и их (гвардейцев) икта почти все вышли из их рук»¹⁹. Земли икта переходили и к купцам; у Тагри-Бирди под 1453 г. сообщается, например, о приобретении икта купцом-каремитом²⁰. Известны случаи продажи своих владений не только рядовыми мамлюками, но и их эмирами²¹.

В течение XV в. значительная часть земель икта подверглась перераспределению. В источниках встречается множество указаний на появление в XV в. группы мамлюков султана²², известной под названием «джалаб» (*جلب* от *جَلَبَ* — доставлять, привозить). Это были мамлюки, составлявшие непосредственное окружение черкесских сул-

¹¹ Макризи. Указ. соч., т. III, стр. 346.

¹² Ибн-Айас. Указ. соч., т. I, стр. 198.

¹³ النجوم الزاهرة في ملوك مصر والقاهرة لابي المحاسن يوسف بن تغري بردي. (Абул-Махасин Юсуф ибн Тагри-Бирди. Блеск звезд о царях Египта и Каира). Лейден, 1909, стр. 72, 73.

¹⁴ Макризи. Указ. соч., т. III, стр. 347.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Ибн-Айас. Указ. соч., т. I, стр. 184.

¹⁷ Макризи. Указ. соч., т. III, стр. 357.

¹⁸ Там же, стр. 355.

¹⁹ Там же.

²⁰ Тагри-Бирди. События веков..., стр. 385. Каремиты — принятое в европейской литературе обозначение жителей Канема в Судане.

²¹ Ибн аль-Джи'ан, стр. 109, 139.

²² Silvestre de Sacy. Указ. соч., стр. 244.

танов. Последние противопоставляли их остальной массе мамлюков. Султаны выдавали им большее денежное жалование, чем остальным мамлюкам, не посылали их в опасные военные походы, в первую очередь обеспечивали их при перераспределении земель (что видно из сообщения Ибн-Айаса о раздаче икта султаном Каит-беом в 1475 г.)²³. В 1461 г. султаном Муайядом Шихаб-ад-дином Ахмедом в пользу мамлюков «джалаб» были конфискованы земли сторонников султана Айнала²⁴. Раздача султаном Гури в 1509 г. икта и ризков также была направлена на удовлетворение интересов мамлюков этой группы²⁵. Мамлюки «джалаб» увеличивали свои владения и путем захватов. У Ибн-Айаса говорится, например, об убийстве в Каире в 1514 г. мамлюками «джалаб» мамлюка *القراييس*²⁶ с целью захвата его икта, затем он добавляет: «то же самое сделали они с большим числом мамлюков *قراييس*, из-за их икта..., и чрезвычайно тревожным было положение в эти дни и убивали они кого хотели из-за их икта»²⁷.

В начале XV в. земли икта не обладали налоговым иммунитетом. Об этом свидетельствуют имеющиеся у аз-Захири пространные поучения, обращенные к государственному чиновнику, контролировавшему условные земельные держания. В них говорится о необходимости применения строгих мер к лицам, нарушившим клятву верности своему сюзерену и забросившим управление вверенным им владением, о необходимости проверки их доходов и своевременного взимания налогов государственными чиновниками²⁸.

Мамлюки обычно жили в городах, а надзор за их владениями осуществляли управляющие. Налоги с владений мамлюков собирали государственные чиновники, которые в источниках большей частью обозначаются термином «кяшиф» (*كاشف* — инспектор, соглядатай). Назначал их султан или его заместитель, наб *ас-султанат* (*نايب السلطنة*); в Файюм султан всегда назначал инспектора сам. Иногда под властью одного инспектора объединялось несколько провинций. Глава кяшифов именовался кяшиф ал-кяшаф (*كشاف الكشاف*) и подчинялся устадару (*استادار*), чиновнику, ведавшему хозяйством султанского дворца и одновременно возглавлявшему диван аль-муфрад. Кяшифы и находившиеся в их распоряжении чиновники осуществляли надзор за строительством крупных плотин и каналов и взимали некоторые налоги с непосредственных производителей. Иногда кяшифы совмещали и другие функции. При Каит-бее некий мамлюк Карт-бей был одновременно и везиром, и главой кяшифов, и эмиром сотни. Кяшиф Файюма был, кроме того, эмиром, сопровождавшим носилки, ежегодно отправляемые с покрывалом для Каабы²⁹. Особенно большими полномочиями были наделены кяшифы на землях султанского домена.

²³ См. Ибн-Айас. Указ. соч., т. II, стр. 277.

²⁴ Тагри-Бирди. События веков..., стр. 404—405.

²⁵ Ибн-Айас. Указ. соч., т. II, стр. 320, т. IV, стр. 50, 136.

²⁶ В определении этого термина нет единого мнения: Хаммер полагает, что он обозначал корсаров; Поляк — черкесскую аристократию. Более убедительным является мнение Де Саси и Айалона, что речь идет о старых мамлюках, переданных султану его предшественниками. См. J. von Hammer. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1827—1835; Bd. II, 1828, S. 470; A. N. Poliak. Le caractère colonial de l'État mamelouk dans ses rapports avec la Horde d'Or. «Revue des études islamiques». Paris, 1935, Cahier III, p. 244; Silvestre de Sacy. Указ. соч., стр. 245; D. Ayalon. Circassians in the Mamlūk Kingdom. «Journal of the American Oriental Society». Baltimore, 1949, vol. 69, № 3, p. 146.

²⁷ Ибн-Айас. Указ. соч., т. IV, стр. 358.

²⁸ غرس الدين خليل بن شاهين الظاهري. كتاب زبدة كشف الممالك وبيان الطرق (Гирс-ад-дин Халил ибн Шахин аз-Захири. Книга сливок раскрытия стран и описания путей и дорог). Париж, 1894, стр. 59, 94.

²⁹ См., например, Ибн-Айас. Указ. соч., т. II, стр. 386, т. III, стр. 265.

На протяжении XV в. происходил процесс установления налогового иммунитета на землях икта. В источниках, характеризующих положение страны во второй половине столетия, крайне редко упоминается о требованиях центральной власти вносить налоги в государственную казну. В тех же случаях, когда об этом говорится, далеко не всегда известно, удовлетворялись ли эти требования полностью³⁰.

О становлении налогового иммунитета свидетельствует надпись на одной из мечетей Файюма, где большинство округов к XV в. были владениями икта. Эта надпись гласит: «Объявлено было благородное приказание нашего правителя, султана Захира Сейф-ад-дина Чакмака, что отменяется налог, взимаемый с земли файюмской эмиром... [имя не сохранилось], и он составлял ежегодно сто тысяч дирхемов, и отменен он навечно, сколь продлятся дни и ночи, в шаабане 845 (1441—1442) г.»³¹. Эмир, упоминаемый в надписи, был чиновником государственного фиска.

Одна из форм феодального землепользования в мамлюкском Египте XV в. была аренда, хотя в кадастре это не отмечено. Об аренде некоторыми эмирами вакуфных земель говорится у Макризи³² и у Тагри-Бирди (1462 г.): «И в эти дни также вызвал султан [Захир Сейф-ад-дин Чакмак] Зейни ибн аль-Кавиза и приказал держать его в доме давадара — второго Тимурбеги до тех пор, пока [он] не возвратит Коркмасу аль-Ашрафи то, что должен ему, — цену деревни, проданной ему Коркмасом в Дакахлии и носящей имя аль-Ария... а это — четыре тысячи динаров; и перед тем, как купить ее, Зейни арендовал ее в течение двух лет за большую сумму, а когда срок истек и деревня была возвращена [прежнему] владельцу, он не мог собрать и причитающейся в год суммы хараджа, и султан вызвал его (Зейни) и приказал ему отдать цену деревни, и отошла деревня к султанской казне, и находился Зейни в заточении, пока не выполнил требуемого; затем султан освободил его и вернул ему деревню»³³. Подобный же рассказ имеется у Саххави³⁴. Арендные отношения, как видно из приведенного отрывка, связывали между собой двух представителей правящего класса. В «Канун-наме Миср» указывается, что некоторые зажиточные люди арендовали земли двух-трех селений, бесспорно, что и в этом случае речь идет не о простых крестьянах³⁵. О существовании арендных отношений на землях государственного фонда свидетельствует наличие среди султанских ведомств дивана «мустаджарат» (مستأجرات)³⁶.

Следствием разложения ленной системы явился и значительный рост числа вакфов. Площадь вакуфных владений составляла в Египте к началу XV в. 71 115,5 феддана, и кроме того, в 166 округах имелись вакфы, размер которых не указан. Особенно велика была площадь вакфов в провинциях Бухайре (9800 федданов), Шаркии (8064 феддана) и Гарбии (8797 федданов). В XV в. площадь вакуфных земель увеличилась на 174 913,2 феддана, достигнув к концу века 236 606 федданов, а число округов, включавших в себя вакуфные участки, возросло до 667. Особенно расширилась площадь вакуфных земель в провинциях нижнего Египта — в Кальюбии (на 8200 федданов), Дакахлии (на 11 462 феддана), Бухайре (на 10 590 федданов), а также в Файюме (на 41 417 федданов).

В основном рост количества вакфов происходил в результате передачи икта их владельцами целиком или частично различным религиозным учреждениям. Объясняется это тем, что в условиях постоянных междоусобных столкновений различных группировок мамлюков обращение земель в вакф ставило под защиту религии право

владения земель и давало возможность передавать ее по наследству, сохранить от узурпации ее другими мамлюками или изъятия султаном.

Увеличение фонда вакуфных земель происходило кроме того за счет султанских пожалований; большие имения были пожалованы в качестве вакфов в Бухайре и Шаркии при султанах Каит-бее (5153 феддана), в Гизе, Гарбии, Файюме, Менуфии и Бахнесавии — при султанах Барсбее (823 феддана), в Дакахлии при султанах Ашрафе Айнале (два имения, одно площадью в 1586 федданов, размер второго не сохранился). Всего в течение XV в. из фонда государственных земель во владения религиозных учреждений перешло в качестве вакфов 32 456 федданов земли.

Данные кадастра свидетельствуют о переходе части вакуфных земель (общей площадью в 9422 феддана) в другие виды владений. Эти сообщения подтверждаются свидетельствами различных источников. Так, часть вакфов, основанных султаном Ашрафом Сейф-ад-дином Айналом (1453—1461), была распределена в виде икта³⁷. Макризи также сообщает о конфискации государственными чиновниками в Египте и Сирии так называемых семейных вакфов³⁸. На незаконную распродажу вакфов медресе в окрестностях Каира мамлюком по имени Зейни указывает Тагри-Бирди при описании событий 1454 г.³⁹ О том же говорят и сообщения Ибн-Айаса о получении судьей Шамс-ад-адином во время правления султана Гури 3 тыс. динаров за проданный им вакф, и о продаже вакфа, принадлежавшего медресе Джидды⁴⁰. Макризи упоминает также о случаях продажи участков ахбас в Каире и его окрестностях⁴¹.

Макризи в первой половине XV в. писал, что в его время ахбас отошли во множестве «от дивана путем подкупа и списания расположения у эмиров и судей в руки людей, которые называют себя законооведами, но не знают законоведение, проповедникам, которые не знают, как проповедовать, и не читают Корана, и большинство их (земель ахбас. — Л. С.) записаны за разрушенными и заброшенными местными властями»⁴². В XV в. увеличилась самостоятельность местных религиозных властей в управлении вакфами: при описании событий последних десятилетий XV в. в источниках почти не встречается упоминаний о диване вакфов; Ибн-Айас сообщает об уничтожении в 1496 г. должности главного инспектора вакфов⁴³.

В начале XV в. во всех провинциях Египта был распространен еще один вид земельных владений — ризк, особенно в нижних провинциях — Шаркии, Гарбии, Бухайре; реже всего, он встречался на юге, в Файюме и Абъере. Размеры ризков были различны: обычно от 25 до 50, редко превышали 100 федданов. К концу века число округов, где имелись ризки, возросло с 1481 до 1582. Площадь ризков в течение XV в. увеличилась в Гарбии в 47 округах, в Бахнесавии — в 21 округе, в Шаркии и Ашмунейне — в 19, в Бухайре — в 15, в Дакахлии — в 12, в Кальюбии — в 8, а по всему Египту — в 158 округах. В ряде случаев земли округов полностью превратились во владения типа ризк: в Гарбии — в 7 случаях, в Бухайре — в 5, в Дакахлии — в

³⁷ Тагри-Бирди. События веков..., стр. 404—405.

³⁸ Макризи. Указ. соч., т. 4, стр. 86. «Семейными» назывались вакфы, часть доходов с которых шла в пользу дарителя данного участка или его потомков.

³⁹ Тагри-Бирди. События веков..., стр. 202.

⁴⁰ Ибн-Айас. Указ. соч., т. II, стр. 305, т. I, стр. 117.

⁴¹ Макризи. Указ. соч., т. IV, стр. 85. А. Поляк указывает, что под термином «ахбас» следует подразумевать государственные земли, переданные религиозным учреждениям. В то же время приводимые Макризи факты передачи религиозным учреждениям земель, захваченных отдельными лицами, а также этимология самого термина «ахбас», происходящего от арабского корня *حَسَب* — захватывать, задерживать, дает возможность утверждать, что в эту категорию входили (по крайней мере, первоначально) земли, приобретенные путем захвата. А. N. Poliak. Feudalism in Egypt..., р. 32, 34; см. Макризи. Указ. соч., т. IV, стр. 83.

⁴² Макризи. Указ. соч., т. IV, стр. 84.

⁴³ Ибн-Айас. Указ. соч., т. II, стр. 305.

³⁰ Ибн-Айас. Указ. соч., т. II, стр. 252, 262; т. IV, стр. 73, 227, 282, 333.

³¹ Max von Berchem. Matériaux pour un Corpus inscriptionum Arabicarum, vol. I. Paris, 1903, p. 560—561.

³² Макризи. Указ. соч., т. IV, стр. 8.

³³ Тагри-Бирди. События веков..., стр. 126, 127.

³⁴ Саххави. Указ. соч., стр. 386.

³⁵ J. von Hammer. Des osmanischen Reichs Staatsverfassung und Staatsverwaltung, I Theil. Wien, 1815, S. 109.

³⁶ Аз-Захири. Указ. соч., стр. 57.

3 и т. д. Увеличение ризков, как правило, было следствием дробления икта, и лишь в отдельных случаях оно происходило за счет султанских владений.

В XV в. наблюдается некоторый рост площадей земель ризк и приобретение ими налогового иммунитета. Об этом свидетельствует надпись на мечети в Кусе, датированная 18 июля 1478 г.: «...Приказал наш господин аль-Ашраф ас-Сейфи Яшбек, эмир, великий давадар и инспектор Саида..., чтобы были освобождены от всего „ризки“, что в Кусе, в руках их владельцев из судей, секретарей суда, чиновников, вдов и сирот, больших и малых, бедных и богатых, и чтобы препятствовали притесняющим их и отягощающим хотя бы одним дирхемом,— сообразно их положению, согласно грамоте о харадже⁴⁴, выпущенной в 882 году (1477 г.)⁴⁵ высоким диваном, и подобно ей освобождены были (владельцы ризков) от налогов полностью Яшбеком...»⁴⁵.

Значительно увеличилась площадь частных земельных владений типа мульк. Если к началу века земли мульк были лишь в 160 округах, то к концу века они появились уже в 616 округах. В некоторых случаях рост мульковых земель происходил за счет султанских владений, что можно отметить по 9 округам (четыре — в окрестностях Каира, по два — в Гарбии и Гизе, один — в Бахпесавии). В основном рост мульковых земель, как отмечалось выше, шел за счет икта. В кадастре аль-Джи'ана можно найти сообщения, подобные следующему: «Размер (округа) — 150 федданов, доход его — 200 динаров, был он у держателей икта, а теперь — мульк и вакф»⁴⁶. В кадастре отмечается также случай превращения в мульк земель, занятых арабами — бедуинами⁴⁷. Аль-Джи'ан не пишет, к какому именно виду земель относились владения бедуинов, но на основании имевшей место в XV в. практики раздачи бедуинам земель в качестве икта можно предположить, что и здесь речь идет о землях икта.

Увеличение на протяжении всего XV в. площадей мульковых земель (в основном за счет икта) также было следствием разложения ленного землевладения.

Таким образом, в мамлюкском Египте в XV в. все виды земельных владений претерпели серьезные изменения. Египетские султаны черкесской династии стремились к концентрации земельной собственности в своих руках, что привело к значительному увеличению государственного земельного фонда. Земли эти отдавались затем мамлюкам в виде икта. Изменилось и содержание термина «икта». Если в начале века они представляли собой временные держания, пожалованные на условии несения военной службы, то в конце века икта превращаются в наследственные владения, на землях икта происходит становление налогового иммунитета.

S U M M A R Y

Analysing the cadastre of Ibn al-Jay'ān and other sources, the author shows that the development of feudal land ownership in Egypt in the 15th century was characterized by the disintegration of the system of fief holdings granted for military service, and their conversion into unconditional possessions.

⁴⁴ По-видимому, речь идет о харадже в денежной форме, поступавшем до появления данного документа к государственным чиновникам.

⁴⁵ *Max von Berchem*. Указ. соч., т. I, стр. 720.

⁴⁶ *Ибн аль-Джи'ан*, стр. 62. См. также стр. 30, 51, 52, 58, 59, 63, 85, 99 и др.

⁴⁷ Там же, стр. 134.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ МУХАММАДА ИКБАЛА

Н. П. АНИКЕЕВ

Выдающийся поэт и мыслитель Мухаммад Икбал пользуется широкой популярностью не только в Индии и Пакистане, но и на всем Востоке, особенно среди мусульман. Мухаммад Икбал родился 22 февраля 1873 г. в г. Сялките в набожной мусульманской семье, происходившей из кашмирских брахманов. В 1899 г. он оканчивает колледж в Лахоре, получает диплом магистра философии. В 1905 г. для продолжения своего образования Икбал едет в Европу, где знакомится с современной философией и начинает изучать идеологию ислама.

По возвращении в Индию в 1908 г. Икбал становится профессором философии и английской литературы в Лахорском колледже, но вскоре покидает кафедру и отдается поэзии и философии. Творчество его развивается под сильным, первоначально особенно явственно ощущавшимся влиянием таких классиков персидской литературы, как Руми и Саади, и таких выдающихся индийских поэтов, как Галиб, Хали, Азад, Акбар, Шибли и другие. К этому времени относятся его крупнейшие философские поэмы на персидском языке *асرار биходи* (Секреты своего «Я», 1915) и *асرار самоотречения*, 1918). Икбал вовлекается в политическую жизнь мусульманской общины Индии, но скоро оказывается вынужденным отказаться от активной деятельности в этой области, поскольку его демократические взгляды вступают в столкновение с пропомещичьей политикой партии юнионистов. 20-е и 30-е годы — период расцвета творчества поэта. Он выпускает ряд сборников на персидском языке и урду: *پیام مشرق* (Послание Востока, 1923); *بانگ درا* (Желез Моисей, 1936), *کاروان* (Желез Моисей, 1936), *بال جبرئیل* (Крыло Гавриила, 1935), *زبور عجم* (Желез Моисей, 1936), *ضرب کلیم* (Желез Моисей, 1936), *ارمغان حجاز* (Дар Хиджаза, 1938).

В 1930 г. выходят отдельной книгой прочитанные им раньше на юге Индии шесть лекций об исламе — «Six lectures on the Reconstruction of religious Thought in Islam», позже переиздававшиеся под названием «The Reconstruction of Religious Thought in Islam». В 1932 г. выходит его знаменитая *جاويدنامه* (Книга вечности), по праву считающаяся «Божественной комедией» Востока.

Умер Икбал 21 апреля 1938 г. в Лахоре. Творчество поэта многогранно. Но в нем можно выделить основное, то, что определяет роль и значение Икбала как одного из своеобразнейших поэтов и мыслителей XX в. Пассивности, созерцательности, проповеди эфемерности бытия человека, призывам уйти от суесть земной, от окружающей действительности, как от преграды для духа в его порыве к слиянию с богом, абсолютом, Икбал противопоставляет теорию сильной, волевой личности, имеющей реальное существование, единственным критерием и проявлением которой является деятельность, творчество, труд. Назначение человека, по Икбалу, в том, чтобы в процессе непрерывной, созидательной активности укреплять

и совершенствовать свою индивидуальность. Неустанная активность, борьба с трудностями и есть сама жизнь. Поэт сравнивает жизнь человека с морской волной, которая говорит о себе:

«Пока я качусь, я существую,
Когда я покоюсь, меня нет»¹.

И для Икбала только тот может претендовать на право называться обретшим истинную веру, «му'минном», кто считает себя хозяином жизни; в противном случае — он «неверный», «кафир»; принадлежность к различным религиозным верованиям не имеет здесь никакого значения, и не она определяет ценность индивида:

«Тот, кто чувствует себя потерянным в мире, — кафир.
Тот же, кто вмещает в себе весь мир — му'мин»².

Глубоко ошибочным является, однако, довольно часто встречающееся у буржуазных исследователей сравнение Икбала с Ницше. Если последний выдвинул реакционную теорию сверхчеловека, цинично попирающего все общепринятые моральные и этические ценности, считающего народ толпой, над которой он должен утвердить свое господство, то Икбал хотел, чтобы все человечество состояло из сильных волевых личностей, объединенных идеями дружбы, братства и взаимного уважения.

В «Книге вечности» Икбал заявляет: «Гуманизм означает уважение к человеку, осознанное положение человека»³.

Учение Икбала о сильной личности весьма близко взглядам крупнейших индийских гуманистов Вивекананды и Ауробиндо Гхоша. Подобно им Икбал считает, что личность может развернуть все свои способности и потенции лишь в служении обществу, другим людям. Делая общее благо целью своего существования, человек сливает свой ограниченный и конечный духовный мир с бессмертным в историческом развитии и безграничным в своих возможностях миром общества, становясь, таким образом, как бы сопричастным его бессмертию и безграничности:

«Когда индивид растворяется в обществе,
Он подобен капле, в океане становящейся океаном»⁴.

Иными словами, Икбал говорит о таком обществе, в котором личное и общественное выступали бы не в антагонистическом противоречии, а в гармоническом единстве.

Икбал понимал, что прошлая история человечества подобного идеала не дает. Говоря о средневековом мистицизме Востока, в том числе о мистицизме мусульманском, он отмечает, что эта идеология «учила его [человека] фальшивому самоотречению и привела его к полному согласию со своим невежеством и духовным рабством»⁵.

В то же время поэт видел, что капиталистическое общество по самой его сути также весьма и весьма далеко от искомого идеала. Критика язв буржуазного строя является одной из наиболее сильных и впечатляющих сторон творчества Икбала.

¹ *اقبال پیام مشرق* (Икбал. Послание Востока). Лахор, 1954, стр. 150.

² *اقبال ضرب کلیم* (Икбал. Жезл Моисея). Лахор, 1954, стр. 39. В дальнейшем — Зарб.

³ *اقبال جاویدنامہ* (Икбал. Книга вечности). Лахор, 1954, стр. 242. В дальнейшем — Джавиднама.

⁴ *اقبال اسرار و رموز* (Икбал. Тайны и намеки). Лахор, 1948, стр. 98.

⁵ M. Iqbal. The reconstruction of religious thought in Islam. Lahore, 1954, p. 188.

Поэт гневно рисует картины капиталистической эксплуатации, бесправия простых людей в мире денег:

«Из высосанной крови рабочих богачи создают себе
роскошные рубины;
Жестокость жадного помещика разоряет бедного крестьянина
Революция! Революция! Революцию я призываю!»⁶

В поэме *لنین* (Ленин) Икбал изображает разговор Ленина с творцом. Ленин с возмущением рассказывает Богу о тех ужасах и мучениях, которые испытывает трудящийся человек:

«Есть ли люди, которые бы тебе поклонялись?...
Ведь Богом Востока является белый европеец!
Для Запада же Бог — сверкающий металл!
Европа вся блестит в сиянии наук и искусства,
Но фактически это — темнота ослепленного зверя!..
То, что известно под именем торговли, в действительности —
мошенничество.

Прибыль — для одного, для сотен тысяч — смерть от самоубийства.

Здесь наука, философия, ученость, правительство
Проповедуют равенство и пьют человеческую кровь!
Безработица, нищета, нужда, разврат —
Разве этого недостаточно для списка побед западной
цивилизации?

Ты всемогущ и справедлив, но в мире твоём
Горько влачит свои дни закованный в цепи рабочий.
Когда же пойдет ко дну галера капитализма?
Мир ждет часа твоего возмездия!»⁷

Отрицательно и подчас не совсем справедливо отзываясь о духовной жизни Запада, поэт всегда высоко оценивал достижения Запада в области материальной культуры и научного прогресса и призывал Восток учиться этому:

«Сила Запада — не в его музыке,
Не в плясках его нескромных девушек,
Не в очаровании его белолицых обворожительниц,
Их голых ножках и коротких волосах;
Его сила не в безверии,
Его возвышение не в латинском прифте,
Могущество Запада заключено в науке и технике.
Только от их огня горит его светильник»⁸.

И в то же время он подчеркивает, что буржуазное общество, при всех его научных и технических достижениях, находится в морально-этическом тупике.

Причина этого тупика, по его мнению, в той атмосфере всеобщей конкуренции и погони за богатством, которой дышит человек капиталистического общества и которая отравляет в зародыше его благородное духовное начало: «В области мысли он (современный человек. — А. Н.) живет в открытом конфликте с самим собой; в области экономической и политической жизни — в открытом конфликте с другими. Он оказы-

⁶ *اقبال زبور عجم* (Икбал. Иранские псалмы). Лахор, 1951, стр. 134. В дальнейшем — Забур.

⁷ *اقبال بال جبرئیل* (Икбал. Крыло Гавриила). Лахор, 1954, стр. 145—147. В дальнейшем — Бал-и Джибрил.

⁸ Джавиднама, стр. 209.

вается неспособным обуздать свой черствый эгоизм и свою ненасытную алчность, неуклонно убивающую все его высокие порывы и не приводящую ни к чему иному, кроме как пресыщенности жизнью»⁹.

С еще большей силой говорит он об этом в одном из стихотворений, где прямо указывается на капитализм как на причину деградации западной цивилизации:

«Человек все еще — несчастная жертва эксплуатации и империализма;

Вся причина в том, что человек человеку — волк.

Правда, блеск современной культуры ослепляет глаза,

Но это всего лишь искусная мишура.

Наука, которой так гордятся мудрецы Запада,

Есть не что иное, как разящий меч в кровавой лапе алчных.

Никакие ухищрения политиканов не помогут сохранить цивилизацию,

Основанную на зыбучем песке капитализма!»¹⁰

С горькой иронией говорит поэт в другом стихотворении:

«Пусть спросят мудреца Европы,

Поработившей Индию и Грецию,

Какова вершина ее достижений?

Безработные мужчины и брошенные женщины!»¹¹

В поэме *پس چه باید کرد ای اقوام شرق* (Что же делать, о народы Востока?), написанной в связи с нападением фашистской Италии на Эфиопию, поэт подчеркивает, что и система обучения, и церковь поставлены на Западе в услужение власти имущим:

«(На Западе) обучение направлено на то,

Чтоб раб думал о том, что выгодно господину;

Главы веры своими сердцепипательными проповедями

Приспособляют религию к желаниям власть имущих»¹².

Резко критикует поэт лживость буржуазной демократии Запада, называя ее защитной окраской капитализма, фальшивым одеянием угнетателей; он призывает прозреть тех, кто считает западный «хваленый парламентаризм» образцом, которому должна следовать Индия, когда она станет независимой:

«Демократия Запада — старый и лживый орган,

На котором играя, империя сеет обман.

В одеянье фальшивом торжественно-пышных свобод

Это — строй автократии, хищно гнетущей народ...

Все законы, реформы, посулы, уступки, права —

Лишь наркотики Запада, черного горя трава;

Жар бесплодных дискуссий, хваленый парламентаризм —

Вид защитной окраски, хранящей капитализм.

О, глупец! Ты — обманут! Вглядись и подумай о том,

Что тюремную клетку ты вольным считаешь гнездом»¹³.

⁹ M. Iqbal. The Reconstruction..., p. 187—1.

¹⁰ Цит. по сб. «Iqbal as a thinker». Lahore, 1952, p. 70.

¹¹ Зарб, стр. 90.

¹² Цит. по журналу: «Iqbal», July 1954, p. 101.

¹³ *اقبال بانگ درا* (Икбал. Колокольчик каравана). Лахор, 1953, стр. 296—297.

В дальнейшем — Банг. Пер. Г. Коца в кн. «Стихи индийских поэтов». М., 1956, стр. 206.

Подобная оценка капиталистического строя в целом и отдельных его сторон прослеживается на протяжении всего творческого пути поэта.

Что же предлагал поэт взамен этого? Как представляет он себе идеальное общество, которое может стать той средой, где расцветет во всем величии его Человек, «му'мин»? Прежде всего, оно характеризуется, по Икбалу, полной свободой; в нем отсутствуют любые экономические или политические формы рабства, задерживающие развитие личности, губящие творческие возможности; человеческие способности могут проявиться во всей полноте лишь в благодатной атмосфере совершенной свободы, — таков, например, лейтмотив поэмы *بنده گی نامه* (Книга рабства)¹⁴ и ряда других произведений поэта.

В последние годы своей жизни Икбал конкретизирует эту абстрактно-расплывчатую программу, выдвигая требования имущественного равенства, уничтожения различных видов эксплуатации человека человеком, ликвидации клерикализма, стоящего на страже социальной несправедливости. В уже упоминавшейся поэме «Ленин» Творец, выслушав справедливые слова Ленина, в гневе отдает приказ своим ангелам, чтобы они до основания разрушили существующую несправедливость:

Встаньте, пробудите от спячки обездоленных в мире моем!

Сметите с лица земли стены дворцов всех богачей!

Воспламените огнем уверенности кровь рабов,

Заставьте пугливого воробья смело драться с соколом!

Близится время, когда господство народа наступит!

Уничтожайте следы старого, где бы они вам ни попались!

Каждое зерно сожгите на том поле,

Которое не крестьян кормит!

О, почему между Богом и людьми перегородка?

Изгоните жрецов из их храмов...»¹⁵

Икбал дает и позитивное описание идеального, по его понятиям, строя. Иногда Икбала пытаются совершенно неверно представить приверженцем теократической формы правления. На самом же деле он провозглашает себя сторонником светского государства. «Государство с точки зрения ислама есть стремление превратить эти идеальные принципы (равенства, братства и свободы. — А. Н.) в пространственно-временные нилы, стремление к их реализации в определенном общественном организме, — пишет Икбал в своих лекциях об исламе. — Только в этом смысле можно говорить о теократическом государстве в исламе, а никак не в том, что оно возглавляется представителем бога на земле, который всегда способен прикрывать свой деспотизм ширмой своей предполагаемой непогрешимости»¹⁶.

С тех же позиций он одобрял республиканскую форму правления: «Республиканская форма правления не только целиком согласуется с духом ислама, но сделалась даже необходимой перед лицом новых сил, появившихся в мире ислама»¹⁷.

В «Книге вечности» поэт рассказывает о городе Маргдин в сфере Марса, где, по словам одного из мудрецов этого города, нет ни капиталистов, ни эксплуатации, ни частной собственности, ни правителей, ни подчиненных, ни верующих, ни священников; в этом городе отсутствуют деньги, он не знает войн, трудовых конфликтов, каждый трудится и пользуется плодами своего труда¹⁸.

¹⁴ Забур, стр. 247—250.

¹⁵ Бал-и Джибрил, стр. 149—150.

¹⁶ M. Iqbal. The Reconstruction..., p. 154—155.

¹⁷ Там же, стр. 157.

¹⁸ Джавиднама, стр. 120—122. Примечательно, что именно на Марсе — олицетворении активного, волевого, воинственного начала — поэт считает возможным поместить свое идеальное гармоничное общество, как бы подчеркивая тем самым, что его создание возможно лишь в процессе борьбы.

Нет сомнения в том, что в выработке представлений о социальных основах идеального строя большое влияние на Икбала оказал опыт построения социалистического общества в СССР.

Одним из первых поэтов Востока Икбал приветствовал победу Октябрьской революции и установление Советской власти в России. В 1921 г. он откликнулся на это событие большим стихотворением *سرمایه و محنت* (Капитал и труд), в котором призывает трудящихся Востока и Запада последовать примеру русских рабочих, сбросивших с себя оковы капитализма:

«О ты, который стал жертвой капиталиста-мошенника,
Столетия ты существуешь, как пылинка на рогах газели!
Ты, создающий все ценности, получаешь жалкие подаяния,
Которые дают тебе власть имущие подобно милостыне,
брошенной нищему.
Сотворив кумиры из расы, национализма, религии, государства,
культуры, цвета кожи,
Сильные мира сего превратили все это в средство одурманивания.
Ради вымышленных богов, о глупец, ты погубил себя
И променял реальную жизнь на эфемерные радости.
Вероломством захватил власть капиталист,
Рабочий же оказался угнетенным из-за своей доверчивости.
Вставай, сейчас появилась другая форма для устройства мира.
Твоя эра начинается на Востоке и Западе!
Гимн пробуждающегося народа подобен неземному блаженству.
До каких пор слушать усыпляющие истории об Александре и
Джаме!
Из чрева мира родилось новое солнце!»¹⁹

Интерес к социализму, к СССР не ослабевал у Икбала на протяжении всей его последующей жизни; особенно усилился он в тридцатые годы, когда всему миру стали очевидны успехи Советского государства. Как отмечает Дж. Неру, «в течение последних лет своей жизни Икбал все больше и больше обращался к социализму. Его привлекали огромные достижения Советской России»²⁰.

О внимании Икбала к идеям социализма и его глубоком уважении к Ленину говорит также сам факт обращения поэта к образу вождя Октябрьской революции: только Ленину доверял поэт высказать горечь и гнев труженников, их возмущение царящей в мире несправедливостью.

О том же свидетельствует и рассказ в «Книге вечности» о вымышленной встрече с Джамал ад-дином Афгани, которого Икбал чтит всю жизнь. Беседу с поэтом по различным социально-политическим и философским проблемам Афгани заканчивает просьбой передать приветственное послание русскому народу, который осуществляет то, что Икбал устами своего воображаемого собеседника называет «идеалами ислама»: уничтожение эксплуатации человека человеком, ликвидацию автократии, отказ от принципов капитализма, отрицание целесообразности церкви и духовенства. Устами Джамал ад-дина Афгани поэт благословляет Советскую страну следовать избранным ею путем, призывая ее в то же время «отвратить взоры от дряхлого мира» Запада и «познать опыт испытаний» Востока. Поэт призывает советский народ быть готовым встать на защиту своих завоеваний:

«Коль ты осведомлен о коварстве людей Запада,
Откажись от качеств лисы и стань подобным льву!»²¹

¹⁹ Банг, стр. 297—298.

²⁰ Джавахарлал Неру. Открытие Индии. М., 1955, стр. 378.

²¹ Джавиднама, стр. 88.

Таким образом, Икбал, выступая с большой резкостью против буржуазного строя, весьма положительно относился как к идеям социализма, так и к их осуществлению в первом в мире социалистическом государстве. В этом свете со всей очевидностью выступает беспочвенность предпринимаемых некоторыми авторами попыток, искажая и подтасовывая факты, представить Икбала противником социалистической идеологии и социалистического государства²².

Но было бы большой ошибкой зачислять Икбала в ряды безоговорочных сторонников социализма. По его представлениям, социалистическая идеология, имея своей конечной целью лишь удовлетворение материальных потребностей людей, якобы не заботится о потребностях духовных. Удовлетворение же высших, духовных стремлений человека может быть достигнуто, по Икбалу, только благодаря религии. Поэтому он считал, что социализм есть якобы неполное, одностороннее отражение запросов индивиду, во всей полноте и многогранности удовлетворяемых лишь, по его убеждению, самой универсальной и демократической религией — исламом. Указывая на чрезвычайную близость, по его мнению, идей социализма идеям ислама, он отмечает как недостаток первого его атеистичность. Так, в одном из своих писем Икбал говорил: «...большевизм, если к нему прибавить бога, почти идентичен исламу...»²³. В другом месте он писал: «Современный атеистический социализм, обладающий всей страстью новой религии, имеет более широкий кругозор; но, взяв свое философское кредо у гегельянцев левого крыла, он ополчается против того самого источника, который мог бы дать ему силу и цель»²⁴. Именно в силу своей атеистичности социализм, по Икбалу, «ведет к обеднению души человека и сковывает внутренние источники его духовной энергии»²⁵.

Соглашаясь, что только социализм обеспечивает реальные предпосылки для прочной экономической организации общества, все члены которого равны, независимо от их имущественного положения, цвета кожи, вероисповедания и т. д., Икбал главным цементирующим началом этих предпосылок объявляет религию. «Только религия, — пишет он, — которая в ее высших проявлениях не является ни догмой, ни духовенством, ни ритуалом, способна этически подготовить современного человека к бремени величайшей ответственности, необходимо являющейся результатом успехов новых наук, и возратить ему ту веру, которая делает его способным к приобретению индивидуальности в настоящем и сохранению ее в будущем»²⁶.

Икбал считает, что этому наиболее адекватно отвечает идеология ислама в ее первоначальной чистоте, ибо якобы это — идеология равенства и братства всех людей, отвергающая в принципе всякие основы социальной несправедливости:

«...Что есть Коран? Послание о смерти господину,
Опора беспомощному рабу...»²⁷.

В этом, по Икбалу, ислам и социализм «почти идентичны». Но, утверждает Икбал, ислам идет дальше социализма, поскольку конечной целью ислама является пробуждение в человеке его внутренних духовных потенций, могущих быть развязанными не столько силами внешней материальной действительности, сколько выявленном внутреннем духовного мира²⁸.

В этом отношении необходимым условием, укрепляющим все благородные свойства человеческой души, а следовательно, исключающим всякую возможность прот-

²² См. например статью *Ibn Afaq. Universe and man. «The Times of Karachi»*, 21 апреля 1956 г.

²³ Цит. по А. Н. Albiruni. *Makers of Pakistan and modern Muslim India. Lahore, 1950*, p. 186.

²⁴ М. Iqbal. *The Reconstruction...*, p. 188.

²⁵ Там же, стр. 188—189.

²⁶ Там же.

²⁷ Джавиднама, стр. 89.

²⁸ См. М. Iqbal. *The Reconstruction...*, p. 9.

явления таких чувств, как взаимная рознь и ненависть друг к другу, является, по мнению Икбала, вера в бога. Ислам «требует верности богу, но не трону. А поскольку бог есть конечная духовная основа всей жизни, то верность богу фактически возвышается до верности человека своей собственной идеальной природе»²⁹.

Таким образом, свои прогрессивные воззрения Икбал выражает в ненаучной, религиозной (мусульманской) форме. В этом он разделяет судьбу почти всех крупнейших представителей индийского просветительства, начиная от Р. М. Рая и кончая Р. Тагором, мировоззрение которых, отражая, в конечном счете, потребности национального развития Индии и протест против феодальной отсталости и феодальных институтов, увековечиваемых колониальным господством Англии, было в то же время связано с религиозной идеологией.

Среди многих причин, определивших религиозную форму отражения борьбы индийского народа за независимость и национальное возрождение, немаловажное значение имеет следующее обстоятельство. Перед лицом реальной опасности потерять в результате колониального господства культурную самостоятельность идеологи новой Индии видели в религии, господствовавшей в духовной жизни страны на протяжении многих веков, единственную форму выражения национальной самобытности; религия считалась объединяющим началом для народов обширного континента; с ней связывали и ей приписывали все величие индийской цивилизации.

Поэтому призыв «назад к Ведам» (у индуистов), «назад к Корану» (у индийских мусульман) не всегда может оказаться абсолютным критерием ретроградства того или иного мыслителя, того или иного течения в конкретных условиях Индии 20—30-х гг. XX в., тем более, что это отнюдь не исключало позитивного отношения к современным достижениям научной и общественной мысли, как мы видим и на примере Икбала. Несмотря на различие многих моментов, мировоззрение большинства представителей так называемого индийского возрождения объединяет одно — признание высокой миссии человека, уважение и даже почитание его индивидуальности. Такой подход к человеку давал основание требовать для развития личности соответствующих условий и прежде всего свободы, требовать изменения существующего строя, призывать к борьбе за его преобразование. В этом исторически прогрессивное значение взглядов индийских просветителей, в том числе Икбала.

Но вместе с тем их мировоззрение несет на себе печать ограниченности и противоречивости, порожденных конкретными социальными и историческими причинами. В чем же проявляется это у Икбала? Начать хотя бы с того, что попытки Икбала искать в Коране обоснование всем своим положениям не могут быть признаны удачным методом даже для Индии его времени, где писателю по отношению к священным книгам той или иной религии как к памятникам мысли, в которых якобы выражена вся мудрость человечества, был уже весьма сильно подорван и расшатан в широких кругах прогрессивной части общества.

Далее, представления Икбала о личности и ее задачах не выходили, по существу, за пределы абстрактного гуманизма, ибо социальным аспектам он противопоставлял проблемы этического плана, видя основную задачу воспитания идеального человека только в моральном самоусовершенствовании.

Понимание Икбалом общественной организации людей характеризуется утопичностью, причем утопичностью не Сен-Симона, Оуэна и Фурье, а скорее утопичностью феодального социализма.

Вряд ли можно поставить в заслугу Икбалу и его неоднократные заявления о том, что мусульманская община Индии имеет право на территориально обособленное существование. Правда, подобные заявления делались им, как правило, лишь в политических выступлениях и переписке. В своих же стихах, да и в научных работах Икбал всегда высказывал патристические идеи, чувство любви и уважения к своей великой родине — Индии. Характерно в этом отношении то место в «Книге вечности», где поэт описывает самых великих грешников. Это — предатели своей отчизны, которых отверг

²⁹ M. Iqbal. The Reconstruction..., p. 147.

даже ад. Символом предательства Икбал не случайно избирает мусульманина Ми^р Джафара, способствовавшего завоеванию Бенгалии англичанами в 1757 г. Появившийся перед этим в поэме прекрасный в своей печали и скорби дух Индии, олицетворяющий собой страдания великой страны, произносит восторженные слова об источнике всех ее горестей: они в том, что ее сыны забыли о славе и чести своей отчизны:

«Как ночь Индии может смениться светом дня,
Если Джафар мертв, но дух его жив и поныне?»³⁰

Та же тема ярко звучит в небольшом проникновенном стихотворении «Упрек»:

«Кто не знает судьбы несчастной Индии,
Которая до сих пор — сверкающий камень в чужой короне.
Ее крестьянин подобен трупу, извергнутому из могилы,
Истлевший саван которого все еще в земле.
Душа его заложена иностранцу, тело его заложено иностранцу...
Порабощенная Европой, ты кротко несешь свой удел.
Поэтому я тебя виню в этом, а не Европу»³¹.

Конечно, так не мог писать человек, ставивший интересы своей религиозной общины выше интересов всего народа, всей Индии. Но в то же время нельзя отрицать, что выступления Икбала содействовали образованию Пакистана. Как пишет один из лучших исследователей творчества поэта Икбал Сингх, «его пламенная идеализация ислама не только как религии, но и как образца государственного устройства оказала далеко идущее сепаратистское влияние на мусульманскую интеллигенцию»³². Но все же Икбал по праву считается, да и сам себя считал, поэтом общенациональным, имеющим общенациональное значение и выросшим на общенациональной почве. Один из видных деятелей индийской культуры — Тедж Бахадур Сапру с большой убедительностью выступил в свое время в защиту общенационального значения творчества Икбала. «Я считаю, — заявил он, — несправедливым изображать Икбала только как мусульманского поэта, поскольку это ведет к необоснованному принижению его влияния. Действительно, он много писал о мусульманской философии, мусульманской культуре и достижениях мусульман. Но никто еще не пытался ограничить идеи поэзии Мильтона, называя его христианским поэтом, или призыв поэзии Калидасы, называя его индусским поэтом; точно так же никогда не умалялось на этом основании величие последователей других религий. И если Икбал пишет о великих событиях в истории мусульман и их культурных достижениях, то разве это может стать причиной и основанием для того, чтобы немусульмане ценили его меньше?»³³. Об этом свидетельствует и то огромное влияние, которое оказал Икбал на современную поэзию не только на урду, но и на хинди и на некоторых других языках Индии.

Анализ общественно-политических взглядов Икбала показывает их глубокую противоречивость. В его мировоззрении уживаются горячий патриотизм, проповедь братства всех людей независимо от их расы и религии и активная политическая деятельность за обособление индийских мусульман от их соотечественников-индусов. Страстное осуждение всех видов угнетения, эксплуатации человека человеком, критика капиталистической цивилизации и буржуазной демократии, сочувствие идеям социализма и Советскому государству соседствуют в его творчестве с верой в установление в будущем патриархально-идиллических отношений между людьми, с убеждением в необходимости сохранения в «разумных размерах» частной собственности, с выступлениями против «атеистического коммунизма России».

³⁰ Джавиднама, стр. 169.

³¹ Зарб, стр. 152.

³² I. Singh. The Ardent Pilgrim. Bombay — Calcutta — Madras, 1951, p. 156.

³³ «Iqbal as a thinker». [Lahore, 1952, p. 80.]

Ясно, что изображение общественно-политических взглядов Икбала в виде какой-то единой, цельной и последовательной системы неизбежно будет ошибочным. Это объясняется тем, что в его творчестве нашли отражение интересы самых противоречивых классов и слоев индийского общества: индийской буржуазии в целом и ее мусульманской части, мусульманской феодальной верхушки и, наконец, широких трудящихся масс.

Но именно стремления прогрессивных слоев индийского общества, преломившиеся в творчестве Икбала, обусловили наиболее ценное и передовое в нем — страстное осуждение безволия и пассивности, неустанную проповедь высоких достоинств человека, активное жизнеутверждающее отношение к миру, защиту благородных идеалов гуманизма и дружбы всех людей, осуждение эксплуатации человека человеком, гневное разоблачение пороков буржуазного общества.

SUMMARY

The article analyses the social, political and sociological views of Muhammad Iqbal (1873—1938), outstanding poet and philosopher of the modern East. The author of the article believes that Iqbal saw the aim of life in man's creative work for the benefit of other people; only in the process of this work does man acquire his real individuality (khudi). Iqbal's ideal was a society based on the principles of economic equality and freedom for all its members, a society in which there would be no room for the exploitation and humiliation of man by man. Hence, Iqbal's severe criticism of the evils of capitalism, his attraction to the ideas of socialism and sympathies for the Soviet Union. But M. Iqbal's world outlook cannot be characterized as an integral and consistent system. Although it is in the main progressive, it contains some conservative ideas. That is why any attempt to represent Iqbal's ideology as a harmonious and a complete system, is erroneous and will lead to the subjective emphasis on some aspects of his world outlook and disregard of others.

МАТЕМАТИКА СТРАН БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В СРЕДНИЕ ВЕКА

Б. А. РОЗЕНФЕЛЬД и А. П. ЮШКЕВИЧ

В истории математики выдающееся место занимают труды ученых, работавших в IX—XV веках на Ближнем и Среднем Востоке. Этот интереснейший этап в развитии математической мысли еще совсем недавно был весьма мало изучен. Настоящая статья представляет собой сжатый обзор развития математики в странах Ближнего и Среднего Востока в средние века на основе новых исследований, в том числе и принадлежащих авторам настоящей работы¹.

I. МАТЕМАТИКА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА В IX—X ВЕКАХ

Страны Ближнего и Среднего Востока обладали богатой самобытной культурой еще в глубокой древности. Значительны были достижения математиков древнего Египта и особенно древнего Вавилона. Мы не имеем сведений о математике древнего Ирана и древней Средней Азии, но несомненно, что она развивалась и здесь.

Весьма высокого уровня достигает математика в эллинистических государствах, культура которых была своеобразным синтезом древневосточной и древнегреческой цивилизаций. Главным математическим центром этого времени была Александрия, где работали Эвклид, Аполлоний, а позже Герон и Клавдий Птолемей; тесно связан был с александрийской школой и Архимед. К середине I тысячелетия н. э. на территориях Египта, Сирии, Месопотамии, Ирана, Средней Азии сложились богатые и самобытные традиции в различных областях науки. В это же время устанавливаются культурные связи народов Ближнего и Среднего Востока с Индией, а позже с Китаем.

В VII—VIII вв. страны Ближнего и Среднего Востока завоевываются арабами; это завоевание сопровождается постепенным распространением ислама и арабского языка. Арабский язык становится международным языком науки, как в эллинистических государствах греческий, а в средневековой Европе — латынь.

В ряде крупных городов нового государства — халифата, и особенно в основном в 762 г. Багдаде, развитие наук получает прямую поддержку власти. Открываются библиотеки, школы и своего рода научная академия «Байт ал-хикма» (Дом мудрости). Создается ряд астрономических обсерваторий, широко проводятся градусные измерения, поощряется работа переводчиков, устанавливаются научные связи с другими странами. Все это приводит к быстрому прогрессу математики.

В VIII в. Мухаммад б. Ибрахим ал-Фазари (ум. 777 г.) переводит на арабский язык один из индийских астрономических трактатов сиддханта. В V—VII вв. в Индии появилось несколько таких трактатов, первым из которых было «Учение Паулисы» (Паулиса сиддханта), приписываемое Паулисе из Саянтры. Так как сиддханты были весьма

¹ Ср. А. П. Юшкевич. О математике народов Средней Азии в IX—XV веках. «Историко-математические исследования», вып. IV. М.—Л., 1951, стр. 455—488.

близки к астрономическим трактатам Клавдия Птолемея и других александрийских астрономов, считают, что автор «Учения Паулисы» был выходцем из Александрии и, по-видимому, носил греческое имя Паулос; Сапитра, вероятно, искаженное название Александрии. В сиддхантах, так же как у александрийских астрономов, излагалась сферическая тригонометрия, однако в отличие от ученых Александрии, характеризовавших углы не синусами, а длинами стягивающих их хорд, индийцы заменили хорды более удобными линиями синуса, равными половинам хорд. В переводе ал-Фазари сиддханта получила название «Синдхинд», по-видимому, по созвучию со словом «Хинд» — Индия. Индийцы называли хорды «джива» (тетива), а линии синуса — «ардджива» (полутетива). Постепенно последние также стали сокращенно называть «джива». Слово «джива» было передано арабским «джайб», дословно означающим «впадина, пазуха»; этот термин впоследствии укоренился в научной литературе на арабском языке и был переведен средневековыми переводчиками латинским словом *sinus*, имеющим то же значение.

Основоположителем математики стран халифата был Мухаммад б. Муса ал-Хваризми (ал-Хорезми), называемый также ал-Маджуси (ок. 780 — ок. 850). Весьма вероятно, что одним из источников научных знаний ал-Хорезми была доисламская наука его родного Хорезма, о которой мы, однако, совершенно не осведомлены, так как события VII — VIII вв. привели к почти полному уничтожению доисламской хорезмийской культуры².

Научная деятельность ал-Хорезми проходила в основном в Багдаде при халифе ал-Ма'муне (813—832), собравшем в Доме мудрости ученых из разных стран. До нас дошли арифметический трактат ал-Хорезми *كتاب الجمع والتفريق بحساب الهند* (Книга сложения и вычитания по исчислению индийцев), алгебраический трактат *المختصر في حساب الجبر والمقابلة* (Краткая книга об исчислении алгебры и алмукабалы), а также трактаты по астрономии и географии³.

Арабский текст первого из указанных трактатов не сохранился, существует только неполная рукопись его латинского перевода «*Algorithmi de numero Indorum*», относящаяся к середине XIV в. и хранящаяся ныне в библиотеке Кембриджского университета (№ I i 6.5). В 1857 г. она была опубликована Балдасаре Бонкомпаньи⁴. *Algorithmi* — латинизированная форма нисбы ал-Хорезми. Рукопись обрывается на середине, но может быть восполнена по двум переложениям трактата. Это «*Liber algorismi de pratica arismetrice*» испанского еврея Иоанна Севильского (XII в.), изданная Бонкомпаньи вместе с трактатом ал-Хорезми⁵ и содержащая арифметику «*Liber ysagogarum alchorismi in artem astronomicam a magistro A. compositus*», изданная Максимилианом Курце⁶. *Algorismus*, *Alchorismus* и т. д. — другие разновидности латинизированной формы нисбы ал-Хорезми. «Индийские цифры» — наши обычные цифры 1, 2... 9 и нуль. Десятичная система счисления и 9 цифр (без нуля) появились в Индии в I тысячелетии до н. э.; отсутствующим десятичным

² См. *Абу Рейхан Бируни* (973—1048). Памятники минувших поколений. Пер. М. Салье. Избр. произв., I. Ташкент, 1957, стр. 46.

³ Подробнее см. *И. Ю. Крачковский*. Избр. соч., т. IV. М — Л., 1957, стр. 92—97.

⁴ *Algorithmi de numero Indorum. Trattati d'Aritmetica publicati da Baldasare Boncompagni*. Roma, 1857, p. 1—23. Русский перевод будет опубликован в одном из ближайших выпусков «Историко-математических исследований». См. также *А. П. Юшкевич*. Арифметический трактат Мухаммеда бен Муса ал-Хорезми. «Труды Института истории естествознания и техники», т. 1. М., 1954, стр. 85—127. Арабское название арифметического трактата ал-Хорезми восстановлено Юлпусом Руска (см. *J. Ruska. Zur ältesten arabischen Algebra und Rechenkunst. «Sitzungsberichte der Heidelberg. Akademie der Wissenschaften. Philosophische Klasse»*, 1917, S. 1—125).

⁵ *Joanni Hispalensis. Liber algorismi de pratica arismetrice. Trattati d'Aritmetica publicati da B. Boncompagni*, p. 25—136.

⁶ *M. Curtze. Über eine Algorismusschrift des XII. Jahrhundert. «Abhandlungen zur Geschichte der Mathematik»*, № 8, 1908, S. 3—27.

разрядам соответствовали пустые колонки счетной доски. Аналогичное счисление в эту же эпоху появилось и в Китае. Знак нуля появился впервые в Индии в VII в. в виде точки или кружка. Возможно, что этот знак был заимствован индийцами у эллинистических астрономов: в своих тригонометрических вычислениях Птолемея и другие александрийские ученые пользовались заимствованными из Вавилона шестидесятиричными дробями, в которых цифры от 1 до 59 записывались в греческой алфавитной нумерации, а нуль обозначался знаком \bar{o} — первой буквой греческого слова $\bar{o}\delta\delta\epsilon\nu$ — «ничто» (числовое значение этой буквы 70 в шестидесятиричных дробях встречаться не могло).

В арифметическом трактате ал-Хорезми показывается, как записать любое число с помощью девяти «индийских цифр» и нуля. Далее излагаются действия сложения, вычитания, удвоения, раздвоения, деления и извлечения квадратного корня для целых чисел, а также арифметические действия с шестидесятиричными и простыми дробями. Цифры от 1 до 59 в шестидесятиричных дробях записывались в арабской алфавитной нумерации «абджад», нуль записывался знаком \bar{o} , происходящим, по-видимому, от знака \bar{o} александрийских астрономов. Выкладки, так же как у индийцев, производились на счетной доске, покрытой песком или пылью. Правило извлечения квадратного корня у ал-Хорезми также аналогично правилу индийского астронома и математика V в. Ариабхатты, основанному на возведении двучлена в квадрат.

Арабский текст второго трактата ал-Хорезми дошел до нас в рукописи, хранящейся ныне в Бодлеянской библиотеке Оксфордского университета (№ I 918/1) и изданной Фредериком Розеном в 1831 г. Существует и несколько средневековых латинских переводов первой части этого трактата⁷. В самом начале книги автор подчеркивает ее практическое назначение, указывая, что она содержит знания, необходимые при измерении земель, при разделах имуществ и т. п. Слова «ал-джабр ва-л-мукабала», стоящие в заголовке трактата, дословно — «восполнение и противопоставление», означают две простейшие операции: ал-джабр (алгебра) в первоначальном узком смысле слова означало перенесение вычитаемых членов одной части равенства в другую в виде прибавляемых членов, при котором первая часть «восполняется»; под ал-мукабалой понималось сокращение равных слагаемых в обеих частях равенства, при котором сокращаемые члены «противопоставляются». Эти две операции позволяют приводить всякое уравнение к каноническим формам, которых у ал-Хорезми шесть: $bx=a$, $cx^2=a$, $cx^2=bx$, $cx^2+bx=a$, $cx^2+a=bx$, $cx^2=bx+a$. Все эти уравнения записываются ученым словесно; коэффициенты a , b , c предполагаются натуральными числами.

Корень уравнения ал-Хорезми называет джизр — «корень» или шай' — «вещь», а квадрат — словом мал — «имущество». Последний термин объясняется, вероятно, тем, что в первоначально рассматривавшихся линейных уравнениях неизвестным большей частью было имущество, с появлением же квадратных уравнений этот термин закрепился за квадратом неизвестного, а само неизвестное стало называться «корнем». Свободный член ал-Хорезми часто называет «дирхем» (драхма). Это название возникло, вероятно, под влиянием терминологии индийского ученого VII в. Брахмагупты, сформулировавшего единое правило решения квадратного уравнения в радикалах и называвшего свободный член уравнений «рупа» (индийская монетная единица — «рупия»). Единое правило решения уравнений Брахмагупта смог сформулировать благодаря применению отрицательных чисел, заимствованных индийцами, по-видимому, у ки-

⁷ «The Algebra of Mohammed ben Musa». Ed. and transl. by [F. Rosen. London, 1831. Русский перевод Б. А. Розенфельда будет опубликован в одном из ближайших выпусков «Историко-математических исследований». О латинских переводах см. *L. C. Karpinski. Robert of Chester's latin translation of the Algebra of al-Khowarizmi*, в кн. *L. C. Karpinski, I. G. Winter. Contributions to the history of science*. Ann-Arbor, 1930, part I, p. 1—164. См также очерк об этом трактате: *Adel Ambouba. Notes sur l'«Algebre» d'al-Khwarizmi*. Beyrouth, 1955.

тайцев, применявших отрицательные числа еще в I в. до н. э.⁸ Однако ни ал-Хорезми, ни последующие математики стран халифата не восприняли отрицательных чисел, широко применявшихся современными им математиками Индии и Китая, за одним исключением, о котором мы скажем ниже.

Словесное выражение уравнений ал-Хорезми также отличает его трактат от трактата Брахмагупты, который применял алгебраическую символику. Это же отличает работу ал-Хорезми и от «Арифметики» александрийского математика III в. Диофанта. Отметим, что «Арифметика» Диофанта была впервые переведена на арабский язык христианином Костой б. Лукой из Баалбека только после смерти ал-Хорезми и притом под восходящим к ал-Хорезми названием «Ал-джабр ва-л-мукабала».

В первой части алгебраического трактата ал-Хорезми излагается учение о линейных и квадратных уравнениях. Правила решения квадратных уравнений, равносильные современным выражениям положительных корней в радикалах, доказываются с помощью геометрических построений. Это также отличает трактат ал-Хорезми от сочинений Ариабхатты и Брахмагупты, с одной стороны, и Диофанта, с другой. Можно полагать, что в такого рода доказательствах ал-Хорезми следовал каким-то местным традициям.

При решении примеров ал-Хорезми пользуется умножением квадратичных иррациональностей, например $\sqrt{10} \cdot \sqrt{5} = \sqrt{50}$, $\sqrt{\frac{1}{2}} \cdot \sqrt{\frac{1}{3}} = \sqrt{\frac{1}{6}}$. В «Главе о сделках» ал-Хорезми приводит задачи на тройное правило, известное ранее в Индии; в «Главе об измерениях» он применяет алгебру для измерения геометрических фигур. Классификация треугольников и четырехугольников и правило распознавания вида треугольников примыкают у ал-Хорезми к «Началам» Эвклида и «Метрике» Герона, а многие задачи по своим условиям совпадают с задачами второго из указанных греческих ученых. Для отношения окружности к диаметру ал-Хорезми предлагает три значения: $3\frac{1}{7}$,

$\sqrt{10}$ и $\frac{62832}{20000}$. Два последних встречаются у Брахмагупты и Ариабхатты. Возможно, что второе, т. е. $\sqrt{10}$, проникло в Индию из Китая, где его применял около 100 г. астроном Чжан Хен.

Трактат заканчивается большой «Книгой о завещаниях», содержащей довольно сложные задачи о наследствах, приводящиеся к линейным уравнениям. Такие задачи, выросшие на почве мусульманской юридической практики, были весьма специфичны для арифметико-алгебраических книг в странах ислама.

Астрономический трактат ал-Хорезми, содержащий таблицы синусов, сохранился в обработке кордовского астронома X в. Абу-л-Касима Масламы б. Ахмада ал-Маджрити, точнее, в ее латинском переводе, сделанном в 1126 г. в Испании англичанином Аделардом из Бата⁹. Содержащиеся в этой обработке таблицы тангенсов, возможно, являются вставкой ал-Маджрити, но тангенс и котангенс и их таблицы уже применялись во времена ал-Хорезми уроженцем Хорасана Ахмадом б. Абдаллахом ал-Марвази, известным также под именем ал-Хабаш ал-Хасиб (ум. ок. 870 г.).

Труды ал-Хорезми, особенно по арифметике и алгебре, оказали огромное влияние на все последующее развитие математики в странах ислама и в Европе.

Важной стороной деятельности багдадских математиков IX в. явилась работа по переводу на арабский язык и комментированию греческих авторов. За сравнительно короткое время на арабский язык были переведены — в иных случаях несколько раз — «Начала» Эвклида, сочинения Архимеда, Аполлония, Менелая, Феодосия, Птолемея, Диофанта, Герона и т. д. «Начала» Эвклида перевел на арабский язык впервые в конце

⁸ См. древнекитайский трактат «Математика в девяти книгах», Пер. Э. И. Березкиной. «Историко-математические исследования», вып. X. М., 1957, стр. 423—584.

⁹ Немецкий перевод с комментариями: H. Suter. Die astronomische Tafeln des Muhammed ibn Mūsā in der Bearbeitung des Maslama ibn Ahmed al-Madjriti und der lateinischen Übersetzung des Athelard von Bath. «Mémoires de l'Académie des sciences de Danemark. Section des lettres», t. 3, 1914.

VIII или в начале IX века Хадждадж б. Юсуф. Одним из первых комментаторов Эвклида был перс по происхождению Абу Абдаллах Мухаммад б. Иса ал-Махани (ум. 880 г.). Рукописи его трактата *في النسبة* (Об отношении) хранятся в Берлинской публичной научной библиотеке (№ 6009) и в Парижской национальной библиотеке (№ 2467/16). В этом трактате ал-Махани стремится пояснить трудную общую теорию отношений V книги «Начал», изложение которой у Эвклида оторвано от потребностей вычислительной математики и процессов измерения¹⁰. За ал-Махани последовали многие ученые, стремившиеся связать общую теорию отношений непрерывных величин с теорией числовых отношений. Им написаны также комментарии к трактату Архимеда «О шаре и цилиндре».

Одним из первых комментаторов Эвклида был также Абу-л-Хасан Сабит б. Курра ас-Саби ал-Харрани (836—901), обычно называемый Ибн Куррой. Комментарии Ибн Курры цитируются в «Изложении Эвклида» Насир ад-дина ат-Туси. В частности, как указывает ат-Туси, Ибн Курра определяет встречающееся у Эвклида понятие составления отношения непрерывных величин как умножение этих отношений¹¹.

По-видимому, под умножением отношений Ибн Курра понимал умножение с заданной точностью рациональных приближений данных отношений, хотя еще не предлагал подобно позднейшим математикам, рассматривать эти отношения как числа. Та же точка зрения высказана Ибн Куррой в трактате *في الشكل القطاع والنسبة المولدة* (О полном четырехстороннике и составном отношении), рукописи которого хранятся в Берлинской публичной научной библиотеке (№ 5940), Парижской национальной библиотеке (№ 2467/13), Бодлеяне (№ II 279/5) и др. В работе *في استخراج العداد المتحبة* (О разыскании дружественных чисел), рукопись которой хранится в Парижской национальной библиотеке (№ 2457/38), Ибн Курра, обобщая предложение Эвклида о совершенных числах (числах, равных сумме своих делителей), нашел способ построения пар дружественных чисел, т. е. чисел, каждое из которых равно сумме делителей другого. Ибн Курра принадлежат также трактаты по механике и астрономии.

Существенную роль в привлечении интереса ученых к математике вообще и комментированию Эвклида, в частности, сыграли комментарии к «Началам», составленные крупнейшим философом этого времени среднеазиатским тюрком Абу Насром Мухаммадом б. Мухаммадом ал-Фараби (880—950). Интерес ал-Фараби к «Началам» Эвклида объясняется тем, что они представляют собой строго логическое произведение, в котором рассмотрены такие основные понятия науки и философии, как точка, линия, отношение, число и т. д. Арабский текст *شرح المستعمل من مصادرة المقالة الاولى والخامسة من اقليدس* (Комментарии к трудностям во введениях к первой и пятой книгам Эвклида) ал-Фараби не обнаружен, но существуют две рукописи древнееврейского перевода, хранящиеся в Баварской государственной библиотеке (Hebr. № 36, листы 17 об.—18 и Hebr. № 290, листы 2—6). Комментируя порядок изложения основных определений Эвклидом точки, линии, поверхности и т. д., ал-Фараби пишет: «Обучение надлежит начинать с осязаемого тела, затем перейти к рассмотрению тела, отвлеченного от связанных с ним ощущений, затем к поверхности, затем к линии, и затем к точке»¹². Это утверждение — развитие известного положения Аристотеля о происхождении математических понятий путем абстракции от реальных предметов. С аристотелианских позиций комментирует ал-Фараби и другие определения I и V книг «Начал» Эвклида.

Получило развитие в странах халифата и отвергнутое Аристотелем учение о строении пространства и времени из дискретных атомов. Эту точку

¹⁰ См. E. B. Plooi. Euclid's conception of ratio and his definition of proportional magnitudes as criticized by Arabian commentators. Rotterdam, 1950, p. 50.

¹¹ نصير الدين الطوسي تحرير اقليدس في علم الهندسة (Насир ад-дин ат-Туси. Изложение Эвклида в науку о геометрии). Тегеран, 1881, стр. 82.

¹² Русский перевод комментариев ал-Фараби, выполненный М. Ф. Бокштейном, будет опубликован в одном из ближайших номеров «Советского востоковедения».

зрения поддерживал Абу-л-Хасан Али б. Исма'ил ал-Аш'ари (873—935), основатель мусульманской схоластики — «калама». На основе представления, что время состоит из дискретных моментов, ал-Аш'ари делал антидетерминистский вывод, что в каждый следующий момент аллах создает весь мир заново, и, таким образом, в мире невозможны никакие причинные связи.

В начале X в. в Каире работал Абу Камил Шуджа б. Аслам ал-Мисри (ок. 850—ок. 930). Он является автором алгебраического трактата *كتاب الجبر والمقابلة* (Книга об алгебре и ал-мукабале), сыгравшего исключительно важную роль в распространении идей ал-Хорезми как на Востоке, так и на Западе. Арабский текст этого трактата не дошел до нас, но сохранился латинский перевод, рукопись которого хранится в Парижской национальной библиотеке (№ 7377, лл. 71 об. — 93 об.), и два перевода на древнееврейский язык, хранящиеся в той же библиотеке (древнееврейский фонд, № 1029/7) и в Баварской государственной библиотеке (Hebr. № 225/2). Последняя рукопись — наиболее полная¹³. Абу Камил рассматривает те же вопросы, что и ал-Хорезми в своем алгебраическом трактате, но идет значительно дальше своего предшественника. Он решает большое количество задач на квадратные уравнения, требующих оперирования с довольно сложными квадратичными иррациональностями. Применяет он алгебру и в трактате *كتاب المساحة* (Книга измерения), переводы которой были названы «О пятиугольнике и десятиугольнике». До нас дошли латинский и древнееврейский переводы (в тех же рукописях, где и переводы предыдущего трактата)¹⁴. Здесь рассматриваются правильные пятиугольник и десятиугольник, причем выражения их элементов друг через друга и через радиусы описанного и вписанного кругов находятся методами алгебры.

Абу-Камилу принадлежит также арифметический трактат *ظرايف في الحساب* (Редкости в арифметике), от которого сохранился лишь фрагмент, находящийся в Лейденской университетской библиотеке (Cod. or. 199/6). Имеется также древнееврейский перевод с испанского, хранящийся в Баварской государственной библиотеке (Hebr. № 225/4)¹⁵. В этом сочинении решается несколько постепенно усложняющихся задач на покупку различных птиц. Эти задачи можно свести к неопределенным линейным уравнениям с несколькими неизвестными, причем автор полностью перечисляет все целые решения, в одном случае доходящие до 2676.

Большое количество дошедших до нас латинских и древнееврейских переводов трактатов Абу Камилы, выполненных в Западной Европе, свидетельствует о широкой известности его трудов на Западе. Не менее сильное влияние Абу Камил оказал на ал-Караджи (см. ниже) и других математиков.

В начале X в. в астрономической обсерватории в Ракке близ Халаба (Алеппо) работал выдающийся сирийский астроном Абу Абдаллах Мухаммад б. Джаббар ал-Баттани (ок. 850—929), известный в Западной Европе под именем Albatagnius. Ал-Баттани, как и Ибн Курра, происходил из звездопоклонников — сабиев. Основное произведение ал-Баттани — астрономический трактат *اصلاح المجسطي* (Усовершенствование Алмагеста).

المجسطي, в латинизированной форме — *Almagest*, искаженное название астрономического трактата Клавдия Птолемея *Μεγίστη σύνταξις* (Великое построение). Руко-

¹³ Немецкий перевод этой рукописи в книге J. Weinberg. *Die Algebra des Abū Kāmil Šoga' ben Aslam*. München, 1935 (работа представляет собой библиографическую редкость).

¹⁴ Перевод латинского текста см. H. Suter. *Die Abhandlung über das Fünfeck und Zehneck*. «Bibliotheca mathematica», № 10, 1910, S. 15—42. Перевод древнееврейского текста см. G. Sacerdote. *Il trattato del pentagono e del decagono di Abu Kamil Shogiá ben Aslam ben Muhammed*. «Festschrift zum 80. Geburtstag M. Stenschnaiders». Leipzig, 1896, S. 169—194.

¹⁵ Немецкий перевод с комментариями: H. Suter. *Das Buch der Seltenheiten der Rechenkunst*. «Bibliotheca mathematica», № 11 1911, S. 100—120.

пись трактата ал-Баттани хранится в Берлинской публичной научной библиотеке (№ 5653). В этом трактате рассматриваются уже не только синус, косинус, тангенс и котангенс, но и секанс и косеканс, и приводятся многие соотношения между ними. Здесь ал-Баттани находит также важнейшее соотношение между сторонами сферического треугольника и одним из его углов, которое в настоящее время называется сферической теоремой косинусов. Это соотношение, например, позволяет найти расстояние между двумя пунктами земного шара с данными широтами и долготами и любой угол в треугольнике, образованном дугами больших окружностей земного шара с заданными сторонами.

В конце X в. в Багдаде работал выдающийся математик, хорасанец родом, Абу-л-Вафа Мухаммад б. Мухаммад ал-Бузджани (940—998). Рукопись его сочинения *كتاب في ما يحتاج اليه الصانع من اعمال الهندسة* (Книга о том, что необходимо ремесленнику из геометрических построений) хранится в библиотеке при Айя София в Стамбуле (№ 2753); сокращенный персидский перевод — в Парижской национальной библиотеке (старый персидский фонд, № 159). В данном трактате впервые рассматриваются важные для геодезии геометрические построения с помощью линейки и циркуля постоянного раствора. Абу-л-Вафа не доказывает, что этими средствами можно выполнить любое построение, производимое линейкой и обычным циркулем, но решает большое количество задач. Здесь же решен ряд задач на преобразование квадратов и других фигур, а также на геометрические построения на сфере¹⁶. Абу-л-Вафа принадлежит также арифметическо-алгебраический трактат *ما يحتاج اليه الكتاب وعمال من علم الحساب* (Что необходимо писцам и дельцам из науки арифметики), рукопись которого хранится в Лейденской университетской библиотеке (Cod. or. № 103). Абу-л-Вафа совершенно не пользуется в нем индийскими цифрами, записывая все числа буквами (такая запись была общепринята у восточных купцов, впоследствии из этой записи выработались цифры «сияка»). Здесь же широко применялись египетские дроби — доли единицы. Весьма любопытно, что в этом сочинении, как недавно установил М. И. Медовой, в одном частном случае применяются отрицательные числа, называемые дайн — «долг». Это — единственный известный в арабской литературе случай появления отрицательных чисел. В рато-квадрата и того, что состоит из них обоих), не дошедшей до нас, Абу-л-Вафа, по-видимому, находил решения кубического и биквадратных уравнений $x^3 = a$, $x^4 = a$ и $x^4 + ax^3 = b$ с помощью пересечений парабол и равносторонних гипербол, т. е. аналогично методу древнегреческого математика Менехма для решения задачи «удвоения куба», приводимой к уравнению $x^3 = 2a^3$ ¹⁷. Абу-л-Вафа является также автором нескольких астрономических трактатов, содержащих систематическое изложение тригонометрии.

Заслуживает упоминания, что для нужд астрономии была разработана полная шестидесятиричная система целых и дробей, с применением особого знака нуля. Эта система была известна уже Абу-л-Вафа, подробное ее описание дал уроженец Гиляна Кушнар б. Лаббан ал-Джили (ок. 970—1024) в трактате *في اصول حساب الهند* (О началах исчисления индийцев), рукопись которого также хранится в библиотеке при Айя София (№ 4857/7)¹⁸.

Одним из наиболее известных математиков этого времени является также Абу Бакр Мухаммад б. ал-Хасан ал-Караджи (ум. 1016). В некоторых рукописях в имени Ориантальных d'après des traités inédits arabes et persans, deuxième article. Analyse et extrait d'un recueil de constructions géométriques par Aboûl Wafâ. «Journal Asiatique», 5 série, t. V, 1855, p. 218—256, 309—359. См. особенно стр. 318—359.

¹⁶ См. F. Woepcke. *Recherches sur l'histoire des sciences mathématiques chez les*

¹⁷ См там же, стр. 254.

¹⁸ См. P. Luckey. *Zur islamischen Rechenkunst und Algebra des Mittelalters*. «Forschungen und Fortschritte», B. 24, № 17/18, 1948.

ал-Караджи переставлена точка в ζ , вследствие чего это имя иногда читают ал-Кархи. Ал-Караджи работал в Рее и Исфахане при дворе буидских султанов. Его трактат *كتاب الكافي في الحساب* (Достаточная книга по арифметике), списки которого имеются в ряде рукописохранилищ, в том числе в библиотеке Института востоковедения в Ленинграде (№ В 2139), в Готской государственной библиотеке (№ 1474) и в Парижской национальной библиотеке (№ 2459)¹⁹, известен также под названием *فخرى* (Фахри), так как был посвящен визиру буидских султанов Фахр ал-муллу. Ал-Караджи рассматривает здесь арифметику, геометрию и алгебру, причем выходит за пределы сочинений как ал-Хорезми, так и Абу Камила. Подобно Абу-л-Вафа, ал-Караджи не применяет индийских цифр. Он производит арифметические действия не только над квадратичными, но и над кубическими иррациональностями. В геометрической части трактата, помимо материала, рассматривавшегося ал-Хорезми, приводятся некоторые теоремы Архимеда, Герона, Птолемея, а также ряд правил и задач индийского происхождения. В алгебраической части ал-Караджи, следуя Диофанту, называет алгебру исчислением, которое определяет как науку о нахождении неизвестных с помощью известных величин. Вслед за Диофантом он различает не только «вещь», и «квадрат», но и «куб» (ка'б), «квадрато-квадрат» (мал мал), «квадрато-куб» (мал ка'б) и «кубо-куб» (ка'б ка'б), т. е. степени x^3 , x^4 , x^5 , x^6 , а также «доли величин», т. е. степени x^{-1} , x^{-2} , x^{-3} , x^{-4} , x^{-5} , x^{-6} . Помимо квадратных уравнений, ал-Караджи рассматривает также уравнения высших степеней, приводимые к квадратным (например, $ax^{2n+m} + bx^{n+m} = cx^m$). В трактате решается более 250 алгебраических задач и теоретико-числовых задач на неопределенные уравнения.

Таким образом, в течение IX—X вв. математика успешно развивалась почти во всех странах Ближнего и Среднего Востока. Были усвоены главные достижения математиков эллинистических государств и Индии. Особое внимание, под влиянием запросов торговли, строительства, а также астрономии и географии, уделяется вычислительной математике — практической арифметике, числовой алгебре, тригонометрии; развивается также конструктивная геометрия. В это же время начинается работа по комментированию классических произведений эллинистической эпохи, прежде всего «Начал» Эвклида. Это комментирование отчасти носит философско-логический характер, но включает и конкретные математические вопросы, среди них — необходимые для вычислительной математики вопросы теории отношений.

(Продолжение в следующих номерах)

SUMMARY

The article in question reviews in brief the development of mathematics in the countries of the Near and Middle East in the 9—10th centuries and is based on the latest investigations, some of which were conducted by the authors of this review. Al-Fazari, al-Khowarizmi, al-Mahani, Ibn Qurra, al-Farabi, Abu Kamil, al-Battani, Abu-l-Wafa and al-Karaji are among the authors whose works are dealt with in the article. Mathematics made great progress in almost all the countries of the Near and Middle East during the 9 and 10 centuries having assimilated the main achievements of the mathematicians in the Hellenistic states and in India. Everyday life made it necessary to devote special attention to applied arithmetic, algebra and trigonometry; constructive geometry was also making headway. At the same time commentaries to the classical works of the Hellenistic period were being made, to Euclid's «Elements» in the first place. These commentaries covered also concrete mathematical problems, including problems of the theory of relations.

The next article, reviewing the development of mathematics in the 11—15th centuries, will be published in the following issue of our magazine.

¹⁹ Немецкий перевод: А. Hochheim. *Kāfi fil Hisāb des Abu Bekr Muhammed ben Alhusein Alkarkhī*, I—III. Halle, 1878—1880.

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ
В. В. ВОРОБЬЕВА-ДЕСЯТОВСКОГО

ЭПИГРАФИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ МАУРЬЕВ ИЗ БЕНГАЛА

Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

30 ноября 1931 г. во время археологических работ на городище Махастан был найден кусок известняка с нанесенными на него семью линиями букв, написанных шрифтом брахми. Надпись привлекла внимание ряда известных лингвистов¹. Д. Бхандаркар отметил важность находки и высказал предположение, что она является подлинным документом маурийской эпохи². В 1934 г. со своей интерпретацией документа выступил Б. Баруа. С тех пор прошло четверть века. За это время накопилось много материалов, позволяющих по-новому подойти к чтению и интерпретации надписи. Приводим ее текст.

I — [a]nena³ Savagiyānam⁴ [tala da]na[sa?]⁵ dumam dina⁶ [Mahā
II māte |⁷ sulakhite⁸ Puḍanagalate | etam⁹

¹ D. R. Bhandarkar. *Mauryan Brahmi inscription of Mahāsthān*. «Epigraphia Indica», 1933, vol. XXI, part II, p. 83—91; его же. *Important fragmentary inscription found at Mahāsthān*. «Indian antiquary», September, 1933, vol. LXII, p. 177—178; его же. *Note on a Mauryan inscription from Mahāsthān (the ancient Paundravardhana)*. «Journal and Proceedings of the Asiatic society of Bengal», New series, 1932, vol. 28, № 1, p. 123—126; B. M. Barua. *The old Brāhmī Inscription of Mahāsthān*. «The Indian historical quarterly», 1934, vol. X, № 1, p. 57—66; C. C. Das Gupta. *Palaeographical notes on the Mauryan Brāhmī inscription of Mahāsthān*. «Indian culture», July 1936, vol. III, № 1, p. 206—207; D. C. Sircar. *Mahāsthān fragmentary stone plaque inscription*. «Select inscriptions bearing on Indian history and civilization», vol. I. Calcutta, 1942, p. 82—83.

² См. «Proceedings of the Asiatic society of Bengal», January 1933, vol. 27.
³ Бхандаркар и Сиркар дают nena. Бхандаркар считает, что это часть слова vasa-nena или Śāsanena. Здесь и в дальнейшем ссылки на Бхандаркара даются по «Epigraphia Indica», vol. XXI.

⁴ Бхандаркар предлагал следующее чтение: Sa[m]va[m]gīy[ā]nam (Sk. sam-vargīyānam).

⁵ Бхандаркар читал Galadanasa (Sk. Galārdanasya), рассматривая это слово как имя главы объединения vanga, к которому и был, по его мнению, обращен приказ (śāsana). У Баруа дано teladinasa, где tela — масло, маслянистая жидкость. Сиркар предлагает читать tela dana sasara dina, выводя из последнего Sk. sarṣaram sa dattam. К сожалению, эта часть надписи сохранилась плохо, и трудно решить, было ли это du или sa, хотя чтение m очевидно. Danasa (Dativ) — для раздачи.

⁶ Бхандаркар читает оба слова как одно Dumadina, связывая его с последующим mahāmāte.

⁷ Баруа и Сиркар читают Sumāte (от Sumā).

⁸ Бхандаркар рассматривает это слово как определение к Пундранагаре, Баруа — как географическое название (Sk. sulakṣmī).

⁹ По мнению Бхандаркара, etam относится к śāsana.

III [ni]vāhipayisati | Savagiyānam [ca di]ne¹⁰
 IV dhāniyam | nivāhisati | Dagatiyāy[i]ke¹¹ pi d[evā]
 V [tiyā][yi]kasi¹² suatiyāyika[si] pi | gaṃda[kehi]
 VI [dhāni][yi]kehi¹³ eṣa kothāgāle koṣaṃ¹⁴ [bhāra] (?)
 VII (?) [ṇīye]

Для уяснения содержания надписи первостепенное значение имеет интерпретация отдельных терминов и слов. Так, Бхандаркар в I и III строках надписи читал: Sa[m]vagīy[ā]nāṃ, что соответствует, по его мнению, Sk. Saṃ + Vargīyānāṃ — of the class—fellows, or the clansmen. После va Бхандаркар предложил вставить еще одну анусвару и читать это слово как Saṃvagīyānāṃ — of the Saṃvagīya tribe. Последнее он считал названием объединения различных кланов Vaṅga, подобно тому, как объединение кланов Vajjī иногда называлось Saṃvajjī.

Правильная интерпретация указанного слова имеет большое значение, поскольку от уяснения статуса savagīyas зависит и понимание надписи в целом. Основываясь на материале палийской сутры (Gabbhīni — Sutta) и на данных «Винайпитаки» о chabbaggiyas, Баруа пришел к выводу, что упоминаемые в надписи Savagīyas были членами буддийской секты Ṣaḍvargya или Ṣaḍvargika (палийское chabbagiya и chavaggiya).

Многие древнеиндийские источники отмечают, что одной из обязанностей царей была забота о «людях религии». Ряд палийских источников свидетельствует и о существовании chabbaggiyas. Это, однако, еще не дает оснований отождествлять savagīyas махастанской надписи с chabbaggiyas палийских сутр. Слово vaṅga служит не только для обозначения религиозной группы, но имеет и более широкий смысл — часть, группа вообще, класс, общество и т. д. Отметим, что в надписях Ашоки (Особый эдикт № 1 из Дхаули и Джаугады, расположенных недалеко от места находки рассматриваемой надписи) употребляется Sk. vaṅga в форме vaṅge в значении класс, разряд населения. Vaggiyo означает «принадлежащий к определенной группе». Chabbaggiyo (ṣaḍvargikas), следовательно, имеет значение — «состоящий из шести частей, групп, индивидуумов».

Признавая возможность соответствия пракритского savagīyas палийскому chabbaggiyas, мы не склонны, однако, считать, что в рассматриваемой надписи имеются в виду именно те бхикшу, о которых лишь несколько раз сообщает палийский источник «Винайпитака». Объяснение Баруа оставляет непонятным, почему составителя этого эпиграфического документа интересовало положение chabbaggiyas — членов небольшой буддийской секты, почему махаметры должны были заботиться только об этой секте и помогать ей в случае бедствий. Мы не знаем ни одного случая, чтобы Чандрагупта или Биндусара покровительствовали буддизму и заботились о членах его сект. Лишь при Ашоке буддизм стал объектом заботы со стороны государства. Однако Ашока не был противником и остальных религий и сект.

Древние эпиграфические источники, найденные на территории Восточного Бенгала, и ряд других памятников (в частности «Айтарея Брахмана») дают основание предполагать, что этот район был областью распространения джайнизма.

Вопрос об обоснованности той или иной интерпретации интересующего нас текста необходимо рассматривать не только в свете филологических закономерностей, но и на основе исторического материала. Тем более, что главное различие точек зрения Баруа и Бхандаркара заключается не в чтении слова, а в толковании термина. Разбираемая надпись говорит о махаметрах Пундранагары (город пундров), столицы страны Puṇḍra (Puṇḍravardhana). Если согласиться с Бхандаркаром, что Savagīyas были жи-

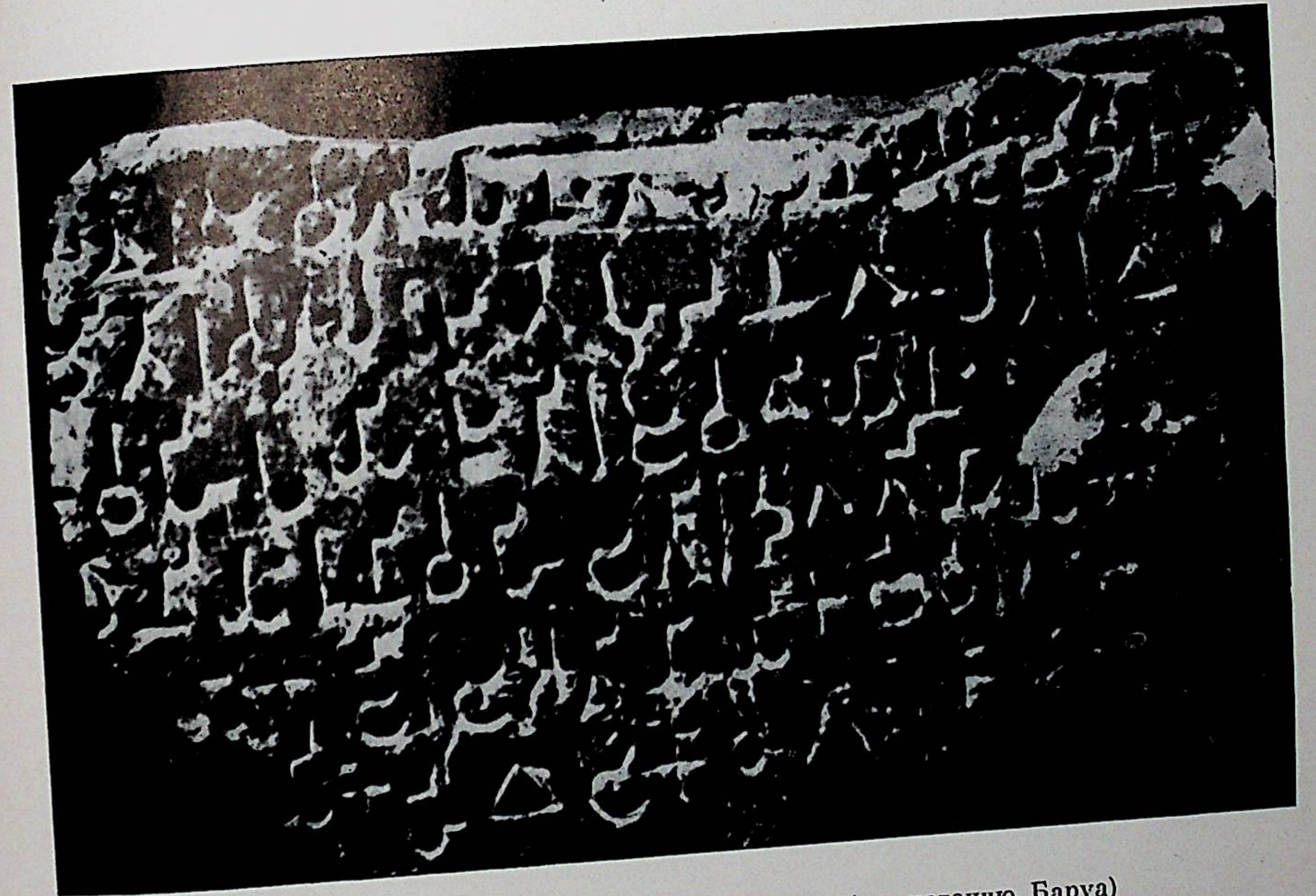
¹⁰ После этого слова Бхандаркар добавляет tathā.

¹¹ У Бхандаркара — da[m]g[ā]tiyāy(i)k[e].

¹² Баруа предлагает читать: a[gi]tiyāyikasī.

¹³ В этой части надпись очень фрагментарна. Баруа предлагает следующее чтение: [kākaṇi]yikehi.

¹⁴ У Бхандаркара далее следует bhāraṇīye, у Сиркара (Sk) — sa paṅguraṇīyam.

Пракритская надпись Маурьев из Махастана (по изданию Баруа)

тели Vaṅga, то Puṇḍranagara должна была быть столицей страны Vaṅga или столицей конфедерации нескольких племен Vaṅgas. Бхандаркар полагал, исходя из своего объяснения надписи, что пундры принадлежали к конфедерации племен Vaṅgas — Saṃvaṅgiyas. Между тем древнеиндийские источники говорят о Vaṅga и Puṇḍra как о двух различных странах¹⁵. Под Vaṅga обычно понимались восточные области современного Бенгала, под Puṇḍra — северные. Подобное различие мы встречаем в «Пуранах», в «Рамаяне», «Махабхарате», в «Дхармасутрах», в «Артхашастре» и ряде других источников. Таким образом, сведения древнеиндийских источников о Vaṅga и Puṇḍra как о самостоятельных делениях Бенгала не совпадают с интерпретацией Бхандаркара.

Нам представляется правильным рассматривать слово savagiyas не как обозначение конфедерации племен Vaṅgas (Бхандаркар) или членов буддийской секты śaḃbaggiyas (Баруа), а считать его *страдательным причастием будущего времени* (Participium futuri passivi) от санскритского глагола vṛj с приставкой saṃ. Глагол vṛj (7 кл.) с приставкой saṃ имеет значения: покорять, нападать, *экспроприировать*, похищать, грабить, обирать, пожирать, истреблять, уничтожать, *подвергаться действию* (об огне, времени), расходовать (о запасах), сметать, отчуждать, захватить, урвать. Известно и такое образование, как saṃvaṅga, означающее пожирание, истребление, хватанье, поглощение и т. д.

Отсюда перевод: «Те, кому суждено пострадать», или: «Те, кому суждено подвергнуться действию...» хорошо согласуется с содержанием надписи, говорящей о действиях воды (наводнение), огня (по чтению Баруа), голода. В пользу такого перевода говорят данные эдиктов Ашоки, синхронных нашей надписи и также написанных на праkritах. В эдиктах Nandangarh, Rampurva и Agaradj, найденных недалеко от Махастана, встречается форма страдательного причастия будущего времени dakhiye (Dat.) и dekhiye. Следовательно, появление вместо обычного суффикса страдательного причастия будущего времени ya — iya — явление вполне возможное.

В конце II и начале III строки Бхандаркар читает e[taṃ [ni]vahipayisati и связывает это слово с глаголом niṛ + vah (vahati) (в каузативе значение «выполнять», «совершать»). Поэтому он переводит: «Махаматра из сулящего счастье города Пундранагары заставит это выполнить». Баруа, который в I строке читал не mahāmāte, а Sutaṃ (географическое название), считал, что этот приказ был дан некоему лицу, которое должно было позаботиться о доставке масла и дров членам буддийской секты. Упоминаемый в надписи глагол nivahipayisati Баруа переводил как to convey [Sk. ni + vah, (vahati)].

Бхандаркар считает sulakhite определением последующего слова, однако по форме Sulakhite может быть и существительным или причастием именительного падежа единственного числа и относиться к mahāmāte. Sulakhite (su + lakhite) может также соответствовать Sk. rakṣitar и иметь значения «защитник», «покровитель», «управляющий», «надзиратель», «опекун, или надзирающий, покровительствующий». Отсюда перевод: «чиновник — надзиратель (управляющий) из Пундранагары выполнит это».

Важно уяснить также смысл слова atiyāyika, встречающегося в IV, V и VI строках надписи. Atiyāyika употребляется в надписи как вторая часть сложного слова (типа tatpuruṣa). Atiyāyika (Sk. ātyāyika) встречается еще в «Артхашастре» (в значении «бедствие, стихийное бедствие»), а также в праkritской надписи из Сохгауры и двух версиях шестого наскального эдикта Ашоки. Баруа справедливо рассматривает Daga-tiyāyika как Uda-kātiyāyika — бедствие, связанное с водой — наводнение, это согласуется с содержанием надписи и данными «Артхашастры». Отметим, что Пундранагара была расположена на реке. Нельзя согласиться с мнением Бхандаркара, что Daga следует читать как damga (город, населенный савагиянами, возможно, и сам Пундранагара), поскольку в надписи перечисляются различные виды atiyāyika, на случай которых и должны быть устроены хранилища.

¹⁵ См. B. C. Law. The Pundras of Ancient Bengal. «Journal of Indian history», 1933, vol. XII, part III, p. 349—353; его же. The Vaṅgas. «Indian Culture», 1934—1935, vol. I, p. 57—63.

Давая чтение devātiyāyika (Sk. daiva-ātyāyika), Бхандаркар справедливо предполагал, что поскольку в надписи говорится о хранении зерна на случай бедствий, то «бедствие, идущее от богов (посланное богами)», есть не что иное, как голод.

Наибольшую трудность представляет интерпретация третьего словообразования (suatiyāyika). Бхандаркар предлагал рассматривать его (отделяя от первых двух) как su и atiyāyika. По его мнению, речь шла о том, что в случае улучшения положения жители Пундранагары и соседних областей должны были внести зерно и деньги обратно в хранилища. Однако такое объяснение представляется малоубедительным. Suatiyāyika вряд ли может значить, как это предполагает Бхандаркар, «excess of plenty». Atiyāyika обычно употреблялось, как об этом свидетельствуют источники, для характеристики непредвиденного чрезвычайного события, связанного с бедствием. Оно означало также требование немедленной помощи, безотлагательность, крайнюю необходимость. Трудно предположить, что жители Пундранагары и близлежащих мест, а тем более члены буддийской секты (если следовать интерпретации Баруа), могли вернуть взятые продукты обратно. Объяснения Бхандаркара противоречат характеру документа, поскольку в надписи трижды перечисляются различные atiyāyika, после которых стоит союз ri (ari—тоже, также). У нас нет никаких оснований противопоставлять первые две atiyāyika — третьей. Баруа выводит из suatiyāyika-suva atiyāyika (Sk. śukātiyāyika) — бедствие, возникшее из действий попугаев (?). Теоретическое соответствие перехода su в suka вполне допустимо, но вряд ли он¹⁶ имел место в разбираемой надписи. Подтверждением этому может служить употребление в пятом колонном эдикте Ашоки слова попугай не в форме su-sua-suva, а в форме suke (пали suko). Язык махастанской надписи ближе всего к колонным эдиктам Ашоки, к тому же форма suke засвидетельствована в надписях, найденных недалеко от Махастана. Все это говорит не в пользу предположения Баруа.

Вызывает сомнение также предложение Баруа рассматривать sus atiyāyika как śaḍātyāyika или śaḍ itayaḥ (т. е. шесть традиционных случаев недостатка пищи). Если признать правильной точку зрения Бхандаркара и рассматривать su — atiyāyika как «excess of plenty», то придется связать рассматриваемое слово не с предыдущим atiyāyika, а с последующим текстом надписи. Отметим, что слово suatiyāyika, тесно связанное с предыдущим текстом (все три Atiyāyikas стоят в Locativ'e), в то же время отделено от него дандой. Видимо, su-atiyāyika одновременно с выражением общего значения слова atiyāyika (после него стоит союз ri, связывающий слово с предыдущим atiyāyikas) имело свой особый смысл, что и позволило автору документа выделить его отдельно. Несомненно, что эту отличительную особенность придавала слову его первая часть — su. Мы считаем, что в надписи праkritское su соответствует не su-suva-suka или śaḍ (по Баруа), а санскритскому svid (svit). О правомерности такого заключения можно судить по филологическим данным эдиктов Ашоки. В первом особом эдикте Ашоки из Дхаули и Джаугады su встречается в сочетании с munisānam. Ряд исследователей переводил sumunisānam (Genit. Pl.) как «хороших людей». Однако еще в 1914 г. Людерс показал возможность соответствия Su Sk. svit и перевел указанную фразу, как «всех людей»¹⁶. Эта интерпретация была поддержана Хультшем, Блоком и другими исследователями. Вообще закономерное толкование su — как «хороший» не подходит, однако, для разбираемого документа.

Таким образом, можно утверждать, что в надписи говорится о том, что запасы с зерном и деньгами должны создаваться на случай наводнения, голода, а также на случай всех других бедствий. Возможно, что su соответствует sk. sva (свой, собственный)¹⁷. Поэтому su-atiyāyika (Sk. svātyāyika), употребляемое в надписи наряду с другими atiyāyika, могло иметь значение чрезвычайного события, вызванного действиями самих людей, требования оказания немедленной помощи в случае личных бедствий

¹⁶ H. Lüders. «Sitzungsberichte der königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1914, S. 856.

¹⁷ В надписях Ашоки встречается, например: suage (Sk. svarga), suvamikena наряду с svamikena.

и неудач. Эта интерпретация, как и su — svit., гармонирует с содержанием надписи и объясняет особенности разбираемого термина.

После слова dhāniyam в надписи стоит данда, отделяющая слово nivahisati от предыдущего текста. Однако и Бхандаркар и Баруа связывали nivahisati с Savagiyānam. Са dine dhāniyam, переводя все это как одно предложение. У Бхандаркара переведено так: «(и таким же образом) рис был пожалован Samvamgiyas», у Баруа — «(он) даст также рис, данный Śaḍvargikas». «Наличие данды в тексте до и после слова nivahisati позволяет рассматривать его как самостоятельную часть надписи. Глагол vah приставкой nis может иметь значения: «спасти от», «быть успешным», «преодолеть препятствия». Отсюда перевод — «(это их) спасет» или «(это) поможет (им) преодолеть затруднения». Выделение Savagiyānam са dine dhāniyam в отдельное предложение закономерно, поскольку близкий по смыслу отрывок встречается и в I строке надписи. Союз са подчеркивает связь данного предложения с предыдущим текстом: «И зерно (рис) должно быть дано тем, кому суждено пострадать. (И это) спасет (их)».

Основываясь на вышеизложенных соображениях и замечаниях, позволим себе привести наш вариант перевода надписи в целом:

«Этим (постановлением) сезам и дерево предоставлены для раздачи пострадавшим. Управляющий чиновник из Пундранагары это выполнит. Также пострадавшим должен быть дан рис. И (это) спасет (их). На случай наводнения, голода и на случай всех других бедствий этот амбар и казна должны быть заполнены рисом и монетами gaṇḍaka».

Значение разбираемой надписи значительно возрастает в связи с идентификацией Каннингэмом Пундранагары (упоминаемой в надписи) с Махастаном (местом находки)¹⁸. Знаменательно, что эту мысль Каннингэм высказал еще за 50 лет до того, как была обнаружена рассматриваемая надпись на основе дневника Сюань Цзяна и материалов археологических работ¹⁹. К такому же выводу пришел и К. Дикшит, производивший раскопки в Махастане²⁰. Находка праkritской надписи из Махастана подтвердила правильность предположений Каннингэма и Дикшита и дополнила наши знания о древней истории областей, ныне именуемых Бенгалом. Теперь можно считать окончательно установленным факт вхождения Бенгала в государство Маурьев.

Махастанская надпись дополняет также наши знания о системе государственного управления в древней Индии в эпоху Маурьев. Однако эта тема должна явиться предметом специального рассмотрения.

S U M M A R Y

Interpretation of the word samvagiyas is of paramount importance for deciphering the Maurya inscription from Mahāsthān. The author takes it to be a future passive participle (participium futuri passivi) of, Sk. verb vṛj, with the prefix sam which means 'to destroy', 'to suffer', 'to subject to an action'. It should therefore be interpreted as: 'those destined to suffer', i. e. victims. This interpretation fits in with the contents of the document.

The author considers it correct to interpret su-atiyāyika not as suka-atiyāyika (according to B. M. Barua) and not as 'excess of, plenty' (according to D. R. Bhandarkar), but as Sk. svid-ātyāyika (su > svid), i. e. 'in the case of all calamities'. The entire inscription reads as follows: «Thereby [by this decree], the sesame and timber shall be available for distribution among the victims. The official from Pundranagara shall see to that. And [this] will save [them]. This granary and treasury shall be filled up with rice and coins gaṇḍaka to provide for in the case of flood, famine and all other calamities».

¹⁸ См. «Archaeological survey of India». Reports, vol. XV.

¹⁹ Бхандаркар (стр. 88) приводит ряд убедительных фактов, главным образом из прозаических X — XII вв., доказывающих правильность подобной идентификации.

²⁰ K. N. Dikshit. Excavations in Bengal. Annual report of the archaeological survey of India, 1928—1929. Delhi, 1933, p. 97.

СТАРИННЫЕ ЯПОНСКИЕ ПРЕДАНИЯ

А. Е. ГЛУСКИНА

Помещенные ниже японские народные предания относятся к глубокой старине. Как и всякие произведения народного творчества, они не имеют точной даты. Записи их сохранились в известном японском литературном памятнике VIII в. «Ман'ёсю», в особом разделе XVI тома, где собраны «песни, связанные с преданиями (ёси ару ута)».

В них рассказывается о происхождении старинных японских песен. Истоки преданий различны: в основу одних легли легенды, сказки, других — действительные события. Несмотря на указанное различие, все они в одинаково простой и правдивой форме знакомят читателя с бытом и нравами древней Японии.

Первое предание, посвященное девушке по имени Сакураоко и двум отважным юношам, беззаветно преданным ей, является одним из наиболее популярных в Японии. Сюжет этот в разных вариантах неоднократно встречается в старых поэтических японских произведениях. Он лег в основу и второго по порядку предания — о девушке Кадзураноко и трех отважных юношах. Позднее этот сюжет можно встретить и в классической японской литературе, широко питавшейся из богатых источников устного народного творчества¹. Следует также особо выделить предание о находчивой унэмэ, в основу которого лег известный эпизод, имевший место в действительности.

Песня, о которой говорится в этом предании, оценивается известным поэтом и критиком X в. Ки-но Цураюки как родоначальница песен² — этим подчеркивается ее древнее происхождение и значение для истории классической японской поэзии. Несколько отличен по теме сюжет о листьях лотоса. В основе его лежит глубокая восторженная любовь к красоте природы, являющаяся одной из характерных черт японской поэзии. Остальные предания посвящены теме любви и верности в разных житейских ситуациях, характерных для быта и обычаев того времени.

Все эти предания представляют ценный материал для изучения истории японской литературы и для знакомства со старой культурой Японии. Тот факт, что они являются источником заимствования для классических произведений японской литературы, свидетельствует о глубокой связи классической литературы с фольклором. Они положили также начало особому жанру японской литературы, получившему впоследствии в своем законченном виде, специальное наименование песенно-повествовательного жанра — «ута-моногатари». Обычно короткий заголовок песен носит здесь уже характер целого самостоятельного повествования, иногда в виде зачина, иногда в виде концовки или обрамления, и представляет почти равноценную часть, составляя вместе с песней органически связанное, единое художественное целое. Дальнейшее развитие этой повествовательной части, в которую влетены поэтические фрагменты, и создало жанр «ута-моногатари».

В песнях этих преданий, написанных в форме танка³, представлены многие черты этого любимого народом жанра японской поэзии, специфические для нее приемы и образы.

Для песен характерно употребление постоянных эпитетов, сравнений, метафор, а также использование уже готовых образов и целых выражений. Эта черта осталась

¹ «Ямато-моногатари» в переводе Е. М. Колпакчи. Цит. по Н. И. Конрад. Японская литература в образцах и очерках, т. I. Л., 1927, стр. 164.

² См. «Собрание древних и новых песен Ямато». Пер. А. Е. Глускиной: Там же, стр. 95.

³ Танка, или «мидзика-ута» (короткая песня), в своей классической форме представляет собой пятистишие с определенным чередованием слогов (5—7—5—7—7) и с цезурой после третьей строки (ранее — после второй и четвертой строк).

навсегда специфической особенностью поэзии танка, и ее следует рассматривать как наследие народно-песенной традиции. Встречаются в песнях и другие распространенные приемы японской поэзии — иносказание (аллегория) и игра слов. Песни обладают разной степенью известности. Наибольшей славой пользуется, как было уже сказано, песня в предании о находчивой унэмэ⁴.

В заключение необходимо отметить некоторые особенности в понимании и оценке этих песен. Следует помнить, что сочинять стихи, в частности короткое пятистишие — танка, в Японии умел едва ли не каждый, поэзия была подлинно народным искусством. Сочиняли по всякому поводу, о чем свидетельствуют как нельзя лучше песни преданий. Поэзия была глубоко и органически связана с бытом; это свойство танка сохранила до последнего времени. Поэтому оценить достоинства той или иной песни полностью можно, лишь учитывая, в какой мере она выразила настроения и чувства, вызванные данной конкретной обстановкой.

Местом рождения песен и преданий, судя по отдельным названиям местностей, упомянутых в них, является в основном Юго-Западная Япония, т. е. провинция Ямато (ныне префектура Нара) и провинция Сэцу (ныне префектура Осака). Даже предание о находчивой унэмэ, связанное с северо-восточными провинциями Муцу (ныне префектура Аомори) и Ивасиро (ныне префектура Фукусима), по языку своей песни относится также к Юго-Западной Японии; недаром в этом предании указывается, что красавица, сочинившая песню, в прошлом жила в столице, т. е. в Ямато.

Приведенные здесь отдельные образцы преданий публикуются в нашей печати впервые.

ПРЕДАНИЕ О ДЕВУШКЕ САКУРАНОКО И ДВУХ ЮНОШАХ

В старину жила одна девушка. Звали ее Сакураоко — «Дитя вишни» или «Вишенка». И жили в ту пору двое отважных юношей. Оба они хотели взять ее себе в жены. И вот затеяли они спор между собой не на жизнь, а на смерть и вызвали друг друга на смертный бой.

Опечалилась тогда девушка и сказала себе: «Ни в старину, ни теперь, никогда еще не слыхали и не видали, чтобы одна девушка была невестой в двух домах. Но трудно смирить сердца этих отважных юношей. А стоит мне умереть, и вражда их навсегда исчезнет навеки».

Подумала она так, и вскоре ушла в лес и повесилась там на дереве⁵.

А двое тех отважных юношей, не в силах сдержать своего горя, стали проливать кровавые слезы на ворот своей одежды. И каждый из них сложил тогда песню и излил в ней все, что было у него на сердце.

Вот две эти песни:

I

Облетели
Лепестки у вишни.
И мечтал напрасно я, что буду
Украшать себя ее цветами,
Лишь пора весенняя наступит!

II

Всякий раз, как расцветут цветы,
Вишни той, что носит
Имя милой,
Вечно будут вспоминать о ней,
И любить сильнее с каждым годом!

⁴ Унэмэ — девушки, обычно деревенские красавицы, которых полагалось, согласно существующему закону, представлять на службу в императорский дворец. Они играли роль наперсниц императрицы, обучались искусству танцев и песням и развлекали на пирах. Институт унэмэ специально оговаривается в кодексе законов «Тайхоре» (1702 г.).

⁵ Обычно красавица, чтобы покончить с собой, бросается в пруд, реку или озеро. Здесь приведен несколько необычный способ ее гибели.

ПРЕДАНИЕ О ДЕВУШКЕ КАДЗУРАНОКО⁶ И ТРЕХ ОТВАЖНЫХ ЮНОШАХ

Люди говорят: в старину жили трое отважных юношей. Одинаково добивались они взять себе в жены одну и ту же девушку. Опечалилась, видя это, девушка и сказала себе: «Хрупкому телу одной девушки исчезнуть легко: оно — как роса; сердца же трех отважных юношей трудно смирить: они — подобны скале».

Подумала она так и в конце концов ушла к пруду и бросилась в воду.

А отважные юноши были вне себя от горя, и каждый из них сложил тогда песню и излил в ней все, что было у него на сердце.

Вот эти три песни:

I

Ненавистен мне пруд,
Пруд глухой в Миминаси!⁷
Моя милая дева,
Когда ты пришла, чтоб на дне его скрыться,
Пусть бы высохли воды его в то мгновенье!

II

Дитя кадзура —
Плющ среди гор распростертых!⁸
О том, что ты ныне уходишь навеки,
Если б только тогда ты обмолвилась словом,
Я б, наверно, немедля вернулся обратно!

III

Дитя кадзура —
Плющ среди гор распростертых —
Как и я ныне,
Так же и ты приходила
И искала в пруду себе место поглубже⁹.

ПРЕДАНИЕ О ПЕСНЕ НАХОДЧИВОЙ УНЭМЭ¹⁰

Мелок тот колодец, в нем —
Даже тень горы видна,
Той, что Мелкой названа¹¹.
Но моя любовь к тебе —
Не мелка, как та вода.

⁶ Кадзураноко — имя красавицы; буквально «дитя плюща» (кадзура — название плюща, растущего в горах).

⁷ Миминаси — название местности в провинции Ямато. Пруд, о котором здесь говорится, находится у подножия горы Миминаси. Это же слово «миминаси» используется в песне и во втором значении — «глухой» (буквально «ушей нет»). Называя так пруд, юноша упрекает его за то, что он не пожалел молодой жизни и не высох, когда в него бросилась красавица.

⁸ Распростертые (асибики) — постоянный эпитет к горам.

⁹ Как обычно в народных преданиях, третий юноша любит сильнее всех. Если первый из них упрекает пруд, второй жалеет, что не вернулся вовремя, то третий хочет погибнуть вслед за возлюбленной.

¹⁰ Речь идет об унэмэ, у которой срок службы при дворе окончился, и она вернулась на родину.

¹¹ Мелкая гора (Асака-яма) находится в провинции Ивасиро. Очень часто встречается в песнях как символ мелких чувств, неверной любви и т. п.

Вот что передают и рассказывают об этой песне. Однажды, когда принц Кацураги¹² прибыл в провинцию Муцу¹³, управитель провинции и чиновники оказались очень нерадивыми и встретили его без должных почестей. Принц был очень недоволен и имел рассерженный вид. И хотя устроили в честь его пир, он все равно был гневен и не принимал участия в общем веселии. Но тут среди гостей оказалась одна красавица из бывших придворных унэмэ, очень утонченная в манерах. Взяв в левую руку чарку для вина, а в правой держа сосуд с вином, она дотронулась слегка до его колена и прочла ему эту песню. Принц сразу же повеселел и после пировал весь день.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОТВАЖНОМ ЮНОШЕ И КРАСАВИЦЕ-ДЕВУШКЕ

В старину жили отважный юноша и красавица-девушка. Ничего не говоря родителям, тайно сблизились они друг с другом. И вот однажды захотелось девушке рассказать обо всем отцу и матери. И тогда сложила она песню и послала ее своему возлюбленному.

Вот о чем говорилось в этой песне:

Танть любовь и скрываться,
Если любишь — нет муки сильнее.
О, когда бы луна, что скрыта за гребнями гор высоких,
Вдруг показалась на небе,
Что сказал бы тогда, мой любимый?!¹⁴

По рассказам людей, и у юноши была сложена песня, в которой, говорят, он ответил ей. Но до сих пор никак не найдут эту песню.

ПРЕДАНИЕ О ПЕСНЕ ОДНОГО ПРОСТОЛЮДИНА

Я пошел на поле в Суминоэ¹⁵
Песни петь и хоровод водить
И залобовался там своей женою,
Что сияла зеркалом¹⁶
Среди жен других!

Вот что передают и рассказывают об этом. В старину жил один бедняк-простолудин. Однажды мужчины и женщины из его селенья собрались на поле петь песни и водить хороводы. Среди собравшихся была и его жена. Хороша она была, среди всех выделялась своей красотой. И он еще сильнее полюбил ее и сложил тогда эту песню, восхваляя ее красоту.

¹² Принц Кацураги — Кацураги-но окими обычно комментируется как историческое лицо, а именно как Татибана Мороз, которому приписывается, наряду с известным поэтом Якамоти, слава составителя памятника, в котором записаны эти песни (однако есть и другие мнения).

¹³ Провинция Муцу — находится на северо-востоке Японии.

¹⁴ Смысл песни: если луна, что прячется за гребнями гор, вдруг покажется, т. е. если я расскажу нашу тайну, которую мы скрываем, и все станет известно, что ты скажешь об этом?

¹⁵ Суминоэ — название местности в провинции Сэцу.

¹⁶ Круглое зеркало в Японии — одна из трех священных реликвий (зеркало, меч, яшма), является символом богини солнца Аматерасу. В песнях оно служит образом внешней и внутренней красоты, а также образом чтимого и ценного. В данной песне, говоря о зеркале, простолудин хочет подчеркнуть красоту своей жены.

ПРЕДАНИЕ О ЛЮБЯЩИХ СУПРУГАХ

В старину жил один юноша. Только женился он, как сразу же был взят неожиданно в вестовые¹⁷ и послан на дальнюю границу. Пока продолжалась служба, свидания ему не полагалось. А время шло, и молодая жена, тоскуя о нем и печалась, заболела и слегла.

Спустя несколько лет окончилась его служба, и вернулся он в родные края. Сразу же явился он домой. И когда взглянули они с женой друг на друга, увидел он, что вся извелась она без него, совсем не похожа стала на себя и от слабости не может слова сказать.

И тут, в печали и горе, проливая слезы, сложил он тогда песню и прочел ее своей жене.

Вот эта песня:

Вот так и бывает
В жизни!
А я думал: чем дальше, тем глубже
Будет дно¹⁸ у реки Инагава¹⁹,
Тем прочней наше счастье...

А жена его, лежа в постели, услышав песню своего любимого мужа, приподняла голову с подушки и тут же ответила ему.

Вот ее песня:

Словно черные ягоды тута,
Черный волос твой влажен,
И хоть падает снег, словно белая пена,
И бушует метель, ты пришел, мой любимый,
Не напрасно тебя я так сильно любила!

ПРЕДАНИЕ ОБ ОДНОЙ КРАСАВИЦЕ

У белой, у жемчужины²⁰, я слышал,
Порвалась нить, и слух услыша сей,
Решил:
Я нанижу ее вторично,
И сделаю жемчужиной своей!²¹

Ответная песня:

Все это правда, у жемчужины у белой
Порвалась нить — слух справедлив такой,
Но тот,—
Кто нанизал ее вторично,
Унес эту жемчужину с собой!

¹⁷ Вестовыми (хаюма-дзукай) назывались посыльные для срочных поручений, разъезжающие обычно на коне в дальние места. Шли на эту работу в те времена в порядке государственной повинности.

¹⁸ Первая песня написана в аллегорическом плане: «Я думал, чем дальше, тем глубже дно», т. е. чем дальше, тем будет лучше — тем сильнее будем любить и будем еще долго счастливы вместе.

¹⁹ Инагава — река в провинции Сэцу, ныне река Инэдагава. О ней поется и в других песнях.

²⁰ Жемчужина — метафора девушки, красавицы. В качестве метафоры красавицы встречается также «яшма».

²¹ «Сделаю своей жемчужиной», «сделаю своей яшмой» — постоянное поэтическое выражение, означающее «сделаю своей возлюбленной», «сделаю своей женой».

Вот что об этом передают и рассказывают. Жила когда-то одна красавица. И после того как бросил ее муж, снова сосватали ее в другой дом. В то же время жил некий юноша. Не зная о том, что ушла она опять из родительского дома, послал он, говорят, ее родителям песню, испрашивая у них согласия на брак.

Тут родители поняли, что не знает он толком, что случилось с нею потом, и сразу же, сложив песню, послали ему ответ.

Таким образом, стало ему известно, что она снова ушла из родительского дома.

ПРЕДАНИЕ О ПЕСНЕ ЛЮБЯЩЕЙ ДЕВУШКИ

Если беда случится,
Я везде буду вместе с тобою,
Даже в склепе,
Средь гор Хацусэ²²,
Так не бойся же, мой любимый!²³

Вот что об этом передают и рассказывают. Жила когда-то одна девушка. Не говоря ничего отцу и матери, тайком сблизилась она с одним юношей. А тот, боясь гнева родителей, стал колебаться в своей любви. И тогда сложила девушка эту песню и послала ее своему возлюбленному.

ПРЕДАНИЕ О ПЕСНЕ, ГДЕ ПОЕТСЯ О ЛИСТЬЯХ ЛОТОСА

Из вечного неба
Пусть дождь бы пролился!
Я хотел бы увидеть, как на лотоса листьях
Заблестела бы жемчугом
Светлая влага.

Вот что передают и рассказывают об этой песне. Жил один стражник. Был он очень умелым в искусстве сочинять песни. Однажды в главном управлении провинции устроили угощение и создали на пир чиновников. И вот, беря яства, все накладывали их вместо блюда на листья лотоса. Собравшиеся много пили, ели и не было конца песням и пляскам. И тут подозвали они стражника и сказали ему: «Сложи-ка ты песню об этих листьях лотоса!» И тогда сразу же, в ответ на их просьбы, сложил он эту песню²⁴.

SUMMARY

The «Manyoshu», well known Japanese 8th century memorial, contains legends about the origin of ancient songs. All these legends are valuable sources for studying the history of Japanese literature and culture. The songs written in the *tanka* form have many specific elements of this genre. They are being published in Russian for the first time.

²² Горы Хацусэ — находятся в провинции Ямато.

²³ Т. е. если бы даже заперли тебя в склепе среди гор Хацусэ, все равно я буду с тобой — «коль умереть — умрем вместе» — таков смысл песни. Такое выражение чувств встречается во многих японских песнях и вошло в знаменитую народную поговорку: «Кими-то нараба Кэгон-таки мадэ» — «Если с тобой, то хоть в водопад Кэгон» (знаменитый водопад, известный также как место самоубийства влюбленных).

²⁴ В этой песне он хотел подчеркнуть, что красивые листья лотоса кощунственно употребляются здесь вместо блюд для подачи пищи. Он говорит, что хотел бы любоваться ими в других условиях, когда после дождя капли воды заблестят на них, как жемчужины.

ПРОКЛАМАЦІЯ ЯПОНСКИХ СОЦІАЛИСТОВ

И. Ф. ШОСТАК и И. Г. ПОЗДНЯКОВ

Традиции борьбы за мир в Японии имеют длительную историю. Более пятидесяти лет тому назад, во время русско-японской войны, русские и японские социалисты и пролетарии вели совместную борьбу против этой братоубийственной войны.

В листовках и газетах российских социал-демократов, а также на демонстрациях, митингах и собраниях в Петербурге, Ростове на-Дону, Твери, Одессе, Мпске, Риге и в других городах выражалось сочувствие японским пролетариям. Например, листовка «Ю всем рабочим и работницам Сибири»¹ оканчивалась пламенным призывом «Да здравствует российская, да здравствует японская, да здравствует международная социал-демократия! Да здравствует российский, да здравствует японский, да здравствует всемирный пролетариат! Да здравствует мир с Японией!».

Японские социалисты начали антивоенную кампанию еще в период подготовки войны. Во главе антимилитаристского движения стояли Котоку Дэндзиро, Катаяма Сэн, Сакаи Тосихико и другие. Антивоенная агитация проводилась различными путями: на митингах, собраниях, в лекциях, газетных статьях, листовках и т. д. Социалисты клеймили позором милитаризм, «имеющий своей целью грабеж, а средством — убийство», выступали против шовинистического возбуждения народа². На одном антивоенном митинге в ноябре 1903 г. Катаяма заявил: «Я против капиталистической войны, потому что рабочие от первого до последнего являются ее жертвами... Война — это дело капиталистического класса»³.

Социалистической партии в Японии не было. Существовала, правда, немногочисленная Социалистическая ассоциация, которая была запрещена в 1904 г. Само движение не было пролетарским. Среди японских социалистов в этот период господствовали домарксовы формы социализма. Помимо утопического социализма, значительное влияние имели христианский социализм, толстовство, анархизм. Однако передовые японские социалисты по мере обострения внутренних противоречий в стране и развития пролетарской борьбы под влиянием русской революции постепенно шли к марксизму.

Следует отметить и наличие различных течений в японском антивоенном движении. Здесь были и левое крыло социалистов во главе с Котоку и Сакаи, и христианские социалисты, и толстовцы, и другие. В дальнейшем произошло их размежевание. Господствовал принцип легальности и отказа от насильственных мер борьбы против насилия. Война господствующих классов осуждалась с позиций пацифизма и толстовства, а не с позиций революционного марксизма. Движение было оторвано от борьбы пролетарских и крестьянских масс, что являлось главной причиной его слабости. Но при всем том мно-

¹ ЦГИАМ, коллекция нелегальных изданий, инв. № 2610. Издана в феврале 1904 г.

² Ж. Лонге. Социализм в Японии. Одесса, 1905, стр. 32—33, 35.

³ Сен Катаяма. Моя жизнь. М.—Л., 1926, стр. 41.

1904
Российская Соц. Дем. Рабочая Партия.

„Пролетарии всех стран соединяйтесь!“

2430
Товарищи! Предлагаем вашему вниманию прокламацию наших японских товарищей, с которой они обращаются к нам, русским. Она была напечатана в центральном органе германской Социал-демократии, в газете „Вперед“, в № от 4 мая этого года. Нам она была доставлена в русском переводе.

Николаевский комитет.

ПРОКЛАМАЦІЯ ЯПОНСКИХ СОЦ.-ДЕМ. К РУССКИМ

Дорогие товарищи! Вот уже много лет, как мы слышим и думаем о вас, хотя до сих пор, будучи отдѣлены от вас столькими тысячами верст, мы не имѣли случая протянуть вам нашу руку и войти с вами в сношенія.

20 лет прошло с тех пор, как вы впервые, под знаменем Соц.-дем., начали проповѣдывать величайшіе принципы человечества.

В продолженіе этого времени преслѣдованія и деспотизм русскаго самодержавія доходили до таких предѣлов, до которых они не доходили ни в одной из других стран. Ваши предшественники проходили через ужасныя испытанія: они сносили голод и нужду, и неисчислимо число тех, которые мучились в тюрьмах, в пустынях Сибири или прямо кончали на висѣлицѣ¹). Но все это не только не уменьшало силы вашей агитаціи, а, наоборот, с каждой новой жертвой ваше мужество возрастало. В послѣдніе годы различныя социалистическія группы в Россіи соединились в одну сильную организацию²), и с тех пор социализм также и в Россіи достиг большой силы. Мы выражаем свое сердечное сочувствіе вашему тяжелому положенію и свое крайнее удивленіе вашей стойкости в борьбѣ за свои принципы.

Дорогие товарищи! Ваше и наше правительства вступили недавно в борьбу для удовлетворенія своих эгоистических желаній, но для нас, социалистов, не существует рас, стран и національностей. Мы—товарищи, братья и сестры и не имѣем никаких основаній бороться друг с другом. Не японскій народ ваш враг, а наш милитаризм и так называемый „патриотизм“,

¹) Повидимому, тут имѣются в виду и народовольцы—террористы, Ник. ком.

²) Здѣсь имѣется в виду, очевидно, соединеніе отдѣльных мѣстных социал-демократических организаций в одну общую партію, что имѣло мѣсто на 1-ом нашем съѣздѣ в 1898 г. Другое соединенія „различных социалистических групп“, т. е. еліянія с другими и е социал-демократическими направленіями у нас, как извѣстно, не было и не могло быть. Ник. Ком.

где японские социалисты в то время, в период шовинистического угара 1904—1906 гг., были верны идее международной солидарности трудящихся. В условиях травли и репрессий японские социалисты вели героическую борьбу против войны и твердо стояли на позициях международной солидарности. В «Хэймин симбун» и «Тёкугэн» часто печатались статьи о русском революционном движении⁴.

В 1903 г. Котоку Дэндзиро, Сакаи Тосихико и др., порвавшие с либеральной газетой «Ёродзу тёхо», перешедшей на шовинистические позиции, организовали общество «Хэйминся», которое начало издавать еженедельный орган — «Хэймин симбун»⁵, а после ее запрещения — газету «Тёкугэн» и возглавило антивоенное движение. Отделения и кружки этого общества были организованы во всех крупных городах Японии.

«Хэймин симбун» от 13 марта 1904 г. выступила с прокламацией «Письмо к русской социал-демократической партии». Это письмо было перепечатано в Германии в газете «Vorwärts», а затем в России. Здесь оно нашло довольно широкое распространение на юге страны и использовалось для революционной пропаганды. Прокламация была издана в г. Николаеве в 2 тыс. экземпляров⁶, а также в Закавказье (на русском и армянском языках) тиражом в 3 тыс. экземпляров. В этом издании она была обнаружена в ноябре 1904 г. в г. Петровске⁷. Здесь приводится первая страница фотографии прокламации, изданной в Николаеве.

S U M M A R Y

The authors describe the anti-war movement in Japan in 1903—1906 and show that the Japanese socialists were faithful to the idea of international working class solidarity. Thus, on March 13, 1904 they published the «Letter to the Russian Social Democratic Party» declaring their solidarity with the Russian people. This «Letter» was widely circulated in the South of Russia.

⁴ Например, 露國軍隊の革命思想 («Революционные идеи в русских войсках»), 平民新聞 «Хэймин симбун», № 3; 露國社會黨の革命運動 («Революционное движение русской социалистической партии»), там же, № 12; 露國命革の機運 («Судьбы русской революции»), там же, № 18; 露國社會民主黨の檄文 («Воззвание русской социал-демократической партии»), там же, № 27; 露國革命の火 («Пламя русской революции»), там же, № 64.

⁵ Газета выходила на восьми страницах большого формата. Тираж ее в марте 1904 г. составлял 4500 экземпляров, а позднее доходил до 7 тыс. 堺利彦, 全集(Сакаи Тосихико. Собрание сочинений), т. 3. Токио, 1933, стр. 109.

⁶ Она была обнаружена в разных районах г. Николаева в ночь на 8 июня 1904 г. и доставлена в департамент полиции в количестве 250 экземпляров. Хранится она в коллекции нелегальных изданий, инв. № 2011 (ЦГИАМ).

⁷ По донесению Бакинского губернского жандармского управления в Дагестанской области в департамент полиции от 7 декабря 1904 г. видно, что среди 137 прокламаций, обнаруженных в Петровске, имеется три экземпляра «Письма японских социалистов к русским», см. ЦГИАМ, ДПОО, 1904 г., д. 5, ч. 10, л. 105—106. В фондах архива она не обнаружена.

ПРОВАЛ КОНЦЕССИИ ЧЕСТЕРА

(Из истории проникновения американского империализма в Турцию)

Н. Г. КИРЕЕВ

Попытки утвердить свое господство на Ближнем и Среднем Востоке, в частности в Турции, Соединенные Штаты предпринимали еще до первой мировой войны и сразу же после нее. Однако в то время они не увенчались успехом. Деятельность компании Честера в 1908—1912, а затем в 1922—1923 гг. можно рассматривать как одну из таких попыток.

В 1908 г. адмирал Колби Митчел Честер, предварительно заручившийся поддержкой нескольких американских компаний, прибыл в Турцию, был принят султаном¹ и вскоре получил согласие на создание американской железнодорожной концессии в Восточной Анатолии и Верхней Месопотамии. В 1909 г. турецкая палата депутатов под сильным нажимом американской дипломатии одобрила основные положения проекта концессии.

Успехи Честера встревожили ряд заинтересованных в эксплуатации турецкой экономики стран Антанты и Германии.

Несмотря на разделявшие их глубокие противоречия, европейские империалистические державы сообща выступили против американского конкурента. Созданная Честером в 1911 г. в Нью-Йорке небольшая «Оттоман америкэн дивелопмент компани» не могла приступить к реализации градиозного проекта строительства железных дорог на востоке Турции; несмотря на энергичные демарши американских дипломатов, проект не был окончательно утвержден турецкими властями, а вступление Турции в войну на стороне Германии заставило группу Честера на время отказаться от своих замыслов. Германские империалисты установили полный контроль над внешней и внутренней политикой Турции.

К концу первой мировой войны Соединенные Штаты начали рассматривать Турцию не только как сферу выгодного помещения американского капитала, но и как плацдарм для агрессии против Советской России. Однако Соединенные Штаты не имели тогда такого влияния в Турции, как Англия и Франция. Не благоприятствовала в это время Соединенным Штатам и общая международная обстановка. Американским монополиям пришлось поэтому начать изыскивать новые пути проникновения как на Ближний Восток в целом, так, в частности, и в Турцию. Правящие круги США склонны были рассматривать проект Честера как удобный предлог для такого вмешательства в ее внутренние дела. В 1920 г. Честера вызвали в Вашингтон, где ему предложили приступить к делу, т. е. «к осуществлению проекта»². Вскоре, однако, развитие событий на востоке Европы заставило американские правящие круги более трезво оценить положение. К концу 1920 г., как отмечал В. И. Ленин, было отвоевано «наше основное международное существование в сети капиталистических государств»³. В 1920—1921 гг. Советская власть была установлена во всем Закавказье. В Турции в это время развивалась антиимпериалистическая борьба турецкого народа. 16 марта 1921 г. был заключен советско-турецкий договор «о дружбе и братстве». В этих условиях государственный департамент, признавая, что он «глубоко заинтересован»⁴ в проекте Честера, был вынужден тем не менее занять выжидательную позицию, заверив Макарута, председателя созданной в Нью-Йорке компании, «что, когда условия будут более благоприятными, правительство Соединенных Штатов отнесется благосклонно к приобретению нефтяных концессий в Анатолии, Месопотамии, Киликии»⁵.

¹ См. «New York times», 21 апреля 1923 г.

² См. «New York times», 21 апреля 1923 г.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 385.

⁴ См. «Papers relating to the foreign relations of the United States (в дальнейшем — FR), 1921, vol. II. Washington, 1936, p. 918.

⁵ Там же, стр. 923.

Чтобы помешать перехватить инициативу в получении концессии своему американскому конкуренту Макдоуэллу⁶, который также вел переговоры с турецкими властями, Честер вынужден был спешить с осуществлением своего проекта. 12 апреля 1922 г. его компания вошла в соглашение с небольшой канадской финансовой группой, возглавлявшейся промышленником Бернардом и бывшим офицером британской армии Клайтоном-Кеннеди, зятем известного лондонского финансиста Клайтона. Контрольный пакет акций перешел в руки Бернарда. Попытка привлечь канадский капитал не дала ожидаемых результатов, и прибывшие в августе 1922 г. в Константинополь Артур Честер (сын адмирала) и Кеннеди вынуждены были занимать деньги для ведения дел. Вместе с тем Кеннеди в одной из телеграмм президенту компании Гедалсу подчеркивал «беспримерную» по своей благожелательности позицию турецкого правительства⁷. Благожелательная по отношению к Честеру позиция турецкого правительства объяснялась как экономическими соображениями, так и намерением Турции использовать вопрос о концессии для усиления разногласий между союзниками на предстоящей мирной конференции в Лозанне.

20 ноября 1922 г. открылась конференция в Лозанне. На конференции США требовали признания принципа «открытых дверей», рассчитывая использовать его для проникновения в традиционные сферы влияния Англии и Франции, продолжали настаивать на ликвидации монополии «Тэркиш петролеум К^о», стремясь обеспечить американским фирмам неограниченные возможности для проникновения в Месопотамию. В связи с этим обострились англо-американские противоречия. Деятельность Честера и Кеннеди в Турции оказывала влияние на ход англо-американских переговоров о нефти.

В декабре 1922 г. в печати появились сообщения о подписании в ближайшее время соглашения о концессии. 6 декабря 1922 г. канадская и американская группы компании Честера заключили между собой новое соглашение. На этот раз несколько усилилась американская группа, хотя по-прежнему средств не было.

Турецкие власти торопились воспользоваться переговорами о концессии Честера. 19 декабря 1922 г. в специальном заявлении для печати председатель совета министров Турции Хуссейн Рауф-бей подробно рассказал об американской концессии, подчеркнув, что она включает и Мосул. Заявление Рауф-бея имело точный адрес — ведь в это время Англия добивалась официального закрепления за собой Мосула, а Франция настойчиво требовала сохранения своих экономических привилегий в Турции. Стремясь повлиять на позицию Франции и Англии, турецкое правительство 22 января 1923 г. утвердило проекты договоров с «Оттоман-америкэн дивелопмент К^о»⁸. В тот же день был утвержден договор с Кеннеди о поставке в Турцию сельскохозяйственных машин. Через некоторое время Кеннеди подписал с турецким правительством соглашение о реконструкции Анкары⁹.

Спровоцировав 4 февраля 1923 г. срыв переговоров на Лозаннской конференции, английская дипломатия хотела этим маневром, в частности, заставить турецкую делегацию сделать новые уступки. Тогда турецкое правительство решило ускорить ратификацию соглашения о концессии. 9 апреля 1923 г., за две недели до возобновления работы конференции в Лозанне, закон о строительстве железных дорог в Восточной Анатолии был принят Великим Национальным собранием Турции¹⁰.

Согласно принятому закону, американские концессионеры должны были построить около 4500 км железных дорог¹¹. Основными линиями были следующие: Самсун—Сивас — Диярбакыр — Мосул — Сулеймание, с ответвлением к Вану; Анкара — Эрзерум — Баязид — с ответвлением к Трапезунду; Харпут — Юмурталык (залив Искан-

⁶ FR, 1922, vol. II, p. 971.

⁷ Там же, стр. 976.

⁸ См. «Международная летопись», 1924, № 1, стр. 118.

⁹ «New republic», May 9, 1923, p. 291.

¹⁰ «Hakimiyeti milliye», 9 апреля 1923 г.

¹¹ Текст договора см. «L'economiste d'Orient», 1923.

дерун). Проектируемые линии шли в основном в северо-восточном направлении, в нескольких пунктах они подходили к границам Советского Союза.

Компания получала право на сооружение портов в Юмурталыке и Самсуне, а позднее и в Трапезунде, с набережными, складами, оборудованием и т. п. Оговаривалось также право строить подсобные железные дороги, а вдоль основных дорог — телеграфные линии. В сорокакилометровой полосе вдоль трассы концессионерам было разрешено добывать полезные ископаемые, сооружать фабрики, электростанции, нефтепроводы. Весь ввозимый для строительства материал освобождался от пошлин. Правительство оставляло за собой право лишь на 30% доходов компании, а выкупить дороги могло только через 30 лет с уплатой не менее 7500 золотых франков за километр линии. Этим исчерпывались «права» и «выгоды» турецкого правительства. Осуществление американских планов привело бы к установлению в Анатолии господства иностранной компании. Эти планы противоречили экономическим и политическим интересам империалистов Англии и Франции. Франция давно считала Восточную Анатолию сферой своего влияния. Англия не собиралась уходить из Мосула. Наконец, ни та, ни другая вообще не желали появления на Ближнем Востоке такого опасного конкурента, каким был американский империализм. Поэтому ни Франция, ни Англия не признали концессии Честера.

В США подписание соглашения о концессии рассматривалось некоторыми органами печати как победа американского капитала. Часть газет откровенно заявляла, что концессия дает возможность превратить Анатолию в «подобие новых Филиппин»¹², установить американский экономический контроль над новой Турцией¹³. Вместе с тем в ряде газет высказывались серьезные сомнения относительно последствий ратификации соглашения о концессии. «Вашингтон пост» заявила, что США не должны вмешиваться в ближневосточные дела¹⁴. Мнение этой газеты разделял орган американских финансовых кругов «Уолл-стрит джорнэл». Журнал пояснял, что не противодействие Англии и Франции заставляет американское правительство скептически относиться к соглашению о концессии. Причина кроется в другом. После победы национально-освободительного движения в Турции и после подписания советско-турецкого договора о дружбе американским деловым кругам попросту было рискованно делать новые капиталовложения в Турции.

* * *

Работа Лозаннской конференции возобновилась 23 апреля 1923 г. К этому времени еще больше обострились империалистические противоречия. Поэтому делегации западных держав не смогли выставить совместных требований по всем вопросам и добиться их принятия Турцией. США не желали участвовать в общем договоре держав Антанты с Турцией, и в первых числах июня 1923 г. между США и Турцией начались переговоры о заключении сепаратного договора. 9 августа состоялось подписание сепаратного турецко-американского договора. Статьи этого договора были сформулированы в духе Лозаннского договора.

Тем временем Честер и Кеннеди продолжали добиваться осуществления концессии. На пути в США Кеннеди побывал в Лондоне, рекламируя концессию, он уверял, что скоро начнутся работы по ее строительству. В столь же радужных тонах рисовал положение дел и Артур Честер, прибывший 19 мая 1923 г. в Нью-Йорк¹⁵. В апреле 1923 г. турецкие власти, после двукратной отсрочки, объявили, что договор о поставке сельскохозяйственных машин аннулируется¹⁶. Все яснее обнаруживалось, что компания Честера не в состоянии выполнить условия договора. В течение июля и августа 1923 г. концессионеры продолжали искать деньги для выполнения проекта. 9 октября

¹² «Literary digest», 1923, vol. 77, № 3, p. 7.

¹³ «New York times», 22 апреля 1923 г.

¹⁴ «Literary digest», 1923, vol. 77, № 3, p. 9.

¹⁵ «New York times», 20 мая 1923 г.

¹⁶ См. «Temps», 29 апреля 1923 г.

в день, когда истекал срок начала работ, Кеннеди прибыл в Анкару и добился решения отложить работы на месяц.

Поскольку к этому времени американцев в компании уже не было, государственный секретарь Юз категорически заявил Бристоллю, что тот не должен оказывать «никакой поддержки деятельности Клайтон—Кеннеди»¹⁷. Вместе с тем теперь уже и турецкие власти не были так заинтересованы в концессии, как в период Лозаннской конференции. Мирный договор был подписан, к концу 1923 г. укрепилось политическое положение кемалистов в стране. Поэтому 18 декабря турецкое правительство объявило об аннулировании концессии. Больше переговоры на эту тему не возобновлялись.

Каковы же причины провала концессии Честера?

Прежде всего это объяснялось тем, что финансовые монополистические круги США, определявшие в конечном счете политику государственного департамента, не считали тогдашнее анкарское правительство вполне «благонадежным». Далее концессия Честера нарушала интересы как английского, так и французского империализма, поэтому Англия и Франция выступили против нее, а то обстоятельство, что за канадской группой в компании стояли британские капиталисты, вызывало большую настороженность турецких властей. Надо иметь в виду также, что руководство республиканской партии и видные члены администрации Гардинга, тесно связанные с нефтяными компаниями США, оказывали предпочтение этим компаниям. Имело значение и то, что если турецкая дипломатия использовала концессию Честера для нажима на Англию и Францию во время Лозаннской конференции, то после заключения мира она уже более не нуждалась в этом орудии дипломатического давления.

Все это помешало концессионерам осуществить проект Честера.

Концессия Честера — первая более или менее серьезная попытка американского капитала подчинить себе экономику республиканской Турции. Эта попытка оказалась неудачной.

S U M M A R Y

The article deals with the history of the Chester concession for the construction of railways in East Anatolia (Turkey) granted by the Turkish Government in 1923 to the Ottoman American development Co. founded by the American businessman, C. M. Chester.

This concession represented the first attempt on the part of American capital to bring under its control the economy of the Turkish republic. The article brings out the economic and political considerations which compelled the Turkish Government to ratify the concession and the reasons for its failure.

КОЛЛЕКЦИЯ М. Д. ХМЫРОВА

Н. З. ХОТИМСКАЯ и Л. А. МУХИН

В Государственной публичной исторической библиотеке хранится «Хмыровская коллекция», представляющая собой уникальное собрание русских и иностранных журнальных и газетных статей.

Составитель этой коллекции Михаил Дмитриевич Хмыров* (1830—1872 гг.) после выхода в отставку с военной службы занимался изучением истории России XVII—XVIII вв. и опубликовал ряд исторических статей, очерков и биографий. На свои чрезвычайно скудные средства М. Д. Хмыров более двух десятилетий скупал русские и

¹⁷ FR, 1923, vol. II, p. 1251.

* О М. Д. Хмырове см. «Русский архив», 1873, № 1, стб. 128—137; «Исторический вестник», 1889, ноябрь, стр. 371; «Всемирная иллюстрация», 1872, стр. 411—414.

иностранные журналы, альманахи и газеты, собрав более двенадцати тысяч журналов за период с 1755 по 1865 г. Из этих изданий М. Д. Хмыров делал вырезки всех основных статей, исключая художественную литературу, с указанием даты и места издания, названия статьи и номера, под которым она значилась в папке. Все статьи систематизировались по соответствующим разделам.

После смерти Хмырова его библиотека была куплена Историческим музеем. Это была первая книжная коллекция Музея, положившая основание книжным фондам Государственной исторической библиотеки.

Коллекция размещена в 832 папках по темам, которых насчитывается свыше трехсот. В 75 папках Хмыровской коллекции собран материал, относящийся к странам и народам Востока. Материал распределен по следующим разделам: Азия — 16 томов и 1 том гравюр; Африка — 4; Евреи — 2; Индия — 11; Китай — 13; Курдистан — 1 том; Персия — 6 томов; Средняя Азия (Туркестан) — 3; Турция — 18; Япония — 1 том. Собранный материал имеет большое познавательное значение для ученых, работающих в различных областях истории, экономики, философии и искусства стран Востока.

В разделе «Индия» большое место занимают работы об Индии в период английского господства. Богато представлен в коллекции материал по народному восстанию в Индии (1857—1859): «Англичане в Индии» («Отечественные записки», 1857, ноябрь); Н. Турчинов (Н. Добролюбов) «Взгляд на историю и современное состояние Ост-Индии» («Современник», 1857, сентябрь); И. Березин «Метрополия и колония» («Отечественные записки», 1858, март — апрель); Генрих Вызипский «Настоящее и будущее английской Индии» («Русский вестник», 1858, № 2—4); «Индийское восстание, его причины и последствия» («Атеней», 1858, № 3—5); «Ост-Индский вопрос» («Военный журнал», 1859, кн. 2); Корнбулт «Очерк завоевания Индии англичанами и последнее восстание сипаев» («Артиллерийский журнал», 1864, № 3); К. Львович «Очерк возмущения сипаев в Ост-Индии» («Военный сборник», 1858, № 9). В разделе, посвященном экономике Индии, насчитывается около 25 статей за разные годы: «Хлопчатая бумага и хлопчатобумажная промышленность в Индии» («Вестник промышленности», 1861, сентябрь); «Выделка шалей в Кашмире» («Москвитянин», 1850, № 20, отд. 5); «Голод в Индии» («Вечерняя газета», 1867, № 104) и другие. В коллекции содержится значительное число статей по литературе, языкознанию и искусству. Много статей, посвященных описанию нравов и обычаев индийцев, а также путешествий в Индию.

Один из самых больших разделов Хмыровской коллекции посвящен Турции. Многие статьи затрагивают вопросы отношений Турции с другими странами, ее внутреннее положение и т. д.: «Исторический и статистический взгляд на последнее десятилетие в Турции» («Телеграф», 1832, № 13, 14, 15); «Взгляд на внутреннее состояние Турецкой империи» («Вестник Европы», 1829, № 11, 12); Ан. Пушкин «Взгляд на военное состояние Турецкой империи» («Сын отечества», 1826, № 10, 11); «Взгляд на политическое состояние Турции» («Атеней», 1828, № 16); «Возрождение Турции» («Русский вестник», 1850, № 23, 24); «О восточном вопросе» («Отечественные записки», 1864, июнь); «Современная Турция (1862—1867)» («Военный сборник», 1869, № 7); «Обзор важнейших государственных учреждений и перемен, произведенных в Турции ныне царствующим султаном Махмудом» («Московский наблюдатель», 1835, кн. 1—2). Кроме статей по истории, политическим и военным вопросам, здесь собран богатый материал по этнографии, литературе, археологии, содержится много путевых очерков, а также рецензий на книги о Турции.

Раздел «Персия» в основном составлен из вырезок из русских журналов XIX в., кроме того, представлены и иностранные журналы, главным образом на французском языке. Статьи охватывают различные вопросы: история, экономика, литература и т. д. Много путевых очерков, писем, отчетов. Несколько статей посвящено древней истории Ирана. Большинство статей относится к внутреннему и внешнему положению этой страны во второй половине XIX в., взаимоотношениям ее с Россией и Турцией и т. д. «Персия» («Санктпетербургские ведомости», 1863, № 272); «Персидские дела» («Московские ведомости», 1856, № 152); И. Маркович «Военно-статистические заметки

относительно настоящего положения Персии» («Военный журнал», 1855, кн. IV); М. Эксельбрт «Краткий обзор транзитных операций Персии с Европой в 1865» («Кавказ», 1866, № 11); «О Персии [при Фет - Али - шахе]» («Вестник Европы», 1825, № 15). Из работ по литературе можно назвать следующие статьи: Лерх «Семизвездие на небе персидской поэзии» («Библиотека для чтения», 1851, июль); «Древние исторические саги Персии» («Библиотека для чтения», 1850); А. Казем-Бек «Мифология персов по Фердоуси» («Северное обозрение», 1848, № 3) и многие другие. Имеется много статей о торговле, культуре, быте, религии, народном творчестве.

Около ста статей в разделе «Африка». Особо выделен материал по Суэцкому каналу: Э. Реклю «Открытие Суэцкого канала» («Дело», 1869, № 12); Маделен «О Суэцком перешейке» («Москвитянин», 1856, № 4); Кроненберг «Суэцкий канал» («Москвитянин», 1858, № 34); «Извлечение из частного письма — о Суэцком канале — («Военный сборник», 1860, май); «Исторический обзор проектов и работ, относящихся к сообщению через Суэцкий перешеек» («Журнал Министерства путей сообщения», 1850, кн. 1—2). В разделе содержится также интересный материал по истории, экономике, искусству. Во многих статьях рассказывается о нравах и обычаях жителей Африки.

В разделе «Китай» много статей посвящено тайпинскому восстанию, русско-китайским отношениям, опиумным войнам и закабалению Китая колониальными державами: «Китай» — из истории тайпинской революции — («Северная пчела», 1865, № 178); «Китай» — Тайпинская революция — («СПБ. ведомости», 1865, № 161); «Китай» — Тайпинская революция — («Русский мир», 1860, № 96); «О торговле опиумом в Китае» («Журнал Министерства народного просвещения», 1840, октябрь); «Падение Нанкина» («Голос», 1864, № 274); «Современное положение Китая и его отношение к союзникам» («Русский вестник», 1858, № 15); «Английская экспедиция в Китай» («Сын отечества», 1841, № 14); Д. И. Романов «Последние события в Китае и значение их для России» (Издание Иркутской публичной библиотеки, 1861); «Новый трактат Америки с Китаем» («Дело», 1868, август); Н. Хмелевский «Отношение европейцев к Китаю в последние двадцать лет» («Отечественные записки», 1861, апрель). Интересный материал собран по экономике Китая, особое место в нем занимают статьи о производстве чая, шелководстве и китайском фарфоре.

Раздел «Япония» включает 76 статей по истории, экономике, искусству, археологии, быту. Значительный интерес представляют такие статьи, как «Революция в Японии в конце 1864 г.» («Голос», 1864, № 311); Корш «Япония и японцы» («Современник», 1852, № 10, 11); П. Назимов «Из воспоминаний об Японии» («Морской сборник», 1861, № 7); «Нечто о японской статистике» («Статистический журнал», 1806, т. 1, ч. 2); А. Буйницкий «Исторический обзор сношений образованного мира с Японией» («Морской сборник», 1860, № 9, отд. 3).

Имеются также небольшие разделы из одного-двух томов каждый и объединенные общим названием «Азия», «Ассирия», «Евреи», «Палестина», «Месопотамия». Эти разделы включают в основном статьи по археологии, истории культуры и религии, этнографии, а также описания путешествий.

S U M M A R Y

The authors refer to a unique collection of Russian and foreign magazine and newspaper clippings preserved at the State Public Historic Library in Moscow. Compiled by M. D. Khmyrov for the years 1755 — 1865, it contains all the main-articles (with the exception of belles lettres) clipped from more than 12,000 magazines. The collection is filed in 832 folios, 75 of which contain material relating to the countries and peoples of the East. The latter are dealt with in this item.

О НЕКОТОРЫХ СОГДИЙСКИХ МОНЕТАХ И ЛЕГЕНДАХ

К столетию со дня рождения Валентина Алексеевича Жуковского,
профессора персидской словесности Петербургского университета
(1858—1918)

А. А. ФРЕЙМАН

Может казаться непонятным, почему статья о согдийских монетах посвящается памяти В. А. Жуковского, который, при всем значении трудов, составленных им в области персидской филологии, сравнительно мало уделял внимания и времени вопросам иранской филологии домусульманской эпохи. Удовлетворение этих запросов обеспечивалось на факультете Восточных языков Петербургского университета по кафедре санскритской словесности почти до самой кончины В. А. Жуковского его учителем и старшим товарищем — приват-доцентом и академиком К. Г. Залеманом.

Немногочисленным еще оставшимся в живых ученикам В. А. Жуковского хорошо памятно его спокойно-сдержанное лицо. Под внешним покровом бесстрастия скрывался последовательно мыслящий ум, твердый характер, всегда готовый отстаивать точку зрения, которая ему казалась правильной. Это находило отражение в научно-педагогической деятельности В. А. Жуковского в Университете, в его отношении к ученикам и широкому кругу студенчества на факультете, где В. А. Жуковский был секретарем (до 1902 г.), а затем деканом (до 1911 г.).

Воспитанники факультета помнят, чем они обязаны деканам тех лет: В. Р. Розену, В. А. Жуковскому и последнему декану — Н. Я. Марру. Благодаря их заботам после кончины К. Г. Залемана (1916 г.) в Петроградском-Ленинградском университете изучение вопросов иранской филологии домусульманской эпохи не заглохло, а продолжало и продолжает развиваться по сей день. В значительной мере мы обязаны этим теплоте отношению В. А. Жуковского к своим ученикам, которые занимались разными вопросами иранской филологии, в том числе и вопросами этой филологии домусульманской эпохи.

Посему и посвящение настоящей статьи В. А. Жуковскому да не будет сочтено необоснованным.

О значении исследования согдийских монет для изучения истории, истории культуры и языков Средней Азии писалось уже довольно много.

Не будет, пожалуй, преувеличением сказать, что наибольшее количество работ в этой области принадлежит перу О. И. Смирновой, уже около четверти века неутомимо издающей и каталогизирующей эти культурные ценности.

Одним из препятствий в этой трудной и кропотливой работе является беспаспортность подавляющего количества монет, что значительно затрудняло и затрудняет работу по дешифровке. Так, О. И. Смирнова приводит пример бездушного, чтобы не сказать больше, отношения к таким важным культурным ценностям, какими являются монеты: отсутствие необходимых данных о месте находки 8 монет, переданных в Сталинградский музей археологом В. П. Чайльдико и очевидную утрату остального нумизматического материала, найденного этим археологом¹.

Помимо справедливо указанных О. И. Смирновой затруднений, которые проистекают от беспаспортности подавляющего количества монет, несомненным затруднением является также отсутствие сопровождающих издания монет всякого рода снимков, фото и рисунков, или же, при наличии последних, их плохое выполнение, затрудняющее чтение.

Это обстоятельство мешает более широкому кругу читателей принимать участие в чтении и дешифровке монет, в оценке уже сделанного. На это жалуются между прочим и специалисты в области истории Средней и Центральной Азии, которые привлекают для своей работы, помимо литературно-исторических памятников, также нумизматический материал².

¹ О. И. Смирнова. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа. «Эпиграфика Востока», IV, 1951, стр. 3—4.

² См., например, R. N. Frye. Notes on the early coinage of Transoxiana. New York, 1949, passim; его же. Additional notes on the early coinage of Transoxiana. «Museum Notes», vol. IV. New York, 1950, passim.

Но талант, трудолюбие и упорство О. И. Смирновой преодолевают многие затруднения. О начале своей работы по дешифровке и классификации согдийских монет она говорит очень скромно: «...работа над нумизматическим материалом, найденным во время раскопок в 1932 г.³ на горе Муг в Таджикистане, положила начало исследованию и классификации группы монет, имевших хождение на территории Средней Азии в раннее средневековье»⁴.

Почти то же сообщает О. И. Смирнова в другой своей работе: «Согдийские монеты, — пишет она, — лишь недавно вошли в науку. Начало их изучению положила находка во время раскопок на горе Муг медных монет, китайских по форме. Тогда же учеными, принимавшими участие в раскопках, было высказано предположение, что монеты эти согдийские»⁵.

Печатные работы О. И. Смирновой в области согдийской нумизматики, начавшись небольшой статьей в 5 страниц⁶, потекли обильным потоком, с небольшими перерывами, все совершенствуясь и пополняясь, вплоть до последних дней. В их изложении ощущалась все большая уверенность автора в себе, в своей правоте. Редко когда можно было увидеть в печати сомнения по поводу отдельных положений О. И. Смирновой, хотя они могли иногда и высказываться в докладах.

Особенно расширился диапазон трудов О. И. Смирновой со времени включения ее в археологические работы в районе Пенджикента⁷.

Безусловно, положительное значение имеет и значительный прогресс в фотосъемке и фотоскопировании согдийских монет. Блестящим примером этого являются увеличенные в два раза фото двух серебряных согдийских монет (драхм), из которых одна была найдена в 1954 г. на городище древнего Пенджикента, а другая была обнаружена в коллекции нумизматического собрания Государственного Эрмитажа⁸.

Однако утверждение О. И. Смирновой, что «найденная на городище древнего Пенджикента серебряная монета... — первая находка серебряных согдийских монет вообще»⁹, не соответствует действительности. В своей статье «Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии» О. И. Смирнова уже ссылалась на статью А. И. Васильева в «Согдийском сборнике» (см. выше). В этой же статье А. И. Васильева, а также в нашей статье¹⁰ отмечено, что среди найденных на горе Муг согдийских монет была одна серебряная.

³ Ошибка или описка вместо 1933 г. Ср. «Согдийский сборник», 1934, стр. 11, 14, 29, 31, где приведены подробные сведения о раскопках и о найденных на горе Муг монетах.

⁴ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет. «Эпиграфика Востока», VI, 1952, стр. 6.

⁵ О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. «Советское востоковедение», VI, 1949, стр. 357. Ссылка О. И. Смирновой на стр. 31 «Согдийского сборника» по всей очевидности, относится к статье Алексея Ивановича Васильева «Согдийский замок на горе Муг». Этот молодой талантливый иранист-археолог был в те годы ученым секретарем Таджикской базы Академии наук СССР. В значительной мере его энергии и бескорыстной преданности науке мы обязаны успехами раскопок на горе Муг. Часть добытого там материала (стрелы) была использована А. И. Васильевым в удачно защищенной кандидатской диссертации.

⁶ О. И. Смирнова. О трех согдийских монетах. «Вестник древней истории», 1939, 1(6), стр. 116—120.

⁷ См. статьи О. И. Смирновой в «Трудах Согдийско-Таджикской Археологической Экспедиции». М.—Л., 1950.

⁸ О. И. Смирнова. Из истории арабских завоеваний в Средней Азии. «Советское востоковедение», 1957 г., № 2, вклейка между стр. 132—133.

⁹ Там же, стр. 131.

¹⁰ А. И. Васильев. Согдийский замок на горе Муг. «Согдийский сборник», 1934, стр. 29; А. А. Фрейман. Находка согдийских рукописей и памятников. материальной культуры в Таджикистане. Там же, стр. 11.

Выше уже говорилось, какое значение для науки имела работа над нумизматическим материалом, найденным в раскопках на горе Муг. К сожалению, однако, место нахождения этого материала неизвестно. Нет и описания его. Судьба этого материала весьма похожа на судьбу коллекции В. Р. Чайлыдко.

Отмечавшиеся уже образцовые фото монет, приложенные к статье О. И. Смирновой «Из истории арабских завоеваний в Средней Азии», облегчают чтение легенды на этих монетах. О. И. Смирнова читает ее $twr\gamma'g$ и видит в этом слове имя сына согдийского царя (ихшида) Гурека, преемника последнего на самаркандском престоле¹¹. Однако в составленной ею «Хронологической таблице правителей Согда» тот же сын Гурека (по-согдийски $'w\gamma'k$ Уграк) носит имя не Тургара ($twr\gamma'r$), а Тургага ($twr\gamma'\gamma$)¹².

Такое же чтение $twr\gamma'\gamma$ дается О. И. Смирновой и в ее статье о согдийских монетах Эрмитажа, в которой утверждается: «Надписи... не оставляют сомнения в правильности предложенного... чтения»¹³. Точно такое же чтение $twr\gamma'\gamma$ отмечается О. И. Смирновой и в статье «Материалы к сводному каталогу согдийских монет»¹⁴.

Итак, в ряде работ О. И. Смирновой одно и то же лицо, по ее предположению, сын согдийского царя (ихшида) Гурека, — носил два разных имени:

- 1) в подавляющем большинстве опубликованных ею легенд согдийских монет — $twr\gamma'\gamma$,
- 2) согласно чтению, приводимому в статье «Из истории арабских завоеваний в Средней Азии», — $twr\gamma'r$.

Какое из этих чтений верно? Мы полагаем, что ни первое, ни второе. Постараемся разобраться в этом вопросе.

Его решение будет иметь значение для согдийской палеографии, согдийского языка, согдийской нумизматики. Но оно может иметь значение также и для решения некоторых вопросов истории Согда VII—VIII вв.

Обратимся к фото. Изображенная на нем легенда состоит из шести букв. Думается, что любой человек, даже не знакомый с согдийским алфавитом, тем более с его историей, согласится с тем, что третья и шестая буквы этой легенды *не идентичны*, и что поэтому, если признать, что третья буква — г, то придется согласиться, что шестая — не г. И наоборот, шестая буква могла бы быть г только в том случае, если бы третья была не г, а какой-нибудь другой буквой. Но и на фото и в опубликованных О. И. Смирновой ранее легендах согдийских монет первый из двух слогов этого слова звучит twr — с конечным г. Поскольку мы уже пришли к решению, что третья и шестая буквы легенды на фото *не идентичны*, а третья есть г, то отсюда следует, что последняя буква легенды не может быть г, т. е., другими словами, чтение легенды не может быть $twr\gamma'r$, как полагает О. И. Смирнова. Но интересующее нас слово не может читаться и $twr\gamma'\gamma$, так как четвертая и шестая буквы на изображениях (легендах) обеих монет различны.

Итак, не существовало ни ихшида Тургара ($twr\gamma'r$), ни Тургага ($twr\gamma'\gamma$). Последнее пояснилось бы еще лучше, если бы О. И. Смирнова опубликовала также фото упомянутых выше монет, перечисленных ею в «Материалах к сводному каталогу согдийских монет».

В действительности же последняя буква легенд на последней опубликованной О. И. Смирновой согдийской монете есть п, и вся легенда должна читаться как $twr\gamma'p$. Это слово тюркско-монгольского происхождения (от тюркского $tarqan$), засвидетельст-

¹¹ О. И. Смирнова. Из истории арабских завоеваний..., стр. 131

¹² О. И. Смирнова. Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии. «Советское востоковедение», VI, 1949, стр. 365—366.

¹³ О. И. Смирнова. Согдийские монеты собрания нумизматического отдела..., стр. 13.

¹⁴ О. И. Смирнова. Материалы к сводному каталогу согдийских монет, стр. 29—30.

вованное в согдийском языке, помимо прочитанной здесь формы, еще как $twr\gamma'p$, $tr\gamma'wn$, $tr\gamma'n$ ¹⁵.

Это слово было первоначально почетным титулом, даровавшимся при тюркском владычестве или при тюркском влиянии лицам, пользовавшимся известными привилегиями, льготами и т. п. До недавнего времени оно продолжало свое существование в таджикском *тархун*¹⁶.

Известным в согдийской среде VIII в. $tr\gamma'wn$ 'ом или $tr\gamma'n$ 'ом был $s\gamma'w\delta yk$ MLK' $sm'gknd\epsilon$ MR'Y $\delta yw'sty\epsilon$ «согдийский царь самаркандский государь Деваштич»¹⁷.

Окруженный и осажденный арабскими войсками на горе Муг Деваштич пишет в отчаянии письмо правителю Хорасана эмиру ал-Джаррахи, прося его распорядиться, чтобы *оба сына Тархуна*, очевидно, находившиеся при нем (Деваштиче) в осажденном замке на горе Муг, были тем или иным способом отправлены и доставлены ал-Джаррахи¹⁸. Вся обстановка, письмо, его содержание и тон со всей очевидностью показывают, что в эти тяжелые для Деваштича минуты он ни о чем другом не думает, как только о спасении жизни своих сыновей. Употребление им в письме выражения *обоих сыновей Тархуна*, $ابنى طرخون$ а не «моих сыновей», имело только один смысл — желание сослаться на свое почетное, видное положение в среднеазиатской среде для воздействия на чувства ал-Джарраха.

S U M M A R Y

The author emphasizes the importance of the study of Soghdian coins for those interested in the history, culture and languages of Central Asia, and pays due tribute to the work accomplished in this field by O. I. Smirnova. He then arrives at the conclusion that the word interpreted by O. I. Smirnova in most of the coin legends published by her as $twr\gamma'\gamma$ and latterly as $twr\gamma'r$, should be read as $twr\gamma'n$. It refers not to the son of the Soghdian Ikhshid Ghurek, as O. I. Smirnova believes, but to the well known in 8th-century Soghdian environment $tr\gamma'wn$ or $tr\gamma'n$ Dewashtich.

¹⁵ См. А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане. «Труды Института востоковедения», вып. XVII, 1936, стр. 153, 161—165; *его же*. Согдийская надпись из Старого Мерва. «Записки Института востоковедения АН СССР», VII, 1939, стр. 299.

¹⁶ См. Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1954, стр. 129—130. Ср. «тарханная грамота, тархан, Тмутаракань» и др.

¹⁷ См. А. А. Фрейман. Датированные согдийские документы..., стр. 153, 161—165.

¹⁸ В. А. и И. Ю. Крачковские. Древнейший арабский документ из Средней Азии. «Согдийский сборник», 1934, стр. 56.

АЛЬБОМ ХУРШИДБАЛУ НАТАВАН

А. ДЖАФАРЗАДЕ

Азербайджанская поэтесса Хуршидбану Натаван родилась в 1830 г. в Шуше, центре Карабахского ханства, в семье последнего карабахского владетеля Мехтикулихана¹. О ее детстве и юности почти ничего не известно. В 1858—1859 гг. с ней познакомился путешествовавший по Кавказу Александр Дюма². Как поэтесса Натаван стала известна во всем Азербайджане в 60-е годы.

В 1872 г. Натаван организовала литературное общество مجلس انس (Собрание дружбы) объединившее поэтов не только Шуши, но и всего Карабаха. Здесь разбирались и обсуждались произведения Низами, Физули, Навои и других классиков. Часто Натаван читала здесь свои газели, и члены общества экспромтом создавали на них ответы — «назире». Участие Натаван в одном обществе с мужчинами рассматривалось в то время как погрешение норм ислама, и Натаван подвергалась нападкам мусульманских фанатиков.

Газели Натаван читались в литературных обществах — بيت الصفا (Дом чистоты) в Шемахе, بيت فراموشان (Дом пребывающих в забвении) в Карабахе, مجمع الشعرا (Собрание поэтов) в Баку и других, созданных часто по образцу «Собрания дружбы» Натаван. Ей посвящали свои стихи Мирза Фатали Ахундов, С. Ширвани, Закир и другие известные поэты XIX в. Скончалась поэтесса в 1897 г.

Натаван писала преимущественно газели. Диван поэтессы до нас не дошел. Часть известных нам стихов Натаван находится в художественно оформленном ею альбоме, который хранится в республиканском рукописном фонде Академии наук Азербайджанской ССР под № 7325. Переплет альбома вышит самой поэтессой в 1886 г. Часть стихотворений также переписана рукой самой Натаван каллиграфическим наставлением черной тушью. В альбоме 13 газелей Натаван и около 20 стихотворений других поэтов Азербайджана. Размер страницы 13,3 × 21 см.; имеются следы подпалин на стр. 3—6; в конце несколько страниц вырвано. Всего в альбоме 227 стр. На первой странице черной тушью красивым насконом написано خورشید ناتوانك ال ایله یازیلی (Альбом, написанный рукой Натаван).

Альбом украшен многочисленными рисунками Натаван, преимущественно карандашными, изображающими цветы и пейзажи. Часто эти рисунки сопровождаются стихами соответствующего содержания. На стр. 197 имеется тщательно начерченный план дома Шамиля с надписью по-русски: «План сераля или внутреннего двора Шамиля в ауле Даргы-Веденно».

В отличие от традиций восточных миниатюристов, в пейзажах Натаван чувствуется стремление художницы к более точной передаче пропорций и перспективы. Особенно показательны в этом отношении следующие рисунки: дом (стр. 115), мост (стр. 122), берег (стр. 149), крепость с мечетью (стр. 169), дорога в горы (стр. 181), морской берег, напоминающий Бакинскую бухту (стр. 185).

Таким образом, альбом представляет большой интерес не только для текстологической работы над газелями Натаван, но и для изучения ее как художника.

SUMMARY

The author of the item describes the album of Khurshidbanu Natavan, well known Azerbaijan poetess (1830—1897). Preserved among the manuscript collections of the Academy of Sciences of the Azerbaijan Republic (under № 7325) the album contains autographs of 13 of Natavan's poems and some of her drawings.

¹ تذکره نواب (Навваб. Мемуары). Рукопись республиканского рукописного фонда АН Азербайджанской ССР, инв. № Б-316; مجتهد زاده ریاض العاشقین (Муджтахидзаде. Сады влюбленных). Баку, 1907.

² См. А. Дюма. Путешествие на Кавказ. Тифлис, 1861, стр. 283—285, 294.

КИРГИЗСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ СУДЖИ

Ю. А. ЗУЕВ

В 1900 г. на территории Монголии, в местности Суджин-диван Г. Рамстедт обнаружил надпись, писанную тюркскими рунами. Он же дал транскрипцию и перевод текста, первые две строки которого читал следующим образом: *Uyur jārjntā jaqlağar qan ata käl (tim). Qyrqyz oğly män* и переводил: 'Im Lande der Uiguren war ich Jaglağar-Kan-Ata, ein Ankömmling. Eines Kirgisen Sohn bin ich'¹. (В стране уйгуров был я, Яглакар-Хан-Ата, пришельцем. Киргиза сын я...). Первый перевод этого памятника на русский язык дан А. Н. Бернштамом. Изменяя чтение стоящего в конце первой строки глагола *kältim* на третье лицо прошедшего времени *kälti*, А. Н. Бернштам читает обе строки так: «В землю уйгуров отец Яглакар хан пришел. Я сын кыргызский»². И далее, основываясь на упоминании киргизов, из которых происходил умерший, он относит этот памятник к периоду господства киргизов на территории Монголии, т. е. к 840—862 гг.³ А. Н. Бернштам впоследствии неоднократно возвращался к тексту Суджинского памятника. В некоторых других работах, он пришел, в частности, к выводу о тождестве «Яглакар-хана» с легендарным героем киргизского эпоса Манасом и а-жэ 阿熱 китайских летописей⁴. Эту точку зрения, принятую некоторыми историками и литературоведами⁵, не разделяли лингвисты⁶.

Покойный проф. С. Е. Малов в своей книге «Енисейская письменность тюрков» читал это место так же, как Рамстедт: *Uyur jiri ntā Jakağar qan ata kältim (?) Kyrgyz oğly män* и переводил: «Я, Яглакар-хан-ата, был пришелец в уйгурской земле. Я — киргиз»⁷. Вместе с тем он не отрицал и других вариантов чтения и перевода этих строк — при иной огласовке группы «Яглакар-хан-ата». Приведем его слова: «В памятниках рунической и уйгурской письменностей падежная форма на „-та“ употребляется и в смысле местного и в смысле исходного падежа. И нельзя ли в первой строчке вместо (а)та «отец» читать и понять окончание местно-исходного падежа „-та?“»⁸. Это предположение согласуется с контекстом строки, где после слов «Яглакар-хан» стоит «-та» (не «ата»), хотя и отделенное двоеточием⁹. В этом случае строка должна читаться: «Uyur jirintā jaqlağar-qanta kältim».

Принимая такое чтение, можно дать два грамматически оправданных варианта перевода: «В уйгурской земле, в Яглакархане, я пришелец. [Потому что] Я — кир-

¹ G. J. Ramstedt. Zwei Uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei. «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXX, 3. Helsinki, 1913—18, S. 5; P. Pelliot. À propos des Comans. «Journal Asiatique», 1920, onzième série, t. XV, № 2, p. 142; P. Hajdu. Berührungen zwischen den Samojeden und den jennisischen Völkern. «Acta Orientalia Hungaricae», t. III, 1—2, S. 81.

² А. Бернштам. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 52.

³ А. Бернштам. Указ. соч., стр. 53.

⁴ А. Н. Бернштам. Историческое прошлое киргизского народа. Фрунзе, 1942, стр. 11—12; его же. Культура древнего Киргизстана. Фрунзе, 1942, стр. 19; его же. Рецензия на книгу К. Рахматулина «Великий патриот — легендарный Манас» (Фрунзе, 1943), помещенная в сб. «Советская этнография», VI—VII, 1947, стр. 297.

⁵ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949, стр. 317; см. также рецензию С. В. Киселева на книгу А. Н. Бернштама. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI—VIII вв., помещенную в «Вестнике древней истории», № 1, 1947, стр. 83; К. Рахматулин. Указ. соч., стр. 36—37.

⁶ См. С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. М.—Л., 1952, стр. 86—90; его же. Рецензия на «Манас, киргизский эпос. Великий поход». «Известия АН СССР», Отд. литературы и языка», т. VI, 1947, вып. 2, стр. 171—172.

⁷ С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков, стр. 84—85.

⁸ Там же, стр. 85.

⁹ О значении двоеточия см. там же.

гиз' (весьма заманчиво считать здесь «та» и «tä» формами направительного падежа. Тогда текст читается без труда: «В уйгурскую землю, в Яглакар-хан пришел я...»), и 'я пришел из уйгурской земли, из Яглакар-хана. Я — киргиз'. Грамматически второй вариант даже более правдоподобен, но его следует отвергнуть, так как к и р г и з с к и й к н я з ь, живший и похороненный в стране уйгуров в период киргизского господства на Орхоне (840—862 гг.), мог прийти из с т р а н ы к и р г и з о в, а не наоборот. Иными словами, приемлем только первый вариант перевода, из которого следует, что обладатель памятника был пришельцем в «Яглакар-хане», находящемся в «уйгурской земле». Справедливость этого положения мы попытаемся подкрепить данными некоторых других письменных источников.

Прежде всего, напомним, что памятник был найден в бассейне р. Селенги. Г. Рамстедт так характеризует его местоположение: «Место, где находится наш камень, лежит как раз в древней стране уйгуров»¹⁰. Китайские хроники сохранили немало сведений о районе р. Селенги эпохи девятистрельного уйгурского каганата. Вот одно из них. После отделения уйгуров от ту-цюэ (тюрок) в середине годов правления Да-е (611 г.; по Ганму — 606 г.), они «自爲俟斤, 稱回紇 • 回紇姓藥羅葛氏居薛延陀北, 娑陵水上, 'Сами стали считаться сызцинем (эркином), назвавшись хуй-гэ' («уй-гур» 'объединенный народ'). Род хуй-гэ (уйгуров) *яо-ло-гэ* проживал от се-янь-то (сир-тардушей) на севере, на реке Со-лин (Селенге).»¹¹ Дословное повторение этого читаем в своде Сыма Гуана¹². Разумеется, весьма интересно было бы дешифровать транскрипцию названия уйгурского поколения 藥羅葛, современное звучание которой *яо-ло-гэ* (по Н. Я. Бичурину: *Иологэ*¹³). В «Аналитическом словаре» Б. Карлгрена дано древнее произношение этих иероглифов — *iak-lâ-kât*¹⁴, т. е. *jaglakat*, *jaglakar*, перекликающиеся с *яглакар* нашей надписи. Таким образом, первое, что удастся установить по параллельным источникам, — это обитание уйгурского рода яглакар в долине Селенги, т. е. в районе находки Суджинского памятника¹⁵.

Существование рода яглакар во «внутреннем» составе девятистрельных уйгуров отмечается и в «Синь Таншу»: 有九姓: 曰藥羅葛, 曰胡咄葛, 曰咄羅勿.¹⁶ [У уйгуров] имеется девять родов: *яо-ло-гэ* (яглакар), *ху-до-гэ* (кут'гар?), *до-ло-у(?)*. В одном из сакско-хотанских документов второй половины VIII в. род яглакар отмечается как х а н с к и й род уйгуров. Во всяком случае, согласно переводу Хеннинга (*the royal clan Jaḡlaqar, the fief tribes Buqu, Busqut, Kūrābār, Qorbar: these are Tōlis*¹⁷ ('ханский род — яглакар; вассальные племена — буку, бускут, [у уйгуров] кūrābār, корбар: это толесы'). В «Таншу» неоднократно упоминается о том, что все уйгурские каганы выходили из ханского рода *яо-ло-гэ* (яглакар)¹⁸. Пожалуй, единственным исключением был Гу-до-лу кэ-хань 骨咄綠可汗 (Кутлуг-каган), о котором в «Цзычжи тунзянь» под 795 годом говорится, что он, став каганом, пренебрегал родом *яо-гэ-ло* (надо: *яо-логэ*). Примечателен подстрочный комментарий к этому тексту: 回紇可汗

¹⁰ G. J. Ramsted. Указ. соч., стр. 8.

¹¹ 唐書 (Таншу), гл. 217 а, стр. 1а (по изд. 1839 г.).

¹² 資治通鑑 (Цзычжи тунзянь) гл. 192, стр. 6044.

¹³ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 301. Здесь указывается, что «Иологэ есть родовое прозвание Дома ойхор [хойху]».

¹⁴ B. Karlgren. Analytic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. Paris, 1923, № 568, 569, 73.

¹⁵ J. R. Hamilton. Les Ouïghours à l'époque des cinq dynasties. Paris, 1955, p. 160; H. W. Bailey. The Staël-Holstein miscellany. «Asia Major. A British Journal of Far-Eastern Studies», vol. II, part I, p. 1.

¹⁶ См. также 讀史方輿紀要 (Души фаньюй цзияо), гл. 45, стр. 1907.

¹⁷ W. B. Henning. Argi and the «Tokharians». «Bulletin of the School of Oriental Studies», vol. IX, part 3, 1938, p. 558.

¹⁸ Таншу, гл. 217 а, стр. 116, 12а; Н. Я. Бичурин. Указ. соч., стр. 330, 331.

姓藥羅葛¹⁹. 'Уйгурские каганы были из рода яо-ло-гэ (яглакар)'. Наконец, аналогичное сообщение находим в «Цзю Таншу»: 有...九部落: 一曰藥羅葛, 即可汗之姓.²⁰ [У уйгуров] имелось... девять родов; первый назывался яо-ло-гэ, т. е. род кагана'. Отсюда нетрудно сделать второй вывод: перечисленные источники позволяют считать обитавший в долине Селенги род яглакар династийным, *ханским* родом уйгуров²¹. Высоким генеалогическим положением рода и объясняется то, что к его названию был прибавлен титул «хан». Это в свою очередь дает основание отказаться от сопоставления слова «яглакар-хан» с именем киргизского князя.

Продолжительное пребывание рода яглакар-хан в бассейне Селенги, естественно, должно было привести к тому, что вся эта местность приняла на некоторое время такое же название («Яглакар-хан»), которое не утратила и после разгрома уйгурского каганата киргизами. Об этом свидетельствует, прежде всего, исследуемый текст Суджинской надписи. Подобные примеры в истории Центральной Азии широко известны. Напомним древнее название верхнего Иртыша Буку-чин — «река племени Буку»; р. Киркун в северо-восточной Монголии — место древнего обитания киркунов; городок Мохэ на Амуре — ставка древних черноречных мукри; название Байкала и его восточного притока Баргузин (Байырку-чин) — «река племени байырку»; озеро Киргиз-поз в северо-западной Монголии — «киргизское озеро» и т. д.

SUMMARY

Among the numerous ancient Turkic memorials there are runic inscriptions which up to now have not been properly decoded. One of these is a IXth century Qirghiz inscription from Sujin-divan, in Mongolia, discovered by G. Ramstedt in 1900. Using Chinese sources, the author interpretes anew the first two lines of the inscription, as follows: «In the Uighur land, at Jaghlaqar-khan, I am a stranger, I am a Qirghiz...»

¹⁹ Цзычжи тунзянь, гл. 235, стр. 7568.

²⁰ 舊唐書 (Цзю Таншу), гл. 195; в имеющейся в нашем распоряжении фотокопии этого издания страницы неразборчивы.

²¹ Ср. существование рода-кости ягла'кар у современных сары-уйгуров пров. Ганьсу: С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрок, стр. 89; его же. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 383.

БУДДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА В ТРУДАХ
АКАДЕМИКА Ф. И. ЩЕРБАТСКОГО

И. М. КУТАСОВА

Выдающийся востоковед академик Федор Ипполитович Щербатской (1866—1942) пользовался большой известностью как крупнейший специалист в области буддийской философии и логики. Ученый с мировым именем, он был почетным членом Королевского Азиатского общества в Лондоне, Востоковедческого общества в Берлине, Азиатского общества в Париже, а также членом востоковедческих обществ ряда других стран и членом-корреспондентом Геттингенской академии. Почти ни одна крупная книга по индийской философии, затрагивавшая историю буддизма, не обходилась без упоминаний о Щербатском или ссылок на его работы¹.

* * *

Буддизм привлекал внимание ученых прежде всего как религия. Е. Бюрнуф и Фаусболл, открывшие европейской науке буддийскую литературу, и крупнейшие исследователи буддизма Г. Ольденберг, Г. Керн, Чилдерс изучали главным образом жизнь Будды и догматы буддизма, т. е. ранний буддизм, отраженный в палийском каноне. Рис Дэвидс из интереса к сравнительному изучению религии издал почти все палийские канонические тексты и большое число комментариев к ним, перевел на английский язык много буддийских источников. И в литературе последних лет иногда история духовной жизни индийского народа представляется как история религий².

На трактаты индийских философов IV—VII вв. по философии и логике, сохранившиеся в тибетском переводе, впервые обратили внимание русский ученый В. П. Васильев и индийские ученые Сарат Чандра Дас и С. Видьябхушана. Монументальная книга С. Видьябхушана «История индийской логики»³ и опубликованные им тексты по логике вызвали интерес индологов к логике и философии махаяны. В Европе пионерами в этой области были Макс Валласер и Сильван Левин. Они открыли и опубликовали много текстов, относящихся к позднему периоду буддизма, к школе виджнянавады. Луи де ля Валле-Пуссен начал изучение школы сарваствивадинов и мадхьямиков.

Если И. П. Минаев примыкал в первой группе ученых, так называемой палийской школе, а научный интерес В. П. Васильева ограничивался изучением религиозных и

¹ См. например, С. Радхакришнан. Индийская философия. М., т. I — 1956; т. II — 1957; «History of philosophy. Eastern and Western». London, 1952, vol. I; W. Ruben. Geschichte der Indischen Philosophie. Berlin, 1954; его же. Einführung in die Indienkunde. Berlin, 1954 и др.

² Н. von Glasenapp. Die fünf grossen Religionen. Düsseldorf, 1951; его же. Die Religionen Indiens. Stuttgart, 1955.

³ М. S. C. Vidyabhusana. A history of Indian logic. Calcutta, 1921.

философских споров школ махаяны, то Ф. И. Щербатской присоединился к последней из названных групп индийских и европейских ученых, открывших миру богатейшую философию и логику позднейших буддистов: Дигнаги, Дхармакирти и Дармоттары (IV—VIII вв. н. э.) С самого начала и до конца научной деятельности в центре внимания Щербатского оставалась буддийская философия и логика.

Уже в первой небольшой работе, дававшей только общее представление о индийской логике, Щербатской вслед за В. П. Васильевым говорит о буддизме как о развивающейся системе, прошедшей три периода развития. Обращение буддистов к вопросам логики Щербатской объясняет сложившейся к тому времени исторической обстановкой: могущественная династия Гуптов, объединившая под своей властью большую часть Индии, покровительствовала брахманизму, это вынуждало буддистов бороться против брахманов их собственным оружием — логикой и диалектикой. В этой же работе Щербатской выступает против некоторых европейских логиков, например Юбервега и Нибура, которые считали, что индийская философия полностью зависела от греческой. Он утверждает, что «индийская философия и логика развились исключительно на индийской почве и представляют результат самостоятельной работы индийского ума»⁴.

Через год после издания первой работы по буддизму Щербатской выпустил первую часть своего большого исследования «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов». Эта часть работы включала небольшое введение и перевод на русский язык «Краткого учебника логики» (Nyāyabindu) Дхармакирти и комментария к нему Дармоттары. Вторая часть, содержащая систематическое изложение истории и теории буддийской логики, увидела свет в 1909 г. В ней Щербатской резко выступает против «шумного восторга» Шопенгауэра, «которому показалось, что индийские мудрецы прозрели то же самое, что и он»⁵. Щербатского прежде всего интересовали философские вопросы, которые разрабатывались буддистами, проблемы единичного и общего, прерывного и непрерывного, теория суждения и умозаключения и т. д. Он отмечал антибрахманскую направленность буддизма, отрицание им существования бога и души. Вся история философии представляется Щербатскому в виде «непрерывного горячего сражения между буддистами и брахманистами», борьбы идеализма и реализма, «за которой шла несомненно жизненная борьба людей, носителей этих идей»⁶. Теорию познания и логику позднейших буддистов он противопоставляет «реалистической» теории ортодоксальных школ (ньяя, вайшешика, миманса), относя к «реалистическим» все школы, которые признавали реальное существование внешнего мира. Такое деление философских школ близко к кантовскому делению философии на «критическую» и «реалистическую». Главный недостаток такого деления в том, что при этом стирается противоположность между материализмом и идеализмом. Школы, которые Щербатской называет «реалистическими», были далеки от материализма, кроме существования единичных вещей, они признавали «реальное» существование общих понятий, общих связей. Их теория познания, близкая средневековому реализму, служила обоснованием веры в вечность души, в реальность переселения душ⁷.

Стремясь дать лишь объективное изложение содержания споров буддистов и «реалистов» и предоставляя судить о нем специалистам-философам, Щербатской при этом почти не высказывает своего отношения к позиции обеих сторон. Однако, приведя слова Дармоттары: «та форма объектов, которая затрагивается отвлеченной мыслью, отдельно от других, есть именно наша мысль, а не нечто внешнее», он отмечает полную не-

⁴ Ф. Щербатской. Логика в древней Индии. СПб., 1902, стр. 171.

⁵ Ф. И. Щербатской. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II. СПб., 1909, стр. 111.

⁶ Там же, стр. V.

⁷ Поэтому нельзя считать, что религиозные идеи в этих школах «носят характер лишь внешнего приписка» и что «это была вынужденная уступка широко распространенным суевериям и предрассудкам». См. А. М. Деборин. Материализм и диалектика в древнеиндийской философии. «Вопросы философии», 1956, № 1.

состоятельность концепции Дхармакирти—Дармоттары. «Такое объяснение связи между познанием и реальностью,— пишет он,— ничего не разъясняет. Если говорить, что познание есть та форма, в которой нам является реальность, которая сама в себе, в своей собственной форме, познанию не доступна, если это говорить и понимать под этим не метафору, а объяснение отношения знания к бытию, — то такое объяснение совершенно несостоятельно»⁸. Более высокую оценку буддийской теории познания (по сравнению с теориями ортодоксальных школ) Щербатской дает не потому, что она отрывает общее от внешних вещей, а потому, что буддисты занимали более высокую номиналистическую позицию, потому что в их теории суждения, умозаключения, в учении о критерии истинности познания, в теории слов содержались элементы диалектики.

Это первое крупное произведение Щербатского по логике позднейшего буддизма получило мировое признание и было переведено на немецкий и французский языки⁹.

Е. Томас писал в рецензии на эту книгу, что, кроме изложения теории Нагарджуны и эпистемологии Дигнаги и Дхармакирти, в книге содержатся «некоторые авторские заключения, которые заслуживают и, несомненно, получают тщательное рассмотрение»¹⁰.

Основные работы, считающиеся классическими в области буддийской философии, написаны академиком Щербатским после Октябрьской революции. В статье «The central conception of Buddhism and the meaning of the word „dharma“», опубликованной в Лондоне в 1924 г., Щербатской полемизирует с палийской школой, которая рассматривала «дхарму» как категорию исключительно морально-этическую. Щербатской убедительно доказывает, что у ранних буддистов эта категория распространялась также на бытие.

Книга «The conception of Buddhist Nirvāna» (1927) посвящена следующему периоду истории буддизма — борьбе махаянистских школ по вопросу о нирване. Здесь Щербатской выступает против точки зрения Пуссена и Кейса, определявших нирвану просто как веру в бессмертие души, «веру, выросшую из практики черной магии»¹¹, а также против тех, кто, будучи в большей или меньшей степени мистиками, «хотели найти в буддизме нечто близкое себе по духу»¹². Щербатской выдвинул свою точку зрения на нирвану и на отношение буддизма к практике йоги. Он утверждает, что в буддизме и во всех классических системах (за исключением учений крайних мимансаков и материалистов) преобладали чисто философские вопросы, хотя содержалась и доля мистицизма. «Так же как и европейский ум не совсем и не всегда свободен от мистицизма, так и индийский ум вовсе не необходимо подвержен ему»¹³. Три четверти рассматриваемой книги занимает перевод первой и двадцать пятой главы «Трактата об относительности» Нагарджуны и комментария к ним Чандракирти. Эти переводы, писал В. Рубен, представляют собой переложение и интерпретацию санскритского текста с целью сделать его понятным не только индологам, но и историкам философии вообще. Щербатской проделал «громоздкий труд, который не был бы в состоянии выполнить ни один из наших или индийских ученых»¹⁴.

⁸ Ф. И. Щербатской. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II, стр. 253—254.

⁹ Th. Stcherbatsky. Erkenntnistheorie und Logik. München, 1924; Th. Stcherbatsky. La théorie de la connaissance et la logique chez les bouddhistes tardifs. Paris, 1926.

¹⁰ E. J. Thomas. Th. Stcherbatsky. La théorie de la connaissance et la logique chez les Bouddhistes tardifs. «Journal of the Royal Asiatic society», October 1927, p. 883.

¹¹ Th. Stcherbatsky. The conception of Buddhist Nirvāna. Leningrad, 1927, p. 1—2.

¹² Там же, стр. 6.

¹³ Там же, стр. 19.

¹⁴ W. Ruben. Stcherbatsky, Th.: The conception of Buddhist nirvāna. «Orientalische Literaturzeitung», 1928, 31. Jahrg., N 7, S. 622.

Книга Ф. И. Щербатского о нирване сохраняет свою исключительную ценность и в наши дни.

Основной темой монументального труда Ф. И. Щербатского «Buddhist logic» является логика и философия буддизма в период V—VIII в. до н. э. Первый том этого труда, вышедший в свет в 1932 г., посвящен трактовке вопросов буддийской логики, второй том, изданный раньше первого — в 1930 г., содержит перевод на английский язык не только «Nyāyabindu» Дхармакирти и комментария к нему, но и отрывков из трактатов других индийских философов и их противников, а также текстов тибетских последователей Дигнаги и Дхармакирти. Всего в «Buddhist logic» цитируется около пятидесяти санскритских и тибетских текстов.

Используя этот обширный и ценный материал, а также исследования западноевропейских, индийских, японских и русских ученых, Щербатской смог показать буддийскую логику «в ее исторических связях» «как кульминационный пункт длительного развития истории индийской философии»¹⁵, чего не сделал ни один из предшествовавших исследователей буддизма. В этой книге Щербатской поставил перед собою задачу показать, кроме западной традиционной логики, индийскую, а также основные линии развития индийской философии, которые находят себе параллели в европейской философии. Рис Дэвидс в рецензии на «Buddhist logic» отмечал грандиозность этой задачи, требовавшей «большого диапазона знаний, недостающего нашим специалистам»¹⁶.

В отличие от всех других исследователей буддизма, в том числе и В. П. Васильева и И. П. Мипаева, Щербатской не ограничивается простым изложением истории и борьбы различных школ буддизма, а выделяет основные проблемы логики и теории познания, сопоставляя их с аналогичными проблемами логики Аристотеля и Канта. При изучении и изложении буддийской логики он исходил из вопросов, поставленных современными ему философией и логикой, из того, что «неудовлетворенность существующей логикой всеобща», что необходима реформа логики. Он считал, что знакомство европейских логиков с совершенно оригинальной логикой Дигнаги и Дхармакирти поможет им в разработке проблем новой логики. Щербатской выступил против установившегося мнения, будто формальная логика может быть только такой, какой ее создал Аристотель. Индийские ученые разработали логику, исходя из иных, чем у Аристотеля, форм суждений и умозаключений, причем их логика включала теорию чувственного восприятия, учение об относительности знания, реальности внешнего мира. Поэтому Щербатской называл буддийскую логику «системой эпистемологической логики»¹⁷. К постановке проблем, которые интересовали и европейских логиков, — проблемы единичного и общего, сущности суждения и умозаключения, понятий и категорий, диалектической структуры и относительно процесса познания — Дигнага и Дхармакирти пришли своим особым путем.

Первая часть книги («Действительность и знание») содержит изложение буддийской логики, которое Щербатской начинает с вопроса об отношении знания к внешнему миру, с вопроса об истине. Учение о реальности внешнего мира, об истинности знания появилось в позднейшем буддизме как реакция против скептицизма мадхьямиков, против школы Нагарджуны, который объявил всякое знание относительным и, следовательно, недействительным, неистинным. Позднейшие логики доказывали, что критерием истинности знания и реальности внешних объектов является успешное действие человека, что мышление действительно постольку, поскольку оно приводит к успешному действию, к достижению поставленной цели. Они считали, что теоретическому мышлению, нашим понятиям противостоит объект — точка-момент, данная нам в ощущении. Источником знания является поток этих моментов, а не Веды, как утвер-

¹⁵ Th. Stcherbatsky. Buddhist logic. «Bibliotheca Buddhica, XXVI», vol. II. Leningrad, Изд-во АН СССР, 1930, p. V.

¹⁶ Rhys Davids. Stcherbatsky, Th. Buddhist logic. «The Journal of the Royal Asiatic society», April 1934, p. 361.

¹⁷ Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 1.

ждают мимансаки. В трактате «Śāstra dīpikā» говорится, что «многие высказывания Писания... могут быть произнесены только лунатиками. Ясно, что их происхождением мы обязаны совершенно ненадежным людям и Веды не имеют никакого авторитета»¹⁸.

Во второй части («Чувственный мир») в связи с проблемой общего и единичного рассматриваются вопросы о реальности материи и движения, пространства и времени, о причинности и главном тезисе буддийской философии — мгновенности бытия. Индийские «реалистические» школы утверждали, что движение существует как особая субстанция, соединяющаяся с вещью, когда она движется, что пространство и время — особые сущности, что причина существует независимо от следствия, что каждая вещь имеет особую «сущность». Буддисты противопоставили этим утверждениям свои формулы: «не существует» огненности «без огня», не существует движения вне движущейся вещи, а сама вещь суть движение. Они исходили из того, что все эти понятия содержат в себе противоречие и потому не могут быть признаны объективно реальными. В доказательство нереальности движения и времени они приводили аргументы, напоминавшие аргументы Зенона. Из относительности общих понятий они делали вывод, что реально существует только единичное — точка-момент — как единство точки пространства и момента времени. Буддисты исходили в данном случае из того, что ощущение, которым охватывается объект, единично, мгновенно; это ощущение не касается ни того, что уже было, ни того, что будет. Объекты, поскольку они даны в чувствах, существуют мгновенно. Вне этого мгновения материя и движение, время и пространство являются конструкциями нашего воображения.

Так, противопоставляя точку зрения буддистов точке зрения «реалистической» школы, Щербатской раскрывает содержание буддизма. «Полное значение и весь смысл этих формул,— пишет он,— раскроется, если мы будем иметь в виду, что они предназначались для опровержения и замещения других теорий, которые существовали в то время в Индии и с которыми буддизм должен был бороться»¹⁹. Особое ударение при этом Щербатской делает на наличии элементов диалектики в теории буддизма.

Вместе с тем нельзя не отметить главного недостатка в подходе автора книги к индийской философии с позиций «современной (ему) науки», представителями которой он считает Бергсона, Маха, Рассела и др. Недостаток этот заключается в толковании буддийских понятий с позиций неокантианства. Так, все индийские философские системы Щербатской относят к добуддийскому периоду и считает их «наивно-реалистическими», а буддийскую школу он называет «критической». Неправильным является уже самое деление философии на «реалистическую» и «критическую». Неправильно также относить все классические системы индийской философии к добуддийскому периоду. «Критического» начала в буддийской школе было не больше, чем в других философских школах, и она страдала догматизмом не меньше других школ, поскольку исходила из установленных в учении догматов о переселении душ, воздаянии, нирване, мгновенности бытия и т. п. Если с «современной философией» Щербатской находит в буддизме лишь некоторые сходные черты, то с философией Канта он видит сходство всей концепции буддизма²⁰.

Уже одна передача индийских терминов кантианскими сближает их с кантовской философией и невольно искажает их смысл. Saṅgraha (сходство объекта и понятия) переводится как «схематизм понятий»²¹, неэмпирический, логический — термином «a priori»²²; «sva-lakṣaṇa» (собственная сущность) переводится как «вещь в себе» и т. д. Постараемся показать это на примере «sva-lakṣaṇa» — «вещь в себе». Кантовская «вещь в себе» — это нечто, стоящее за пределами наших ощущений, нашего сознания, не

¹⁸ Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 67.

¹⁹ Там же, стр. 122.

²⁰ Там же, стр. 200.

²¹ Ф. И. Щербатской. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. I. СПб., 1903, стр. 28.

²² Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 102.

имеющее с ними ничего общего, лишь аффицирующее нашу чувственность. Теория же «собственной сущности» позднейших буддистов была направлена, с одной стороны, против крайнего скептицизма мадхьямиков, утверждавших, что все элементы мира не-реальны, а с другой стороны, против «крайнего реализма» материалистов. Буддийская «собственная сущность» существует реально, это точка-момент, схватываемая ощущением, но она находится по эту сторону познания, а не по ту сторону, как у Канта. «Вещь в себе» и ощущение у Канта принципиально отличны, и поэтому «вещь в себе» непознаваема. У буддийских логиков «первая сущность» является не чем-то стоящим за пределами ощущения, а результатом активности нашего сознания, и поэтому она познаваема. Идеальное и реальное противоположны лишь в логике. За пределами логики объект и субъект совпадают. «За пределами логики,— утверждает Дигнага,— объект, воспринимаемый органами чувств, не является внешним объектом»²³. «Один лишь создатель существует как вещь в себе. Нет материи вне его, т. е. материя не существует как реальность (или как вещь в себе, она существует лишь как идея)»²⁴.

Таким образом, позднейшие буддисты в логике были плюралистическими реалистами, а в метафизике монистическими идеалистами. Часто параллели, которые проводит Щербатской, помогают понять суть проблемы (например, параллель с апориями Зенона, со спорами средневековых номиналистов и реалистов). Однако иногда они, наоборот, затемняют и даже искажают смысл буддийских положений (например, отождествление с теорией Канта, параллель с Расселом, Бергсоном и т. д.).

В обширном исследовании Щербатского, где почти в каждом параграфе упоминаются те или иные положения Канта, Зигварта, Бергсона и др., почти отсутствуют параллели с диалектикой Гегеля. Марксистско-ленинскую философию Щербатской не поняли. Излагая, например, спор между мадхьямиками, утверждавшими, что все понятия относительны, а следовательно, нереальны, иллюзорны, и джайнами, полагавшими, что относительность вещи не означает ее нереальности, Щербатской совершенно неправомерно сравнивает этот спор «с отношением гегелевской идеалистической диалектики и диалектики его материалистических последователей, Маркса и Энгельса, которые также были готовы допустить, что реальность сама диалектична и противоречива»²⁵.

Собственно логические вопросы, теория суждения, умозаключения, логических ошибок, сущности отрицания излагаются Щербатским в третьей части «Буддийской логики», которая носит название «Сконструированный мир».

Отделив единичное от общего, противопоставив понятие и ощущение, признав их двумя совершенно независимыми источниками знания, буддисты столкнулись с трудностью, которая преследовала всех философов, противопоставлявших чувственный опыт мышлению, — с трудностью их соединения. Буддийские философы считали, что мостом, соединяющим реальный мир и мир воображаемый, является суждение. Они создали оригинальную теорию суждения, отличную от теории Аристотеля. Они исходили не из формулы «S есть P», предполагающей, что суждение является соединением двух понятий, а из суждений вида: «это есть корова», «это — зеленое», «здесь есть горшок». Субъектом всех суждений является ощущение, абсолютная реальность, точка-момент — «это», «здесь». Предикатом суждения является понятие, сконструированный образ. Ощущение само по себе еще не есть знание, равно как и отдельно взятое понятие не содержит в себе реального знания. Последнее достигается только соединением этих двух элементов в суждении. Источником реальности знания, утверждения, яркости и особенности его является ощущение. Понятие, или сконструированный образ, доставляет ему общность, необходимость, ясность и отчетливость. Поскольку абсолютная реальность, данная в ощущении, не выразима, суждение обозначается формулой «x—A».

Ф. И. Щербатской подчеркивает наличие элементов диалектики в теории суждения буддистов. В суждении связывается ощущение с понятием как синтез разнородных

²³ См. Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 519.

²⁴ «Madhyānta-vibhanga». «Bibliotheca Buddhica, XXX». М.-Л., 1936, p. 18.

²⁵ Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 194.

источников знания. В то же время суждение является анализом, поскольку одна и та же вещь, точка-момент, может иметь множество предикатов (буддисты сравнивают их с лучами, расходящимися от одного источника света), из которых суждение выделяет один.

В учении об умозаключении буддисты различали умозаключение «для себя» — метод познания реальных объектов и умозаключение «для других». В умозаключении «для себя» мысль движется от единичного к единичному и поэтому состоит не из трех суждений (как это имеет место в формальной логике), а из пяти. Например, «здесь есть огонь, потому что здесь есть дым; везде, где есть огонь, есть дым, но здесь есть дым, следовательно, здесь есть огонь». Щербатской отмечает, что такой ход мысли «соответствует естественному процессу нашего мышления, когда оно делает умозаключение. Умозаключение сначала переходит от единичного к другому единичному случаю, и обращается к общему правилу лишь на дальнейшей ступени познания»²⁶. В противоположность логике Аристотеля, рассматривающей умозаключение как дедукцию одного суждения или предложения из двух других суждений или предложений, буддийские логики рассматривали умозаключение как метод познания реальности, который основывается на том факте, что всякая реальность имеет признак. Пятичленный силлогизм объединяет в себе дедукцию и индукцию. Сначала мысль идет от единичного к общему, затем на основании признака конструируется единичное.

Суждение и умозаключение буддисты представляли моментами единого познания. В суждении познание схватывает единичное и конструирует символ. В выводе оно схватывает символ и конструирует единичное. Суждение с двумя понятиями буддисты представляли как результат умозаключения. И суждения восприятия, и суждения вывода являются «одним познанием», представляющим синтез «ощущения и не-ощущения, понятия и не-понятия, воображения и не-воображения»²⁷ (Nyāya-kārikā).

В третьей части «Буддийской логики» Щербатской рассматривает и другие логические проблемы: законы противоречия, причинности и тождества, являющиеся основанием для умозаключений, сущность общих понятий, категорий, теорию слов и языка. Он отмечает, что в спорах буддистов с реалистами по вопросу о природе общих понятий, логических законов, о происхождении всеобщего и необходимого знания есть общие черты со спорами, имевшими место между номиналистами и реалистами, а затем рационалистами и эмпириками, и долгое время занимавшими умы европейских философов. Индийские реалисты, так же как и реалисты европейского средневековья, представляли отношение между видами как нечто третье, существующее помимо этих относящихся друг к другу вещей. Это «реальное» отношение они считали основой умозаключения. Буддисты как номиналисты отрицали существование отношения отдельно от вещи. Они полагали, что отношение никогда не может быть познано через ощущение, следовательно, умозаключение, или отношение между основанием и следствием, конструируется нашим мышлением. Логические законы, категории, слова, так же как и суждения и умозаключения, представляют собой построения нашего ума, или «сконструированный мир».

В последней части «Буддийской логики» выясняется, что точка-момент, которая представлялась в логике как нечто внешнее субъекту; является чистой идеей. Дхармакирти пишет о противоречиях, возникающих при условии, если допустить существование внешнего мира, приводимые им доводы напоминают рассуждение Беркли, что нет необходимости удваивать мир, допуская наряду с идеей еще нечто внешнее ей. Буддизм как субъективно идеалистическая теория имеет сходные черты и с учением Зенона, и с субъективизмом Беркли, и со всей номиналистической традицией.

Рассмотренный нами капитальный труд Щербатского является лучшим источником для ознакомления с буддийской логикой. Он получил заслуженное признание и высокую оценку и на Западе и в Индии.

²⁶ Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 245.

²⁷ Там же, стр. 237.

* * *

Академик Щербатской был первым в России исследователем материалистической традиции в индийской философии. Если в работах дооктябрьского периода и в речи на открытии первой буддийской выставки в Петрограде в 1919 г. он говорил об индийских материалистах лишь в плане освещения их полемики с буддистами, то в 1927 г. он поместил в «Восточных записках» статью, уже специально посвященную истории материализма в Индии. В этой работе Щербатской прослеживает споры материалистов и ньяйков по вопросу о душе и отмечает, что «нигде, пожалуй, дух отрицания и возмущения против оков традиционной морали и связанной с ними религии не выразился так ярко, как среди индийских материалистов»²⁸. В конце статьи приведен исчерпывающий обзор основных санскритских источников и европейских исследований по материалистической философии в Индии. Правда, он включает обзор только философии чарваков, так как материалистическую традицию в Индии Щербатской сводил лишь к учению чарваков-локайатиков.

Во введении к «Buddhist logic» Щербатской специально останавливается на учении индийских материалистов, а при изложении системы санкхьи наиболее высоко оценивает идею санкхьи о вечной никогда не покоящейся материи. «Идея вечной материи, — пишет он, — которая никогда не покоится, всегда развивается из одной формы в другую, является очень сильным пунктом этой системы, и заслуживают уважения философы этой школы, которые в столь ранний период истории человеческой мысли так ясно сформулировали идею вечной материи, никогда не покоящейся»²⁹.

Исследованием учения индийских материалистов Щербатской продолжал заниматься и в последние годы своей жизни, подготовив ряд материалов по истории индийского материализма.

* * *

Из школы Щербатского вышли многие выдающиеся востоковеды нашей страны. Двое из них — О. О. Розенберг и Е. Е. Обермиллер — посвятили свою деятельность изучению буддийской философии и создали ряд замечательных работ, известных и за рубежом. Книжки, статьи, переводы и публикации, осуществленные Ф. И. Щербатским и его учениками, являются солидной основой не только для ознакомления с индийской философией, но и для дальнейшего развития всего советского индоведения.

²⁸ Ф. И. Щербатской. К истории материализма в Индии. «Восточные записки», т. I, Л., 1927, стр. 1.

²⁹ Th. Stcherbatsky. Buddhist logic, vol. I, p. 18.

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В РУМЫНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

М. ГУБОГЛУ

Румынское востоковедение имеет свои традиции. Ряд ценных исследований румынских ученых вошли не только в историю отечественной науки, но и в сокровищницу мировой культуры. Советскому читателю знакома статья «Румынское востоковедение»¹, в которой дается представление о румынской ориенталистике до освобождения нашей страны. Предлагаемая статья представляет собой краткий обзор состояния востоковедения в Румынской Народной Республике.

После освобождения Румынии деятельность румынских ориенталистов была направлена в первую очередь на издание неопубликованных востоковедческих материалов и создание необходимых условий для их разработки, на написание статей и исследований, основанных на неопубликованных источниках, хранящихся в румынских и зарубежных архивах.

Известная исследовательница М. М. Александреску-Дерска в статье «Один из фирманов султана Мустафы III»² исследовала турецко-румынские экономические отношения середины XVIII в. Автор отмечает, что Валахия неизменно уклонялась от выполнения чрезмерных фискально-административных притязаний турецких властей. К статье приложено факсимиле султанского фирмана во французском переводе, датированного июнем 1177/1764 г. Турколог А. Дечей на материалах турецких архивов в Константинополе опубликовал статью «Мирный договор, заключенный между Мехмедом II и Стефаном Великим»³. В статье делается попытка выяснить причины увеличения с 3 до 6 тыс. золотых ежегодной дани (харадж, джизья), уплачивавшейся Молдавией. А. Дечей относит этот договор к 1479 г., а историк Н. Григораш — ко времени султана Баязида (1481—1512)⁴. А. Дечей опубликовал, кроме того, в «Энциклопедии ислама»⁵ ряд статей о положении румынских княжеств под османским владычеством. Один из молодых туркологов — Никоарэ Нэдежде-Бельдичану, автор очерка «Вопрос о

¹ М. Губоглу. Румынское востоковедение. «Очерки и статьи по истории», т. I. Бухарест, Общество исторических и филологических наук РНР, 1956, стр. 314—349.

² М. М. Alexandrescu-Dersca. A propos d'un firman du Sultan Mustafa III. «Balcania», VII, 2. Bucarest, 1944, p. 363—391.

³ Aurel Decei. Tratatul de pace — sulhnâme — incheiat între Sultanul Mehmed, II și Stefan cel Mare. «Revista Istoriă Română», vol. XV, fasc. III, 1945, p. 465—494.

⁴ N. Grigoraș. A existat un tratat de pace între Mehmed II și Stefan cel Mare. Iași, 1948, 25 p. (Extras).

⁵ Aurel Decei. Boğdan. «Islâm Ansiklopedisi», 19. cüz. Istanbul, 1949, s. 697—705; «Bucak». «Islâm Ansiklopedisi», 20 cüz., 1944, s. 742—747; «Demir-Kape». «Islâm Ansiklopedisi», 26. cüz., 1945, s. 522—524 u. 27 cüz., s. 525—526; «Dobruca». «Islâm Ansiklopedisi», 28 cüz., 1946, s. 628—643; «Eflak». «Islâm Ansiklopedisi», 31. cüz., 1946, s. 178—189, etc.

договорах между Молдавией и Портой в свете хроники И. Печеви»⁶, опубликовал статью «Принимали ли румыны участие в битве при Анкаре?»⁷. Опровергая мнение А. Дечей, что валахи князя Мирчи Престарелого не участвовали в сражении при Анкаре в войсках Баязида⁸, Н. Бельдичану высказывает предположение о наличии румынских бойцов в турецких отрядах на Балканском полуострове, что, однако, мало вероятно.

Проф. Джуреску, рассматривая вопрос о влиянии тюркских народов на румын, предполагает не ограничиваться исследованием истории османов, а изучить также историю ряда народностей, говоривших на тюркских языках⁹. В статье «Турецкие книги, напечатанные в Бухаресте» (1701, 1768)¹⁰ К. Джуреску высказывает предположение, что первая турецкая книга была напечатана в 1701 г. греческим шрифтом. Рассматривая содержание турецких книг, автор отмечает, что они сыграли важную роль в истории культурных связей Румынии с Ближним Востоком.

В исследовании «Ибраильская Райя»¹¹ проф. Раду Перпану доказывает, что румынская крепость Браила подпала под власть турок в 1540 г., а через два года в ведение турецкой администрации перешла также прилегающая к ней территория, превращенная в военную зону.

Ряд работ в области туркологии написан автором настоящей статьи¹².

⁶ Nicoară-Nădejde Beldiceanu. Problema tratatelor Moldovei cu Poarta în lumina cronicii lui Pecevi. «Balcania», V, I, 1944, p. 393—408.

⁷ Nicoară-Nădejde Beldiceanu. Les roumains ont-ils participé à la bataille d'Ankara? «Balcania», VIII, 1945, p. 145—153.

⁸ Aurel Decei. A participat Mircea cel Bătrîn la bătălia de la Ankara. «Revista Istorică Română», vol. VII, fasc. III—IV, 1937, p. 339—357.

⁹ См. «Ulus», sayı 5—6, birinci Teşrin, 1944.

¹⁰ C. C. Giurescu. Livres turcs imprimés à Bucarest (1701—1768). «Revista Istorică Română», vol. XV, fasc. III, 1945, p. 275—286.

¹¹ Radu I. Perianu. Raiua Brăilei. «Revista Istorică Română», vol. XV, fasc. III, 1945, p. 287—333.

¹² M. Guboglu. Sultani și mari dregători otomani (Султаны и высшие османские сановники). «Hrisovul», VII. București, 1947, p. 49—136. Исследование дает краткий обзор турецкой истории, в качестве приложений приведены хронологические таблицы султанов (1300—1922) и учреждений (начиная от основания империи и до 1877/1878 гг.); «Tabele sincronice. Datele hegirei și datele erei noastre. Cu o întroducere în cronologia musulmană». București, 1955, LXII + 334 + 4 pl. («Синхронические даты мусульманской эры и нашей эры»). Эти таблицы, кроме сравнительных дат с сульманской эры и нашей эры. Эти таблицы, кроме сравнительных дат с 622 до 1420/2000 г., содержат в себе и второй календарь («таквим») административно-финансового характера (сене-и малие), бывший в употреблении в Турции с 1086/1676 и по 1341/1925; «Inscripția sultanului Suleiman Magnificul în urma expediției în Moldova din 945/1538». Studii..., anul IX, № 2—3, 1956, p. 107—124 + 1 pl. («Надпись султана Сулеймана Великолепного после похода в Молдавию в 945/1538 г.»). В статье прослеживаются древние турецко-молдавские связи, отмечается важность надписи как источника для периодизации истории этих связей. Транскрипция, перевод и факсимиле надписи сопровождаются анализом лингвистических элементов; в сотрудничестве с М. Мустафа «Răscoalele țărănești din Imperiul otoman (1418—1420), și bedreddinismul». «Studii...», anul X, № 2, 1957, p. 137—158 («Крестьянские восстания в Оттоманской империи (1418—1420) и бедреддинизм»); «Inventarul manuscriselor orientale din Biblioteca Academiei Române». «Analele Academiei Române». Mem. secți. ist. s. III, t. XXVIII, mem. 4, București, 1946, p. 16—51. «Перечень восточных рукописей, хранящихся в Библиотеке Румынской Академии». Большинство рукописей арабского, персидского и турецкого происхождения, несколько армянских и одна уйгурская; библиографическая статья «Румынское востоковедение» («Orientalistica română». «Studii și articole de istorie». Societatea de științe istorice și filologice din R. P. R., I. București, 1956, p. 314—350), содержащая обзор румынских исследований

Следует также отметить исследование М. Аблай Ионеску «Одно из событий периода борьбы против османского ига, упоминаемое в некоем неизданном фирмане» (октябрь 1559)¹³. Автор уточняет ряд данных о волнениях, последовавших после смерти князя Валахии Мирча Чобанул.

Проф. В. Мачиу подверг критической оценке сочинения прогрессивного деятеля Иона Ионеску де ла-Брад (1890)¹⁴. Некоторые из этих сочинений содержат описания Османской империи.

Из молодых туркологов можно упомянуть И. Матея, кроме ряда рецензий¹⁵, написавшего очерк «Турецкое влияние на некоторые румынские феодальные учреждения» (1957)¹⁶, а также Г. Флореску, опубликовавшего обстоятельную статью «Материалы к изучению юридической стороны хаттишерифов, относящихся к румынским княжествам»¹⁷.

Несколько румынских исследователей опубликовали статьи в связи с 500-летием завоевания Константинополя турками. Так, М. Шесану принадлежит статья «Падение Константинополя и православные народы»¹⁸, Т. Попеску — очерк «500 лет со дня падения Константинополя»¹⁹. Однако оба автора не использовали турецких хроник и поэтому не смогли выявить полностью внутренние факторы, способствовавшие капитуляции византийской столицы.

Доцент Бухарестского университета Эужен Стэнеску в статье «Государственный переворот 1538 г. и его значение в порабощении Молдавии Оттоманской империей»²⁰

в различных областях востоковедения, начиная с середины XVII в. Вариант этой работы был опубликован в Праге на французском языке в журнале «Archiv Orientalni», XXIV, 3, 1956, p. 454—475; «Manuscritele și tipăriturile orientale din fondul «T. Cipariu» al Bibliotecii filialei din Cluj a Academiei RPR». «Limba și literatură», III, 1957, p. 147—166 (Societatea de științe istorice și filologice). («Восточные рукописи и книги, составляющие фонд «Т. Чипариу» в библиотеке Клужского отделения Академии Румынской Народной Республики»); «Dimitrie Cantemir și istoria Imperiului». «Studii și articole de istorie», II, 1957, p. 279—309 («Дмитрий Кантемир и история Оттоманской империи»). В сотрудничестве с проф. К. Джуреску М. Губоглу отобраны и прокомментированы 325 восточных терминов, вошедших в «Румынский Энциклопедический словарь» («Dicționar enciclopedic...»); «Orientalistica în URSS». «Comunicări și Conferințe». Anul Academic 1947—1948. București, Editura «Cartea Rusă», 1948, p. 11—44 (Institutul de Studii Romîno-Sovietic. Secția de istorie-filologie).

Автору настоящей статьи принадлежит также статья «Востоковедение в СССР» и ряд рецензий на работы востоковедов Советского Союза и стран народной демократии (см. «Analele româno-sovietice». București, 1948, 1949, 1950, 1951, 1952 и др. Studii și Cercetări de istorie Medie». Ed. ARPR, 1950, 1951; «Studii. Revistă de istorie», 1954, 1955, 1956).

¹³ А. М. Ionescu. Un episod din lupta împotriva jugului otoman, după un firman inedit (Cca 31 oct. 1559). «Studii și cercetări de istorie medie», vol. I, 1950, p. 242—245.

¹⁴ V. Maciu. Ion Ionescu de la Brad, luptătorul revoluționar gânditorul progresist... «Studii...», Anul VII, № 7, 1954, p. 145—160.

¹⁵ См. «Analele romano-sovietice». București, 1950, № 4.

¹⁶ «Studia et acta Orientalia», II.

¹⁷ G. G. Florescu. L'aspect juridique des khatt-i chérifs. Contribution à l'étude des relations de l'Empire ottoman avec les Principautés Roumaines. «Studia et acta Orientalia», 1957/1958, I, p. 121—148.

¹⁸ M. Șesan/Sibiu. La chute de Constantinople et les peuples orthodoxes. «Byzantinoslavica», XIV. Prague, 1953, p. 271—282.

¹⁹ T. M. Popescu. Cinci sute de ani de la căderea Constantinopolului. «Orthodoxia», vol. V, № 3, 1953, p. 381—437.

²⁰ Eugen Stănescu. Le coup d'état nobiliaire de 1538 et son rôle dans l'asservissement de la Moldavie par l'Empire ottoman. «Nouvelles études d'histoire». Éditions de l'Académie de la République populaire Roumaine. Bucarest, 1955, p. 241—264.

анализирует условия, способствовавшие потере независимости Молдавии в результате похода Сулеймана Великолепного. Автор использовал при этом переводы из турецких хроник (летописей) того времени (Мустафа Джелал-заде, Насух Матракчи, Рустем-паша, Лютфи-паша, Мухи ад-дин аль-Джемали и А. Феридуи Руксан-заде)²¹.

Среди румынских лингвистов-туркологов выделяется Вл. Дримба. Он напечатал ряд обстоятельных статей в области лингвистики и филологии, представляющих определенную ценность для изучения добруджской диалектологии, в частности: «Румынские элементы в турецком языке»; «Турецко-румынские синтаксические и фразеологические параллелизмы»; «Заметки по румынской лексикологии, турецкие элементы»; «Дискуссии вокруг алфавита татарского языка в Добрудже»; «Турецкие заимствования в румынских южнодунайских диалектах»; «Алфавит татарского языка в Румынии»; «Исследования о древнем языке Добруджи»; «Экспериментальное исследование турецкого согласного *đ*»; «Библиография тюркской и алтайской лингвистики»²².

В связи с этим следует отметить А. Н. Джафера, И. Зийядина, С. Абдулаха Муратча, Х. Аблайя, С. Хусейна, А. Османа, М. Мустафу и других, составивших ряд учебников для национальных школ турецкого и татарского меньшинств, проживающих в Добрудже. За годы народно-демократического режима татарское национальное меньшинство в Добрудже создало свои школы и учебники на родном языке.

Проф. Эм. Виртосу, продолжая изучение старинных турецких печатей²³, среди других работ издал изображения различных печатей, принадлежавших румынским князьям Г. Д. Бибеску (1843), А. Д. Гика (1856—1858) и другим, с надписями на османском языке. Серьезное внимание уделяет восточной нумизматике исследователь К. Илиеску, опубликовавший работу «Клад, состоящий из турецких монет-асперов XVI в.»²⁴. В его статьях можно найти ценные сведения об арабских, турецких и татарских монетах, имевших хождение в румынских княжествах.

Нельзя не упомянуть очень важную статью К. Джуреску «О румыно-египетских связях и участии Румынии в постройке Суэцкого канала»²⁵.

В сообщении «Из восточных печатных произведений в Бухаресте в XVIII в.»²⁶ А. Дечей описал греко-арабский часослов, напечатанный Антимом Ивириану в 1709 г. Это третий обнаруженный до сих пор экземпляр²⁷ часослова, представляющий теперь библиографическую редкость. Х. Стэнеску в статье «Мусульманские светские и духов-

²¹ Там же, стр. 240—250.

²² Vladimir Drimba. Elemente românești în limba turcă. «Dacoromania», vol. XI. Cluj, 1948, p. 196—202; «Paralele sintactice și frazeologice turco-romîne», там же, стр. 202—212; *ego же* Note de lexicologie aromîne. Elemente turcești. «Studii și cercetări lingvistice», anul IV, 1953, p. 218—224; *ego же*. Discuția asupra problemei alfabetului limbii tătare din Dobrogea. «Limba romînă», Anul V, 3, 1956, p. 70—77; *ego же*. Imprumuturi turcești în dialectele suddunărene. «Studii și cercetări lingvistice», VII, 1957, 10 p.

²³ Emil Vîrtosiu. Sigilii românești cu legenda în limba turcească, veacul al XVII—XIX—lea. «Hrisovul», vol. II, 1942, p. 16 + 1 pl; *ego же*. Sigilii cu inscripția în limba otomană. «Studii și cercetări de numismatică». Ed. Acad. RPR, vol. I, 1957, p. 347—352.

²⁴ Octavian Iliescu. Însemnări privitoare la descoperiri monetare. «Studii și cercetări de numismatică». Ed. Acad. RPR, vol. I, 1957, p. 461—466: a) Monete arabe (sec. VIII) și a le Hoardei de Aur (sec. XIII—XIV); b) tanka indiană (1352); c) altuni turcești (1520—1604); *ego же*. «Un tezaur de monete turcești în secolul al XVI — lea». «Studii și materiale de Istorie». București, 1958.

²⁵ Const. C. Giurescu. Despre relațiile romîno-egiptene și construirea canalului de Suez. «Studii. Revista de Istorie» anul X, № I, 1957, p. 91—109.

²⁶ Aurel Decai. Din tipăriturile orientale la București în secolul al XVIII — lea. «Revista Istorică Romînă», vol. XV, fasc. III, 1945, p. 365—371.

²⁷ Ion Bianu și Nerva Hodoș. Bibliografia românească veche 1508—1830, t. I. 1508—1716. București, 1903, p. 543—546.

ные памятники в турецком Ибраиле (1540—1829)²⁸ описал некоторые турецкие постройки и молитвенные здания (mescid), упоминаемые Н. Йорга²⁹.

В области кавказоведения можно отметить работы д-ра Г. Ивэнеску: «Происхождение армянского языка», «Первобытное отечество», «О расселении и культуре яфетов», «Пособие для изучения сравнительной грамматики яфетических языков» и статью Д. П. Богдана о румыно-грузинских связях в XVIII в.³⁰

Немалым числом работ представлено индоведение. Известный санскритолог профессор Ясского университета Т. Сименский опубликовал статьи: «Бхагавадгита» и «Йога», а также переводы «Бхагавадгиты», «Афоризмы из Упанишад» и другие. Особого внимания заслуживает его труд «Конструкция глагола в индоевропейских языках»³¹, в котором подробно излагаются некоторые принципы синтаксиса дополнения, ранее кратко изложенные им в работе «Глагольное дополнение, которое означает „понять“ у Гомера»³². Синтаксис падежей был одним из наименее разработанных разделов сравнительной индоевропейской грамматики. Большая часть приводимых в труде Т. Сименского примеров взята из «Ригведы» и у Гомера. Он исследовал, кроме того, переводы с санскрита, сделанные румынским поэтом Георгием Кошбук (1868—1918). Результатом исследования явилась работа «Санскритская антология Кошбука»³³, устанавливающая подлинность текстов и немецкие переводы, которыми пользовался поэт. С именем Сименского связано также исследование «Хеттский язык и его роль в сравнительной грамматике»³⁴.

В развитие своей работы «Термины греческой культуры эгео-азиатского происхождения» проф. Вл. Бэнэциу опубликовал исследование «Греческие наименования эгео-азиатского происхождения, образовавшиеся при посредстве суффикса „-ано“». Названия растений³⁵, в котором речь идет о культурном влиянии Востока на континентальную Грецию и анализируются некоторые греческие термины эгео-азиатского происхождения, обозначающие названия растений. В статье «Относительно неясного греческого термина ἥρως» Вл. Бэнэциу³⁶ рассматривает различные значения и смысл слова — ἥρως.

Один из молодых румынских индологов — Серджиу Ал. Джеордже в очерке «Миф об атмане и происхождение идеи абсолютного в индийской философии»³⁷ исследует про-

²⁸ H. Stănescu. Monumente musulmane civile și religioase din orașul Brăila. «Studii și cercetări de istoria artei», anul III, 1—2. Ed. ARPR, 1956, p. 298—318.

²⁹ N. Iorga. Moschei pe pământul românesc. «Buletinul Comis. Monument. Ist.», № 23, 1929, p. 184—187.

³⁰ D. P. Bogdan. Legăturile țării românești cu Georgia. Antim Ivireanul. «Studii...» anul IV, № 4, 1950, p. 131—163.

³¹ Theofil Simenschi. Bhagavadgita. «Ethos», vol. I. Iași, 1944, p. 101—106; *его же*. Yoga. «Cetatea Moldovei», anul XII, № 2, 1944, p. 156—163 (Extras, 7 p.); *его же*. Bhagavadgita. Ed. «Casa Școalelor». București, 1944, 108 p.; «Aforisme din Upanișade». «Ethos», vol. IV. Iași, 1947, p. 118—128; «La construction de verbe dans les langues indo-européennes». Jassy, 1949, XI + 279 p.

³² Theofil Simenschi. Les complements des verbes qui signifient «entendre» chez Homère. Iași, 1927.

³³ Theofil Simenschi. Antologia sanscrită a lui Gh. Cosbuc. «Analele științifice ale Universității Al. I. Cuza», t. II., fasc. 1—2. Iași, p. 68—139.

³⁴ Theofil Simenschi. Limba hitită și rolul ei în gramatica comparată. «An. Acad. Rom. Mem. sect. literare», s. III, t. XIII, 1944, 47 p. (Extras).

³⁵ Vlad Bănăceanu. Noms grecs d'origine egeo-asiatique, formés au suffixe — «ano». I. Les noms de plantes... «Revue des études indoeuropéennes», anul IV, 1947, 40 p. (Extras).

³⁶ Vlad Bănăceanu. A propos d'un terme grec obscur «ἥρως». «Revue des études indoeuropéennes», anul IV, fasc. 1—2, 1947, p. 220—226.

³⁷ Sergiu Al-George. Le mythe de l'atman et la genèse de l'absolu dans la pensée indienne. «Revue des études indoeuropéennes», anul IV, fasc. 1—2, 1947, p. 227—246.

исхождение идеи «абсолютного» в индийской философии в связи с терминами «брахман» и «атман». Автор старается найти сходство между мифом об «атмане» и местными религиозными системами.

Изучению персидской литературы посвящены работы Отто Штарка. Он перевел ряд текстов Омара Хайяма, Саади и Хафиза³⁸, написал о них несколько очерков и подготовил к печати труд «Мировоззрение Саади в поэмах „Бустан“ и „Гулистан“».

Исследованием восточного искусства занимается Глия Бэнэциу. Ею опубликованы статьи в журнале «Нор Кеанк»³⁹: «Миниатюра в средневековой Армении», «Мозаичное искусство в Армении», «Декоративная мозаика в средневековой Армении», «Проблема армянской фрески» и «Армянское влияние в школе миниатюры в Драгомирне». Ряд работ написали китаевед Золтан Франьо и японовед Ион Тимуш. Из молодых исследователей китаеведением занимается Г. И. Константин. Он, однако, интересуется также и вопросами турковедения и монголоведения. В сотрудничестве с Нелли Клежан, урожденной Чжао Цзин-пу, Г. И. Константин опубликовал на страницах румынских и китайских журналов интересные переводы, в частности отрывки из сочинений румынского писателя И. Луки Караджале, и разработал ценный метод транскрипции китайской фонетической системы. Этот метод был одобрен известным китайским лексикологом Лу Чжи-вэем и советским китаеведом проф. И. М. Ошаниным. Г. И. Константин представил также ряд сообщений на Всесоюзном совещании востоковедов в Ташкенте и Конференции молодых китаеведов в Марбурге.

Проф. Арам М. Френкиан опубликовал труд «Восток и происхождение субъективного идеализма в европейской философии»⁴⁰, в котором исследуется вопрос о восточных влияниях на Грецию. Вслед за Т. Гопфнером автор отрицает наличие восточных влияний в Греции до III в. н. э., утверждая, что лишь начиная с Гекатайоса из Абдеры стало распространяться мнение, что греческая философия зародилась под влиянием Востока. А. М. Френкиан считает, что подробные сведения из разных областей знания греки заимствовали от восточных народов и использовали эти сведения впоследствии при создании своей философии и науки. Сравнительное изучение египетских и греческих текстов приводит автора к заключению, что в отличие от древнегреческой философии, допускавшей существование первичных элементов (веществ), превращение (или устройство) которых привело к сотворению мира, египетская философская доктрина объясняла сотворение мира божественным словоповелением. Это дает автору основание утверждать, что в области философского мировоззрения Египет не оказал никакого влияния на Грецию. Влияние Востока начинает сказываться только после завоеваний Александра (Великого), когда два античных мира — Восток и Запад приходят в более тесное соприкосновение.

А. М. Френкиан опубликовал также статьи «Эпопея Гильгамеша и поэмы Гомера»⁴¹ и «Шумеро-аккадские, египетские и греческие исследования в области математики»⁴².

В Румынской Народной Республике ведется значительная работа по переводам на румынский язык различных произведений в области истории, литературы, философии и искусства восточных народов. Так, переведены книги: Сочинения Мао Цзэ-дуна (т. I—4), «История древнего Востока» В. Авдиева; «Золотая Орда и ее падение» Б. Грекова и А. Якубовского, «Новая и новейшая история Китая» Г. Ефимова, «Древний китайский философ Лао-цзы и его учение» Ян Хин-шуна, «Поэмы» Назыма Хикмета,

³⁸ Otto Stark. Omar Khaiam, Sadi și Khafiz. «Contemporanul», «Flacăra» și «Viața Românească». București, 1948—1956.

³⁹ См. «Nor-Keank». București, 1955, 1956, 1957.

⁴⁰ Aram M. Frenkian. L'Orient et les origines de l'idéalisme subiectif dans la pensée européenne, t. I, La doctrine théologique de Memphis (L'Inscription du roi Shabaka). Paris, «Geuthner», 1946.

⁴¹ Aram M. Frenkian. Epopeea lui Gilgamesh și poemele homerice. «Studii și cercetări de istorie veche», I, anul I, 1950, p. 265—276.

⁴² Aram Frenkian. Studii de matematică sumero-accadiană, egipteană și greacă. «Revista Universității». C. I. Parhon, seria Științelor naturii, 3, 1953, p. 9—20.

«Асфальтовая дорога» Сабахатина Али, «У нас в Анатолии» Махмуда Макала, «Из китайской классической поэзии» и другие. К сожалению, переводы не всегда делаются с подлинника и поэтому несколько теряют свою ценность. Некоторые румынские произведения прогрессивного направления были переведены на восточные языки. Например, роман известного писателя Михаила Садовяну «Митря Кокор» переведен на китайский, корейский и другие восточные языки.

Несмотря на очевидные успехи румынского востоковедения, развитие его нас все же не удовлетворяет. В течение первого послевоенного десятилетия исследования велись неорганизованно, бесплано. Большинство напечатанных работ написано с устаревших позиций. Нередко обходились вопросы новой и новейшей истории. Важным этапом в истории развития румынского востоковедения явилось создание «Общества восточных исследований РНР» (4 ноября 1956 г.). Позднее Общество было реорганизовано в Отдел востоковедения Общества исторических и филологических наук. Отдел объединяет до 50 востоковедов. Некоторые из них своими трудами уже завоевали прочное место в науке.

Отдел изучает арабский и древнееврейский (параллельно ведутся исследования в области ассириологии), санскритский, армянский, древнеперсидский, хеттский, грузинский (параллельно изучается кавказоведение), китайский и японский языки. Значительное число членов Отдела — туркологи, поэтому большое внимание уделяется изучению староосманского языка, а также современного турецкого и татарского языков. Следует подчеркнуть, что впервые в истории румынской высшей школы на филологическом факультете вводится преподавание арабского, китайского, турецкого и татарского языков.

В перспективном плане работ отдела предусматривается исследование ряда вопросов социально-экономического, юридического и культурного характера, подготовка новых работ в области лингвистики и восточной филологии (коллективных и индивидуальных).

Одной из важных задач Отдела является участие его членов и сотрудников в международных совещаниях и съездах востоковедов, усиление культурно-просветительных связей со странами Азии и Северной Африки, а также с теми странами Европы, где изучение Востока стало традицией. Благодаря поездке сиолога Г. И. Константина в Китайскую Народную Республику и участию турколога М. Губоглу в работе Всесоюзного совещания востоковедов СССР были установлены непосредственные связи румынских востоковедов с востоковедами Китая и Советского Союза.

Отдел намечает исследование востоковедческих материалов, хранящихся в библиотеках и музеях Румынской Народной Республики. В румынских архивах хранится приблизительно 220 тыс. турецких актов и документов большой ценности. Около 20 тыс. архивных документов отражают исторические связи экономического, социального и политического характера между румынскими княжествами и Османской империей на протяжении веков. 200 тыс. актов (тапу) касаются земельного владения в Добрудже (XIX в.) и имеют особое значение для исследования исторической топонимии. В Меджидии, около Констанцы, хранится архив младотурецкого общества «Иттихад ве тераки», оставшийся после смерти д-ра Ибрагима Темо, одного из основателей этого общества.

Результаты востоковедческих исследований Отдела в области истории, филологии, права, этнографии и искусства публикуются в сборнике «*Studia et acta orientalia*», первый том которого уже вышел в свет.

И. М. ДЬЯКОНОВ. *История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.* М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 485 стр. и карта

Исследование И. М. Дьяконова является по существу первым полным — насколько позволяют имеющиеся материалы — изложением истории Мидии. Построенное в соответствии с требованиями советской исторической науки, это исследование учитывает почти все основные источники, а также вышедшую за последние десятилетия литературу, касающуюся истории Мидии.

Обилие в книге фактического материала (часто впервые использованного или обобщенного автором), дающего яркую картину истории одного из крупнейших древневосточных государств, а также новых наблюдений и выводов, делают ее одним из важных достижений нашей исторической науки. Труд И. М. Дьяконова явится прочной опорой для дальнейшего изучения истории Мидии.

Автор пишет, что он отдавал себе «полный отчет в том, что на многие обстоятельства истории Мидии можно взглянуть и иначе, чем это сделал он» (стр. 5). Действительно, в ряде случаев исследователь мог выдвинуть только гипотезу. Поэтому решение автором некоторых вопросов, хотя и представляется возможным, но могло быть и иным. Вместе с тем в работе встречаются положения, с которыми никак нельзя согласиться, учитывая данные источников и некоторые вполне определенные выводы предшествующих исследователей.

Прежде всего это относится к вопросу об этнической принадлежности населения, обитавшего на территории Мидии в первых веках первого тысячелетия до н. э. Исходя из данных ономастики, зафиксированных в ассирийских источниках, автор утверждает, что иранский элемент является

преобладающим только в Восточной Мидии, хотя и здесь еще можно найти много неиранских имен. В северо-западных и западных областях Мидии в IX—VIII вв. иранского элемента не было, население этих районов в IX—VIII вв. оставалось по языку неиранским. Самым западным из известных нам иранских имен И. М. Дьяконов считает имя Багдатту (правитель Ушшдиша, к востоку от оз. Урмия), засвидетельствованное в 716 г. (см. стр. 150—151, 198, 207, 221 и т. д.).

Эти положения лежат в основе ряда важных построений рецензируемой работы.

Между тем в литературе уже приводились иранские этимологии имен из Северо-Западной Мидии; среди них есть и ошибочные, но значительная часть безусловно правильна. Анализ имен, еще не привлекавшихся к исследованию, также показывает, что в IX—VIII вв. на территории будущей Атропатены и к югу от нее иранский этнический элемент уже имел очень большое, а в ряде районов, очевидно, преобладающее значение. Так, иранскими являются следующие, встречавшиеся на этой территории имена: Артасари, Пиришати, Артасирару, Ашпахтатаук, Парушта, Ирчисати, Ададану, Барзута, Урзана (царь Мусасира) и многие другие¹.

¹ См. *F. Justi. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895; J. Scheftelowitz. Die Sprache der Kossäer. «Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen». Gütersloh, 1902, Bd. XXXVIII, Neue Folge B. XVIII, 2. Heft, S. 275 сл.; G. G. Cameron. History of Early Iran. Chicago, 1936, p. 145 и т. д.*

И. М. Дьяконов считает, что иранские имена появляются в ассирийских источниках с VIII или с конца IX в. (стр. 64). Но уже в 880 г., при описании ассирийского похода в районы по верхнему течению р. Диалы², упоминаются также имена, как: Араштуа < иранск. *Aršatava, Амека (ср. скифск. 'Αμαίαχος и индо-арийск. amāyika — 'бесхитростный, нековарный'), Киртиара — очевидно из иранск. *Krtuara (иранск. суффикс (a)ra встречается в ряде имен, ср. авестийск. Vīsrūta наряду с именем Vīsrūta и др.).

Еще более показателен в этом отношении анализ топонимических названий из Северо-Западной Мидии. В IX—VIII вв. в районах, прилегающих к Урмии с севера, востока и юга, встречается достаточного топонимических названий, легко объяснимых из иранского: Зирдиакка, Аукане, Шитиуарна, Ураш, Парсана, Тарви, Ушкайа, Барунакка, Парда, Заранда (Зирдиакка, или Сирдакка — 'сердцевина', 'средняя', 'серединная' из *zrd, авестийск. zərəd — сердце + суффикс — ака, ср. авестийск. zərədaуа; Аукане < avakanі иранск. ava — кап-, Шитиуарна точно из иранск. šiti + vāra и т. д.). Таким образом, можно утверждать, что мнение о полном отсутствии в IX—VIII вв. на территории Атропатены и к югу от нее ираноязычного населения не соответствует действительности, а вытекающие из него положения должны быть пересмотрены.

Исходя из того, что в Западной и Северо-Западной Мидии не было иранских имен, автор помещает владения ряда правителей в Восточной Мидии только потому, что их имена — иранские. Так, о списке 713 г. говорится: «местоположение перечисленных областей далеко на востоке Мидии видно из относительного обилия иранских имен» (стр. 222), хотя данных о том, что эти владения были расположены на востоке Мидии, нет. Напротив, относительно некоторых из них известно, что они нахо-

дились в Западной Мидии или даже за пределами ее западных границ³.

Автор относит к правителям Мидии и Парсуа 28 царей Напри, многие из которых имеют иранские имена (стр. 166—167). Но все они названы в тексте надписи Шамши-Адада V царями Напри и поэтому ни в коем случае не могут быть отнесены к основной части Мидии. Шамши-Адад V получает их дань уже по возвращении из Мидии и даже миновав область Аразиаш, лежавшую где-то между верховьями Джегету, Диалы и Сефидруда, после чего он оказался у гор Куллар, т. е. к юго-западу от Урмии (ср. стр. 165, прим. 2). Те из перечисленных в списке областей, которые упоминаются и в других текстах, находятся к западу и югу от Урмии: Хундуру точно локализуется в области Армарили, к северо-западу от Урмии; Таурла названа среди стран, лежавших к югу от озера Ван (Хубушкина) до южной части приурмийского района (Манна, Парсуа).

И. М. Дьяконов считает, что иранские племена к первым векам первого тысячелетия до н. э. проникали в Иран только через Среднюю Азию (124—125, 139, 150—151 и др.), и полагает, что на территории Атропатены иранского этнического элемента не было, что он попал сюда позже из Восточной Мидии. Материалы о Восточной Мидии имеются, однако, лишь со второй половины VIII в., причем, по мнению автора, значительная часть имен здесь еще неиранская (см. стр. 203 и др.). У нас, следовательно, нет оснований говорить о продвижении иранцев в IX—VIII вв. с востока на запад. Более того, наличие в IX—VIII вв. далеко на севере, вплоть до известных нам по ассирийским источникам пределов, значительного числа иранских имен и особенно устойчивых топонимических названий свидетельствует о том, что данные ономастики приводят скорее к противоположному выводу: о продвижении ираноязычного населения в Западный Иран

³ Сигрис — в Западной Мидии, а может быть, даже к югу от Урмии; в Западной Мидии была расположена также Уппурия (ср. стр. 220); Бушту точно локализуется к югу от Урмии (очевидно в верховьях Нижнего Заба, имя ее царька в данном списке Ариа, т. е. Агуа — ариец, арийский).

² «Анналы Ашшурнасирапала II», стб. II, строки 49—85; E. A. W. Budge and L. W. King. *Annals of the Kings of Assyria*. London, 1902, p. 311—326, ср. поход в ту же область в 881 г., там же, стр. 302. сл. Ср. рецензируемую работу, стр. 156—158.

с севера. Этой точки зрения придерживается ряд исследователей. Гиршман, например, считает, что персы, а возможно и мидяне, пришли через Кавказ⁴.

Этническое название персов (*Parsava, Pārsa) связывают с находившейся к югу от Урмии областью Парсуа < *Parsava, известной со второй половины IX в. Позднее упоминается Парсумаш (< *Parsava), локализуемая к северу или северо-востоку от Элама. Наконец, с VI в. появляется Pārsa (аккадск. Parsu, совр. Фарс), расположенная значительно дальше на юго-восток от центров Элама. Названные нами три области обычно рассматривают как территории, через которые пролегали пути переселения персов. И. М. Дьяконов решительно выступает против этой точки зрения (стр. 69, 161, 198, 224 и др.). Его возражения сводятся к следующему: Парсуа не могла иметь отношения к персам, так как на соответствующих территориях в IX—VIII вв.

⁴ R. Ghirshman: *Notes iraniennes*, IV. Le trésor de Sakkez, les origines de l'art Méde et les bronzes du Luristan. «*Artibus Asiae*», vol. XIII, 3. Ascona (Switzerland), 1950, p. 199; ср. его же. *L'Iran des origines à l'Islam*. Paris, 1951, p. 58—59, 75—77, 102—104. Первая из этих работ, очевидно, не была использована в рецензируемой монографии. Говоря о предметах клада из Зивие, автор, следуя за А. Годаром, датирует их IX—VIII вв. (стр. 404—405 и др.). Гиршман относит их к 680—625 гг. (ср. «*L'Iran...*», p. 89—94); а некоторые исследователи — к еще более позднему времени. Обстоятельная аргументация Гиршмана кажется наиболее убедительной. Это существенно меняет оценку исторического значения клада. Обращают на себя внимание вещи, бесспорно связанные со скифами. И. М. Дьяконов считает, что в Манне существовал особый вид иероглифической письменности, основываясь на иероглифической надписи на серебряной чаше из этого клада (стр. 366—367, рис. 65). Однако очень близкое сходство этой чаши с чашей из Келермеса (Я. И. Смирнов. *Восточное серебро*. СПб. 1909, стр. СХI, 278) дает основание считать эти иероглифы скорее скифскими (ср. R. Ghirshman. *Notes iraniennes...*, p. 186—189).

не встречались иранские имена. Это положение, и в данном случае выступающее как главный аргумент, не может быть принято. В верховьях Диалы, куда помещает Парсуа И. М. Дьяконов, иранские имена отмечены уже в 881—880 гг., т. е. ранее, чем в какой-либо другой области Ирана. Автор не признает существования Парсумаш к северу от Элама, отождествляя ее с Pārsa > Фарс. В описании одного из походов Шамши-Адада V отмечается, что были опустошены территории Элама от Парсамаш до Бит-Бунаки. Так как последняя область была расположена на крайнем северо-западе Элама, И. М. Дьяконов хочет видеть в Парсамаш его юго-восточную окраину (стр. 224 прим. 5). Однако известно, что ассирийцы в этом походе действовали лишь на северных границах Элама⁵, основная территория его не была затронута. Поэтому следует искать Парсумаш к северу или северо-востоку от Элама⁶. В другом месте И. М. Дьяконов пишет, что при локализации Парсумаш не учитывали упоминания ее вместе с Худимири (когда их цари присылают дань Ашшурбанипалу, стр. 198—199). Это неверно. Камерон, например, ссылается на специальную статью И. Шаве о положении Худимири⁷. По данным других текстов можно с еще большей определенностью поместить Парсумаш к северо-востоку от Элама⁸.

⁵ Подробный разбор маршрута этого похода см. E. F. Weidner. *Die Feldzüge Šamši-Adads V gegen Babylonien*. «*Archiv für Orientforschung*» (в дальнейшем — AFO), Bd. IX, Heft. 3, 1934, S. 92, сл.

⁶ Ср. там же, стр. 103, прим. 98; G. G. Cameron. Указ. соч., стр. 145—146, 179 и др.

⁷ J. Schawe. *Das Land Hu(Pak)-di(ki)-miri*, AFO, Bd. VIII, Heft 1/2, 1932, S. 52—53. И. М. Дьяконов помещает Худимири дальше к юго-востоку, ср. карту на стр. 231.

⁸ См. письма ассирийской царской корреспонденции, где Парсумаш упоминается в связи с царями Элама, сидевшими в Мадакту (на верхней Керхе), см. L. Waterman. *Royal correspondence of the Assyrian Empire*, part II, Ann Arbor, 1930, № 961, 1309, 1311; ср. G. G. Cameron. Указ. соч., стр. 179 сл., 190 сл.

Совпадение имени Парсуа с названием персов и Персии И. М. Дьяконов объясняет следующим образом: Pārsa, Parsava и ее диалектальная разновидность Paṛṣava (Парфия, парфянин) восходят к иранскому pars-, parsav- 'ребро', отсюда, 'бок', 'край' и означают 'окраина', 'украина'. Это объяснение представляется малоубедительным, в частности, потому, что образования от указанного корня были широко распространены в индоиранском мире и гораздо раньше, в частности уже в «Ригведе», в качестве этнических и личных имен⁹, и, таким образом, не могут, иметь отношения к понятию «окраина».

Автор относит к числу иранских племен Атропатены ряд племен с бесспорно иранскими именами, например, пантиматов, дарейтов, париканьев и т. д. Таким образом, на основании данных ономастики из ассирийских источников и других материалов положения автора о составе населения Атропатены в указанный период следует, по нашему мнению, пересмотреть и признать, что в этногенезе народов Азербайджана с первого тысячелетия до н. э. большую роль играло ираноязычное население, равно как и в этногенезе народов Средней Азии, южнорусских степей и ряда других народов нашей страны¹⁰.

Недооценивая роль иранского элемента в Мидии, И. М. Дьяконов даже считает, что мидийский племенной союз был по своему происхождению иранским. Основная масса мидян, по его мнению, состояла из «каспийских» племен, перенявших иранский язык позднее; единственными по-

телями этого языка первоначально были «аризанты», впоследствии включенные в число мидийских племен (стр. 143—154, 221, 225—226, 278 и др., ср. подписи к рис. 26, 27).

Для доказательства правильности этого положения выдвигается следующее соображение: раз «аризанты» назывались «племенем ариев», то остальные мидийские племена, перечисленные у Геродота, не должны быть арийскими, т. е. иранскими. Но хотя слово «агуа» и служило общим названием для индо-иранцев, оно могло выступать и как название различных племенных групп внутри этой этнической общности. Так назывались аланы <агуана, однако ираноязычными были и другие группы скифо-сарматов; одно из сарматских племен носило имя «арии», это не означает тем не менее, что ими не были и остальные сарматы. Неиранское происхождение мидийских племен подтверждается, считает автор, еще тем, что имена: бусы, будии, маги, как и сам термин «мидяне», не имеют якобы удовлетворительных иранских этимологий и могут быть местного «эламо-каспийского» происхождения. Хотя названия мидийских племен дошли до нас в греческой передаче, что, естественно, затрудняет их объяснение, все же в их иранской принадлежности вряд ли можно сомневаться. Это не раз отмечалось в литературе. Если «маги» действительно были мидийским племенем (а не жреческой кастой), то их исконная принадлежность к иранскому этносу бесспорна: именно маги распространяли в Мидии религиозное учение на иранском языке (ср. стр. 148—149 и др.), причем это учение — будь то зороастризм или «религия девов» — выросло из древних индо-иранских представлений. Сам термин māda (Мидия, мидянин и т. д.) нельзя не сравнить с именами: индо-ар. Madhu, Mādhuva; скифскими Mādus или Mādus; Mādus, Mādaxos. Иранское происхождение мидян подтверждается и первым упоминанием их названия, свидетельствующим об употреблении его в иранской среде (ср. стр. 149). Геродот, имея в виду всех мидян, говорит, что в древности их называли ариями¹¹. Поэтому более вероятно положение, обратное тезису И. М. Дьяконова: мидийский союз был пер-

¹¹ Геродот, VII, 62.

воначально союзом ираноязычных племен, сложившимся возможно еще до их прихода в позднейшую Мидию. Здесь он, по-видимому, уже не играл политической роли, распадаясь на значительно большее число родовых союзов, чем шесть первоначальных племен. Эти союзы существовали наряду с объединениями, во главе которых стояли представители старых этнических групп (например, Манпа, Эллипи и др.).

При характеристике социально-политического строя Мидии в работе отрицается возможность сословного (вернее кастового) деления мидийского общества. Отметив, что это деление отражено в «Младшей Авесте» и известно от сасанидского времени, И. М. Дьяконов считает его «несомненно... поздним»; законы Ману, в которых подобное деление засвидетельствовано для Индии, также достаточно поздний источник; поэтому, как полагает автор, в Иране и Индии оно возникло самостоятельно в результате сходных социальных условий (стр. 189—191). С этими положениями и их аргументацией согласиться нельзя. В Индии сословно-кастовое деление возникло гораздо раньше законов Ману, оно отражено во всей предшествующей индо-арийской литературе, включая «Ригведу»¹². У иранских и индо-арийских народов совпадают не только три первоначальные социальные группы (жречество, военная аристократия, общинники — скотоводы, земледельцы), но и определенные идеологические представления. Так у обеих групп народов считалось, что каждой из каст соответствовал определенный цвет, совпадали и цвета. Самое название сословно-кастовых групп обозначало «цвет», «окраска» — индийск. varṇa, иранск. rišta; повторяется символика одинаковыми предметами и т. д. Это дает основание высказать предположение о едином происхождении и генетической связи сословно-кастового деления у различных индо-иранских племен, восходящего к периоду существования индо-иранской общности. Наконец, доказано, что

¹² «Rig-Veda», VIII. 35, 16—18 и др.

это тройственное социальное деление представлено и в «Гатах»¹³, материалы которых И. М. Дьяконов с полным основанием привлекает для характеристики мидийского общества. Признание факта существования в Мидии сословно-кастового деления, характерного в древности для других индо-иранских народов и получившего дальнейшее развитие в Иране в последующие века, позволило бы иначе оценить некоторые стороны социально-политического развития Мидии. Оно помогло бы и при решении ряда других проблем, например, вопроса о магах.

И. М. Дьяконов предполагает, что из Мидии среди других иранских народов, в частности скифов, распространялись также понятия как farna, arta и xšaθra (стр. 373—374). Два последних, бесспорно, являются последним еще индо-иранского периода, оба слова встречаются, например, в именах из Митани. Что касается первого термина, то его употребление в «Авесте» в форме xʷarəna (а не farna, переход xʷ > f считается мидийским) указывает на то, что это понятие существовало уже в праиранский период. Оно было известно и скифам. Форма farna вряд ли восходит к мидийской, поскольку она была очень широко распространена в скифском мире, да и нельзя считать доказанным переход xʷ > f первоначально и исключительно лишь в мидийском. Поэтому мнение, что Мидия была центром «распространительной деятельности в культурной и религиозной области», нуждается в иных доказательствах.

Выше было указано на те вопросы, решение которых в работе нам кажется неубедительным. Ряд спорных положений, а также некоторые неточности, неизбежные в работе такого масштаба, какой является «История Мидии» И. М. Дьяконова, ни в коей мере не могут снизить ее самой высокой оценки.

Э. А. Грантовский

¹³ E. Benveniste. Les classes sociales dans la tradition avestique. «Journal Asiatique», 1932, t. 221, p. 122, сл.

SUMMARY

I. M. Dyakonov's «History of Media» is an important contribution to the study of the ancient history of the countries of the Near and Middle East. Being a systematic and original analysis of the history of Media, with many new conclusions and observations, it is at the same time a «primary collection of available material» for the investigation of the problems touched upon.

I. M. Dyakonov's book is, unquestionably, very valuable for the further study of Media's history. The reviewer notes also the debatable character of some of its theses.

Р. Р. ОРБЕЛИ. *Грузинские рукописи Института востоковедения*, вып. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, 184 стр.

Издание Институте востоковедения Академии наук СССР первого выпуска труда Р. Р. Орбели без преувеличения можно назвать долгожданным и радостным событием. Еще в 1918 г. акад. Н. Я. Марр, отмечая большую ценность грузинских материалов Кавказского отдела Азиатского музея, говорил о неотложной необходимости «выявления печатно того, что имеется в нем научноценного и более неизвестного, чем то, что хранится в книгохранилищах Афона и Синая»¹.

В силу ряда обстоятельств в книгохранилища Азиатского Музея АН, а также в Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в Петербурге еще с первых десятилетий XIX в. стали поступать собрания уникальных памятников грузинской письменности. Это было задолго до того, как в самой Грузии наладилось дело собирания грузинских древностей (80-е гг. XIX в.).

Эмигрировавший в Россию еще в 80-х гг. XVII в. Арчил Багратиони и группа его сподвижников привезли с собою ценные коллекции грузинских рукописей. При поддержке Петра I Арчилу удалось организовать в Москве первую грузинскую типографию; отпечатав в ней Псалтырь (1705 г.), он готовил к изданию древние списки Библии на грузинском языке. При его же участии был сделан ряд переводов капитальных исторических и прочих тру-

дов как с русского, так и других европейских языков.

После смерти Арчила (1713 г.) культурно-просветительную и научную работу в Москве продолжали Вахтанг VI и большая группа ученых, выехавших из Грузии в 1724 г. Так, Вахтанг VI пополняет ряды вставок и снабжает словарями свой перевод «Звездного каталога» Улуг-Бега и с неослабным интересом ведет астрономические наблюдения и измерения в Москве, Петербурге, в Астрахани. Продолжается работа над текстами истории Грузии. Во многих экземплярах переписывается «Грузинский лексикон» С. С. Орбелиани (род. 1658, умер в Москве, в 1725 г.). Особенно плодотворную научную работу ведет в России известный географ и историк, автор первых карт Грузии и сопредельных с нею стран Кавказа Вахушти Багратиони.

По ходатайству Вахтанга VI в Москве с 1737 г. возобновляется печатание грузинских изданий. Среди них самым замечательным является т. н. «Московская библия» 1743 г. Плеяда Вахтанга VI в широких размерах ведет также переводческую работу. Надо сказать, что плоды трудов первых грузинских колоний в Москве, предназначенные для Грузии, редко доходили до нее.

В самом начале XIX в. в Москву и главным образом в Петербург вновь прибывает большая группа грузинских культурных деятелей. Навсегда переселившись в Россию, они не только привозят с собою личные коллекции рукописей и старопечатных книг, но и пополняют эти коллек-

ции, приобретая древние списки и переписывая их. Петербургская грузинская колония начала XIX в. с неменьшим рвением, чем плеяда Вахтанга, спешит фиксировать исторические факты жизни Грузии (последних десятилетий XVIII в. и начала XIX в.). С исключительной жаждой знаний приобщаются эти люди к достижениям европейской научной мысли первых десятилетий XIX в. Круг их научных интересов уже не ограничивается историей, географией, языкознанием, астрономией, физикой, математикой и философией. Объектом изучения становятся естественные науки (ботаника, зоология, минералогия. См. №№ Описаний 128—133).

Собирание памятников древней грузинской письменности приобретает широкий размах с приездом в Петербург М. Ф. Броссе (1837 г.). В процессе своей научной работы этот неутомимый ученый не только вступает в непосредственное общение с кругом лиц петербургской грузинской колонии, но путем переписки устанавливает контакт с людьми, интересующимися прошлым родной страны, проживающими в Грузии; о большинстве из них говорится в «Предисловии» Р. Р. Орбели, стр. 4—5; этот перечень необходимо дополнить именем ревностного собирателя эпиграфических материалов и других древностей Грузии — Давида Дадияни.

Чтобы понять важность совместной деятельности академика М. Ф. Броссе и членов грузинской колонии, следует отметить, что за всю I половину XIX в. в самой Грузии было напечатано всего 19 грузинских книг, тогда как в Москве и Петербурге с 1805 по 1851 гг. вышло из печати 57 изданий на грузинском языке. Среди них особое место занимают издания Российской АН: «Витязь в тигровой шкуре» Ш. Руставели (1841 г.), второе издание после тбилисского вахтанговского — 1712 г. «География Грузии» Вахушти, с французским переводом и пространном предисловием М. Броссе (1841 г.), «Картлис цховреба» (История Грузии), ч. I, под редакцией М. Броссе и другие.

Таким образом, центром развития грузинской научной мысли на протяжении всей первой половины XIX в. становится петербургская грузинская колония, тесно связанная с Академией наук. С очагом грузиноведения при Академии наук в Петер-

бурге, кроме академика М. Броссе, неразрывно связаны имена проф. Д. Н. Чубинашвили, историка Д. Баградзе, проф. А. А. Цагарели, акад. Н. Я. Марра, а затем целой плеяды грузинских историков и языковедов, во главе с И. А. Джавахишвили, основавших в 1918 г. грузинский университет в Тбилиси.

Ввиду изложенных обстоятельств как деятельность грузинской колонии в Петербурге, с 30—40-х гг. возглавленная членом Российской Академии наук М. Броссе, так и плод ее трудов — собрание грузинских рукописей Института востоковедения, приобретают особый интерес. Книгохранилище Азиатского музея обогатилось не только собранием рукописей академика М. Ф. Броссе, но и обширной коллекцией почетного члена АН Теймураза Багратиони и других членов грузинской колонии. Замечательная же коллекция Иоанэ Багратиони была принесена внуком последнего в дар другому книгохранилищу Петербурга — Публичной библиотеке.

Естественно, что описание 506 грузинских манускриптов и 429 других грузинских документов Института востоковедения, отразивших важный период истории развития грузинской научной мысли, представляется очень серьезной задачей. Вот почему выпуск I труда Р. Р. Орбели был встречен в Грузии с чувством искренней признательности как к его автору, так и к издательству Академии наук СССР.

I выпуск «Грузинских рукописей Института востоковедения» снабжен «Предисловием», в котором автор излагает историю собирания грузинских рукописей Института востоковедения в порядке их поступления в Азиатский музей с 1818 г. (стр. 3—11), «Списком сокращений» (стр. 12—14), «Указателями» (стр. 169—184) и тридцатью прекрасно выполненными иллюстрациями.

Собственно описание построено по тематическому принципу; рукописи в отдельных разделах располагаются в хронологическом порядке. В самом обширном отделе («История») описано 69 рукописей. Первым рассматривается уникальный список «Картлис цховреба» (История Грузии). Текст этого списка, известного в науке под названием «Теймуразовского», вместе с текстами других рукописей был исполь-

¹ «Азиатский Музей Российской Академии Наук. 1818—1918». Краткая памятка, СПб., 1920, стр. 99.

зован М. Ф. Броссе при издании 1 части «Картлис цховреба» (1849, Изд. Российской АН).

Заслуживают внимания описанные под №№ 4, 8 переводы ряда грузинских исторических сочинений на русский язык; они свидетельствуют об интересе русских ученых 70-х гг. XVIII в. к истории Грузии. Описания следующих 26 рукописей (оп. 18—33, 40, 48, 49, 56—57, 63—64, 66, 68) знакомят нас с историческими сочинениями трех братьев Багратиони: Давида, Баграта и Теймураза. Рукописи эти (большая часть — автографы) датированы 1801—1842 гг. Часть списков написана специально для ознакомления представителей русской власти с историческим прошлым (отчасти и настоящим) Грузии начала XIX в.

Большой интерес, как свидетельство современника, представляет неизвестная до сих пор часть труда Баграта Багратиони «Описание Имерети» (оп. 23), излагающая события, имевшие место в Имерети в 1819—1820 гг.

Не менее интересны «Описание событий, происшедших в Закавказье за время с 1805 по 1807 гг.», принадлежащее, по-видимому, Теймуразу Багратиони (оп. 33), и история русско-персидской войны 1826—1828 гг., написанная Багратам Багратиони (оп. 66).

Среди всего богатого материала первого раздела выделяется описание «тринадцати разрозненных фрагментов» с заметками, календарными вычислениями, таблицами, чертежами и другими текстами (оп. 41). Фрагменты в основном отражают научную работу Вахтанга VI над «корониконом», проводившуюся совместно с Н. Орбелиани в период с 1728 по 1733 г.; в них чередуются автографы трех лиц: самого Вахтанга VI, одного из его сподвижников Николоза Орбелиани и сына Вахтанга — Вахушти Багратиони. Вязь «мхедрули» на обороте первого листа, очевидно, принадлежит искусному каллиграфу Н. Орбелиани и читается: «„ნიკოლოზ ორბელიანი“». Об участии Вахушти в названной работе свидетельствуют исполненные им чертежи и рисунки и его приписки, датирующие «Учение о корониконе» Вахтанга VI 1733 г. Рукою Вахушти написан также новый вариант «учения о хрониконе», в тексте которого отмечается, что «царь Вахтанг составил этот кинкрос в 1731 г.».

В разделе «География» представлены описания семи географических и картографических трудов (оп. 70—76). Среди них уникальные копии географического атласа Вахушти Багратиони и автограф карты Грузии и сопредельных с нею стран, начерченный Вахушти в 30—40-х гг. XVIII в., в Москве (оп. 73). В отделе «Путешествия» описано шесть рукописей (оп. 77—82), в частности совершенно неизвестный до сего времени дневник путешествия Теймураза Багратиони из Тбилиси в Петербург, с 16 октября 1810 г. по 12 января 1811 г. (оп. 82 — рук. Н 28).

Несомненную ценность для науки представляет описание эпиграфических и иконографических материалов, вошедших в раздел «Археология» (оп. 83—91). В разделе «Законодательство» дается описание восемнадцати рукописей. Рукописи, описанные под №№ 98—102, отражают законодательную деятельность Вахтанга VI в годы его правления и царствования (1703—1723 гг.).

Интересные сведения сообщаются в описании о грузинском переводе известного сочинения Монтеスキе «О разуме законов» (оп. 108); оригиналом для перевода XII книг этого сочинения, по заключению Р. Орбели, послужил русский перевод В. Крамаренкова (изд. 1775 и 1801 гг.); «последующие же книги (XIII—XVIII), очевидно, были переведены с французского издания».

В отделе «Философия» приводится описание тринадцати рукописей философского содержания (оп. 109—121). Из древнего философского наследия представлен только грузинский перевод с греческого оригинала «Элементов теологии» Прокла Динодоха, снабженный обширными комментариями переводчика, выдающегося грузинского философа XI—XII вв. Иоанэ Петрици (список 1757 г. — оп. 109). Рукописи, описанные под номерами 118, 119, 120, свидетельствуют о все возрастающем интересе грузинских просветителей второй половины XVIII и начала XIX в. к новым течениям философской мысли.

В раздел «Языкознание» с подразделами «Словари», «Грамматика» вошло двадцать восемь описаний. Среди них описания полных списков, а также фрагментов труда выдающегося ученого лексикографа XVII—XVIII вв. С. С. Орбелиани. Древнейший

из них датируется Р. Р. Орбели тридцатью годами XVIII в., с указанием, что приписки на л. 216а к схеме «ветров» сделаны рукою Вахтанга VI (?). Этот экземпляр М 2 (G 95) был положен профессором И. Кипшидзе в основу второго печатного издания словаря².

Заслуживает также внимания дополнение к лексикону С. С. Орбелиани «Названия месяцев на различных языках» (оп. 124), авторство которого ошибочно приписывается Теймуразом Багратиони известной писательнице Марии-Макришэ. Т. Багратиони в письме к М. Броссе утверждает, будто «ни в одном другом списке лексикона С. О.» нет этого дополнения. Однако теперь, когда выявлены десятки неизвестных до сего времени списков этого труда, многие из которых имеют такие же дополнения, этот аргумент Теймураза отпадает.

В подотделе «Грамматика» представлены описания тринадцати экземпляров грамматики грузинского языка; среди них оп. 138—142 посвящены грамматическим трудам Антония Багратиони, между прочим, списку 1788 г. (оп. 140). Этот ценнейший экземпляр послужил одним из источников для исследования проф. А. Цагарели «О грамматической литературе грузинского языка» (СПб. 1873). Из остального материала ценным является грамматический труд Иоанэ Багратиони «Грамматика», точнее «Учебник родного языка, составленный со специальной целью передачи основных грамматических правил в сжатом и четком изложении» (оп. 144).

Одиннадцать описаний последнего отдела «Библиография» знакомят нас с перечнями грузинских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в Институте востоковедения. Большая часть из них уже известна науке из печатных изданий.

Заслуживающая высокой оценки работа Р. Р. Орбели выполнена чрезвычайно тщательно и с большим знанием дела. Большинство описаний представляет собой плод вдумчивого и добросовестного изучения. Почти везде выявляются имена лиц, ка-

ким-либо образом связанных с данным экземпляром (автора, переводчика, заказчика, переписчика, владельца и проч.). При характеристике разных списков одного и того же сочинения отмечаются особенности каждого из списков. Почти в каждом описании даются сведения об истории списка. Если объектом описания являются переводные сочинения, переводы слитываются с подлинниками (оп. 4, 8, 40, 56, 57, 63, 107, 108 и др.).

Понятно что при изложении множества разнообразных сведений трудно было избежать невольных промахов. Из числа недостатков I выпуска следует отметить прежде всего обилие опечаток, главным образом в грузинских текстах, занимающих в издании весьма скромное место. Опечатки произошли, очевидно, от смешения при наборе текстов графически похожих знаков грузинского алфавита³.

Помимо этого в некоторых случаях грузинские тексты вызывают сомнения в правильности их фиксации. Мы говорим «сомнение», ибо поздние списки грузинских рукописей — начала XIX в. часто сами грешат против правил грузинского литературного языка. Сомнительны, например, грузинские фразы и слова на стр. 16 (оп. 1) მეორემოცდახუთი მთავარი; на стр. 26 (оп. 10) მიეზობა, на стр. 31 (оп. 16) ტომობა... საქართველო, на стр. 65 (оп. 59) საქართველისაგანსა შინა, на стр. 83 (оп. 78) დედოფალ დედა აღმსურ წილხრამბოლთ и др.

При изложении содержания Теймуразовского списка «Картлис цховреба» в § 7 (оп. I, стр. 16) название одной из частей этого списка дается на русском языке — «История и восхваление венценосцев»; следовало дать этой части Теймуразовского текста грузинское заглавие, имеющееся на титульном листе данного издания.

Здесь же, в параграфе 8 ჯამთა აღმწერელი, имеющее значение «летописец», переведено почему-то как «Хронография». Перевод на грузинский язык «Краткого описания пределов земли» Гавриилом Геловани датируется, по недоразумению, 1722 г. (оп.

² См. Сулхан-Саба Орбелиани. Грузинский лексикон. Под ред. проф. Иосифа Кипшидзе и проф. Акакия Шанидзе. Тбилиси, 1928, стр. IX—X (на груз. яз.)

³ Часть названных опечаток отмечена в «Списке важнейших опечаток». Не исправлены опечатки на стр. 18, 31, 40, 42, 63, 65, 71, 85, 98, 108, 119, 132, 135.

70); на самом же деле перевод был сделан в Москве в 1737 г. В описании 117, богатом новыми сведениями о русском оригинале грузинского перевода «Китайской мудрости», указывается, будто перевод этой книги сделан в Телави, а грузинский перевод напечатан в Москве. В действительности перевод сделан в Москве, книга же напечатана в Тбилиси, в типографии царя Ираклия II, в 1784 г.

Считаем не лишним высказать несколько пожеланий относительно принципов описания, которых придерживался автор при подготовке I выпуска. Разумеется, хорошо, когда о рукописи подробно рассказывается в описании. Но еще лучше заставить сам памятник говорить о себе. Поэтому можно только приветствовать включение в рабо-

ту 30 прекрасно выполненных иллюстраций. Однако иллюстрируется только восьмая часть описываемых рукописей. В следующих выпусках хотелось бы видеть возможно большее количество хотя бы начальных строк текста, а также записей, приписок и колофонов.

Технически более удобным представляется начинать описание каждого отдельного списка с имени автора и заглавия данного сочинения и в тех случаях, когда дается ряд описаний разных списков одного и того же сочинения, одного и того же автора.

В заключение остается пожелать скорейшего появления в печати следующих выпусков труда Р. Р. Орбели.

Х. Г. Шарашидзе

S U M M A R Y

The reviewer highly estimates the descriptive catalogue of 506 Georgian manuscripts and of 429 other documents from the collections of the Institute for Oriental studies, reflecting the age-old history of Georgian science.

L. LAVALLEE, P. NOIROT, V. DOMINIQUE. *Économie de la Chine socialiste*. Préface de Jacques Duclos. Éditions Librairie Rousseau. Genève, 1957, 511 p. + carte.

В 1957 г. в Женеве издан труд французских ученых — марксистов Л. Лавайе, П. Нуаро и В. Доминика «Экономика социалистического Китая». Книге предпослано предисловие Жака Дюкло.

Первый раздел книги (гл. I—III) посвящен предистории интересующего авторов периода и знакомит читателя с экономическим и политическим развитием Китая в 1840—1949 гг. Анализируя многочисленные факты в свете марксистско-ленинской теории, авторы приводят читателя к пониманию неизбежности победы в Китае анти-

феодальной, антиимпериалистической революции в форме революции новодемократической, осуществляющейся под руководством рабочего класса и его Коммунистической партии. «Полная победа китайской революции, — подчеркивают авторы, — означает самое тяжелое поражение империалистической системы и, в первую очередь, американского империализма» (стр. 101).

Семь глав второго раздела, озаглавленного «От народной демократии к социалистическому Китаю (1949—1957)», состав-

ляют основную часть рецензируемого труда. Раздел открывается главой теоретического характера — о базисе и надстройке китайского общества после провозглашения Китайской Народной Республики. Л. Лавайе, П. Нуаро и В. Доминик обстоятельно характеризуют особенности многоукладной экономики, сложившейся в Китае после завоевания народом политической власти, политику народного государства по отношению к различным классам китайского общества, анализируют особенности государственного капитализма как средства мирного преобразования капиталистического сектора в социалистический. Большой интерес представляет попытка авторов поставить на конкретном материале Китая вопрос о действии экономических законов в переходный период, а также показать, какие возможности и какие трудности для хозяйственного планирования имеются в условиях многоукладной экономики.

Главы V—X отведены подробному анализу развития каждой из важнейших сторон экономики (промышленность, сельское хозяйство, транспорт и связь, внутренняя и внешняя торговля, финансы) и экономической политики народно-демократического государства в соответствующих отраслях хозяйства как в восстановительный период, так и в ходе выполнения первого пятилетнего плана.

Однако анализ хозяйственных успехов народного Китая не является для авторов самоцелью. Исходя из правильного тезиса, что «целью революционного процесса на всех его этапах было — и остается — улучшение материальных условий, удовлетворение самых неотложных нужд основных масс трудящихся» (стр. 355), авторы отводят следующий раздел (гл. XI—XIII) «новым условиям жизни» в свободном Китае. В этом разделе значительный интерес не только для французского читателя, но и для каждого историка-марксиста представляет попытка проанализировать отдельные элементы надстройки под углом зрения их значения для развития экономики. Авторы указывают, что основной экономический закон социализма предполагает наряду с материальными условиями также «сознательную деятельность людей не только как индивидуумов, но и как коллектива, уничтожение эксплуатации не только клас-

совой, но и национальной, преобразование образа мышления и морали, экономическое и социальное освобождение женщины, мощные усилия в развитии культуры и постоянный подъем материального уровня жизни производителей» (стр. 357). Авторы на ярких примерах показывают, как политические и экономические преобразования, осуществленные в Китае под руководством Коммунистической партии, привели к существенным изменениям в мышлении и привычках людей, как постепенно формируется сознание тружеников нового общества. Как одну из наиболее важных побед экономической политики КПК авторы отмечают победу над голодом (этому отведена вся заключительная глава раздела). Авторы отмечают, что в народном Китае уже достигнут или даже превзойден уровень жизни населения в таких капиталистических странах, как Турция, Иран, Греция, Португалия, Бразилия и ряд других (стр. 448). Реализация намеченных китайским народом грандиозных планов развития экономики, подчеркивают авторы, несомненно обеспечивает дальнейший быстрый и непрерывный рост материального уровня жизни китайского народа.

В заключительном разделе (гл. XIV—XV) рассматривается международное значение китайской революции. Подлинными интернационалистами, авторы разоблачают политику буржуазных правительств Франции, продолжающих «не признавать» Китайскую Народную Республику и наносящих тем самым серьезный ущерб интересам самой Франции. Л. Лавайе, П. Нуаро и В. Доминик дают отпор и тем буржуазным идеологам и социал-ревизионистам, которые, на том основании, что китайская революция имеет некоторые особенности в своем развитии, тщатся доказать, будто бы китайская революция качественно отличается от Октябрьской социалистической революции (см. стр. 454). Приводимые авторами материалы красноречиво свидетельствуют о том, что победа китайской революции является новым и блестящим подтверждением истинности марксистско-ленинизма и, в первую очередь, учения о диктатуре пролетариата как решающем условии победоносного завершения социалистической революции и строительства социализма.

Победа китайской революции, как справедливо отмечают авторы книги, вдохновляет на борьбу с колониализмом народы многих стран Азии и Африки, борющиеся за свое национальное освобождение, за социальный и экономический прогресс.

Обиле хорошо систематизированного материала, всестороннее и методологиче-

ски правильное освещение ряда сложных вопросов, образный и вместе с тем ясный язык — все это делает работу Л. Лавайе, П. Нуаро и В. Доминика одной из лучших книг о Китае, появившихся в последние годы. Она вполне заслуживает того, чтобы с нею смогли познакомиться широкие круги советских читателей.

Б. Ю. Свирин

S U M M A R Y

The book of the French Marxian scientists is appraised very favourably by the reviewer. The authors have collected and analysed extensive material on the basic problems connected with the economic development of People's China. The book under review is a valuable contribution to the study of the economic and political development of the Chinese People's Republic.

УЧЕННЫЕ ГДР О КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

В научно-исследовательских учреждениях и высших учебных заведениях Германской Демократической Республики ведется исследовательская работа по разоблачению как кайзеровской колониальной политики, так и нынешних экспансионистских устремлений западногерманских империалистов в страны Азии и Африки. В этой связи особого внимания заслуживают работы, выпущенные Немецким экономическим институтом (Deutsches Wirtschaftsinstitut) в 1956—1957 годах¹.

В специальных исследованиях, посвященных экспансии западногерманских моно-

полий в страны Ближнего и Среднего Востока и Индию, приводятся данные об экономическом положении этих стран, характеризуется распределение рынков сбыта между главными капиталистическими странами, рассматривается вопрос об экономических связях Западной Германии с Турцией, Ираном, Египтом, Израилем, Индией и другими странами этого района.

В специальном исследовании «Сельское хозяйство Африки в оковах империализма», насыщенном большим фактическим материалом, показаны результаты хозяйничанья Англии, Франции и Бельгии на африканском континенте, охарактеризована экспансия американских монополий в Африке. Главное внимание уделено анализу сельского хозяйства стран Африки.

В работе приведены данные о борьбе германского империализма за захват колониальных владений в Африке в конце XIX в. В исследовании отмечается, что после второй мировой войны западногерманские монополии активно участвуют в борьбе за получение максимальных при-

былей в Африке, что еще более усиливает противоречия в капиталистическом лагере. Западногерманские фирмы Круппа, Флика, Отто Вольфа успешно конкурируют на рынках Африки с английскими и французскими компаниями. Страны Африки посещают многочисленные экономические делегации, дельцы, промышленники, представители торговых фирм Западной Германии, которые стремятся заключить выгодные контракты. Президент бундестага Герстенмайер, совершивший поездку в Африку, призвал немецкие монополии усилить экспорт капитала в страны этого континента.

В исследовании приводятся интересные данные о внешнеэкономических связях Западной Германии с африканскими странами.

В ученых записках Берлинского университета им. Гумбольдта² опубликовано исследование Марианны Фридлендер о германской колониальной политике в Камеруне, написанное на основе архивных данных, обширной исторической литературы и прессы. Автор отмечает, что завоевание Камеруна Германией происходило типичными империалистическими методами, сопровождалось зверскими расправами с коренным населением. В исследовании М. Фридлендер охарактеризованы основные этапы установления германского колониального господства в Камеруне. М. Фридлендер отмечает, что колонизаторы, стремясь превратить страну в свою сырьевую базу, осуществляли беззастенчивый и хищнический грабеж естественных ресурсов Камеруна в интересах германских монополий.

Основная роль в ограблении страны принадлежала германским торговым домам и акционерным обществам. Хищническая эксплуатация богатейших природных ресурсов не требовала больших капиталовложе-

ний. Вывоз капитала играл второстепенную роль. Экономическая эксплуатация колоний осуществлялась путем торговли, создания плантаций и раздачи концессий акционерным обществам. Торговля была ведущей формой ограбления Камеруна германскими монополиями. В 1895 г. было создано крупнейшее в мире в то время плантационное хозяйство «Виктория» площадью в 10 тыс. гектаров.

Капитал «Виктории», составлявший 2,5 млн. марок, находился в руках нескольких немецких капиталистов и крупнейших банкиров.

Автор подробно анализирует методы хозяйничанья немецких колонизаторов в Камеруне. Характеризуя систему административного и военного управления страной, М. Фридлендер подробно останавливается на деятельности миссионеров. К моменту захвата Камеруна в стране насчитывалось три базы миссионеров, а в 1911—1912 гг. — уже было 70. Основной задачей миссионеров было «укрощение» и идеологическая обработка местного туземного населения в духе беспрекословного подчинения колонизаторам. Другой важной задачей миссионеров была подготовка переводчиков и кадров колониального управленческого аппарата из коренного населения.

Отдельная глава посвящена анализу выступлений коренного населения против немецких колонизаторов. Первые столкновения негров с немцами начались еще в 1884 г., сразу же после оккупации страны. О масштабах этих волнений свидетельствуют даже явно преуменьшенные данные официальных годовых отчетов.

По этим данным, для подавления выступлений местного населения в 1902—1903 гг. в Камерун были направлены 52 военные экспедиции.

Следует всячески приветствовать появление в Германской Демократической Республике трудов, разоблачающих колониальную политику кайзеровской Германии и колониалистские устремления нынешних западногерманских монополий.

Б. И. Потаповский

¹ «Die afrikanische Landwirtschaft in den Fesseln des Imperialismus». Deutsches Wirtschaftsinstitut, Bericht 13. Berlin, 1956; «Die Expansion der westdeutschen Monopole im Nahen und Mittleren Osten». Deutsches Wirtschaftsinstitut Bericht 15/16. Berlin, 1956; «Die Expansion der westdeutschen Monopole in Indien», Deutsches Wirtschaftsinstitut. Bericht 12. Berlin, 1957.

² М. Friedländer. Die Deutsche Kolonialpolitik in Kamerun von ihren Anfängen bis 1914. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe», Jahrgang V, 1955/1956, Hft. 4, S. 309—328.

ОБЗОР ЕЖЕГОДНИКА «PRILOZI ZA ORIJENTALNU FILOLOGIJU I ISTORIJU JUGOSLOVENSKIH NARODA POD TURSKOM VLADAVINOM»

«Записки по восточной филологии и истории югославских народов под турецким владычеством» являются периодическим органом основанного в 1950 г. Восточного института в Сараеве.

Сараево с давних пор известен как важнейший центр Югославии по изучению турецких архивных источников, в большом количестве сосредоточенных в Краеведческом музее и других государственных и частных архивах Боснии и Герцеговины. В периодическом издании Краеведческого музея¹ и в «Ежегоднике исторического общества Боснии и Герцеговины»² опубликовано большое число весьма ценных турецких документов и основанных на изучении турецких архивов исследований югославских ученых.

Выделенные из Краеведческого музея турецкие архивные и рукописные фонды, а также собрание восточных книг послужили базой для создания Восточного института, объединившего небольшой, но сильный коллектив югославских востоковедов во главе с известным специалистом в области турецкой палеографии и источниковедения проф. Браниславом Джурджевым — автором многочисленных работ по истории народов Югославии в период турецкого господства.

Не только архивы Сараева, но и архивы других городов Югославии — Дубровника, Загреба, Скопле, Белграда³ — содержат богатейшие собрания турецких документов и других материалов, имеющих весьма важное значение как для изучения истории народов Югославии и других балканских стран, так и для изучения истории Османской империи. Вследствие этого перед «Записками» была выдвинута задача освещения проблем, связанных с турецкой, араб-

ской и персидской филологией, как одним из важнейших средств исследования документов и по истории периода турецкого господства над народами Югославии.

Публикуемый в «Записках»⁴ материал в основном распределяется по трем разделам: статьи и публикации, краткие сообщения, рецензии и критические заметки. В I и II томах имеется также раздел «Переводы». Главное место в «Записках» занимают публикации источников, их переводы и исследования.

Из числа публикаций наиболее интересными являются следующие:

Два дефтера Черногорского санджака периода Скандербегга (1521 и 1523 гг.), извлеченные из стамбульского архива и изданные Бр. Джурджевым. Наряду с законоположениями относительно этого санджака, в документах имеется полный реестр султанских владений санджакбея в Черногории с перечислением количества домов в каждой деревне, земельных угодий и доходов с них (I, 7—22; II, 39—56; III—IV, 349—402). Три фермана, относящихся к первой половине XVI в., опубликованных Х. Хаджибегичем, в которых содержатся яркие факты о притеснениях, чинимых местному населению Македонии феодалами, сборщиками налогов, чиновниками, кочевниками-юрюками, захватывавшими земли крестьян, и т. д. (II, 83—94).

Большой интерес для изучения института вакуфного землевладения представляют старейшие вакуфные грамоты из Боснии 1462, 1477, 1517 и 1518 гг., опубликованные Х. Шабановичем («Две старейшие вакуфные грамоты из Боснии», III—IV, 403—413).

Важные документы по истории городской жизни и торговой деятельности опубликованы Д. Боянич-Шоповой («Данные о Скопле 951/1544 г.», III—IV, 607—619), Н. Филиповичем («Несколько документов о торговле в период турецкого владычества», II, 57—81), А. Ханджичем («Письма Ахме-

⁴ До настоящего времени вышло пять томов: I — в 1950 г., II — в 1952 г., III и IV — в 1953 г., V — в 1955 г.

да-паши Дугаличка кнезу и властелю Дубровника», III—IV, 415—435), А. Крешевляковичем («Обзор сведений о боснийских городах под турецкой властью», II, 115—184) и др. Изучению внешнего облика городов и селений помогают опубликованные в «Записках» материалы по истории архитектуры периода турецкого господства «Памятники османской архитектуры в Боснии и Герцеговине» (III—IV, 229—297), «Турецкие памятники в Охриде» (V, 111—134 и др.).

Весьма ценные данные для освещения истории народов Югославии под властью Османского государства и их борьбы против турецкого ига в XIX в. содержатся в публикациях турецких документов М. Муйича («Буюрлуду [приказ] Хусейн бей Градашевича», II, 195—199), Х. Хаджибегича («Отношения Черногории с Граховом», II, 201—211); «Турецкие документы о начале восстания в Герцеговине и Боснии в 1875 г.».

Документы, помещенные в «Записках», изданы, как правило, с соблюдением важнейших требований научной публикации источников. Многие из них сопровождаются факсимиле, набором с оригинала или транскрипцией текста. Переводы, комментарии, исследовательские статьи «Записок» свидетельствуют о том, что югославские ориенталисты имеют серьезную филологическую и историческую подготовку. В ряде случаев, освещая историю народов Югославии под турецким игом, они приводят важные данные, позволяющие более широко изучить историю Османской империи в целом. Так, например, статья Н. Филиповича относительно оджаклык-тимаров в Боснии и Герцеговине представляет большой интерес для изучения одной из форм феодального землевладения в Османской империи (V, 251—274). Ценные сведения содержит статья Х. Хаджибегича «Джизья, или харадж» (III—IV, 55—135), в которой на основании новых архивных документов выясняются сущность, развитие и значение этой наиболее тяжелой формы налога с покоренного немусульманского населения в Османской империи. Статья П. Мамировича о сараевских ювелирах (V, 199—231) показывает, в каких условиях развивалось ремесленное производство в Боснии и Герцеговине в период турецкого господства. В ней рассказывается об организации ре-

месленных цехов, технике и материальной базе ремесленного производства и т. п.

Важная работа ведется югославскими туркологами по исследованию мало изученных технических терминов и понятий в области турецкого феодального права землевладения. На эту тему в «Записках» опубликована статья Н. Филиповича о термине «тахвил» (II, 239—247). Полезной является статья Х. Шабановича, посвященная исследованию терминов *evail*, *evasisit*, *evahir* в датировке турецких документов (II, 213—237).

Большую ценность представляет помещенная в «Записках» статья видного турецкого историка Х. Иналджика «От Стефана Душана до Османского государства» (III—IV, 23—54), в которой на большом архивном материале показана роль местных христианских феодалов в Сербии, перешедших на службу к турецким завоевателям и сохранивших поэтому свои земельные владения. Эти феодалы первое время служили серьезной опорой для турецких завоевателей в покоренных землях Сербии.

Местных феодалов турецкие власти привлекали на свою сторону и в других покоренных ими странах.

В «Записках» помещены также исследования из области прагматики и арабистики. Из их числа следует назвать анализ известного сочинения «Безм у резм» Астрабади как одного из наиболее ранних источников сведений о битве на Косовом поле (1389), (III—IV, 5—21). Арабистические исследования представлены статьями Т. Муфтича «Введение в синонимы арабского языка» (V, 5—32), «Трехбуквенный корень в арабском языке» (III—IV, 509—551) и Ш. Сикирича «Синтаксические функции арабского предлога» (III—IV, 553—574). Сравнительному изучению языка урду и цыганского языка посвящена статья Р. Ухлика (V, 299—320).

Значительную ценность представляет отдел рецензий и критических заметок. В нем регулярно публикуются рецензии на важнейшие новые работы в области востоковедения и обзоры наиболее значительных востоковедных журналов, издаваемых в странах Запада и Востока.

В настоящем обзоре мы не ставили своей задачей перечислить все статьи и публикации «Записок» Восточного института в Сараеве. Каждая из них вызовет несомнен-

¹ «Glasnik Zemaljskoga Muzeja u Sarajevu». Sarajevo.

² «Godišnjak istoriskog društva Bosne i Hercegovine». Sarajevo.

³ См. Harim Šabanović. Turski diplomatski izvori za istoriju nasih naroda. (Prilozi...sv. I, str. 117—149) с библиографическим списком публикаций турецких документов по истории народов Югославии.

ный интерес у специалистов-востоковедов⁵.

⁵ См. Б. А. Цветкова. Ново периодично издание по ориенталистика и история на балканските народи под турска власт във ФНР. Югославия, «Исторически Преглед», год XII, № 6, София, 1956, стр. 96—105.

E. E. RAMSAUR. *The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908.* Princeton University Press. Princeton, New Jersey, 1957, 180 p.

Пятьдесят лет назад, в июле 1908 г., победоносное восстание в Македонии заставило султана Абдул-Хамида II ввести в Османской империи конституционный строй, созвать парламент, провозгласить буржуазные свободы. Это первое революционное выступление турецкого народа против феодально-клерикального султанского режима вошло в историю под наименованием младотурецкой революции. В своем дальнейшем развитии младотурецкая революция, по существу, потерпела поражение: в Турции сохранились полуфеодалные и даже феодальные формы эксплуатации, господство землевладельческой аристократии и компрадоров, полуколониальная зависимость от империалистических держав; лишь в политической надстройке произошла небольшая передвижка — представители тонкой прослойки турецкой буржуазной интеллигенции и, в особенности, турецкого офицерства в какой-то степени приобщились к государственной власти, получив доступ к бюрократическим постам. Более радикальные перемены пришли позднее, в новой международной и внутренней обстановке, после Октябрьской революции в России и окончания мировой войны 1914—1918 гг., когда в Турции совершилась уже не просто буржуазная, а буржуазно-национальная, антиимпериалистическая, так называемая кемалистская революция.

Однако, как ни скромны были непосредственные результаты младотурецкой революции и как ни бесславна судьба ее вождей, историческое значение первой турецкой буржуазной революции неоспоримо. Она была одним из важных проявлений «пробуждения Азии», о котором В. И. Ле-

знакомство с содержанием ежегодника позволяет сделать вывод, что «Записки» Восточного института в Сараеве представляют собой чрезвычайно серьезное востоковедное издание.

А. С. Тверитинова

нин говорил, что тогда «сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застоe, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию»¹. Она явилась той школой, которую неизбежно должен был пройти турецкий народ на пути к освобождению от феодального и империалистического гнета. Опыт младотурецкой революции интересен, наконец, и в том отношении, что в ней рельефно проявилась руководящая роль армии и офицерства, что, между прочим, имело место и в новейший период истории, в иных условиях, в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока.

В рецензируемой книге Эрнеста Эдмондсона Рэмсора затрагивается история предреволюционного периода и освещается не столько подготовка революции, сколько внутренняя жизнь младотурецких организаций. Автор рецензируемой книги, несомненно, хорошо знает источники, в частности турецкие, и литературу вопроса. Судя по издательской аннотации, он преподавал историю в Калифорнийском университете, затем в Роберт-колледже в Стамбуле, а потом снова в США — в государственном университете штата Айова. Годы войны, с 1942 по 1946 г., он провел в американском флоте, после чего перешел на военно-дипломатическую работу, а оттуда в Государственный департамент, где служит и в настоящее время.

Круг источников, изученных Рэмсором, достаточно обширен, причем автор впервые вводит в научный оборот некоторые ценные свидетельства участников событий, приславших ему, в бытность его в Турции, письмен-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19. стр. 66.

ные ответы на поставленные вопросы. Рэмсором использованы также опубликованные мемуары и другая, различная по характеру и по ценности, историческая литература (в частности, и на русском языке — публикация дипломатических документов русского министерства иностранных дел в «Красном архиве» за 1930—1931 гг. и книга Х. З. Габидуллина «Младотурецкая революция» (изданная в 1936 г.). Из более или менее значительных пробелов в использовании источников можно отметить только два: во-первых, автор взял из чужих рук изложение решений Парижского конгресса 1907 г., тогда как имеются опубликованные на французском языке подлинные резолюции; во-вторых, взгляды принца Сабахеддина излагаются им по далеко не объективной и во многом неточной книге Поля Феша «Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid», без привлечения высказываний самого Сабахеддина, содержащихся в изданных им трех «изах'ах» — брошюрах-декларациях².

С точки зрения методологии книга Рэмсора не может нас удовлетворить. Неприемлем и ряд его выводов. Автор полностью игнорирует экономические и социальные предпосылки младотурецкой революции, если только не считать беглого упоминания об «экономическом кризисе» в Турции в 1907 г. (стр. 131), да еще довольно странного и, по меньшей мере, одностороннего утверждения о том, что банкротство турецкого правительства в 1875 г. явилось «прямым последствием экстравагантностей султана» (стр. 6).

М. صباح الدين. تشبث شخصى و توسيع مأذونيت حقه بر ايضاح. در سعادت (М. Сабахеддин. Декларация относительно частной инициативы и расширения полномочий). Стамбул; 1324 г. х.; его же صباح الدين. تشبث شخصى و عدم مركزيت حقه ايكينجى بر ايضاح. (Вторая декларация относительно частной инициативы и децентрализации). Стамбул, 1324г. х.; его же. صباح الدين اتحاد و ترقى جمعيتنه آچيق مكتوبلر مسلكمز (Открытые письма обществу «Единение и прогресс»: Третья и последняя декларация относительно нашей доктрины), 1327 г. х.

Представление Рэмсора об империализме, как о факторе, вызывающем сопротивление турецкого народа, имеет весьма смутный характер. Единственный раз, и то в цитате из статьи лидера младотурок Ахмеда Ризы, упоминается о режиме капитуляций (стр. 64). Империализм для Рэмсора — это либо то, что связано непосредственно с вооруженными захватами, и поэтому он признает империалистической политику Австро-Венгрии в 1908 г., когда были аннексированы Босния и Герцеговина (стр. 147), либо то, что вытекает из понятия «империя», и, должно быть, по этой причине он называет централизаторскую политику младотурок «империалистической», а панисламистские тенденции Мурад-бея («Дагестанец Мурад») — «религиозным империализмом» (стр. 43—44).

Характерно и то, что, правильно отмечая отрицательную позицию, занятую европейскими державами, и, в частности, Англией по отношению к младотуркам после революции 1908 г. (стр. 146—147), автор уклоняется от объяснения этого явления. Он даже как будто удивлен, что так могло случиться, поскольку Англия, по его словам, «могла бы без опасения наблюдать образование более сильного правительства в Турции» (стр. 143). Между тем автору достаточно было бы обратиться к широко известной британской публикации документов о происхождении первой мировой войны, чтобы найти там письмо английского министра иностранных дел Эдуарда Грея на имя посла в Турции Лоутера от 31 июля 1908 г. с откровенным высказыванием о том, что «если турецкая конституция будет исправно действовать и дела в Турции пойдут хорошо, а нам (т. е. англичанам.— А. М.) в то же время придется подавлять силой и расстрелами восстание египетского народа, также требующего конституции, то наше положение окажется очень неловким»³.

³ «British documents on the origins of the War 1898—1914», vol. V. London, 1928, p. 263.

Упущение Рэмсора (если это только упущение) тем более странно, что письмо Грея (хотя и с пропуском наиболее важной части фразы — от слов «а нам» и до «конституции») цитируется также в неоднократно использованной автором и, кстати сказать,

Вместе с тем Рэмсор предпочел умолчать о влиянии русской революции 1905—1907 гг. на развитие младотурецкого движения, хотя в перечне использованных им источников числится, как уже было сказано, публикация русских архивных материалов, содержащая яркие доказательства этого влияния. В этом вопросе Рэмсор, по-видимому, просто проявляет необъективность — явно в ущерб своему исследованию, в котором он оставил без должного объяснения такой важный факт, как оживление младотурецкого движения в 1906 и последующих годах. В одном месте, говоря о слиянии внутриоттоманских и зарубежных младотурецких организаций в 1907 г., автор даже заявляет, что это было вызвано «только случайностью» (стр. 121).

Зато Рэмсор неправоммерно абсолютизирует влияние «западных» идей на Турцию. Конечно, западноевропейская передовая мысль проникала в Турцию и оказывала огромное влияние на младотурок. Это бесспорно. Но Рэмсор неправ, когда приписывает развитие турецкого революционного движения только этому влиянию. Как будто вскользь и не очень серьезно он, например, отмечает, что военно-медицинская школа, где впервые возникло тайное общество «Единение и прогресс», помещалась рядом с железнодорожной станцией Сиркеджи, а «в предшествующем году на эту станцию прибыл первый прямой поезд из Парижа и обильнее всего из Парижа стали просачиваться западные идеи в Оттоманскую империю» (стр. 14).

Среди частных вопросов, с трактовкой которых мы не можем согласиться, наибольшее значение имеет, пожалуй, характеристика Ахмеда Ризы и оценка его роли в младотурецком движении (стр. 25, 38, 73—74 и др.). Автор правильно отмечает своеобразное сочетание у Ахмеда Ризы турецкого национализма, централизма и контовского позитивизма. Однако, вероятно, под влиянием уже упомянутого Поля Феша, а может быть и Ахмеда Бедеви Курана⁴, сторонника и ближайшего со-

справедливо раскритикованной им книге. См. *W. D. David. European diplomacy in the Near Eastern question. 1906—1909. Urbana, 1940, p. 75.*

⁴ *Ahmed Bedevi Kuran. Inkilâp Tarihimiz ve «Jön Türkler».* (Ахмед Бедеви Куран.

трудника принца Сабахеддина, автор преуменьшает положительную роль Ахмеда Ризы в создании буржуазно-революционного крыла младотурок, непосредственно подготовившего революцию. Как бы то ни было, именно Ахмед Риза в предреволюционный период проявил наибольшую последовательность и стойкость, не поддавшись, как Мурад, Абдулла Джебдет и другие младотурецкие лидеры, ни посулам, ни угрозам Абдул-Хамида.

Некоторая недооценка допущена автором и в отношении старшего поколения младотурок — «новых османов» (стр. 5, 7), а также в отношении армянского национально-освободительного движения, которое Рэмсор тоже, вслед за Фешем, практически сводит к одним только выступлениям дашнаков (стр. 9—10).

В книге имеется ряд фактических ошибок: неверны некоторые даты, например, дата роспуска парламента Абдул-Хамидом (стр. 8), убийства Мидхата (стр. 54)⁵, выступления Ниязи-бея (стр. 134); не точно изложены условия Берлинского трактата о сербах (стр. 9); ошибочно написание названия партии «дашнакцутюн» — «The Dashnagtzoutian» (стр. 62, 64, 124, 129). Впрочем, такого рода ошибок совсем немного.

В общем же книга Рэмсора — полезное пособие для всех, кто интересуется историей Турции. Небольшая по размеру, она насыщена богатым фактическим материалом, почерпнутым из интересных и разнообразных источников и умело изложенным. В этом, а не в аналитических выводах автора, заключается сильная сторона исследования. Хороши также тщательно составленная библиография и «библиографические заметки», которые должен будет принять во внимание каждый исследователь данной проблемы.

А. Ф. Миллер

Наша революционная история и младотурки. Istanbul, 1945; его же. *Inkilâp Tarihimiz ve Ittihad ve Terakki.* (Наша революционная история и «Единение и прогресс»). Istanbul, 1948.

⁵ По-видимому, и в этом случае автор следует Фешу, хотя и не ссылается на него. См. *P. Fesch. Constantinople aux derniers jours d'Abdul-Hamid.* Paris, s. a., p. 348.

S U M M A R Y

According to Prof. A. F. Miller, E. E. Ramsaur's book contains a great amount of well presented documentary material borrowed from interesting and varied sources. Therein, rather than in the author's analytical conclusions, notes the reviewer, lies the value of this work. Prof. Miller goes on to say that Ramsaur's book cannot satisfy us as far as its methodology is concerned; this refers also to some of his conclusions. Completely ignoring the economic and social prerequisites of the Young Turk revolution, the author does not explain the reasons for the unfavourable attitude adopted by the West European powers to the Young Turks after the revolution of 1908.

The author avoids any mention of the influence exercised by the Russian revolution of 1905—07 on the development of the Young Turk movement, and lays entirely unfounded stress on the influence of «Western» ideas upon Turkey.

The reviewer notes also some errors in the presentation of facts.

НЕКОТОРЫЕ ИЗДАНИЯ ТУРЕЦКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

За последние годы Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu) издало ряд исследований по истории Турции и других государств Ближнего и Среднего Востока. Одновременно Общество начало осуществлять научное издание источников для изучения истории Турции. В данных заметках рассматриваются некоторые работы, вышедшие в 1953—1957 гг.¹

İBN KEMAL. Tevârih-i âl-i Osman. VII Defter. Önsöz, indeks ve içindekileri hazırlıyan Dr. Şerafettin Turan.

(ИБН КЕМАЛЬ. История династии Османа. VII тетрадь. Предисловие, указатель и оглавление подготовлены Шерафеддином Тураном). Анкара, 1954, 51, 625, XXI стр.

«История династии Османа» была составлена по приказу султана Баязида II (1481—1512) турецким государственным деятелем и ученым Шемседдином Ахмедом ибн Сулейманом (1468—1534), известным в литературе под именем Ибн Кемалья. Ни один из десяти томов труда Ибн Кемалья не обнаружен в оригинале, некоторые тома не найдены и в копиях. Седьмой том, охватывающий историю Турции периода прав-

¹ Все упоминаемые в заметках работы дополнили недавно фонд Отдела зарубежного Востока Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, что является результатом установления библиотекой делового контакта с Турецким историческим обществом.

ления султана Мехмеда Фатиха (1451—1481), известен лишь в двух полных списках, хранящихся в Стамбуле, один — в Национальной библиотеке, другой — в библиотеке «Фатих».

Издание (седьмой том) представляет собой факсимиле списка, хранящегося в библиотеке «Фатих». На основании внешних данных и владельческих записей издатель датирует этот список первой половиной XVIII в.

Труд Ибн Кемалья, как и все османские хроники, — политическая история-хроника. По подробности изложения сочинение Ибн Кемалья, как отмечает издатель, превосходит все известные истории-хроники этого периода. Описывая события близкого ему прошлого, автор, как он это сам отмечает, использовал рассказы очевидцев событий больше, чем письменные источники.

İBN KEMAL. Tevârih-i âl-i Osman. VII Defter, Tenkidli transkripsiyon. Hazırlıyan Dr. Şerafettin Turan.

(ИБН КЕМАЛЬ. История династии Османа. VII тетрадь. Критическая транскрипция. Подготовил Шерафеддин Туран). Анкара, 1957, СХ, 598 стр.

Эта работа является завершением труда Ш. Турана по изданию седьмого тома «Истории династии Османа» Ибн Кемалья. Большую часть работы составляет критический текст в транскрипции. В его основу положен наиболее ранний список седьмого тома сочинения Ибн Кемалья, хранящийся

в библиотеке «Фатих». Издателем установлено, что список этого тома, имеющийся в Стамбульской национальной библиотеке, а также небольшие отрывки из седьмого тома, обнаруженные в других библиотеках Стамбула, являются позднейшими копиями списка из библиотеки «Фатих». Поэтому при составлении критического текста им использован лишь неполный список седьмого тома, находящийся в Парижской национальной библиотеке и охватывающий исторические события со времени восшествия на престол султана Мехмеда Фатиха до завоевания Константинополя (этот список датируется XVII в.).

Критическому тексту предпослана обширная вводная часть, содержащая краткий очерк жизни и деятельности Ибн Кемалия, историю написания его сочинения, подробную характеристику значения этой хроники как нового источника по истории Турции. В вводной части содержатся сведения об источниках, использованных Ибн Кемалем для написания «Истории династии Османа», а также указания, для кого из историков это сочинение Ибн Кемалия, в свою очередь, послужило источником.

Обе книги этого весьма ценного издания снабжены указателями имен собственных, географических названий, наименований племен и исторических терминов. Издатель сообщает, что Турецкое историческое общество приняло решение опубликовать и другие уже обнаруженные тома сочинения Ибн Кемалия.

CEVDET PASA. *Tezahir*, 1—12. Yayınlayan Prof. Cavid Baysun.

(ДЖЕВДЕТ-ПАША. *Записки*, 1—12. Издатель проф. Джавид Байсун). Анкара, 1953, XXVI, 178 стр.

Опубликованные Джавидом Байсуном «Записки» крупного турецкого государственного деятеля и историка, автора двенадцатитомной истории Турции Ахмеда Джевдета-паши (1828—1895) представляют собой записи, направленные Джевдетом своему современнику и официально историографу Ахмеду Лютфи-эфенди (1815—1907). «Записки» изданы в транскрипции на основе написанных рукой Джевдета черновиков, обнаруженных среди его бумаг, хранящихся в Стамбульской национальной библиотеке.

В «Записках» освещаются различные вопросы истории Турции 40—50-х годов XIX в.,

в частности внутри- и внешнеполитическое положение Османской империи накануне и во время Крымской войны 1853—1856 гг., ход военных действий, роль турецкой дипломатии на Парижском конгрессе и т. д. Значительное место в «Записках» занимает характеристика так называемых «танзиматских» реформ, в частности хатти хумаюна 1856 г., а также описание весьма мало освещенного в литературе восстания, поднятого в 1856 г. шерифом Мекки Абдельмутталибом против турецких властей. Двенадцатая «Записка» (стр. 101—152) подробно освещает причины этого восстания, его ход и поражение. Фактический материал, содержащийся в «Записках», особенно ценен потому, что автор писал о современных ему событиях, во многих из которых он либо лично участвовал, либо являлся их очевидцем. «Записки» Джевдета послужили важным источником для «Tarih-i Lütfi» — сочинения Ахмеда Лютфи-эфенди, которое охватывает историю Турции с 1825 по 1867 г. Издание снабжено сводным указателем имен собственных, географических наименований и некоторых терминов. Эта публикация дает в руки исследователей новые материалы для изучения истории Турции середины XIX в.

DR. MENMED ALTAU KÖYMEN. *Büyük Selçuklu İmparatorluğu tarihi. Cilt II — İkinci İmparatorluk devri.*

(МЕХМЕД АЛТАЙ КОЙМЕН. *История великой Сельджукской империи. Т. II — Период второй империи*). Анкара, 1954, XX, 528 стр.

Работа Коймена представляет собой подробное изложение политической истории сельджукской империи периода правления султана Санджара, последнего представителя династии «великих сельджуков» (1117—1157). Значительное место в исследовании Коймена занимает освещение вопроса о юридических и фактических взаимоотношениях между сельджукским султаном и подвластными ему вассальными государствами.

Фактический материал почерпнут в основном из арабских и персидских источников — исторических хроник и официальных документов. Широко использована имеющаяся по этому вопросу литература. Работа снабжена хронологической таблицей, сводным указателем и картой. Автор сообщает, что история периода от создания

империи сельджуков и до правления Санджара составит предмет другой книги. Свои исследования в этой области автор предполагает завершить написанием истории государства анатолийских сельджуков.

DR. İBRAHİM KAFESOĞLU. *Harezmşahlar devletleri tarihi.*

(ИБРАГИМ КАФЕСОĞЛУ. *История государства хорезмшахов*). Анкара, 1956, VI, 317 стр.

В исследовании Ибрагима Кафесогулу освещается политическая история государства хорезмшахов (с конца XI до первой четверти XIII в.). В книге рассматривается история возникновения и расширения государства хорезмшахов, освещаются завоевания первых представителей династии великих хорезмшахов — Атсыза, Иль Арслана и Алаэддина Текеша. Центральное место в работе занимает глава, посвященная периоду управления хорезмшаха Мухаммеда (1200—1220), когда государство хорезмшахов достигло своего наибольшего величия. Специальный раздел этой главы посвящен внутреннему положению империи хорезмшахов в это время. В последней главе автор описывает историю падения государства хорезмшахов в результате нашествия монголов в 1220 г.

Исследование основано на большом фактическом материале, преимущественно из арабских и персидских источников, часть которых впервые вводится в научный оборот. В книге имеется обзор источников и литературы, карта государства хорезмшахов в 1220 г., а также указатель имен собственных и географических наименований.

DR. SELAHHATTİN TANSEL. *Osmanlı kaynaklarına göre Fatih Sultan Mehmed'in siyasi ve askerî faaliyeti.*

(САЛАХЕДДИН ТАНСЕЛЬ. *Политическая и военная деятельность султана Мехмеда Фатиха согласно османским источникам*). Анкара, 1953, XIX, 356 стр.

Книга С. Танселя представляет собой исследование военной и политической деятельности султана Мехмеда Фатиха (1451—1481). Во вступлении и первых двух главах автор характеризует личность Мехмеда и излагает события, связанные с завоеванием Константинополя. В третьей, четвертой и пятой главах рассматриваются завоевательная политика Мехмеда на Западе — покорение Сербии, завоевание Морен,

Албании, Боснии и Герцеговины, борьба с Венгрией и Венецией), в районе Эгейского моря и Черном море (покорение Трапезунтской империи, разгром генуэзских колоний на анатолийском побережье и на севере Черного моря, установление сюзеренитета над Крымским ханством). Шестая глава посвящена борьбе Мехмеда за подчинение всей Анатолии власти турецких султанов (ликвидация вассального Караманского эмирата, борьба с главой государства Аккоюнлу Узун Хасаном). В седьмой главе освещаются отношения Османской державы с Египтом в период правления Мехмеда Фатиха.

Автор привлек для написания работы все известные турецкие источники, а также ряд новых материалов из архива музея дворца Топкапы.

Книга снабжена указателем собственных имен, географических названий и наименований племен.

HALİL İNALCIK. *Fatih devri üzerinde tetkikler ve vesikalar*, I.

(ХАЛИЛЬ ИНАЛДЖЫК. *Исследования и документы о периоде Фатиха I*). Анкара, 1954, XI, 245 стр., X табл.

Халиль Иналджык освещает в своей работе отдельные вопросы истории Османского государства в период правления султана Мехмеда Фатиха. Автор рассматривает события, связанные с крестовым походом против турок, который был предпринят в 1444 г. объединенными силами венгерского и польского рыцарства под руководством польского короля Владислава III. Значительное место уделено истории заключения Сегединского мирного договора между турками и крестоносным союзом. Два раздела работы посвящены истории восшествия Мехмеда Фатиха на престол и его деятельности до завоевания Константинополя. В книге освещается борьба феодальных группировок в период междоусобицы, имевшей место перед окончательным утверждением Мехмеда Фатиха на османском престоле. Автор рассматривает также политику турецких султанов в завоеванных областях Балкан, в особенности их политику в отношении местной феодальной землевладельческой знати.

К работе приложено значительное число документов, касающихся рассматриваемых в исследовании вопросов.

REŞAT KAYNAR. *Mustafa Reşit-Paşa ve Tanzimat.*

(РЕШАД КАЙНАР. *Мустафа Решид-паша и танзимат*). Анкара. 1954, X, 656 стр.

Рассматриваемый труд проф. Кайнара является первой частью его исследования о жизни и деятельности выдающегося турецкого государственного деятеля середины XIX в., инициатора так называемых танзиматских реформ, Мустафы Решид-паша.

Основное место в работе занимает изложение внешнеполитической истории Турции во второй половине 30— первой половине 40-х годов XIX в. в тесной связи с описа-

нием разносторонней государственной деятельности Решид-паша. Автор уделит большое внимание деятельности Решид-паша в качестве посла в Лондоне и Париже, министра иностранных дел, а также его реформаторской деятельности, в частности, подготовленному им Гюльханейскому хатт-и шерифу 1839 г., которым была начата серия реформ в области административного управления, финансов, юстиции, просвещения и т. д. Кайнар охарактеризовал также реформы, проведенные в осуществление принципов, провозглашенных Гюльханейским хатт-и шерифом.

Ю. А. Петросян

«*Economic Development in the Middle East. 1955—1956*». New York, 1957.

Департамент по экономическим и социальным вопросам Организации Объединенных Наций выпустил в мае 1957 г. очередной обзор об экономическом положении стран Среднего Востока за 1955/56 гг.¹, в основном охватывающий данные за 1955 г. и, где это было возможно, за 1956 г. Обзор, как указывается в предисловии, ставит своей целью ознакомление с основными тенденциями экономического развития Среднего Востока в 1955/56 гг.

Какие главные явления привлекают внимание авторов обзора? Они отмечают, что в рассматриваемый период увеличился спрос на экспортную продукцию стран Среднего Востока, причем не только на нефть, но и на другие продукты, особенно на хлопок. Это увеличение вызвано ростом закупок со стороны стран социалистического лагеря. «Вывоз в Советский Союз и страны Восточной Европы увеличился, в то время как вывоз в страны Западной Европы уменьшился», констатирует отчет (стр. 1), отмечая, что аналогичные явления происходили и в области импорта.

¹ В обзор включены данные по Саудовской Аравии, Египту, Ираку, Ирану, Израилю, Иордании, Ливану, Судану, Сирии, Турции, Йемену, а также по колонии Аден, протекторату Аден, Бахрейну, Кипру, Кувейту, Маскату, Оману, Катару и Пиратскому берегу.

Подавляющая часть инвестиций иностранного капитала направлялась в добычу и переработку нефти. Инвестиции в нефтяную промышленность осуществлялись в основном путем самофинансирования (за счет реинвестиций прибылей) и составили в 1954 г. — 190 млн. долларов, в 1955—210 млн. и, по предположениям, в 1956 г. оставались на том же уровне. Во всех прочих отраслях частные инвестиции оставались незначительными и направлялись только в Турцию и Израиль.

В экономике стран Ближнего и Среднего Востока главную роль все еще играет земледелие. В 1956 г. в странах Ближнего Востока несколько увеличился объем сельскохозяйственного производства. В 1956 г. по сравнению с 1955 г. продукция зерновых в целом выросла на 10,5%, хлопка на 5,4%; в то же время продукция бобовых сократилась в 1956 г. на 3,9%. Кроме того, в Турции в связи с неблагоприятными климатическими условиями сбор зерновых в 1956 г. был на 8,9% ниже уровня 1955 г. Производство зерновых значительно выросло в Сирии, Египте, Иране и Ираке. Страны этого района стремились увеличить производство технических культур, а также фруктов и овощей.

Обзор отмечает значительное увеличение количества тракторов и рост потребления искусственных удобрений, что, несомненно, является показателем интенсификации сель-

ского хозяйства и отражает процесс развития капиталистических отношений в земледелии.

Ряд стран этого района стремится расширить площадь орошаемых земель; поэтому значительная часть средств по так называемым «бюджетам развития» направляется в сельское хозяйство и, в особенности, на строительство ирригационных сооружений. На эти цели в Египте, например, предполагается направить 39,5% всех бюджетных ассигнований, в Ираке 33,7%, в Иране — 26%, в Сирии 32,3%, в Израиле — 25,9%, в Турции — 7,8%, и т. д. Авторы отчета уделяют внимание не только техническим сдвигам, но и частным изменениям социально-экономической структуры сельского хозяйства.

В ряде стран Ближнего Востока продолжалось осуществление аграрных реформ, в частности распределение земли среди безземельных или малоземельных крестьян. К сожалению, авторы обзора не указывают на существующие различия в характере, причинах и результатах проведения этих реформ, тогда как известно, что аграрные реформы имеют различный характер в разных странах. Если в таких странах, как Египет, частичные реформы в известной мере способствовали росту крестьянского землевладения и повышению доли феллахов в доходе от сельского хозяйства, то в таких странах, как Ирак, эти реформы способствуют, по существу, росту помещичье-кулацкого землевладения и не приводят к сколько-нибудь значительному улучшению положения крестьянских масс. Так, в Египте в период 1952/56 г. было распределено среди крестьян около 121 тыс. га помещичьей земли, которую получили 90 тыс. семей; кроме того помещики продали крестьянам около 61 тыс. га. В результате уменьшения арендной платы доля помещиков в валовом доходе сельского хозяйства, по официальным данным, уменьшилась с 20,7% в 1951/52 г. до 11,9% в 1954/55 г. Таким образом, частичная аграрная реформа способствовала известному перераспределению земли в пользу крестьян и увеличению их доходов. В то же время, по официальным данным, в Ираке около 15 500 собственников получили 550 000 га, однако, по утверждению ряда специалистов, большая часть этой земли (около 450—500 тыс. га) попала в руки

шейхов, являющихся крупными помещиками, а на долю мелких крестьян пришлось не более 60—100 000 га².

В обзоре констатируется продолжавшийся в 1955 и 1956 гг. рост промышленности, причем отмечается некоторое его замедление в 1956 г. Продукция обрабатывающей промышленности увеличилась в Египте, Иране, Ираке, Ливане и Турции, в то время как в Израиле и Сирии в 1956 г. она оставалась стабильной. Потребление электроэнергии в промышленности Египта, Ирака, Израиля, Сирии и Турции увеличилось на 19,1% в 1954 г. и на 11,6% в 1955 г.

Опубликованные уже после выхода в свет рецензируемого обзора данные показывают, что темпы промышленного развития выше в тех странах, где правительства национальной буржуазии решительно проводят самостоятельную внешнюю политику и концентрируют свои усилия на экономических проблемах, обращают особое внимание на промышленность. Например, в Египте в 1955—1956 гг. промышленное производство ежегодно увеличивалось на 10% и темпы его роста были выше, чем во многих развитых капиталистических странах³. В отчете указывается, что конкуренция иностранных товаров препятствовала промышленному развитию Ирана, Ливана и Сирии. Правительства ряда стран (Египет, Сирия и др.) приняли меры для ограничения импорта товаров, конкурирующих с изделиями местной промышленности, по изъятию от налогообложения сырья и машин, ввозимых из-за границы, субсидировали экспорт промышленных товаров, увеличили размеры промышленных кредитов и т. д.

Приводимые в отчете цифры указывают на весьма важное явление в экономике ряда национально независимых стран Ближнего Востока — все возрастающую роль государственного сектора в промышленности этих государств. Особенно показательным, что в некоторых странах государственные инвестиции составляют уже более половины всех капиталовложений в промышлен-

² D. Warriner. *Land reform and development in the Middle East*. London, 1957, p. 162—163, 165.

³ «National bank of Egypt. Economic bulletin», 1957, № 1, p. 7; «L'Economiste Egyptien», 28 июля 1957 г.

ленность, главным образом в тяжелую индустрию. Например, в Египте государственные вложения в промышленность уже в 1955 г. значительно превысили частные инвестиции. К 1956 г. построено 4 теплоэлектростанции мощностью в 119 тыс. квт, продолжалось строительство металлургического завода в Хельване, завода искусственных удобрений в Асуане, расширен выпуск продукции на государственном заводе по производству удобрений в Суэце. В текстильной промышленности, принадлежащей частному капиталу, также наблюдается рост производства, число веретен увеличилось с 616 000 в 1954 г. до 800 000 — в конце 1956 г., число ткацких станков увеличилось с 13 700 в 1952 г. до 17 000 в 1956 г.

В Иране после снижения уровня промышленного производства в 1954 г. — начале 1955 г. наблюдается увеличение производства в 1955—1956 гг. в большинстве отраслей промышленности. Однако продукция текстильной промышленности, где занято более 20% всех рабочих, сократилась главным образом, из-за увеличения импорта иностранных товаров, с которыми не в силах конкурировать местная промышленность. В 1956 г. в Иране была впервые проведена полная промышленная перепись. Из данных переписи видно, что в стране насчитывалось 155 262 рабочих фабрично-заводской промышленности и что около половины предприятий обрабатывающей промышленности сосредоточено в Тегеране; примечательно, что до 25% обрабатывающей промышленности принадлежит государству. В апреле 1956 г. был принят новый закон об иностранных вложениях, значительно облегчающий деятельность иностранного капитала. Отныне разрешается переводить за границу и всю сумму вложенного капитала и полученные прибыли.

Довольно быстрыми темпами развивалась промышленность в Ираке — потребление электроэнергии промышленными предприятиями (за исключением нефтяной индустрии) увеличилось на 23% в 1954 г. и на 60% в 1955 г. Был принят закон об освобождении новых предприятий от налогообложения, о беспроцентном ввозе промышленного сырья и машин, об увеличении капитала промышленного банка и т. д. Много места уделяется исполнению задач 6-летнего плана 1956—1961 гг.;

по которому предполагается вложить в промышленность около 122 млн. долл. Однако опубликованные ранее данные показывают, что планы экономического развития в Ираке, особенно в области промышленности, до сих пор оставались главным образом на бумаге. В годы так называемого пятилетнего плана (1951—1956) действительные вложения в промышленность составили, по официальным данным, лишь 20% всех запланированных ранее ассигнований. Будущее покажет, насколько реальны цифры шестилетнего плана.

В Израиле в 1955 г. наблюдался рост промышленного производства на 12—14%, а в 1956 г. в связи с суэцкой авантюрой оно сократилось (в ноябре 1956 г. промышленное производство было на 10% ниже, чем в 1955 г.). В 1956 г. сократился и объем промышленных инвестиций.

В Ливане в 1955 и 1956 гг. наблюдался довольно быстрый рост промышленности; капитал, вложенный в промышленность, увеличился в 1955 г. — на 15 и в 1956 г. — еще на 9%. Число рабочих ежегодно возрастало на 10%. Число промышленных предприятий увеличилось с 2 400 в 1955 г. до 2 906 в 1956 г.

В Сирии после значительного роста промышленного производства в 1955 г. оно несколько сократилось в 1956 г. Серьезные трудности переживала текстильная промышленность из-за конкуренции иностранных товаров. В декабре 1956 г. правительство резко повысило пошлины на ввозимые ткани; это наряду с другими мерами способствовало улучшению положения.

В Турции в 1955 г. промышленная активность оставалась на высоком уровне. Индекс промышленного производства (обрабатывающая промышленность) составил в 1955 г. 152% к уровню 1950 г., а в горнодобывающей промышленности — 197%. Значительная часть вложений осуществляется государством (тяжелая промышленность), в легкой промышленности преобладает частный капитал.

Ввиду большого значения нефтяной промышленности в экономике ряда стран Ближнего Востока составители отчета посвятили ей специальный раздел. В отчете указывается, что добыча нефти в 1956 г. достигла 171,6 млн. тонн по сравнению с 162,8 млн. тонн в 1955 г., а доля стран Ближнего Востока в мировой добыче нефти

составила 20,9% в 1955 г. и 20,4% в 1956 г. Валовые инвестиции в нефтедобывающую промышленность увеличились с 900 млн. долл. в 1946 г. до 2 750 млн. долл. на конец 1955 г., а доля США в них выросла с 46,9% до 53,1%. В то же время чистые инвестиции (т. е. действительный вывоз капитала, без реинвестированных прибылей) составили 525 млн. долл. в 1946 г. и 1625 млн. долл. в 1955 г.

Мощность нефтеочистительных заводов на Ближнем Востоке достигла 66 млн. тонн, но значительная часть ее по-прежнему не использовалась. Если в 1950 г. на Ближнем Востоке было очищено 48% добытой нефти, то в 1956 г. лишь несколько более 23%; это способствует росту прибылей иностранных монополий. В 1956 г. было экспортировано из стран Ближнего Востока 143 млн. тонн нефти по сравнению с 136 млн. тонн в 1955 г., а стоимость экспорта составила 2,6 млрд. долл. в 1955 г. и 2,8 млрд. долл. в 1956 г. Как и в предыдущие годы, рост промышленности, развитие транспорта, механизация сельского хозяйства и т. д. обусловили рост потребления нефти и изделий из нее в самих странах Ближнего Востока. Рост добычи нефти и увеличение отчислений местным правительствам привели к увеличению прямых доходов от нефти, получаемых этими странами, с 880 млн. долл. в 1955 г. до 940 млн. долл. в 1956 г. В 1956 г. особенно выросли доходы Ирана (с 90 до 143 млн. долл.), уменьшились поступления в Ираке (с 207 до 193 млн. долл.), в остальных странах серьезных изменений не произошло.

Внешняя торговля стран Ближнего Востока претерпела существенные изменения. Общие размеры ее увеличивались в 1955—1956 гг. примерно на 10% ежегодно. Все страны, за исключением Судана, и в 1955 г. и в 1956 г. имели пассивный торговый баланс. Условия торговли несколько ухудшились в 1955 г. для Египта и Судана в связи с падением цен на хлопок. Основными статьями экспорта для стран Ближнего Востока помимо нефти служат сельскохозяйственные продукты. В связи с плохим урожаем 1954 г. вывоз злаков в 1955 г. упал, в 1956 г. несколько увеличился экспорт хлопка. В импорте этих стран в 1955 г. на 50% увеличился ввоз пшеницы (главным образом в Турцию), но в 1956 г. он вновь уменьшился. В связи с развер-

нувшимся в странах Ближнего Востока промышленным строительством особенно растет в последние годы ввоз капитального оборудования, металлов, изделий из них. В Египте ввоз этих товаров в 1955 г. увеличился на 50% и продолжал расти в 1956 г., в Ираке они составили половину всей суммы импорта. Основную часть оборудования эти страны, как указывается в отчете, получали из США, но во ввозе Египта, Сирии, Ливана и Турции в 1955 г. значительно увеличилась доля СССР и стран народной демократии, особенно Чехословакии. Наиболее важные изменения произошли в торговле стран Ближнего Востока с СССР и странами народной демократии. Доля СССР и стран народной демократии в экспорте Египта увеличилась с 10,9% в 1954 г. до 27,5% в первой половине 1956 г., в Ливане соответственно с 2,4% до 4,3% и, наконец, в экспорте Турции с 16,4% до 25%. Заметно увеличилась доля СССР, КНР и других стран народной демократии в импорте государств Ближнего и Среднего Востока. Ряд стран, в том числе Турция, в связи с недостатком долларов уменьшили свои закупки в США. Многие государства — Сирия, Ливан, Египет, Ирак, Йемен — подписали торговые и платежные соглашения с СССР, КНР и другими странами народной демократии.

В главе об изменениях в области денежного обращения, финансов и уровня цен говорится, что в 1955 и 1956 г. во всех странах района было значительно расширено кредитование народного хозяйства, увеличились банковские займы, выросло количество денег в обращении. В области государственных финансов только бюджеты Египта и Ливана предусматривали и в 1955 и в 1956 г. превышение доходов над расходами, в остальных странах бюджет сводился с дефицитом. Помимо обычных бюджетов в Сирии, Египте, Иордании, Иране и Ираке были приняты специальные бюджеты экономического развития, причем главным источником средств для них в Ираке и Иране служили отчисления от нефти (70% доходов от нефти в Ираке и 60—80% в Иране); в Израиле и Иордании они финансировались главным образом за счет поступлений из-за границы, в Египте и Сирии за счет внутренних займов и ассигнований из обычного бюджета.

В Иране, Ираке, Саудовской Аравии,

Кувейте основную часть государственных доходов образуют поступления от нефти. В 1955—1957 гг. во многих странах увеличились военные расходы, но заметной статьей расходной части бюджета являются ассигнования на социально-экономические цели. Почти во всех странах района в 1955—1956 гг. значительно увеличилось количество денег и платежных средств, однако наибольший прирост наблюдался в Иране (на 20% за период с 1 октября 1955 г. до 30 сентября 1956 г.), Турции (на 18%) и Израиле (17%), наименьший — в Египте и Ираке. Приведенные в обзоре таблицы полностью опровергают распространявшиеся на Западе сообщения о неустойчивом финансовом положении Египта и Сирии. Так, например, индекс стоимости жизни в Египте почти не изменился в 1954—1956 гг. (96, 96 и 98 при 1953 г. = 100); это относится и к Сирии. В то же время в Турции индекс стоимости жизни возрос с 110 в 1954 г. до 136 в 1956 г., в Израиле со 112 до 127, в Ираке с 98 до 107, в Иране со 118 до 130.

Заключительная глава обзора посвящена предварительному изучению последствий Суэцкого кризиса для стран Ближнего Востока. Общая стоимость всех грузов, перевезенных в 1955 г. по Суэцкому каналу, составила 11 млрд. долл., причем стоимость грузов, перевезенных для или из стран Ближнего Востока, равнялась 2 млрд. долл. (из них 900 млрд. долл. — нефть).

Авторы отчета указывают, что национализация канала никак не отразилась на движении судов, признавая тем самым, что Египет полностью обеспечил условия для перевозок по каналу. Стремясь оказать давление на Египет, правительства Франции, Англии и США блокировали египетские фонды. Авторы отчета указывают, что внешняя торговля Египта приспособилась к изменившимся условиям: был резко сокращен импорт из стран стерлинговой зоны и значительно увеличен импорт из СССР и стран народной демократии, особенно увеличился ввоз из СССР пшеницы и нефти. Индия, Индонезия и Япония открыли кредиты Египту, а КНР предоставила ему кредит в швейцар-

ских франках. Кроме того, Египет взял назад свою долю из Международного валютного фонда (15 млн. долл.) и получил заем от Саудовской Аравии на ту же сумму. Эти меры, как указывается в отчете, обеспечили условия для оплаты импорта и даже позволили правительству Египта увеличить свои резервы иностранной валюты. Потери Египта на Синайском полуострове и в районе Суэцкого канала были частично возмещены теми материалами, которые были захвачены на бывшей английской военной базе в этом районе; кроме того, был наложен секвестр на имущество ряда английских и французских банков, страховых и промышленных компаний. Что касается Израиля, то в результате военных действий в стране упал уровень промышленного производства, ухудшилось положение с иностранной валютой и усилилась инфляция.

Нефтяная промышленность стран Ближнего Востока серьезно пострадала: в ноябре—декабре 1956 г. добыча нефти сократилась на 38%; особенно значительно уменьшилась добыча в Ираке. За четыре с половиной месяца Ирак потерял около 69 млн. долл. недополученных нефтяных отчислений. Непосредственное экономическое воздействие Суэцкого кризиса на страны Ближнего Востока было кратковременным, но его косвенное воздействие ощущалось еще довольно долго.

Обзор содержит большой и интересный фактический материал, необходимый для всех, занимающихся изучением социально-экономических проблем стран Ближнего и Среднего Востока. В нем приведено много ценных фактических данных и сделан ряд важных и правильных выводов. Хотелось бы пожелать, чтобы составители отчета в будущих выпусках приводили вполне сопоставимые цифры и уделяли больше внимания таким проблемам экономики стран района, как соотношение национального и иностранного капитала, удельный вес капиталовложений в легкую и тяжелую промышленность, положение рабочего класса (заработная плата, занятость и т. д.) и положение крестьянства.

Б. Д.

B. SPULER. Die Mongolen in Iran. Berlin, Akademie-Verlag, 1955, 579 S.

Рецензируемая работа представляет собой второе издание книги немецкого ученого Бертольда Шпулера, перу которого принадлежит несколько значительных трудов по истории Ирана¹.

Читатель, раскрывший книгу, название которой снабжено столь многообещающим подзаголовком как «Политика, управление и культура времени ильханов», испытает некоторое разочарование, поскольку автор ограничил свою работу одним описанием фактов. Кроме того, во введении Шпулер предупреждает, что культура монголов исследуется им лишь с момента вторжения последних в Иран и до падения монгольского государства в Персии; не освещается история искусства и культурная жизнь персов под монгольским владычеством, ничего не говорится также о монгольском влиянии на персов.

Б. Шпулер излагает историю Чингисхана и других великих ханов, а затем первого ильхана Хулагу и его преемников — вплоть до падения власти Чингисидов в Иране. Автор описывает внутреннюю борьбу и интриги монгольской знати, в особенности хана, во время выборов Гуюка и хана Мунке, сына Тулуя, а также историю тех владений Ирана, которые находились под господством монголов; здесь наиболее интересной и важной является история Фарса и государства Куртов.

Много места отводит автор вопросам религии. Он пишет о вере и религиозных обрядах монголов, живших в иранских областях, об отношении ильханов к буддизму, христианству и исламу, отмечает, что «монгольские государи никогда не пытались навязать своим подданным определенную религию» (стр. 198). Это, конечно, верно. Однако далее Шпулер пишет, что таким путем монгольские правители избежали многих столкновений и ненужных кровопролитий (там же). Это положение

¹ *B. Spuler. Iran in früh-islamischer Zeit. Wiesbaden, 1952; его же. Die Goldene Horde. Leipzig, 1943; его же. Geschichte der islamischen Länder. Leiden, 1952; его же. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220—1350, Leipzig, 1939.*

можно принять лишь с очень большими оговорками, ибо известно, что во время монгольского нашествия и в Средней Азии и в России были пролиты потоки крови. «Однако завоеватели, — пишет автор, — были вынуждены, наконец, принять одну из мировых религий, существовавшую там, где они жили. Конечным результатом этого была гибель монгольской народности» (там же). С таким объяснением уж никак нельзя согласиться. «Только в России, — пишет далее Шпулер, — где ханы Золотой Орды приняли иную веру, чем та, которая была у большей части их подданных, монголы, хотя и растворились в тюркской массе своего войска, но поныне сохранились в резкой обособленности» (стр. 198). Этот тезис неправилен уже потому, что татары Золотой Орды не жили среди русского населения, а тюркская часть монгольского войска в большинстве своем исповедовала ислам, следовательно, монголы растворились в мусульманской среде. Что же касается какой-то «резкой обособленности монголов», то ее не было ни в дореволюционной России, ни тем более в Советском Союзе. Наконец, надо помнить, что не религия играет решающую роль в жизни тех или иных народов.

В книге подробно рассматривается вопрос о сношении монголов с христианским Западом, описывается положение хана, система государственного и административного управления областями и обязанности везиров. К главе «Время ильханов» приложен список везиров, правивших с 1260 по 1340 г. Подробно освещены налоговая политика и реформы Газана и приведены ведомости поступления налогов по провинциям Персии за 1335 г. и дани от зависимых государств — Малой Армении, Грузии, Фарса, Кермана и других.

Б. Шпулер касается только политической истории. Экономики и общественного строя он касается мало, хотя материала для их характеристики имеется достаточно. Избегая сравнений с тем, что было до и после рассматриваемого им периода, автор не делает также никаких выводов из обработанного им огромного материала, если не считать беглого замечания о том, что государство ильханов «сделалось иранским

государством, которое впервые за большой промежуток времени включало большую часть этого народа» (стр. 59), и указания в самом конце книги, что монгольское завоевание способствовало еще большему отуречению некоторых областей Ирана (стр. 458).

Значительный интерес представляет обзор источников. Обзор, конечно, включает в себя не все, что было написано в XIII и XIV вв. людьми, соприкасавшимися с монголами. Судя по библиографическому указателю в конце книги, надо думать, что и сам автор использовал в своей работе гораздо больше источников и пособий. В первую очередь дан обзор источников на персидском языке. Самыми важными из них (относящимися к рассматриваемому периоду) Шпулер считает произведения Джувейни («Тарих-е Джехангоша»), Рашид-ад-дина («Тарих-е Газани»), Вассафа, Кашани, Хафиза-абру и Хамдуллы Мустоуфи (Казвини).

Однако он совершенно не приводит биографических сведений о Кашани, Вассафе, Хафизе-абру и Хамдулле Мустоуфи. Между тем эти лица были видными государственными деятелями или официальными историками, близко стоявшими ко двору. Сведения о них подсказали бы нам, в каких случаях к их сообщениям можно относиться с полным доверием и в каких случаях требуются поправки. Говоря о Рашид-ад-дине (стр. 6), Шпулер упоминает, что его биография имеется во введении к Катрмэровскому изданию «Истории монголов Персии»² и в «несколько неудачной» книге Блошэ³. Шпуллеру, видимо, неиз-

вестна биография Рашида и дополнительные сведения к ней, имеющиеся в ценной рецензии В. Бартольда.⁴

Автор отмечает, что армянским и сирийским источникам присущ «христианский исходный пункт рассмотрения». Он находит, что ранние и поздние монгольские источники, характеристике которых он посвятил всего девять строк, не имеют большого значения для истории Ирана. Из арабских источников, по мнению Шпулера, самыми важными являются произведения Ибн-аль-Асира и ан-Несеви.

К книге приложены список литературы и два указателя. Во втором издании имеется дополнительный список литературы (стр. 569—579). Список составлен настолько хорошо, что в аннотированном виде его можно издать как самостоятельный труд.

Встречаются в книге и некоторые неточности. Так, на стр. 40 после слова «Abd ar-Rahmān» стоит слово Nāmī, которое автор принял за имя собственное; в действительности же оно означает «некто по имени» (от слова Nām — имя). От слова «Nākem» — губернатор, правитель (но не «князь» Fürst) множественное число будет «Nokkām», а не «Nokemā», как пишет автор на стр. 166; последнее означает «мудрецы, философы, врачи», причем правильно пишется «Nokamā». «Al-a'azm» (стр. 270) означает «величайший», а не «очень могущественный» (der sehr mächtige). Впрочем, как эти, так и некоторые другие недочеты не умаляют научного значения этого большого исследования, дающего обильный материал для дальнейших, более полных работ по истории Ирана в эпоху монгольского господства.

П. И. Петров

⁴ «Мир Ислама». СПб., т. I, № 1, 1912, стр. 56—107.

S U M M A R Y

Berthold Spuler's book is a valuable contribution to the study of the political history of the Ilkhan state of Iran (1220—1350). Though the author devotes practically no attention to the economic and social history of the Ilkhan state, his work will serve as a useful reference book on the history of Iran under the Mongol rule.

سعید نفیسی تاریخ اجتماعی و سیاسی ایران در دوره معاصر از آغاز سلطنت قاجارها تا پایان جنگ نخستین با روسیه از انتشارات موسسه مطبوعاتی شرق

САИД НАФИСИ. Социальная и политическая история Ирана в современную эпоху, т. I. От начала царствования Каджаров до конца первой войны с Россией. Тегеран, Моассесе-е Матбуати-е Шарк, 1335. 1956—1957, 6+376 стр., илл.

Наличие огромного числа фальсифицированных, недоброкачественных книг по новой и новейшей истории Ирана, отмечает автор, побудило его приступить к созданию объективного исследования истории Ирана последних двух столетий.

Монография Саида Нафиси охватывает период истории Ирана от возникновения каджарской династии до настоящего времени. Первый том посвящен главным образом рассмотрению внешней политики Ирана во время правления двух первых каджарских шахов.

В книге подробно рассказывается о происхождении и истории каджарского племени. Опровергая выдвинутую каджарскими ханами версию о монгольском происхождении каджар, Нафиси доказывает их принадлежность к племенам западнотюркской ветви более родственной индоевропейцам, чем тюрко-монголам. Предками тюркских племен Ирана, в частности каджар, Нафиси считает болгар, кипчаков и другие тюркские народности, обитавшие к северу от Каспийского и Черного морей, которые затем были оттеснены в Закавказье, Иран и Малую Азию, вследствие продвижения славянских народов к югу. Автор выдвигает гипотезу о возможном происхождении каджар от печенегов, основываясь на упоминании историками некогда существовавшей в каджарском племени ветви «печенэ» (стр. 22). Участие племен восточнотюркской ветви в формировании тюркского населения Ирана было, по мнению Нафиси, ничтожным и заметно только в северо-восточных районах страны. Сельджуки, по его словам, были слишком малочисленны и быстро растворились в массе населения Турции и Западного Ирана, не оказав существенного влияния на его состав. Каджары, пишет автор, окончательно поселяются в Иране не ранее конца XIV или начала XV в., проделав сложный путь в составе других тюркских племен из Азербайджана в Сирию, где они обитали около столетия, и затем в Иран.

Первое упоминание о каджарах в исторических хрониках Ирана относится к началу династии Сефевидов. При шахе Аббасе I основная часть каджаров была переселена из Азербайджана к северо-восточной границе Ирана в район Астрабада. Шах Аббас хотел этим воспрепятствовать сближению каджаров с родственными им по языку османскими турками (с которыми Иран вел непрерывные войны), а также оградить себя при их помощи от набегов туркменских племен на северо-восточные районы Ирана. По мере ослабления Сефевидской державы роль каджаров в политической жизни страны становится все более заметной.

Много внимания уделяет автор описанию межплеменной борьбы каджарских ханов, а также приходу к власти Ага Мохаммед-хана. Смену династии Зендов Каджарами Нафиси склонен рассматривать как отрицательное явление в истории Ирана. Вследствие междоусобных войн, а также корыстной политики первых Каджаров, пишет автор, было «утрачено сравнительное процветание», имевшее место при Зендах. Едва оправившись после афганского нашествия, страна была вновь надолго ослаблена многочисленными смутами и войнами, которые Каджары не в силах были предотвратить. Грабительский поход Ага Мохаммед-хана в Грузию, сопровождавшийся невероятными жестокостями, дорого обошелся Ирану, ибо «это посеяло ненависть грузин к Ирану и заставило их искать помощи у России» (стр. 50). Таким образом, отмечает Нафиси, были нарушены политические и культурные связи, издавна существовавшие между Грузией и Ираном.

Характеризуя структуру иранского государства начала IX в., Нафиси указывает, что основа ее была создана Сефевидами. «Каджары ничего не сделали для улучшения государственной системы, которая почти не изменялась вплоть до иранской конституции» (стр. 72). Автор очень мало касается социальных и экономических

вопросов. Усилившийся при Каджарах процесс отставания феодального Ирана от капиталистического Запада Нафиси объясняет главным образом личными качествами каджарских шахов. Время правления Фатх Али-шаха он расценивает «как роковой период» в истории Ирана. Непонимание шахом политической обстановки в Европе, отмечает Нафиси, привело к тому, что Иран оказался втянутым в войну с могущественной Россией, будучи к этому совершенно неподготовленным и не заручившись поддержкой ее соперников. В оценке политики европейских держав в отношении Ирана начала XIX в. Нафиси более объективен, чем большинство иранских историков. В книге особенно подчеркивается подстрекательская политика Англии в отношении Ирана.

В целом описание ирано-русских отношений, данное автором, соответствует действительности, однако при этом допущен ряд спорных, а подчас и неверных оценок. Это, в частности, относится к характеристике политики Петра I, которому приписываются далеко идущие агрессивные планы в отношении Ирана. Но вместе с тем Нафиси считает несерьезным говорить о так называемом «извечном стремлении России к захвату» Индии или «проникновению в Индию», без чего не обходится почти ни один из буржуазных историков в исследованиях подобного рода. Любопытно, что в одном из разделов книги, озаглавленном «Фальшивое завещание Петра Великого» (стр. 264) Нафиси приводит полный текст так называемого завещания Петра I, на котором до сих пор строят свои домыслы многие буржуазные исследователи. Подробно анализируя «завещание», автор приходит к выводу, что фальшивка эта составлена не ранее XIX в.

Начиная с екатерининской эпохи, пишет Нафиси, основой русско-иранских противоречий был вопрос о Грузии, население которой, будучи единоверным с русским, не раз обращалось за помощью к России перед лицом агрессии своих мусульманских соседей. Постоянную напряженность в ирано-русских отношениях при Фатх Али-шахе автор объясняет преимущественно происками Англии и неумелыми действиями самой шахской дипломатии, дававшей поводы России для враждебных действий. Среди приведенных автором многочислен-

ных документов, относящихся к ирано-русским отношениям, имеются тексты важнейших договоров, начиная со времен Петра I, в том числе письма Надир-шаха к русскому двору и официальная переписка правительства Фатх Али-шаха.

Ирано-французские отношения отражены в большом документальном материале, подробно комментированном автором. Сюда входят тексты франко-иранских договоров, инструкции Наполеона генералу Гардану и донесения французской миссии в Иране, переписка Гардана с русским командованием кавказской армии, а также Фатх Али-шаха, Аббаса Мирзы и первого визира с правительством Наполеона, письма и мемуары участников французской миссии и т. п. Очень подробно, с привлечением персидских источников, описана деятельность французской военной миссии. Нафиси указывает, что кратковременное пребывание французской миссии в Иране гораздо больше способствовало повышению боеспособности иранской армии, чем последующая долготелая деятельность английских инструкторов, которые, по мнению Нафиси, лишь «старались воспрепятствовать успехам Ирана в военных действиях» (стр. 229). Автор считает, что французская миссия действовала более добросовестно; так, она наладила в Иране производство пушек европейского образца, однако в целом союз с Францией не принес Ирану ничего кроме вреда. «Нужно признать, что политика Наполеона в отношении Ирана была необдуманной, непоследовательной и неискренней, а ее последствия — трагическими» (стр. 224). Обманутый Фатх Али-шах не получил никакой поддержки в войне с Россией, больше того, «следуя целям Наполеона и участвуя в антианглийской коалиции, он еще возбудил подозрительность Англии, что надолго определило ее враждебное отношение к Ирану».

Со времени установления британского владычества в Индии англичане всегда относились к Ирану весьма настороженно. По мнению Нафиси, англичане прежде всего не желали видеть рядом со своими владениями сильное государство, «культура которого к тому же была близка культуре Индии». Поэтому, отмечает Нафиси, все усилия англичан состояли в том, чтобы ослабить Иран. С этой целью Англия нередко провоцировала инциденты в Афганистане,

государствах Средней Азии и на Кавказе для того, чтобы отделить от Ирана плодородные и густонаселенные окраинные земли (стр. 229—230). После отъезда миссии Гардана и прекращения сношений Ирана с Наполеоном англичане содействовали усилению враждебных отношений между Ираном и Россией, «провоцируя иранцев на продолжение войны» (стр. 320). Согласно договору с Фатх Али-шахом, пишет Нафиси, англичане обязывались помогать ему деньгами и оружием в случае войны с Россией, однако обещание они не выполнили, и в самый критический момент обманутый шах остался без всякой поддержки. Посредничество англичан при заключении Гюлистанского договора, как отмечает Нафиси, привело к тому, что граница между Ираном и русскими владениями на Кавказе точно не была определена, что давало возможность возникновению новой войны

(стр. 254). После Гюлистанского договора англичане поощряли реваншистские стремления шаха, обещая ему поддержку. Провоцируя враждебные действия между Ираном и его соседями, англичане тем самым отвлекали внимание Ирана от его восточных окраин. Рассматривая Афганистан как свой форпост на пути в Индию, пишет Нафиси, англичане старались удовлетворять его территориальные притязания за счет Ирана, создавая глубокую пропасть в отношениях между этими двумя странами. Доказательством служит отношение Англии к гератским конфликтам, а также последующее разграничение Сеистана и Белуджистана в ущерб Ирану.

Книга Нафиси дает богатый материал по истории внешней политики Ирана, значительно отличаясь от обычных трудов многих буржуазных историков.

В. Трубецкой

S U M M A R Y

The reviewer emphasizes that volume I of Nafisi's monograph contains a great deal of material on the history of Iran's foreign policy under the first Shahs of the Kajar dynasty. The advent of the Kajars to power marked the beginning of the country's general decline. Nafisi sees its main reasons in the shortsighted foreign and home policies of the Kajar rulers and in the intrigues of the European powers in Iran. Nafisi lays special stress on the provocative nature of the British policy as the result of which Iran was involved in numerous conflicts with its neighbours. Much attention is devoted in the book to documents relating to Iran's foreign policy in the beginning of the 19th century; they are analysed by the author in great detail.

On the whole, Nafisi's book is favourably appraised by the reviewer.

W. ALPHAEUS HUNTON. *Decision in Africa*. New York, 1957, 255 p.

Основанный на богатом фактическом материале труд прогрессивного американского африканиста У. Э. Хантона представляет собой объективный научный анализ политического и экономического положения стран африканского континента и борьбы народов этих стран против колониального господства.

В предисловии к книге известный американский ученый и прогрессивный общественный деятель д-р Дюбуа пишет: «За последние 14 лет д-р Элфес Хантон большую

часть своего времени посвятил изучению развития Африки. Я не знаю сейчас никого другого, кто так глубоко знает и понимает этот континент... Эту книгу с ее широтой охвата и глубоким анализом того, что происходит сейчас в Африке, трудно переоценить... Африка показана в этой книге как континент, призванный стать рядом с Азией в новом мире будущего и готовящийся учиться у социализма Советского Союза и союзных с ним государств» (стр. 9—10).

Рецензируемая книга состоит из 3-х частей и 17 глав. Первая часть, озаглавленная автором «Источники конфликта», посвящена выяснению причин социального конфликта между африканцами и колонизаторами. Во второй части, названной «Цели Африки и интересы Америки», говорится об усилении национально-освободительной борьбы африканских народов. Третью часть своей книги — «Проблемы и перспективы» У. Э. Хантон посвятил разоблачению новейших планов империалистов (Евразия и др.). Многочисленные конкретные данные, взятые, как правило, из официальных публикаций, позволяют автору показать исключительно тяжелое положение коренного населения Африки.

Известно, что большинство самодеятельного населения занято здесь в сельском хозяйстве. Но колонизаторы лишили земли многие миллионы коренных жителей континента. В 1938 г. в Кении 1890 европейцев владели более чем 5 млн. акров, а 600 000 кикуйю имели менее 4 млн. акров земли. В настоящее время в Кении на одного африканца приходится 5,8 акра земли, а на одного белого 195 акров, в Алжире соответственно 1,1 акра и 43 акра, в ЮАС — 3,8 и 92 и т. д. (стр. 28). У. Э. Хантон характеризует контракт, заключенный между одним владельцем фермы — англичанином и кенийцем. Контракт не может быть расторгнут арендатором. Арендатор не обеспечивается жильем и продовольствием. Ему предписывается выращивать только кукурузу, картофель и другие овощи, запрещается иметь крупный рогатый скот. Его заработная плата установлена в размере 3 шиллингов за 7-дневную неделю при работе всей семьи арендатора. Если в семье есть подросток, он должен либо работать на хозяина, либо уйти с земли (стр. 32—33). 3 шиллинга — это сумма меньшая, чем дневная заработная плата рабочего-горняка в Нигерии, Сьерра-Леоне или Северной Родезии. В Нигерии на эти деньги можно купить лишь 3 фунта хлеба¹.

Автор приводит немало примеров дискриминации африканцев в области оплаты труда. Африканец, занятый на золотых рудниках ЮАС, получал среднегодовую зар-

плату (1953 г.) 171 долл., а европеец 2910 долл., т. е. в 17 с лишним раз больше (стр. 44). В 1955 г. среднемесячный заработок африканских рабочих на медных рудниках Северной Родезии составлял 18 долл. 72 цента, а белого рабочего 381,5 долл., т. е. в 20 с лишним раз больше (стр. 48). Средний годовой заработок африканского рабочего в Кении составил в 1954 г. 165 долл., а белого рабочего 3430 долл., в Бельгийском Конго соответственно 190 и 7620 долл. (стр. 164).

Чудовищно низкая оплата труда африканцев — яркий образец империалистической политики расовой дискриминации африканских рабочих. Она проявляется во всех областях жизни коренного населения. У. Э. Хантон отмечает, что белые, живущие в городах ЮАС, Кении, Бельгийского Конго и других стран, не допускают в эти города африканцев, разрешая им ютиться лишь по окраинам.

Расовая дискриминация находит свое проявление и в области народного образования: в Алжире, например, из 2 млн. арабских детей школьного возраста обучается лишь 300 тыс., а в португальских колониях число обучающихся в школах африканцев колеблется от 2% населения в Анголе до 4% в Мозамбике (стр. 189).

Автор ставит вопрос: кто же пользуется богатствами африканского континента, кто наживается на эксплуатации африканцев?

У. Э. Хантон рисует убедительную картину беспощадного разграбления минеральных ресурсов африканского континента европейскими и американскими монополиями, обогащающимися на эксплуатации сверхдешевого труда африканцев. Только в ЮАС до 1955 г. было добыто полезных ископаемых, главным образом золота, на 13,7 млрд. долл. Особенно возрос вывоз из Африки минерального сырья во время второй мировой войны и после нее. Так, например, в Бельгийском Конго в 1936—1938 гг. ежегодная стоимость добываемых минералов составляла 7 млн. долл., а в 1950—1954 гг. — 50 млн. долл., не считая стоимости добываемого там урана.

Прибыли горстки европейских и американских компаний в десятки раз превышают заработную плату сотен тысяч африканских рабочих. В 1953 г. компания по добыче алмазов в Анголе получила чистую прибыль в 9,4 млн. долл., а 7000 африкан-

цев, работавших на россыпях, принадлежащих компании, получали по 2 доллара 33 цента в месяц, следовательно, годовой фонд их заработной платы в 48 раз меньше чистой прибыли акционеров этой компании (стр. 70).

Беспощадная эксплуатация, расовая дискриминация, политика угнетения, проводимая империалистами, неизбежно вызывают рост экономической и политической борьбы африканцев против колонизаторов, за национальное освобождение и улучшение условий жизни. Автор отмечает рост национального самосознания и развитие национально-освободительного движения африканских народов в послевоенный период. В октябре 1945 г. в Бирмингеме состоялся V наафриканский конгресс, в работе которого приняли участие Джомо Кеньята, Кваме Нкрума и другие видные политические деятели Африки. Автор приводит следующие слова из декларации, принятой конгрессом: «Мы не хотим умирать от голода, выполняя самую грязную работу... мы не хотим нашей нищетой и невежеством помогать фальшивой аристократии и дискредитированному империализму... Все колонии должны быть освобождены от политического и экономического контроля империалистов» (стр. 67). У. Э. Хантон подчеркивает усиление национально-освободительной борьбы даже в тех странах Африки, где особенно свирепствуют полиция, суд, армия и другие карательные органы, находящиеся в руках «белых господ».

Особое внимание автор уделяет вопросам усиления экономической экспансии американских монополий в Африке. У. Э. Хантон приводит характерное высказывание обозревателя английского радио, который еще в 1949 г. говорил: «Если Америке будет разрешено вкладывать слишком много денег, минеральные богатства Африки станут американскими прежде, чем они будут извлечены из земли. Возможность продажи этих богатств за доллары исчезнет. Ни одной минуты мы не должны думать, что Африка, орошаемая струей американского золота, расцветет в виде английской розы» (стр. 85).

Раскрывая характер межимпериалистических противоречий и анализируя ожесточенную борьбу между США и старыми колониальными державами за господство на африканском рынке, автор делает следую-

щий вывод: «Если они (речь идет о европейском и южноафриканском капитале. — Л. П.) вместе с американским капиталом участвуют в дележе добычи, это не означает, что они сойдут с дороги добровольно и позволят Америке занять их место. Американские капиталы, конечно, добились успехов на нескольких африканских фронтах. Однако, если не считать Либерии и Родезии, проникновение американских капиталов в страны африканского континента находится еще в стадии завоевания плацдармов. Будут ли они расширены и упрочены — это в конце концов зависит не только от позиции европейских и южноафриканских корпораций. Эти последние, так же как и американские корпорации, должны считаться с требованием африканцев о восстановлении их исторических прав. И день расплаты, возможно, не очень далек. Суэц был только началом» (стр. 155).

Автор подробно характеризует военные планы правящих кругов США в отношении Африки, подчеркивая, что Пентагон рассматривает Африку как район для размещения своих военных баз. Разоблачая мнимый антиколониализм США, У. Э. Хантон указывает, что эти базы направлены как против СССР и других стран социалистического лагеря, так и против освободительного движения народов Африки.

Последнюю часть своей книги У. Э. Хантон посвящает вопросам современной колониальной политики в Африке. Как известно, империалистическая пропаганда заявляет, что будто бы эксплуатация Африки навсегда ушла в прошлое и что теперь африканские народы пользуются «благоденствиями» технической и финансовой помощи, предоставляемой им колониальными державами.

Автор приводит факт, который убедительно разоблачает подлинный характер той экономической «помощи», которую империалисты оказывают колониям. В докладе экономического секретаря английского казначейства (14 мая 1956 г.), сообщает У. Э. Хантон, указывалось, что за шесть лет (1950—1955) колонии дали Англии 700 млн. ф. ст., а Англия колониям в виде субсидий и займов лишь 300 млн. ф. ст. (стр. 158). Даже по этим официальным и явно неправильным данным видно, что Англия по-прежнему получает из своих африканских колоний значительно больше, чем дает им.

¹ P. Dutt. The crisis of Britain and the British Empire. London, 1957, p. 63.

Одной из форм новейшей колониальной политики являются планы создания так называемого «Евразийского сообщества». У. Э. Хантон пишет по этому поводу, что если в Вашингтоне, Лондоне и столицах других европейских государств говорят о «международном сотрудничестве», то в Каире и во всех других местах справедливо говорят о «коллективном колониализме». Осуществление этого плана наталкивается на решительное сопротивление африканских народов. «Народы Азии, Ближнего Востока и Африки,— справедливо указывает автор,— не страшатся больше дипломатии канонеров. Их нельзя поставить на колени политикой экономического удушения, ибо они имеют сейчас возможность обратиться к странам социалистического лагеря» (стр. 218).

У. Э. Хантон особо подчеркивает неиз-

меримо возросшую роль СССР и всего социалистического лагеря, которые самым фактом своего существования, а также проводимой ими политикой дружбы и сотрудничества со странами Востока коренным образом изменили соотношение сил во всем мире, в том числе и в Африке, в пользу народов, борющихся за свое освобождение от ига империализма.

Книга У. Э. Ханта, написанная на основе анализа большого и в своей значительной части неизвестного широким кругам читателей фактического материала, проникнута оптимизмом и твердой уверенностью в неизбежной победе дела мира и социальной справедливости. Она в яркой публицистической форме рассказывает о тяжелой и героической борьбе африканских народов за национальное и социальное освобождение.

Л. Прибытковский

S U M M A R Y

The book of W. A. Hunton, progressive American Africanist, is based on rich documentary material. The reviewer considers it to be an objective scientific analysis of the political and economic situation in the African countries and of the struggle of the peoples in these countries against the colonial rule.

CARLOS P. ROMULO. *The Meaning of Bandung*. Chapel Hill, 1956, 102 p.

Выдающееся событие в истории народов Востока, каким явилась Бандунгская конференция, продолжает привлекать внимание самых широких кругов мировой общественности. За последние годы появилась обширная литература о Бандунге, в которой причины, ход, результаты и значение конференции стали предметом объективного анализа. Таковы, например, книги и статьи индийских публицистов Аппадорай и Поплай, видного деятеля Индонезии Абдулгани и других¹.

Однако наряду с этими работами появились и книги, авторы которых преследуют противоположные цели: они стремятся извратить значение Бандунга, разобщить народы и государства Азии и Африки, а по возможности и столкнуть их друг с другом, оклеветать миролюбивую внешнюю политику СССР, КНР и других стран социалистического лагеря, оказывающих мощную поддержку странам Востока в их борьбе за укрепление независимости и суверенитета.

Авторы подобных сочинений пытаются представить империалистические страны Запада в роли «защитников» свободы и независимости государств Востока и «доказать», что колониализм уже не представляет главной опасности для этих государств. К числу таких книг и относится работа небыстрого филиппинского государ-

¹ См. А. Appadorai. *The Bandung conference*. New Delhi, 1956; S. L. Poplai. *Asian-African conference*. «Foreign affairs reports», April 1955, vol. IV, № 4; R. Abdulgani. *The Asian-African conference in retrospect*. «Foreign affairs report», August 1955, vol. IV, № 8.

ственного деятеля Карлоса П. Ромуло, возглавлявшего делегацию Филиппин в Бандунге. Книжка Ромуло носит название «Значение и смысл Бандунга» и представляет собой переработанный курс лекций, прочитанных автором в университете штата Северная Каролина (США).

Чтобы лучше понять характер и политическую направленность этой книги, полезно вспомнить основные этапы политической карьеры ее автора в послевоенные годы.

Генерал К. Ромуло, являвшийся в разное время автором ряда публикаций, преподавателем, военным деятелем и дипломатом, известен как «филиппинец среди американцев» и «американец среди филиппинцев», и это не случайно. В течение всех послевоенных лет, занимая различные посты в государственном аппарате Филиппин (министр иностранных дел, личный представитель президента Филиппин в США, посол в США и т. д.), он проживал в США и по существу верой и правдой служил американским империалистическим кругам, выполняя их самые разнообразные поручения. Ромуло «прославился» своими многочисленными выступлениями в защиту империалистической политики США и американского образа жизни и известен как один из самых ярых антикоммунистов в странах Востока.

Прочитав книгу «Значение и смысл Бандунга», приходится признать, что Ромуло остался верен себе, что и после Бандунга он «ничего не забыл и ничему не научился». В чем же состоит основной смысл его книги?

Всему миру известен тот факт, что Бандунгская конференция явилась торжеством идей сотрудничества и дружбы стран Востока, продемонстрировала их единство в борьбе со всеми проявлениями колониализма и империализма. В этом и состоит ее историческое значение. Беззастенчиво извращая факты, автор всячески тщится доказать обратное. «Не будет преувеличением,— пишет Ромуло,— сказать, что антикоммунистические государства заставили обороняться и коммунизм и нейтралитет, принеся выдающуюся дипломатическую победу свободному миру» (стр. 22). Из этих слов явствует, что сам Ромуло был послан на конференцию с напутствием со стороны определенных кругов США: всеми силами добиться раскола конференции в угоду

хозяевам так называемого «свободного мира», т. е. империалистам США. Что касается его утверждения о «выдающейся дипломатической победе» Запада, то сама жизнь жестоко посмеялась над незадачливым генералом, ибо на деле Бандунг явился мощным фактором все углубляющегося развала всей мировой империалистической системы и укрепления обширной и все расширяющейся зоны мира.

При внимательном чтении книги Ромуло становится очевидным, что автор, несмотря на все оговорки, не ставил своей задачей объективно изложить ход конференции и проанализировать выступления всех ее делегатов. Как раз наоборот, генерал уделяет много места подробному пересказу речей и аргументов, выдвинутых делегатами Ирака, Таиланда, Пакистана, и, прежде всего, своих собственных речей, в которых был допущен ряд необоснованных выпадов по адресу СССР, КНР и других стран социалистического лагеря, а также по адресу тех государств, которые твердо проводят независимый курс в своей внешней политике и выступают против включения стран Востока в агрессивные военные блоки.

Ромуло всячески стремится противопоставить одни страны другим, раздуть действительные или мнимые споры или разногласия, существующие в отношениях между отдельными странами, и выдвинуть на первый план различия в экономическом и политическом строе и идеологии стран-участниц конференции. Автор произвольно делит всех участников конференции на группы («коммунистические» страны, страны-«союзники Запада», страны, «более или менее дружественно относящиеся к Западу», и, наконец, «агрессивно нейтралистские» государства) и стремится представить дело так, будто бы между всеми этими странами существуют непреодолимые противоречия, делающие невозможными как-либо согласованные действия.

Однако и это положение автора не выдерживает никакой критики, ибо помещенное в конце его книги заключительное коммюнике конференции наглядно свидетельствует о том, что вполне возможно добиваться согласованных решений, отвечающих интересам всех заинтересованных сторон при наличии доброй воли и стремления к соглашению.

Всем известна та огромная положитель-

ная роль, которую сыграли в ходе конференции выдающиеся государственные деятели Азии и Африки Неру, У Ну, Састроамиджойо, Насер и другие, являвшиеся делегатами тех стран, которые проводят миролюбивую политику, выступают против вовлечения государств Востока в агрессивные империалистические блоки. В свете этих фактов становятся вполне понятными причины тех грубых выпадов, которые допускает Ромуло в адрес этих государств и их руководителей. Филиппинский генерал выступает в роли яркого сторонника продолжения «холодной войны» и всячески стремится опорочить независимую внешнюю политику Индии, Индонезии и других стран. При этом Ромуло, заимствуя свою терминологию из арсенала «холодной войны», характеризует последовательную миролюбивую политику этих стран как «воинствующий нейтраллизм», «агрессивный нейтраллизм» и т. д. «Нейтраллизм,— пишет Ромуло,— не может иметь места в идеологическом конфликте холодной войны между свободным миром и советским миром» (стр. 8.)

В чем же, по мнению Ромуло, состоит вина миролюбивых государств Азии и Африки? Оказывается прежде всего в том, что они с самого начала конференции выступали «в пользу мирного сосуществования, всеобщего разоружения, включая запрещение термоядерного и других видов оружия массового уничтожения и дальнейших испытаний этого оружия...» (стр. 9).

В духе далессовской политики «с позиции силы» Ромуло пытается доказать, что «такое запрещение» (ядерного оружия) лишит свободный мир его сдерживающей и основной оборонительной силы, заключающейся в атомном превосходстве Соединенных Штатов» (там же).

Немалое место в книге Ромуло уделено грубым антисоветским выпадам, при помощи которых он старается опорочить политику СССР в глазах народов Востока. Антисоветские спекуляции служат Ромуло и для того, чтобы ослабить впечатление от решений Бандунгской конференции, направленных против «колониализма во всех его проявлениях». С этой целью Ромуло снова извлекает на свет набивший оскомину тезис империалистической пропаганды о так называемом «советском колониализме», которым, кстати говоря, не раз оперирова-

ли на самой конференции представители Ирака, Турции, Южного Вьетнама. Лживость этих измышлений неоднократно была разоблачена в выступлениях выдающихся деятелей стран Востока.

Следует подчеркнуть, что аргументация, к которой часто прибегает Ромуло, совершенно антинаучна, а нередко просто смешотворна; чего стоит хотя бы попытка «объяснить» внешнюю политику Индии «антиамериканским комплексом» Неру, а внешнюю политику СССР... «учением Павлова об условных рефлексах»? (стр. 12, 17).

Ромуло, на протяжении всей книги восхваляющий политику западного мира и, особенно, США на Востоке, вынужден тем не менее признать, что эта политика подвергается резкой критике не только со стороны народов Азии и Африки, но также и со стороны многих руководящих деятелей этих государств, в общем и целом «дружественно относящихся к США». Американская политика неоколониализма, сколачивания военных блоков, атомного шантажа, восхваления американского образа жизни не пользуется никаким успехом у народов, а также у значительной части правящих кругов государств Азии и Африки. Даже Ромуло вынужден косвенно признать этот очевидный факт и в связи с этим выдвигает целую программу мероприятий, которые призваны, по его мнению, обеспечить повышение престижа США на Востоке. Он предлагает, в частности, чтобы Конгресс США принял специальную резолюцию о поддержке самоуправления и независимости других народов. Нужно проявлять больше сдержанности при опубликовании грандиозных планов оказания помощи. Следует меньше писать о ядерных испытаниях и о новом оружии. Нужно пересмотреть военную стратегию американцев в Азии, создав «малое НАТО» и т. д. (стр. 49—51).

Однако никакие ухищрения, призванные скрыть истинную сущность американской империалистической политики неоколониализма, не могут изменить объективного хода исторического процесса. Позорная система колониализма обречена на полное уничтожение. Ныне народы Востока не одиноки. Они опираются на дружескую поддержку СССР, КНР и всего социалистического лагеря. Дух Бандунга — идеи мира и сотрудничества между народами — живет и побеждает.

Свою книгу генерал Ромуло посвящает «своему первому внуку Карлосу III, с тем, чтобы он как азиат мог увидеть и полностью воспользоваться результатами наших усилий в Бандунге».

Можно с уверенностью утверждать, что внук генерала действительно будет свидетелем полного торжества идей Бандунга, однако вряд ли он будет благодарен свое-

му деду, который приложил столько труда, чтобы воспрепятствовать полному экономическому и политическому освобождению стран Азии и Африки от империалистического гнета и выступал в поддержку США, которые в глазах азиатов и африканцев все более олицетворяют колониализм, агрессивную политику и войны.

В. Галин

S U M M A R Y

The reviewer directs attention to the fact that the purpose and significance of the Bandung Conference are flagrantly distorted in the book of Carlos P. Romulo. Praising the policy of the USA in relation to the countries of the East, Carlos P. Romulo makes slanderous sallies against the USSR and other socialist countries.

தமிழ் இலக்கிய வரலாறு

САДАШИВА ПАНДАРАТТАР. История тамильской литературы (I т. III—VII вв.; II т. XIII—XV вв.). Аннамалай, 1955¹

В конце 1955 г. вышла на тамильском языке «История тамильской литературы» Садашивы Пандараттара, крупного тамильского литературоведа и историка².

В первом томе описывается т. н. «темный период» в истории тамильской литературы, т. е. период с конца третьей санги³

¹ В тексте названия тамильских произведений даются в русской транскрипции, в сносках в латинской транслитерации.

² См. также его работу: T. V. S. Pandarathar. History of later Cholas.

³ Санга — тамильское общество (или Академия), объединявшее в древности поэтов южной части страны тамиллов. Первую сангу по традиции датируют 9—4 тысячелетиями до н. э., вторую относят к несколько более позднему периоду; от этих санг не осталось ни одного произведения. Третья санга датируется разными авторами в диапазоне от 19 в. до н. э. до 8 в. н. э., в нее включают грамматику Тольхаппийам, восемь антологий, десять поэм, восемнадцать дидактических произведений и пять эпических поэм. В. Пиллай подразделяет третью сангу на раннюю и позднюю санги,

(ок. 250 г. н. э.) до Тирунавуккарасара и Тируньянасамбандара (начало 7 в. н. э.). Вводная часть посвящена в основном проблемам периодизации и датировки. Конец третьей санги автор связывает с началом правления Паллавов, которое однако не было отражено в литературе санги⁴, хотя в ней встречаются упоминания о гораздо более древних событиях, связанных с войнами Маурьев в Декане; отсюда автор делает вывод о том, что Мадурская санга

см. Es. Vaiyāpuri Pillai. Tamilar panpāṭu. Cennai, 1951, p. 14—16; Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature. «Tamil Culture», 1954, vol. III, № 3—4, p. 336—340; S. Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature. Madras, 1956, p. 10—15; U. Vē. Cāmiṇātaiyar. Caṅkattamilum pirkālattamilum. Cennai, 1934, p. 5—15.

⁴ См. C. Nagalingam. The Pallavas, their origin and their title «videlvidugu». «Tamil Culture», 1955, vol. IV, № 3, p. 239—257; M. Rajamanikkam. Saivism in the pre-Pallava period. «Tamil culture», 1956, vol. V, № 4, p. 328—334.

прекратила существование вскоре после прихода Паллаво, сделавших своей столицей Каньджи.

Критикуя точку зрения ученых, относящих третью сангу к 5 в. н. э. на том основании, что в антологии Аханануру есть упоминания о гибели Паталипутры от наводнения и о нашествии Самудрагупты на страну тамиллов, С. Пандараттар дает этим местам новое толкование, считая, что оба они явились реминисценциями событий, происходивших в 5—4 в. до н. э. (затопление Нандами своих сокровищ, нашествие на юг страны царей династии Маурья), а не описаниями событий, современных созданию этой антологии⁵.

В согласии с традиционной точкой зрения С. Пандараттар относит эпическую поэму Шилаппадигарам ко 2 в. н. э.⁶, полагая, что принц Иланго описывал современные ему события.

Большинство тамильских историков ищет причину упадка третьей санги в явлениях внешнего порядка, как например, засуха и голод в стране Пандиев, вынудившие поэтов к эмиграции в другие города и

⁵ Р. Дикшитар относит сангу к 5 в. до н. э., а антологии ко 2 в. н. э. (*V. R. R. Dikshitar. Studies in Tamil literature and history. London, 1930, p. 21, 54*); Вирабаху Пиллай считает, что третья санга прекратила свое существование около 3 в. н. э. (*Vīrapāku Piḷḷai tamīlum tamilarum. Mata-gās, 1953, p. 132*); Субраманья Шастри датирует антологию 1 в. до н. э. — см. *V. P. S. Subrahmanya Sastri. Historical Tamil reader. Annamalainagar, 1945, p. X*.

⁶ Р. Дикшитар относит эту поэму ко 2 в. н. э. (*V. R. R. Dikshitar. Указ. соч., стр. 75—76*); Субраманья Шастри к 5 в. н. э. (*V. P. S. Subrahmanya Sastri. Указ. соч., стр. X*); стоящий на более реалистических позициях Вайяпури Пиллай датирует эту поэму и позднюю сангу 7—8 веками н. э., полагая, что описываемые там события, связанные с личностью царя Черана Сенгуттувана и цейлонского царя Гаджабаху (171—193 г. н. э.), являются лишь историческими реминисценциями. Точка зрения С. Пандараттара была еще задолго до него высказана М. Рагавайенгаром, см. *Mu. Irākavaiyaṅkāṅ. Cēraṅ Cēṅkuttuvan. Maturai, 1915*.

страны. Автор, споря с ними и утверждая, что после окончания этих бедствий они снова могли собраться в Мадуре, стоит на тех же позициях наивного и примитивного историзма, что и они сами. Некоторые связывают конец санги с появлением «Курала» Тируваллуvara в том смысле, что принятие этого шедевра, созданного поэтом не членом санги, подорвало ее престиж. С. Пандараттар полагает, что прекращение деятельности санги никоим образом нельзя связывать с «Куралом», который, по его мнению, был создан до начала нашей эры⁷.

С. Пандараттар ставит упадок санги в связь с приходом иноязычных завоевателей, которые ввели в качестве официальных языков пракриты, а позднее и санскрит. Упадок третьей санги ускорило и распространение джайнизма, который, по мнению Пандараттара в тот период препятствовал развитию тамильской литературы. Но автор вполне прав, полагая, что джайнская литература могла быть согласована с любой религией Южной Индии того времени и именно джайнизм в основном определил круг идей литературы т. н. «темного периода»⁸. Наибольшее место в этом периоде отводится комплексу «Падипенкилкавакку», включающему в себя 18 стихотворных дидактических сочинений, из которых автор исключает «Наладийяр», считая, что он написан в более поздний период, и Курал с еще двумя произведе-

⁷ Р. Дикшитар относит Курал ко 2 в. до н. э. Субраманья Шастри — к 3 в. н. э., в то время как Вайяпури Пиллай не считает возможным датировать Курал ранее, чем 6 в. н. э. Вопрос о принятии, одобрении сангой произведений, которые туда представлялись, и о термине агаṅкеггам 'апробация' в связи с Куралом всесторонне трактуется в статье П. Надара, который все время ссылается на С. Пандараттара и в общем сходится с ним во взглядах на датировку, см. *A. C. P. Nadar. The problem of the age of Kambar. «Tamil Culture», 1957, vol. VI, № 1—2*.

⁸ Автор говорит об основании Ваччиранандой так называемой четвертой, джайнской, «дравидской санги» в 470 г. н. э. П. Надар считает более вероятным, что четвертая санга возникла позднее — в 7—8 вв. н. э. См. там же, р. 100.

ниями, отнесенными им к периоду третьей санги. Автор уделяет много места датировке произведений этого комплекса, применяя при этом метод нахождения заимствований, упоминаний и ссылок и, пытаясь расположить эти произведения в относительно-хронологическом ряду. Сомнительность такого метода хорошо иллюстрируется приводимой ниже сравнительной таблицей датировки 18-ти произведений дидактического комплекса С. Пандараттара и Вайяпури Пиллаем⁹.

шиной этого направления. Лучше всего было бы сказать (вне зависимости от того, предварял или завершал Курал этот цикл), что все идеи этого комплекса наиболее концентрированно и с наибольшим совершенством формы были выражены в Курале, хотя чисто джайнская концепция наиболее тонко и совершенно воплощена, бесспорно в Наладийяре. Автор пытается выявить причины возникновения дидактического направления, устанавливая связи внутренних литературных явлений со случайно

Название произведения	Дата С. Пандараттара	Дата В. Пиллая
1. Курал	1 в. до н. э.	начало 7 в. н. э.
2. Калавали Натпаду	1—2 в. н. э.	850 г. н. э.
3. Мудумоликканьджи	1—2 в. н. э.	775 г. н. э.
4. Нанманиккадугам	4 в. н. э.	750 г. н. э.
5. Иннатпаду	4 в. н. э.	800 г. н. э.
6. Карнатпаду	4 в. н. э.	ок. 850 г. н. э.
7. Айндией Аймбаду	конец 4 в. н. э.	ок. 850 г. н. э.
8. Тинеймоли Аймбаду	конец 4 в. н. э.	ок. 850 г. н. э.
9. Айндией Елубаду	начало 5 в. н. э.	ок. 850 г. н. э.
10. Иннийявей Натбаду	начало 5 в. н. э.	825 г. н. э.
11. Кайнилей	5 в. н. э.	ок. 850 г. н. э.
12. Тирукадугам	конец 5 в. н. э.	825 г. н. э.
13. Ачарковой	конец 5 в. н. э.	возм. ок. 725 г. н. э.
14. Паламоли	конец 5 в. н. э.	800 г. н. э.
15. Сирупаньджамулам	конец 5—начало 6 в. н. э.	825 г. н. э.
16. Елади	начало 6 в. н. э.	825 г. н. э.
17. Тинеймалей	»	825 г. н. э.
18. Наладийяр	8 в. н. э.	680 г. н. э. ¹⁰

В пределах этого сопоставления возможно установить относительную хронологию лишь для четырех джайнских сочинений (14, 15, 16, 17, но 16 и 17 принадлежат одному автору). Автор считает, что все дидактическое направление идейно исходит из Курала, в то время как, по мнению В. Пиллая, Курал является венцом, вер-

⁹ Даты приводятся по книге: *S. Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature. Madras, 1956*.

¹⁰ Поэму «Иннилей» С. Пандараттар не включает в комплекс дидактических произведений, так же как Р. Дикшитар (*V. R. R. Dikshitar. Указ. соч., стр. 40*) и большинство других авторов.

выбираемыми внешними явлениями. Вся слабость такого подхода видна на примере его попытки «объективно» объяснить возникновение Курала. Он считает, что торговые связи с другими странами в 1 в. до н. э. вызвали известный упадок правительственности у части тамиллов; необходимость исправления этих людей привела к появлению дидактических книг — Нидинуль. Такая трактовка Курала игнорирует его своеобразие — новую концепцию ахимсы и, в известном смысле и новую концепцию кармы.

После дидактической литературы автор рассматривает шиваитские стихи. Поэтесса Карайккаламмайяр, по его мнению, жила до знаменитого шиваитского поэта — санта Самбандара, т. е. в конце 5 или

начале 6 в. н. э.¹¹. К этому же периоду он относил сборник гимнов Тирумалара Тирумандирам¹². 6 веком автор датирует и Муттоллайрам — поэму о царях трех тамильских династий¹³.

И, наконец, говоря о джайнской поэме Наривируттам, которую создал Тируттаккатевар (автор Дживака-Чиндамани, одной из 5 эпических поэм), Пандараттар относит ее к 5 в. н. э.¹⁴.

Недостатком первого тома является игнорирование хронологии при распределении материала; автор не заботится о временной последовательности даже в пределах какого-нибудь одного комплекса произведений — и в этом отношении он уступает В. Пиллаю.

В своих общенсторических воззрениях автор, как и большинство индийских историков исходит из ставшего классическим труда В. Смита, но также использует труды Дюбройля и ряда тамильских историков.

Период с XIII по XV в., рассматриваемый во II томе, ставит перед автором проблемы совсем иного порядка. Вопросы датировки, хронологии, авторства, религиозного направления здесь отходят на второй план. С другой стороны, произведения этого периода преимущественно являются религиозно-философскими, либо комментаторскими. В кратком введении автор пытается связать новые явления в литературе этого времени с политическими изменениями в стране. Так, застой в лите-

ратуре XIV в. он связывает с упадком Пандиев и установлением в Тамилнаде господства мусульман, а затем Виджайянагара, полагая, что власть династий, для представителей которых тамильский язык не был родным, пагубным образом сказывалась на развитии тамильской литературы.

15 в. знаменуется полным преобладанием Виджайянагара, в связи с чем государственным языком становится каннада. Здесь автор, как и при объяснении причин упадка литературы третьей санги, исходит из сомнительного положения об обязательном для успешного развития литературы единстве государственного и литературного языка. Обзор XIII в. начинается с более или менее подробного описания Тирувилейадал-Пураны Тирувалавайудейяра; затем автор переходит к поэме Налавенба, являющейся пересказом ряда мест из Махабхараты и принадлежащей перу Пухаленди. Из 14-ти шиваитских шаштр автор рассматривает четыре, при этом особое внимание уделяет основному труду религиозно-философской системы Шайва-Сиддханта, трактату Мейкандара — Шива-Ньяна-Бодха. С. Пандараттар, признавая оригинальность концепции этого трактата, считает его переводом санскритской Раурава-Агамы. Дополняющим этот замечательный философский труд явился трактат Шива-Ньяна-Сиддхийар. Пандараттар не показывает место тамильского шайва-сиддханта в системе индийского шиваизма в целом. С другой стороны, не показано развитие тамильского шиваизма от раннего шиваитского бхакти до позднейшей недуалистической шайва-сиддханта концепции.

С тамильской Махабхаратой автор связывает начало массового проникновения санскритских слов. Эта тенденция еще более усилилась с развитием вишнуитской линии в литературе т. н. прабадха и с распространением тамильских пуран; появляется гибридный, санскритизированный тамильский язык — маниправалам.

Из произведений 15 в. наибольшее место во II т. занимает Тируппухаль поэта-шиваита Арунакири, жившего, вероятно, в период обострения соперничества между шиваитами и вишнуитами в Тамилнаде. В целом II том несколько более историчен; его большим достоинством, как и всей книги в целом, является привле-

чение богатого эпиграфического материала и включение ряда малоизвестных и неизданных сочинений. Дается изложение содержания, подробный анализ метрики, стиля.

Однако связи, которые автор устанавливает с исторической обстановкой и об-

щественной жизнью того или иного периода, носят формальный и случайный характер. Но несовершенство метода и системы изложения не умаляет значения этой книги как богатого источника интереснейшего материала и оригинальных идей.

А. М. Пятигорский

S U M M A R Y

The book under review covers the development of Tamil literature in the 3—7 and 13—15 centuries. It contains the author's interpretation of extracts from ancient and medieval poetry. The chronological data is given in accordance with the traditional viewpoint dominant in the beginning of the XXth century. The absence of strict chronological order in the presentation of material and the deficiency of the historical section are the shortcomings of the book.

Nevertheless, it contains a great deal of very interesting material.

S. VAIYAPURI PILLAI. *History of Tamil language and literature (Beginning to 1000 A. D.)*. Madras, New Century Book House, 1956, 206 p.

В самом конце 1956 г. в Мадрасе вышел в свет посмертный труд проф. Ваяпури Пиллая, одного из крупнейших тамилологов нашего века.

С. Ваяпури Пиллай (1891—1956) получил юридическое образование в Мадрасском университете, но карьера юриста не привлекала его, и он целиком посвятил себя исследованиям в области родного для него тамильского языка и литературы. С. В. Пиллай возглавлял тамильский факультет в Мадрасском университете и руководил тамильской кафедрой в Траванкорском университете. Он являлся главным редактором *Tamil Lexicon*'а, семитомного тамило-английского словаря, издававшегося с 1926 по 1936 г. Перу этого ученого принадлежит около пятнадцати трудов по ранней тамильской литературе. Особенную ценность представляют его исследования по литературе периода тамильских санг, по древней грамматике «Тольхаппиям», «18 малым произведениям», поэмам-близнецам «Шилаппадигарам» и «Манимекалай».

В данной работе, изданной вскоре после смерти автора, С. В. Пиллай подводит итог своим многолетним исследованиям. Проф. Р. Висванатан, написавший краткое предисловие к данной книге, весьма высоко оценивает заслуги автора, указывая, что если на долю В. Свамнатаяра

выпал труд раскопать и спасти древнюю тамильскую классику от незаслуженного забвения и дать ей новую жизнь в своих выполненных на высоком научном уровне изданиях, то проф. С. Ваяпури Пиллай было суждено определить ее подлинное место в истории литературы страны. «Проф. Ваяпури Пиллай,— пишет он,— снискал себе славу эрудированного тамиловеда, которого не смущали мифы и легенды, окутывавшие наших древних тамильских авторов, и который решил проникнуть в подлинную историю с помощью современных методов критического и исторического исследования» (стр. IX). Действительно, книга С. В. Пиллая своим критическим духом резко отличается от исследований других тамилологов, без достаточных оснований считавших тамильскую литературу слишком древней и абсолютно независимой от санскритской литературы.

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена истории тамильского языка и литературы с начала и до 300 г. н. э. Характеризируя семью дравидийских языков, автор указывает, что тамильский язык является древнейшим ее представителем. Самая ранняя тамильская надпись относится приблизительно к пятому веку н. э. Автор стремится определить, в каком веке была написана первая тамильская грамматика «Тольхаппиям» и когда существовали ран-

¹¹ Ваяпури Пиллай относит расцвет творчества Самбандара к 650 г. н. э., а стихи Карайкаламмайар датирует концом 7 в. н. э., см. *S. V. Pillai. History of Tamil language and literature*, p. 106—107. Кингсбери и Филлипс также относят Самбандара к середине 7 в. н. э. см. *F. Kingsbury and G. E. Phillips. Hymns of the Tamil Saivite saints. Calcutta, 1921*, p. 10—11.

¹² Ваяпури Пиллай датирует этот сборник первой четвертью 8 в. н. э., см. *V. Pillai. History of Tamil language and literature*, p. 108.

¹³ Ваяпури Пиллай считает, что эта поэма была написана в последней четверти 9 в., см. там же, стр. 136.

¹⁴ По Ваяпури Пиллаю, Тируттаккатевар жил в первой половине 10 в. (см. там же, стр. 160), а по Сриниваса Айенгару в 7—8 вв. н. э.

ние тамильские санги. Традиция утверждает, что три тамильские санги обнимают период в 10 000 лет и что поэт Муранджияр Мудинагараяр принадлежал к первой санге. С. В. Пиллай вопреки этому утверждению говорит лишь об одной Санге, которую делит на раннюю и позднюю, давая наряду с этим свою систему хронологии. Основываясь на свидетельствах античных писателей, путем различных научных сопоставлений автор устанавливает, что ни один из поэтов эпохи санг, во всей видимости, не жил раньше второго века н. э. Но если литература санг отличается чеканностью и совершенством форм, то, естественно, ей должен был предшествовать определенный период развития, который составляет, по мнению автора, около трех столетий.

С. В. Пиллай переходит затем к анализу самой ранней литературы на тамильском языке, которая представлена короткими лирическими стихами и длинными поэмами. Первые объединены в восемь сборников, известных под названием «Еттутогей» (Восемь сборников), а поэмы собраны в «Паттупатту» (Десять поэм). Два сборника Еттутогея — Парипадал и Калиттогей, доказывает автор, были написаны двумя или тремя веками позже других.

В работе приводятся дополнительные свидетельства, подтверждающие положение о том, что литература ранней Санги развивалась во втором-третьем веках. Нельзя не отметить, что такая датировка вполне согласуется с точкой зрения К. А. Нилаканта Састри¹. С. В. Пиллай суммирует дошедшие до нас сведения о жизни поэтов этого периода, число которых составляет, по его подсчетам, 459.

При всей своей сдержанности С. В. Пиллай высоко оценивает ранние произведения тамильской литературы: «Лаконичность выражения, насыщенность содержания, чистота формы и единство мысли — эти главные черты поэзии Санг, а также утонченность вкуса, наводят на мысль о сравнении с древними греками. Полностью отсутствуют холодная вычурность и педантически-профессиональные упражнения грамматиков, что характерно для литературы более позднего периода... Есть

¹ К. А. Nilakanta Sastri. A History of South India. London, 1955, p. 348.

искусство, суровое и простое, но искусственности почти нет и следа». Примерно такую же оценку давал произведениям древней тамильской литературы известный чешский дравидолог Камил Звелебил, считая, что они находятся на уровне творений Гомера и Шекспира².

Вторая часть книги, посвященная литературе с 300 г. н. э. по конец первого тысячелетия, состоит из пяти глав: антологии; труды по грамматике; дидактические произведения; движение бхакти; светская литература. В главе об антологиях автор останавливает внимание читателя на создании в 470 г. н. э. санги Ваджрананди в Мадуре. Затем он подробно освещает ту важную роль, которую, по его мнению, сыграли в свое время джайны в развитии тамильской культуры.

В следующей главе автор отводит несколько страниц легендарному тамильскому грамматик Агастье, который, согласно преданию, составлял своды правил по всем трем формам языка, традиционно известным как *ияль* (язык литературы), *исей* (язык музыкальных произведений) и *надакам* (язык драм). С. В. Пиллай считает, что Агастья известен среди тамиллов гораздо более благодаря своим мифическим деяниям, нежели каким-либо солидным достижениям в литературе. Что же касается Тольхаппияра, который, по преданию, являлся его учеником, то он представлял собой, может быть, самую крупную фигуру в Тамилнаде тех времен. Автор подробно разбирает его классическую грамматику Тольхаппиям, не уступающую по глубине и четкости изложения грамматике Панини. По мнению С. В. Пиллая, в Тольхаппияме, испытавшей весьма осязаемое влияние грамматики Панини, можно обнаружить также следы воздействия Патанджали, Каутильи и Ватсяяны. На основании этого и некоторых других аргументов автор, вопреки тамильской традиции, относящей создание Тольхаппияма ко времени до нашей эры, делает вывод, что упомянутая грамматика могла быть написана лишь около пятого века н. э. Интересно замечание о том, что термин *сентамил*, которым обозначался классический тамильский язык в отличие от раз-

² См. «Tamil Culture», 1956, vol. V, № 4, p. 296.

говорного языка, названного *кодун тамил*, встречается впервые именно в труде Тольхаппияма.

Следующую главу автор посвящает дидактическим произведениям, уделяя особое внимание знаменитому «Куралу» Тируваллувара. Это поэтическое произведение, состоящее из 1330 афоризмов, давно уже переведено на основные европейские языки (заключительная часть Курала была переведена Б. де Фонтенье на французский язык еще в 1889 г.)³. Оценивая Курал, французский индолог П. Мейе писал, что это «одно из великих творений Индии, кодекс морали, и, может быть, наиболее совершенное выражение индийской мудрости»⁴.

Биография Тируваллувара и история создания его книги до сих пор продолжает оставаться невыясненной. Подвергается сомнению, что Майлапур был родиной Тируваллувара и на протяжении многих десятилетий ведется спор о времени его жизни. В серьезных научных трудах самих тамиллов, в частности проф. Чакраварти, утверждается, что автор Курала жил еще до нашей эры. В. В. Субраманья Айяр относит написание книги ко второму веку н. э. Западноевропейские ученые считают наиболее вероятной датой вторую половину первого тысячелетия н. э.: К. Грауль ограничивал время создания Курала восьмым веком н. э., а П. Мейе приблизительно пятым веком н. э.

С. В. Пиллай считает, что Курал был написан не ранее 600 г. н. э., но позже вышеназванного Тольхаппияма. Он стремится доказать, что Тируваллувар был джайном, и полагает, что санскритская литература оказала на него определенное влияние. Высоко оценивая произведение Тируваллувара, С. В. Пиллай пишет: «Никогда раньше, так же как и позднее, слова такой глубокой мудрости не исходили от какого-либо другого мудреца Тамилнада. Это правда, что Валлувар⁵ черпал материал из санскритских источников, но его гений превратил все это в чистое

³ См. Pierre Meile. Littératures Dravidiennes. «Encyclopédie de la Pléiade. Histoire des littératures», t. I, Bruges, 1955, p. 1056.

⁴ Там же.

⁵ То же, что Тируваллувар.

золото». По мнению автора, Тируваллувар поднялся выше Ману, Каутильи и Ватсяяны, создав собственную философию морали (арам), политики (порул) и любви (анбу). В частности, для автора Курала не имели никакого значения кастовые различия. «Влияние, которое его произведение со времени появления оказало на умы, жизнь и литературу тамиллов, феноменально, — продолжает С. В. Пиллай. ...Люди всех возрастов, от мала до велика, всех сословий и состояний, всех религиозных воззрений усердно изучали эту книгу, так что приверженцы всякой религии начали предьявлять на него (Тируваллувара. — Ю. Г.) свои притязания. Короче говоря, он стал всеобщим поэтом... Когда в нашей стране впервые были созданы суды, то судьи и защитники ссылались на Курал, как на авторитет.

Подобно Библии, книга стала священной и ею пользовались в судах при приведении свидетелей к присяге. Даже в наши времена она изучается в такой же мере, как и всегда».

Четвертую главу С. В. Пиллай посвящает движению бхакти в Южной Индии, начало которого приурочивается им к 6 в. н. э. Высшей точки своего развития это движение, по мнению автора, достигает в первой четверти 7 в. Именно в это время были переведены на тамильский язык великие эпические поэмы, сначала Махабхарата и затем Рамаяна. С. В. Пиллай приводит дошедшие до нас данные о жизни сантовшпивайтов Аппара (Тирунавуккарасу), Самбандара, Сундарара, а также Маниккавасагара, и подробно останавливается на произведениях двенадцати альваров (поэтов-вишнуитов).

В заключительной главе говорится, главным образом, о пяти великих поэмах (Аймперу каппиям): «Шилаппадигарам», «Манимекалай», «Дживака-чинтамани», «Перункадай» и «Кундалакеси». В качестве приложения автор дает обстоятельное повествование о жизни Манимекалай — героини одноименной поэмы.

Рецензируемая работа содержит обширный, научно выверенный материал, однако основное достоинство книги в том, что она является, в сущности, одной из первых попыток в литературоведении Тамилнада решить целый комплекс проблем, касающихся ранней тамильской литературы,

с помощью подлинно критического метода. Смелые, аргументированные выводы автора идут вразрез с некоторыми традиционными взглядами, покоящимися на преданиях, и убедительно опровергают неподкрепленные фактами заключения некоторых тамилведов.

Покойный проф. С. В. Пиллай оставил после себя труд, который не может не вызвать чувства благодарности у всех тамилведов, независимо от того, согласны ли они с ним по сложнейшим вопросам, затрагиваемым в книге.

Ю. Я. Глазов

S U M M A R Y

The book of the late Prof. S. V. Pillai contains a large amount of scientifically verified material. It is in essence one of the first attempts in Tamilnad letters to solve a whole set of problems relating to early Tamil literature by means of a truly critical method. And that is its chief merit.

It should be mentioned that the author uses his own system of chronology which is at variance with the traditional one.

F. J. ZIADEH and R. B. WINDER. *An introduction to modern Arabic*. Princeton. Princeton University press, New Jersey, 1957, 298 p.

Вышедшее в конце 1957 г. «Введение в изучение современного арабского языка» Ф. Дж. Зияде и Р. Б. Уиндера представляет собою начальный практический курс современного арабского литературного языка, рассчитанный на неподготовленного в лингвистическом отношении учащегося. Учебник состоит из вводной части (семь глав-уроков), основного курса (двадцать девять глав-уроков) и приложения (парадигмы глагольных форм, список глаголов, управляющих предложениями, англо-арабский и арабско-английский словари, а также английский и арабский указатели). Книге предпослано предисловие известного арабиста Ф. Хитти (Ph. Khitti) и введение, в котором авторы излагают основные принципы построения учебника, не приводя, к сожалению, никаких соображений относительно его практического использования, распределения материала по времени, или каких-либо иных методических советов.

В вводной части, в шести небольших по объему уроках, дается параллельное описание графики и звуков арабского языка. Это описание, заимствованное в основном у Гэрднера¹, отличается большой

продуманностью и тщательностью. Оно сделано кратко, доступно, звуки арабского языка сравниваются со звуками английского языка. Весьма удачно, в частности, разъясняется произношение гортанного ح и заднеязычного خ .

Большим недостатком этого раздела является то, что все 28 согласных фонем арабского языка вместе с обозначающими их буквами вводятся в первом же уроке в алфавитном порядке без подразделения их по степеням трудности или каких-либо рекомендаций относительно порядка и метода их усвоения. Никаких каллиграфических и фонетических упражнений этот урок не содержит. Практическая возможность дать фонетические упражнения является лишь во втором уроке, где вводятся гласные звуки и их обозначения. Однако эта возможность, по существу, не реализуется, ибо единственное имеющееся здесь упражнение представляет собою никак не градуированный и крайне скудный набор односложных слов для чтения вслух. Аналогично построены и остальные четыре урока вводной части.

Между тем арабские звуки и буквы могут быть с успехом распределены по группам с учетом степени трудности графики и фонетики. Так, для первых занятий можно было бы подобрать звуки, близкие по артикуляции к родному языку учащегося,

и притом обозначаемые буквами, мало или совсем не изменяющимися в связанном положении, и даже составить из них слова и простые фразы. Это дало бы возможность постепенного и осмысленного овладения столь важным материалом.

Вводная часть учебника завершается седьмым уроком, озаглавленным «Об арабском языке вообще». В нем авторы пытаются в очень сжатой форме дать общую характеристику грамматического строя и словарного состава арабского языка в сравнении с английским, что им в значительной мере удается. Интересна и удачна здесь схема классификации основных типов простого предложения, в которой остроумно комбинируются положения традиционной арабской грамматики с понятиями школьной грамматики английского языка. Не внося по существу ничего нового в научную трактовку вопроса, эта схема, тем не менее, представляет собой известную ценность с методической стороны, так как она помогает учащемуся быстрее освоиться с особенностями своеобразного арабского синтаксиса. В этом же уроке даются общие понятия об арабском трехсогласном корне, о словообразовании и словоизменении, о морфологической структуре глагола и глагольных временах, о пользовании морфологическими моделями от корня فعل (фа'ала) и пр. Все это позволяет авторам в последующих уроках пользоваться ссылками на указанные языковые явления еще до систематического преподнесения их учащемуся и, в частности, более свободно привлекать в качестве лексического материала такие формы, как причастия, масдары, отглагольные прилагательные и т. п.

Уроки основного курса (с восьмого по тридцать пятый) построены в соответствии с принятым авторами индуктивным методом подачи материала. Каждый урок состоит из 1) грамматического текста с параллельным английским переводом, максимально приближенным к арабскому синтаксису, 2) подробного грамматического и лексического комментария, содержащего разбор текста и грамматические обобщения, 3) второго текста, содержащего разобранные грамматические явления и новую лексику, также с параллельным переводом и 4) небольших упражнений на перевод с обоих языков.

Грамматический материал в учебнике расположен концентрически и с достаточной полнотой охватывает морфологию современного языка, а также основные элементы синтаксиса простого и сложного предложений. Тематически материал распределен главным образом по разделам морфологии, и урокам даны соответствующие заголовки. Синтаксические факты комментируются по мере их появления в текстах и строгого тематического распределения не имеют. Однако наличие в приложении подробного указателя позволяет без труда ориентироваться в тексте книги. Изложение всего грамматического материала хорошо детализировано, отличается большой простотой, доступностью и известной живостью, несмотря на лаконичную форму. При этом авторы последовательно и разумно проводят принцип сравнения с родным языком учащегося. Нельзя, однако, не отметить полное отсутствие в учебнике упражнений на систематизацию и закрепление грамматических навыков. Этот недостаток, так же как и в вводной части, ничем не компенсирован, поскольку упомянутые выше упражнения на перевод невелики по объему и совершенно лишены обобщающего характера.

Текстовый материал учебника целиком ориентирован на современный язык, главным образом на язык прессы. В этих пределах содержание текстов достаточно разнообразно. Серьезные возражения вызывает наличие параллельного английского перевода всех текстов, так как это ведет к ослаблению усилий учащегося при их изучении и понижает таким образом их методическую эффективность. Этот факт ничем не оправдан, так как учебник вовсе не рассчитан на самостоятельное овладение языком и поэтому его тексты в «ключе» не нуждаются.

Большой заслугой авторов является тщательный отбор лексики, охватывающей при сравнительно небольшом количестве слов (1013) весьма обширную тематику в указанных выше пределах. То же следует сказать и об отборе фразеологии. Усвоение этой лексики, по мысли авторов, обеспечивается, несмотря на отсутствие специальных упражнений, повторяемостью каждого слова не менее четырех-пяти раз на протяжении всей книги. Однако желаемый эффект может быть достигнут лишь при условии интенсивной работы учащегося над текстами,

¹ W. H. T. Gairdner. *The Phonetics of Arabic*. London—New York—Bombay, 1925.

чему, как уже было сказано, мешает наличие параллельных переводов. Отсутствие поурочного словаря также не способствует концентрации внимания на преподносимой в уроке лексике.

Ценным дополнением к учебнику являются детально разработанные парадигмы глагольных форм. В них использована новая, отличная от общепринятой схема, состоящая в том, что типы глаголов по звуковому составу корня даются не в отдельности, а сведены в общие таблицы для каждой грамматической формы. Это позволяет легко увидеть фонетические и графические изменения, претерпеваемые всеми

типами «неправильных» глаголов, в сравнении с соответствующими формами «правильного» глагола.

Большую пользу принесет учащемуся приводимый в приложении список глаголов, управляющих предлогами, в который, наряду с глаголами, входящими в словарный запас учебника, включен также и ряд других широко употребляемых глаголов.

В целом рецензируемая книга, несомненно, заинтересует широкие круги арабистов, и в первую очередь студентов и преподавателей арабского языка.

В. С. Сегаль

S U M M A R Y

The textbook in question is valuable for the study of modern literary Arabic. Its authors succeeded in giving a brief review of the language structure in one chapter (VII); the vocabulary is thoroughly selected and the paradigms are aptly compiled. The main shortcoming of the textbook is the lack of a sufficient amount of exercises necessary for the student.

FOUILLES de CHÂPOUR. Publiées sous la direction de G. A. Salles et R. Ghirshman. Bichâpou, vol. II. Paris, 1956, 202 p.

Работы на городище Бишапур в Южном Иране были начаты по инициативе Ж. Салль в 1935 г., но в основном велись с 1938 по 1941 г.¹ В состав экспедиции, возглавлявшейся Р. Гиршманом, входили архитекторы Ж. Эни, А. П. Арди и Ж. Жаке и художник-реставратор Т. Гиршман.

Второй том трудов Бишапурской экспедиции вышел в свет раньше первого. Основу его составляет монументальное исследование Р. Гиршмана «Les mosaïques sassanides», посвященное архитектурному декору бишапурского дворца. Именно значение открытых в Бишапуре мозаик и

объясняет Р. Гиршман необходимость выпуска данного тома раньше первого, который посвящен общей характеристике бишапурского городища. Поэтому в первой главе содержится лишь краткая характеристика архитектуры раскопанных сооружений и суммарно рассматриваются вопросы их датировки.

На отвесных скалах близ Бишапура высечены монументальные горельефы, изображающие триумфы Шапура I, Бахрама II, Хормизда II и инвеституру Бахрама I. Вскрытый архитектурный комплекс включает храм огня, большой, крестовидный в плане дворцовый зал, прилежащие к нему с юго-запада замкнутый двор и с северо-запада тройной айван. Это один из отделов парадно-официальной части огромного сасанидского дворца, раскопки которого являются в высшей степени перспективными.

Все постройки воздвигнуты из камня с применением двух основных типов клад-

ки стен: из крупных правильных блоков, соединенных иногда железными крепежами, а чаще — двумя параллельными рядами кладки из рваного камня на известковом растворе, с внутренней забутовкой из щебня и камней, залитых известковым молоком. Основным видом перекрытия являются типичные для сасанидской архитектуры своды и купола. Композиционные принципы также весьма характерны: тройной айван и центральный купольный зал (пролетом и высотой свыше 20 м) находят аналогии в Сарвистанском дворце.

Строительство комплекса было начато при Шапуре I (240—271 гг.) точнее, как полагает Р. Гиршман, в 60-е гг. н. э., когда после победы над императором Валерианом масса римских военнопленных была поселена в Бишапуре и использовалась здесь на строительстве. Завершен был этот «Версаль своей эпохи» уже по смерти Шапура его ближайшими преемниками. Некоторые дополнительные работы были осуществлены в конце сасанидской эпохи, как о том свидетельствуют монеты Хосрова II, найденные в третьем (снизу) археологическом слое. Уже во вторую половину VII в., время первых Омейядов, также определяемое нумизматическими находками, было отстроено подземное помещение — «сардаба» и нанесен новый скульптурный штурк в айване.

Главы II и III, наиболее значительные по объему, посвящены описанию и критическому разбору мозаик. Техническое состояние мозаик весьма дефектно, так как цементирующий раствор уже не скрепляет мозаичных элементов, поэтому после заливки швов мозаики были распилены на отдельные панно, перенесенные затем на специальную площадку, где их зацементировали с оборота алебастровым раствором, армированным камышом.

В айване сохранилось 18 фрагментированных панно. На них изображены женщины с венками и букетами цветов; здесь можно видеть и дам, одетых в длинное платье, и куртизанок в наброшенном на нагое тело шарфе и группы танцовщиц, движущихся то в плавном, то в бурном, развевающем одежде танце, и полунагую женщину, сплетающую венки, и полуобнаженную арфистку, и сидящую даму с опахалом и т. д. Очень значительно число портретных голов — мужских и женских. Эти

композиции расчленены прямоугольными панно с несложной геометрической орнаментацией.

Анализируя портреты, Р. Гиршман приходит к заключению, что в массе своей изображенные на них люди принадлежат к единому иранскому этническому типу, который характеризуется правильным, несколько утяжеленным книзу овалом лица, прямым разрезом глаз, выпуклой, но умеренной формой носа, небольшим ртом с сильно очерченными губами, черным цветом волос и глаз. Лишь три персонажа с выступающими скулами и суженным разрезом глаз видимо относятся к центральноазиатским монголоидам. Автор полагает, что все это — портреты представителей двух и даже трех поколений определенных, видимо, знатных семей.

В украшениях важную деталь составляют венки или головные повязки. Р. Гиршман видит в этом не простую прихоть художника, а указание на социальную принадлежность, определяемую происхождением, правом рождения, или общественным положением данного лица. Из отдельных деталей в мозаиках айвана характерны треугольная арфа — инструмент, которому автор находит аналогии в сасанидском изобразительном искусстве и еще ранее — на фризе из Айртама, чоуган (клюшка для игры в гуй — конное поло) возле одной из мужских голов и стрелы у другой, видимо, как обозначение придворных профессий.

Мозаика во дворе сохранилась еще менее. Среди расчищенных фрагментов выявлены, помимо различных геометрических мотивов, остатки фигуры крылатого гения в остроконечном колпачке, ногой женщины, птицы в полете, мужской головы в профиль.

Наибольший интерес представляет образ крылатого гения, близкую аналогию которому в сасанидском искусстве автор находит в фигурах парящих Викторий в тимпанах арки Таки-Бустана (VII в. н. э.). В противовес Э. Херцфельду, который полагал, что мотив этот занесен манихеями из Восточного Туркестана, Р. Гиршман прослеживает его генезис на иранской почве уже в начале I тыс. до н. э. в так называемых луристанских бронзах и его дальнейшее существование в художественной символике Ахеменидов.

¹ Вкратце предварительные итоги археологических работ в Бишапуре были в свое время освещены в советской печати. См. Р. Гиршман. Раскопки французской экспедицией города Шапура в Фарсе. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры», 1947, XV, стр. 43—50.

Сравнительный анализ приводит Р. Гиршмана к ряду выводов. Появление в Бишапуре самой техники наборной мозаики, столь широко развитой в греко-римском мире, он связывает с участием в отделке дворцового ансамбля сирийских мастеров из Антиохии и римских мастеров из числа пленников, захваченных вместе с императором Валерианом. Композицию мозаик из Бишапура, как и римских мозаик второй половины III в. характеризует отсутствие перспективных построений, типичных для более ранних эпох. Обращает внимание некоторая диспропорция человеческих фигур. Имеет место тенденция фронтального показа фигур и лиц, переданных в очень легком повороте, хотя встречается и профильное изображение. Графичность художественной манеры сказывается в трактовке волос и складок одежды.

Автор считает, что сюжет, объединяющий отдельные мозаичные панно в айване, имеет не мифологическую, а реальную основу и представляет сцену придворного пиршества, может быть, связанного с праздником ноуруза (нового года).

Устанавливая несомненность участия западных мастеров, Р. Гиршман, однако, полагает, что по своей изобразительной основе мозаики Бишапура являются не греческими, или римскими, а иранскими. Он подкрепляет этот тезис целым рядом веских доказательств, прослеживая генезис как ведущей темы, так и отдельных изобразительных мотивов, художественных приемов, деталей, атрибутов на местной иранской почве. Многочисленные аналогии дают костюмы и прически женщин, «восточная» поза сидящих с подогнутой ногой фигур, венки цветов для пирующих, ленты, развевающиеся на затылке, условная манера изображения цветов, характер танца, позы и одеяние танцовщиц, мужской головной убор, украшенный рогами барана, чоуган и т. д. Что касается отдельных голов, которые переданы на мозаиках не в виде портретных бюстов, как в западном искусстве, но в виде масок — без шеи и плеч, то их генезис прослеживается с архаических культур Сиалка, через мидийско-скифские луристанские бронзы, затем скифское искусство юга России времени Ахеменидов и, наконец, парфянские «маски» из дворца Хатра, из монументальных зданий в окрестностях Кума и в районе

древних Экбатан, а также на мелких изделиях парфянской короoplastики и ювелирного искусства из Ниппура, Суз, Вавилонии, Дур-Эвропос.

Детальный анализ приводит автора к выводу о том, что мастера мозаики Бишапура являлись, бесспорно, выходцами из римских провинций, но художники-рисовальщики, изготовившие картоны, были, несомненно, иранцами.

Пятая глава монографии посвящена архитектурному резному штуку из айвана Бишапурского дворца. По технике изготовления он разделяется на две группы. Первую составляют не крупные панно, выполненные отливкой, с орнаментом невысокого рельефа (до 5 мм). Здесь преобладают стилизованно-растительные мотивы. Вторая группа дает большие скульптурные панно, глубокая (до 2 см) резьба которых осуществлялась вручную. Здесь преобладает композиционное членение на геометрические фигуры, внутренним наполнением которых служат спиралевидные растительные завитки; имеется также очень рельефный бордюр с мотивами стилизованного дерева.

Привлекая для сравнения многочисленные образцы резного штука из Ктесифона, Киша, Хиры, Самарры, Бизуна, автор определяет датировку фрагментов первой группы концом VI — началом VII в., а второй — второй половиной VII в., подкрепляя это нумизматическими данными. Значимость бишапурского штука, на его взгляд, заключается в том, что, охватывая позднесасанидский и раннеисламский периоды, он позволяет ощутить «момент перехода между двумя великими эпохами иранского искусства, более того, всего искусства Западной Азии, к которому оно принадлежало» (стр. 175).

В «Заключении» автор дает подробную формулировку о глубоких местных корнях того «новоиранского» искусства, которое, ярко проявив себя уже с начала нашей эры, находит наиболее полное выражение в эпоху Сасанидов.

Исследование Р. Гиршмана представляет, бесспорно, крупный вклад в историю искусства Ирана времени Сасанидов. Глубокая эрудиция автора позволила ему сделать убедительные выводы, выходящие за пределы самого Бишапурского комплекса. И лишь в одном можно его упрекнуть.

Внимательно следя (судя по другим публикациям) за советской археологической литературой, Р. Гиршман, к сожалению, почти совершенно не использовал исследований советских археологов в Средней Азии, которые могли бы ему дать очень ценные материалы для сравнения.

Между тем для бишапурских мозаик следовало бы привлечь материалы раскопок в Хорезме и в Южном Туркменистане. Полуобнаженная арфистка из Бишапура близка не столько к музыкантше Айртамского фриза, плотно закутанной в богатые одежды, сколько к полунагой арфистке в стенописи дворца шахов Хорезма (III в. н. э.) на городище Топрак-кала². Одиночные головы в мозаиках айвана, аналогии которым Р. Гиршман находит в позднепарфянском искусстве (I—III вв. н. э.), генетически восходят еще к раннепарфянской традиции, как о том свидетельствуют экспрессивные головки на карнизах парфянских ритонов из Нисы³. Тема крылатых Викторий может быть проиллюстрирована не только ссылкой на Таки-Бустан (VII в. н. э.), но и на некоторые предшествовавшие Бишапуру памятники парфянского искусства — росписи в Дур-Эвропос, монеты старших Аршакидов и оттиски парфянских печатей из Старой Нисы⁴. Говоря о женских одеяниях на бишапурских мозаиках, Р. Гиршман ссылается на группу так называемых «сасанидских» кувшинов с изображениями стоящих под небольшими арками женщин. Между тем советскими исследователями доказано согдийское в основном происхождение этих сосудов⁵, а бронзовая плакетка с анало-

гичным сюжетом была найдена в Ахангеране (Ташкентская область)⁶.

Вызывает известное сомнение истолкование Р. Гиршманом основного сюжета мозаик бишапурского айвана как светской пиршественной сцены. Анализ изображений на упомянутых выше согдийских кувшинах, а также на стилистически близких к ним рельефах Бия-Найманских оссуариев приводит к заключению о ритуальной основе представленного на них действия⁷. То же, вероятно, следует сказать и о бишапурских мозаиках, где, как нам кажется, изображены жрицы. Полуобнаженные женские фигуры бишапурских мозаик вряд ли могли бы появиться на торжественном, устраивавшемся с пышным церемониалом царском пиршестве, где участвовали представительницы царской фамилии и знатных аристократических семейств, облаченные в плотные, богатые одеяния. Между тем в храмовых таинствах богини Анахит наличие полунагих жриц и служительниц, исполнявших священные танцы, игравших на музыкальных инструментах, сплетавших венки, могло сохраниться от тех оргиастических культов, которые в первых веках до и после н. э. были так распространены на азиатской почве.

Отметим, наконец, что при анализе резного штука из Бишапура безусловно нельзя было пройти мимо резного штука с городища Варахша Бухарской области (VII в.), который дает поразительно близкие параллели в мотивах, технике и стиле орнаментации⁸.

среднеазиатском алфавите. Там же, т. IV, 1947, стр. 218—220; Г. А. Пугаченкова. Некоторые изобразительные сюжеты на памятниках искусства древнего Согда. Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР, 2, 1952, стр. 53 сл.

⁶ См. М. Е. Массон. Ахангеран. Ташкент, 1953, стр. 52—53.

⁷ См. Г. А. Пугаченкова. Указ. соч., стр. 60 сл.

⁸ См. В. А. Шиликин. Архитектурная декорация дворца в Варахше. «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. IV, 1947, рис. 1—65; его же. Варахша. «Советская археология», т. XXIII, 1955, рис. 14—15.

² См. С. П. Толстов. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, рис. 46.

³ См. «В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции», «Известия АН СССР, серия истории и философии», т. VII, № 2, 1950, рис. 2—3.

⁴ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова. Оттиски парфянских печатей из Нисы. «Вестник древней истории», 1954, № 4, стр. 165—166, рис. 38—46.

⁵ См. А. Я. Борисов. К истолкованию изображений на Биянайманских оссуариях. «Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа», т. II, 1940, стр. 47; М. М. Явич. Замечания о неисследованном

Думается, что всестороннее использование среднеазиатских аналогий не только обогатило бы сравнительными данными превосходный труд Р. Гиршмана, но еще более подкрепило бы его основной тезис об исконной местной основе изобразительного декора Бишапурского дворца.

В конце тома дан небольшой обзор Дж. Уокера «Étude numismatique», посвященный монетам из раскопок Бишапура. Как видно из обзора, среди обнаруженного

на городище пумизматического материала преобладают сасанидские медные монеты VII в. довольно плохой сохранности и арабо-сасанидские, повторяющие те же монетные типы, но уже с арабскими легендами, содержащими калиму и дату.

Книга содержит превосходные фототаблицы, два цветных воспроизведения мозаик, архитектурные планы и ряд рисунков в тексте.

Г. А. Пугаченкова

S U M M A R Y

Volume II of the works of the Bishapur expedition which contains R. Ghirshman's fundamental survey of the mosaics and palace of Bishapur is a valuable contribution to the history of art in Sasanian Iran. Still we should regret the fact that the author has practically made no use of the results accomplished by Soviet archaeologists in Central Asia which would provide much more comparative material in support of R. Ghirshman's theory about the indigenous character of the Bishapur palace décor.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

«Middle East Economic Papers (1954, 1955, 1956)». Economic Research Institute. American University of Beirut. Lebanon, Dar el-Kitab.

Институт экономических исследований, основанный в январе 1953 г. при Американском университете в Бейруте на субсидию из Фордского фонда, издает ежегодные сборники статей на английском языке по экономике стран Ближнего и Среднего Востока. В Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР имеются три тома этого издания (за 1954, 1955 и 1956 гг.). В них содержатся статьи по различным вопросам экономики Египта, Сирии, Ливана, Ирана, Ирака и о. Кипра, а также по таким общим проблемам, как экономическое планирование в странах Ближнего и Среднего Востока, их промышленное развитие, аграрные реформы, финансы, проблема нефти и т. д.

Ежегодники экономических исследований по Ближнему и Среднему Востоку представляют для советских востоковедов несомненный интерес, так как в них публикуются статьи не только западноевропейских и американских экономистов, нередко выступающих с позиций апологии империализма, но и ученых и государствен-

ных деятелей стран Ближнего и Среднего Востока, в том числе непосредственных участников борьбы за ликвидацию последствий колониализма и экономической независимость своих стран. Так, в томе за 1954 г. помещены статьи: д-ра Авада Баракаты — секретаря Совета по вопросам денежного обращения и кредита Сирии; проф. Каирского университета, председателя правления Промышленного банка и члена Совета национального производства Египта — Рашида аль-Баррави; бывшего министра национальной экономики, сельского хозяйства, финансов и иностранных дел Ливана — Джорджа Хакима и др.

Характеристика авторами этих работ путей и методов развития национальной экономики слаборазвитых стран, попытки обобщения накопленного в этой области опыта представляют значительный интерес для всех, интересующихся социально-экономическими проблемами стран Востока.

Д. Р. Вобликов:

G. LENCZOWSKI. *The Middle East in World Affairs*. Second Edition. Cornell University Press. New York, 1956, 576 p.

В работе проф. Г. Ленцовского, вышедшей вторым изданием, освещается история международных отношений на Среднем Востоке в период с 1914 по 1956 г. Вместе с тем работа содержит главу, посвященную более ранней дипломатиче-

ской истории этого района мира. В этой главе Средний Восток рассматривается как единая, подвластная Оттоманской империи территория. Первая, вторая, третья и четвертая части показывают историю распада Оттоманской империи, образова-

ния отдельных государств и международное положение этих государств в настоящее время. В последней, пятой части анализируются «проблемы войны и мира», т. е. общие вопросы, касающиеся Среднего Востока в целом. Специальная глава посвящена роли великих держав.

Книга включает обширное приложение, которое содержит интересные, составленные автором таблицы, а также большую

D. Creamer and others. Israel's National Income 1950—1954. Falk Project for Economic Research... Bureau of Statistics. Special series, № 57. Jerusalem, 1957, 115 p.

Работа является коллективным трудом, написанным группой ученых при участии и под общим руководством видного американского экономиста Кримера. В течение ряда лет Кример находился в Израиле в качестве директора так называемого Фонда Фалк проджек, учрежденного в Израиле в 1954 г. для научных исследований в области экономики. Одним из результатов деятельности этого Фонда явилась выше-названная работа. К участию в сборе и обработке обширного статистического материала были привлечены также различные официальные учреждения Израиля, прежде всего Центральное статистическое бюро.

Работа претендует на объективное освещение затронутых в ней проблем. Однако она не выходит за рамки установившегося представления о национальном доходе, господствующего в буржуазной экономической науке. Национальный доход рас-

сматривается в работе как совокупный продукт отраслей, включающих не только материальное производство, но и всю непродовольственную сферу. Исчисление авторами национального дохода фактически представляет лишь некоторое варьирование принятой в буржуазной статистике методологии, ведущей к искусственному завышению национального дохода. Завышая национальный доход Израиля, авторы фальсифицируют экономическое положение страны.

Книга представляет определенный познавательный интерес как с точки зрения хорошо подобранного статистического материала, так и разоблачения буржуазной фальсификации национального дохода.

Помимо пяти глав, освещающих вопрос о национальном доходе Израиля, имеется обширное приложение с указанием источников и описанием методов исчисления, использованных авторами.

состояния израильской экономики за 1955, 1956 и отчасти 1957 гг. Статьи касаются общих экономических вопросов, финансов и банковского дела Израиля, промышленности и торговли, сельского хозяйства, а также земельных отношений,

«Ежегодник» выходит в течение ряда лет. Это один из основных информационных источников, освещающих экономическую жизнь Израиля.

В сборнике за 1956/1957 гг. содержится свыше 40 статей, в которых дается анализ

жилищного и общественного строительства, коммуникаций, страхования, законодательства в области экономики. В «Ежегоднике» помещен богатый статистический материал.

Авторы статей — видные израильские экономисты. В предисловии к «Ежегоднику» оговаривается, что помещенные в нем статьи представляют исключительно личную точку зрения авторов. В действительности же авторы выступают с позиций официальной буржуазной пропаганды, подчеркивая якобы постоянно изменяющийся и прогрессирующий характер израильской экономики. Тем не менее, авторы вынуждены признать тяжелое экономическое положение Израиля, усугубившееся в результате военных авантюр. Об этом нагляд-

но говорят приведенные в «Ежегоднике» данные об огромном дефиците торгового и платежного балансов Израиля и исключительно большой иностранной задолженности страны, еще более возросших за рассматриваемый период. Значительной суммы достиг дефицит израильского бюджета.

Вывод, к которому невольно приходят авторы, анализируя состояние экономики Израиля, это пагубность для страны милитаристского курса, проводимого израильскими правящими кругами.

В «Ежегоднике» за 1956/1957 гг. помещена специальная статья о западногерманских репарациях, получаемых Израилем с 1953 г.

Г. Никитина

侯外廬, 杜國權, 趙紀彬, 邱漢生. 中國思想通史 (ХОУ ВАЙ-ЛУ, ДУ ГО-СЯН, ЧЖАО ЦЗИ-БИНЬ, ЦЮ ХАНЬ-ШЭН.) Всеобщая история идеологии Китая. Пекин, Жэньминьчубаншэ, т. V, 1956, 663 стр.; т. II—III, 1957, 456 стр. и 465 стр.

Работа написана авторским коллективом, который возглавляет проф. Хоу Вай-лу, — автор известных крупных монографий по истории, экономике и идеологии Китая. В ней освещен широкий круг проблем китайской философии, общественно-политических концепций, логических и этических систем в их развитии.

Томы, изданные в 1956—1957 гг., представляют значительно переработанный и дополненный вариант вышедшей ранее двухтомной работы, также созданной под руководством проф. Хоу Вай-лу¹. Первоначально работа была задумана в пяти томах. Но в связи с тем, что в 1956 г. проф. Хоу Вай-лу выпустил пятый том отдельной книгой под названием «История идеологии раннего просветительства в Китае»², на-

¹ 中國思想通史 т. 1—2. Первый том вышел до освобождения (до 1949 г.), второй — в 1950 г. (Чанчунь). См. реферат Ян Хин-шуня в реферативном сборнике ФБОН, 1953, № 1—3. В настоящем издании материал, вошедший во 2 том первого варианта, разбит на 2 отдельных тома.

² Рецензию на эту книгу см. Ян Хин-шуня, Ю. М. Гарушанца. Исследование по

стоящая работа будет насчитывать четыре тома. «Всеобщая история идеологии Китая» — первая попытка систематически изложить и проанализировать с позиций марксизма-ленинизма богатейший материал по истории китайской идеологии. В основу исследования положена разработанная проф. Хоу Вай-лу периодизация, согласно которой переход к феодализму в Китае произошел в III в. до н. э.

Первый том охватывает историю идеологии за время с иньского общества до конца эпохи рабовладельческого строя. В истории идеологии рабовладельческого общества Китая авторы выделяют три основных периода — период Западного Чжоу, период Чуньцю и период Чжаньго. Центральное место в томе занимают главы, посвященные основным идеологическим и философским школам древнего Китая — школе Конфуция, Мо-цзы, Лао-цзы — и главы, посвященные философии Сюнь-цзы и Хань Фэя, взгляды которых рассматриваются на фоне всех остальных философских школ. Авторы

истории общественной мысли Китая. «Вестник истории мировой культуры», 1957, № 4.

пересмотрели и значительно дополнили ряд глав первого тома. Так, добавлена совершенно новая глава, посвященная Ян Чжу, радикально переработана и значительно расширена глава, посвященная Лао-цзы.

Большой новый материал введен авторами во второй том, посвященный истории идеологии эпохи Хань (220 г. до н. э.— 206 г. н. э.), в котором значительное место отведено изложению взглядов великого китайского материалиста Ван Чуна (стр. 248—312). В частности, многие дополнения сделаны авторами к главе о материализме «отца китайской истории» Сыма Цяня (II—I в. до н. э.).

В третьем томе излагается история идеологии периода III—VI в. н. э. После общей характеристики общества и идеологии этого времени следуют главы, посвященные взглядам Ван Би и Хэ Яня, Цзи Кана, Сянь Сю и Го Сяна, Гэ Хуна, глава о борьбе атеизма и материализма до Фань Чжэня и глава, посвященная атеистическо-

му учению Фань Чжэня (V—VI в. н. э.). Глава о Сян Сю и Го Сяне в этом томе значительно переработана, кроме того, том пополнен новой главой (гл. X) о слиянии буддизма и школы «изучения сокровенного», рассматривающей проблемы взаимного влияния буддизма и некоторых идеологических течений Китая.

Значительный интерес представляют главы, посвященные социально-экономическому и историческому фону развития философских и политических учений Китая, основанные в значительной степени на собственных исследованиях авторов. Главы эти, предпосланные каждому тому и каждому историческому периоду развития китайской идеологии, в настоящем издании дополнены новым материалом.

«Всеобщая история идеологии Китая», три тома которой уже увидели свет, встречена советскими Китаистами с большим интересом.

А. Григорьев

R. C. MAJUMDAR. *The Sepoy Mutiny and the Revolt of 1857*. Calcutta, Mukhopadhyay, 1957, 289 p.

Автор книги, изданной к столетию народного восстания 1857—1859 гг., — известный индийский историк, вице-президент Международной комиссии по истории науки и культуры при ЮНЕСКО, член Азиатских обществ в Калькутте и Бомбее, профессор Нагпурского, Даккского, Бенаресского университетов. Как указывается в предисловии, книга написана по инициативе и при содействии правительственных кругов Индии, в том числе президента Раджендра Прасада и премьер-министра Джавахарлала Неру. Автор подчеркивает, что правительство Индии пожелало издать «официальную историю восстания сипаев» (стр. VIII).

Написана книга на основании имеющейся индийской и английской исторической литературы, мемуарных материалов, а также документов, хранящихся в фондах национальных архивов Индии. Часть I («Первое столетие британского господства

в Индии») повествует о истории британской экспансии, причинах «недовольства» и сопротивления британскому господству. Часть II («Восстание») рассказывает об идеологической подготовке восстания; движения в Мируте (Mirat) и Дели; о распространении восстания в Бихаре, Бенгалии, Декане, Пенджабе, Центральной Индии и Раджастане; о подавлении восстания и о зверствах карателей. Часть III («Герои») содержит очерки о руководителях и наиболее выдающихся участниках восстания. В части IV («Обозрение») анализируется фактический материал. Выясняется характер «заговора 1857 г.». Точку зрения автора, его выводы характеризует последний раздел главы, названный: «Анти-британские восстания не новость». Автор рассматривает далее причины восстания сипаев и восстания гражданского населения, излагает причины поражения движения.

Е. С.

К. П. ШИВАНШАКАРА МЕНОН. *Древней тропею*. М., Изд-во иностр. лит-ры, 1958, 215 стр.

Книга посла Республики Индии в СССР и бывшего посла Индии в Китае г-на К. П. Ш. Менона «Древней тропею» представляет собой путевые заметки автора во время его путешествия в 1944 г. из Индии в Китай. В сентябре-октябре 1957 г. К. П. Ш. Менон вторично совершил поездку в Синьцзянский уйгурский автономный район Китайской Народной Республики. О своих впечатлениях от этой поездки автор рассказывает в послесловии «Синьцзян до и после революции».

Значение книги для советского читателя правильно определил сам автор в предисловии к русскому изданию: «Я надеюсь, что советского читателя эта книга заинтересует не только как рассказ путешественника. Одним из наиболее примечательных

событий XX века и особенно последних десяти лет было сближение Индии, России и Китая, представляющих половину населения земного шара. Эти три государства с незапамятных времен являются соседями, но на протяжении трех веков западного господства в Азии они были почти чужими. С отступлением запада и развитием науки они сблизились сильнее, чем когда-либо. Я надеюсь, что этот рассказ о поездке из Индии в Китай через области, граничащие с Советским Союзом, будет хоть немного содействовать пониманию и дружбе между тремя великими государствами, дружбе, от которой зависит спокойствие в Азии и мир во всем мире».

Б. П.

J. GRAY. *The British in Mombasa 1824—1826. Being the history of captain Owen's protectorate*. London, Macmillan & Co Ltd., 1957, 216 p. (Transactions of the Kenya history society, vol. I).

Английский чиновник-юрист из Занзибара Дж. Грэй написал документированный очерк по истории британского колониализма в Кении в начале XIX в., используя архивные материалы Британского музея, официальные документы министерства иностранных дел, министерства по делам колоний, адмиралтейства и другие, а также многочисленную английскую, французскую и немецкую литературу XIX и XX вв.

Автор рассматривает историю арабской колонизации восточноафриканского побережья, историю борьбы между арабами, турками и португальцами за эту территорию, а также историю последней после захвата ее султанами Занзибара. Подробно освещена история объявления и ликвидации британского протектората, деятельность британской администрации в 1824—1826 гг., дальнейшая борьба между местными феодалами и колонизаторами. Дж. Грэй ставил задачу в нынешних условиях обострения национально-освободительной борьбы африканских народов

и усиления этой борьбы в Кении, показать «историческую», «прогрессивную», «цивилизующую» роль британской колонизации. Автора мало интересует история народов Кении и Танганьики. Его внимание больше привлекает история арабских, турецких, португальских, английских и других завоевателей. Стремясь реабилитировать британскую политику покорения африканских народов, Грэй дает положительную характеристику британской «цивилизации» в восточной Африке. Вместе с тем, собранный автором большой фактический материал против его воли убеждает читателя в обратном. Этот материал объективно разоблачает британских колонизаторов и показывает истоки той острой международной борьбы за обладание восточным побережьем Африки, которая к концу XIX в. привела к разделу восточноафриканских территорий между Англией и Германией.

Книга снабжена указателем литературы (к каждой главе) и предметно-именным указателем.

F. GROSS. *Rhodes of Africa*. London, Cassell and Co Ltd., 1956, 433 p.

Известный журналист Гросс последние 35 лет прожил в Южной Африке и изучил историю этого района. При работе над книгой он широко использовал европейскую прессу конца XIX в. Книга выдержала в 1956 г. два издания.

Излагая события, Гросс не дает им, как правило, своих собственных оценок. Однако самый выбор круга вопросов и манера их подачи свидетельствуют о любви автора своим героем — Сесилем Родсом — и о попытке затушевать действительную подоплеку событий. Родс фигурирует на страницах книги как величайший «строитель империи», «Колосс Родосский», его имя сопровождается многочисленными пышными эпитетами. В то же время Гросс и не пытается показать, что за спиной Родса во всех его аннексионистских мероприя-

тиях стояли финансовая олигархия и правительство Великобритании.

Фактически книга Гросса перепевает старые панегирики Родсу, которыми изобилуют изданные ранее биографии его, составленные Г. Хенсманом, Б. Вильямсом, Т. Фуллером, Дж. Макдональдом, Л. Мичеллом, Дж. Локхартом, С. Миллин и десятками других авторов. Для английской исторической литературы характерно обилие патетических жизнеописаний Сесилия Родса и почти полное отсутствие серьезных исследований истории захвата названных его именем громадных территорий африканского континента. ореол героизма и романтики, создаваемый вокруг «строителей империи», призван скрыть чудовищные преступления, совершенные в период империалистического раздела Африки.

A. J. HANNA. *The Beginnings of Nyasaland and North-Eastern Rhodesia 1859—95*. Oxford, Clarendon Press, 1956, 281 p.

Автор, доцент Саутгептонского университета, широко использовал неопубликованные документы английского министерства иностранных дел, Британской южноафриканской привилегированной компании, Лондонского миссионерского общества и других миссионерских организаций, действовавших в описываемых районах.

В работе показана захватническая деятельность миссионеров и компаний. Подробно освещена борьба европейских держав за районы озера Ньяса и северного берега реки Замбези, особенно столкновения между Англией и Португалией. Каждая из этих стран стремилась пересечь африканский континент непрерывной полосой своих владений: Англия — от Каира до Кейптауна, Португалия — от Мозамбика до Анголы. В книге приведены «договоры» английских агентов с местными вождями, служившие формальным

основанием для провозглашения протектората.

Автор, однако, не отступает от ряда догм, принятых в английской литературе. Захват Ньясаленда объясняется не империалистическими интересами, а стремлением ликвидировать арабскую работорговлю и защитить обосновавшихся в этих районах миссионеров; затушевывается активная роль британского правительства в осуществлении захватнической политики; проводится мысль, что аннексии правительства обычно проводило под влиянием агитации отдельных заинтересованных лиц или групп путешественников, миссионеров, дельцов, авантюристов. Не вскрыты тесные связи правительства с частными компаниями, осуществлявшими захваты рассматриваемых районов. Совершенно не достаточно внимания уделяет А. Дж. Ханна коренному населению и его реакции на захватническую политику европейцев.

K. G. DAVIES. *The Royal African company*. London—New York—Toronto, Longmans, Green and Co, 1957, 390 p.

Книга посвящена истории одной из привилегированных английских компаний XVII—XVIII вв. — Королевской африканской компании. Компания получила королевскую хартию в 1672 г. и просуществовала до 1752 г. Основным ее занятием была работорговля: она поставляла для сахарных плантаций Вест-Индии рабов с побережья Западной Африки.

К. Дэвис, работающий в Оксфордском университете, — специалист по экономической истории. Он рассматривает деятельность компании за первые сорок лет ее существования (1672—1711), в период ее наибольшей активности. В течение этого

срока она отправила к берегам Африки 500 кораблей, перевезла в Вест-Индию 100 тыс. рабов, отчеканила полмиллиона гиней из африканского золота и построила ряд фортов на берегах «Черного» континента (стр. 345—346). Приложения к книге содержат ценные сведения о численности рабов, ввозившихся ежегодно в Вест-Индию, о распределении их между островами архипелага и др. В работе затронуты также вопросы о торговом соперничестве европейских держав в Африке и о влиянии, которое оказала работорговля на развитие английского торгового капитала.

А. Давидсон

ИЗ РАБОТ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ИРАНА

В литературе, посвященной историко-филологической тематике, внимания заслуживают не только монографии, но и небольшие по объему очерки. Нередко они вносят в науку много нового, интересного и важного. К такого рода работам, небольшим по размеру, но весьма значительным по содержанию, относятся следующие две статьи по истории Ирана XVI—XVII вв.

Первая принадлежит перу известного ираниста проф. В. Ф. Минорского (Англия, Кембридж) и носит название «Шейх Бали-эфенди о Сефевиде»¹. В основу исследования легло датированное, по всей вероятности, 1549 г. письмо шейха Бали-эфенди, адресованное Рустем-паше, великому визиру султана Сулеймана (1520—1566); документ сохранился в качестве приложения к турецкой истории Ибрахима Печеви (умер около 1650 г.), рукопись которой хранится в собрании парижской Школы живых восточных языков. Письмо представляет собою филиппику, направленную

против еретиков-шиитов и правившей в то время в Иране шиитской династии шахов Сефевидов. Как обычно, английский перевод В. Ф. Минорского сопровождается ценными комментариями. Опубликованный документ, на наш взгляд, представляет также интерес как образец традиционного для мусульманской средневековой литературы жанра полемического трактата, направленного против еретиков. Первые указания на наличие литературных произведений подобного рода мы встречаем в знаменитом багдадском каталоге сочинений «Фихристе» (X в.), в котором вкратце приводятся полемические трактаты против Маздака и Бабека. Весьма характерно, что и в позднем турецком полемическом трактате в качестве основного обвинения, выдвигаемого против шиитов, служили присущие якобы всем еретикам безразличность и разврат. Рассматриваемое письмо турецкого шейха показывает религиозную оболочку существовавших между Османской империей и сефевидским Ираном политических противоречий.

Вторая работа принадлежит перу проф. Тегеранского университета Мохаммеда Мону и опубликована им в журнале литературного факультета этого университета под названием «Азер Кейван и его последова-

¹ V. Minorsky. Shayhh Bālī-Efendi on the Safavids. «Bulletin of the school of Oriental and African studies». University of London, 1957, vol. XX, p. 437—450.

тели»². В правление сефевидского шаха Аббаса I (1587—1628) из Шираза в Индию (г. Патна) переселилась группа зороастрийцев во главе с Азер Кейваном, до того проживавших в Иране. Как констатирует исследователь, биографические данные об Азере Кейване чрезвычайно скудны и содержат много легендарного материала, особенно в области генеалогии. Но и те немногие факты, которые собраны в статье, ясно показывают, что умерший в 1617—1618 г. в Индии ширазский переселенец возглавлял хорошо организованную секту, имевшую свою значительную литературу, написанную частично на реформированном языке. Арабские слова и названия в этом случае заменены искусственными образованиями слов с широкими заимствованиями из пехлеви. Религиозная доктрина

² دکتر محمد معین آذرکیوان و پیروان او
1336 [=1957], مجله دانشکده ادبیات,
№ 3, стр. 25—42.

«Köroğlu». Hazırlıyan ve redakte eden Rıza Mollof. («Кероглу». Составил и отредактировал Риза Молов). София, 1955, 110 стр.

Героический эпос «Кероглу» (Кероглу, Гуругли и т. д.) — любимое произведение многих народов Востока. Бытуют сказания о Кероглу и в Турции. С ними знакомит нас сборник «Кероглу», вышедший в Софии в 1957 г. Книга эта представляет собой эпический цикл, состоящий из прозаического текста, чередующегося со стихами. Сюжетная линия, в основном, сходна с азербайджанским вариантом: образ Кероглу (сына слепого) — образ легендарного героя, защитника всех угнетенных, народного мстителя; ближайшими помощниками героя выступают его приемный сын Айваз и родной сын Хасан; верным спутником Кероглу является также его легендарный конь — Кыр-ат; сказочной страной народного счастья так же, как в других вариантах, является Чамлибель. События, описываемые в дестане, происходят в Турции (Сивас, Болу, Стамбул), и районах, прилегающих к ней (Дегестан).

на Азере Кейвана и его последователей, по мнению М. Моина, являлась синтезом различных положений зороастризма, иудаизма, христианства, манихейства, маздакизма и мусульманства. Статья содержит ценный материал, в том числе краткий обзор истории изучения литературного наследия секты, и ставит вопрос о наличии в шиитском сефевидском Иране больших народных движений, скрытых под религиозной оболочкой. В то время как в сунитской Турции шиизм представлял политически-религиозную платформу, сплачивавшую всех недовольных османским султанатом, в шиитском Иране роль оппозиции сефевидскому государству играл реформированный зороастризм. Упоминание маздакизма, как одного из источников доктрины Азера Кейвана и его последователей, подтверждает мысль, что и в XVI—XVII вв. на сектантскую догму влияли мощные народные движения раннего средневековья (маздакизм, манихейство).

Б. Н. Заходер

Текст снабжен примечаниями, в которых приводятся аналогичные образы, названия местностей, отдельные эпизоды и т. д. из других вариантов — стамбульского, марашского и др., а также трактовка отдельных моментов эпоса различными исследователями.

В основу данного сборника, как сообщает Р. Молов, положены турецкие поэтические сказания о Кероглу, опубликованные в 1955 г. Библиотекой просвещения в Стамбуле («Köroğlu». İstanbul, Maarif Basımevi, 1955). Многие в них, однако, изменены и дополнены. Добавлены, например, такие главы, как «Кузнец», «Последние годы Кероглу», которых нет в стамбульском издании. В своей работе автор широко использовал хрестоматийные и исследовательские работы, вышедшие в Турции (P. N. Boratav — İzahlı halk şiiri antolojisi, Köroğlu destanı, Halk hikâyeleri ve halk hikâyeciliği; M. F. Köprülüzade —

XVI asır sonuna kadar türk saz şairleri, Türk edebiyatı tarihi; Pertev Nâilî — Köroğlu destanı. İstanbul, 1931; «Evliya Çelebi seyahatnamesi»), а также произведения советских и зарубежных востоковедов.

Во вступительной статье Р. Молов останавливается на вопросе возникновения эпоса, которое он относит к XVI—XVII вв., когда в Анатолии и на Кавказе происходили крупные крестьянские восстания. Предания и легенды, сложившиеся в то время

вокруг имени Кероглу, образовали целое эпическое произведение, связанное одной сюжетной линией, получившей широкое распространение среди других народов.

Автор указывает на общие экономические, политические и социальные условия жизни этих народов, которые обусловили идейно-тематическую близость сказаний о Кероглу, отметив в то же время, что у каждого народа Кероглу является своим, национальным эпосом.

Р. И.

The Student's English-Burmese Dictionary by U Tun Nyein, I. S. O. with supplement by U Tun Aung Gyaw, B. A., B. L., and also supplement of economic usages. Rangoon, 1957, 991+130+74 p.

Со времени опубликования словаря Ч. Лейна (Ch. Lane. Dictionary English and Burmese. Calcutta, 1841) прошло больше ста лет. За этот период вышло в свет еще несколько англо-бирманских словарей, авторы которых придерживались различной методики составления. Например, в работе Лейна, рассчитанной главным образом на бирманцев, слова изображаются только в оригинальной графике, а в «Pocket companion» (Rangoon, 1858), предназначенном и для изучавших бирманский язык англичан, автором введена также собственная транскрипция бирманских слов. Однако все эти издания объединяло то, что они были малыми словарями.

В появившемся в 1906 г. словаре У Туна Нейна английская лексика была представлена уже значительно шире и многообразнее. Подготовленный по типу работы Webster'a, этот словарь обладал почти таким же обширным материалом, как полное издание упомянутого труда. Вполне естественно, что словарь этот выдержал несколько изданий. Последнее — четвертое вышло в 1957 г. Английская часть, исправленная и дополненная в соответствии с «New Oxford Dictionary» и «Standard Dictionary» еще во втором издании, отличается большим охватом лексики (примерно 40 тыс. слов) и, что очень важно, включает в себя значительное число фразеологических единиц. Последние чаще всего передаются путем описательного перевода.

Так, например, смысл английского идиома a bag of bones выявляется словосочетанием ဝန်ကြီးသောသူ «худой человек». Характерно стремление автора передать различия в стилях английской речи, что в отдельных случаях облегчается наличием в бирманском языке разговорных и литературно-письменных форм. Словарь существенно улучшен также приложением, составленным У Туном Аунгом (около 6 тыс. слов), которое не только восполняет пробелы предыдущих изданий, но и в значительной мере отражает изменения, происшедшие в английской лексике почти за сорокалетний период. Наряду со словами и выражениями, которые в свое время не были учтены У Туном Нейном, в приложение включены слова с изменившимся значением, новые слова, общественно-политическая, научная и техническая терминология, а также некоторые наиболее широко распространенные аббревиатуры. Наконец, в приложении даются заимствования из восточных языков, больше всего из хинди.

Приводя термины самого различного характера, например: surrealism, magnetic field, Katakana, semasiology и т. п., автор иногда выходит за рамки обычного двуязычного словаря и дает толкование некоторым прочно вошедшим в язык историческим понятиям, вроде Young Turk. Это оправдано, если иметь в виду, что данный словарь составлялся в расчете главным об-

разом на бирманского читателя. Однако, толкуя только некоторые выражения, автор дает повод упрекнуть его в опущении других, не менее употребительных, устойчивых словосочетаний. Наряду с уточнением количества энциклопедических сведений, включаемых в обычный филологический словарь, в отдельных случаях следовало бы уточнить транскрипцию и пометы. Так, например, в словаре приводится слово «*sovpaikopa*», которое,

судя по переводу ဆိုဗီယက်ယူနိုင်း

ပြည်ထောင်စုအစိုးရအဖွဲ့။ означает не что иное как «совнарком». Включая эту аббревиатуру, не мешало бы указать, что ныне правительство СССР так не называется.

Рецензируемое издание ценно тем, что оно содержит в качестве приложения словарь экономических терминов (*Dictionary of Economic terms compiled by economic research group*), являющийся первым опытом работы такого рода. В нем имеется значительное количество терминов, которые употребляются в коммерческом и банковском деле, например: *bank credit, inflation, capitalization of taxes*. При подготовке

словаря составители учитывали термины, употребляющиеся уже в бирманской экономической литературе, а также разработанные до них «Бирманским обществом переводов», однако часть терминологии вводится впервые. Вполне понятно поэтому, что авторы не ограничили себя рамками терминологического словаря: помимо бирманского эквивалента почти в каждом случае дается подробный объяснительный перевод того или иного термина.

Совершенство словаря от издания к изданию свидетельствует о проводимой в Бирме значительной лексикографической работе. Благодаря объединенным усилиям группы ученых бирманские читатели получили работу, в которой отражены почти все аспекты современной лексики. Вместе с тем, поскольку еще не появились бирманско-английские словари такого же типа (*Judson's Burmese English Dictionary* не может, разумеется, приниматься во внимание, так как он очень устарел), словарь У Тун Нейна с приложениями является хорошим лексикографическим источником для всех, изучающих бирманский язык.

Л. А.

日本のプロレタリア文学。平野謙・窪川鶴次郎 小田切秀雄編。(Пролетарская литература Японии). Составители Хирано Кэн, Кубокава Цурудзиро и Одагири Хидэо. Токио, 1956, 245 стр.

После поражения Японии, как отмечают в предисловии составители, значительно повысился интерес к движению пролетарской литературы в 20—30 годы. Ряд японских литературоведов вновь обращает свой взор к этой интереснейшей странице в истории японской литературы. Зачастую происходит переоценка некоторых явлений, связанных с этим движением; разгораются жаркие дискуссии. По многим серьезным вопросам удалось достичь единства точек зрения, но некоторые коренные проблемы до сих пор не разрешены. Настоящий сборник призван восполнить пробелы в освещении истории пролетарской литературы и по-новому разрешить некоторые основные проблемы.

Несомненный интерес представляют помещенные в сборнике статья Хирано Кэн о некоторых теоретических вопросах движения пролетарской литературы и статья Кубокава Цурудзиро о создании в Японии коммунистической литературы. Почти совершенно не разработанным и очень важным вопросом касается статья Одагири Хидэо «Пролетарская литература в период войны».

Две статьи сборника посвящены деятельности НАПП'а (Всеяпонской ассоциации пролетарского искусства). Важные вопросы находят отражение и в статье «Проблемы единого фронта в ранний период движения пролетарской литературы».

戦後十年日本文学の歩み。中野重治。中島健蔵編 (Путь японской литературы в послевоенное десятилетие). Составители Накано Сигэхару и Накадзима Кэндзо. Токио Аоки сётэн, 1956, 242 стр.

Книга представляет собой сборник бесед, организованных редакцией органа «Общества новой японской литературы», журнала *新日本文学* (Новая японская литература) в 1955—1956 гг. с целью выяснить точку зрения крупнейших прогрессивных писателей и литературоведов относительно послевоенной японской литературы. В этих беседах приняли участие Курахара Корэ-хито, Кубокава Цурудзиро, Цубои Сигэдзи, Ким Даль Су, Одагири Хидэо, Сасаки Кинти, а также составители этого сборника, первый из которых, известный поэт, писатель и критик, является секретарем общества, а второй — главным редактором журнала.

В беседах, вошедших в книгу, подвергаются обсуждению общее состояние литературной жизни Японии в послевоенное десятилетие, проблемы, стоящие перед послевоенной японской литературой, даются оценки наиболее значительных произведений, появившихся после войны, рассматриваются их стилистические особенности и т. п.

Книга особенно интересна тем, что в ней представлены различные точки зрения ведущих прогрессивных писателей и литературных критиков по весьма актуальным и, к сожалению, еще очень слабо освещенным вопросам послевоенной японской литературы.

荒正人。戦後文学の展望。(АРА МАСАХИТО. Обзор послевоенной литературы). Токио, Микаса сёбо, 1956, 291 стр.

Автор книги — один из крупных и авторитетных японских критиков наших дней, один из организаторов журнала *近代文学* (Современная литература).

Книга охватывает статьи, публиковавшиеся автором в 1946—1955 гг. в различных периодических изданиях. Основная масса статей посвящена послевоенной японской литературе, а некоторые — отдельным явлениям мировой литературы. Статьи расположены по годам и отобраны таким

образом, чтобы обратить внимание читателя на наиболее значительные события, происшедшие в литературе в каждом послевоенном году. Наряду со статьями по общим вопросам, как «Политика и литература», «О современной повествовательной литературе», «Путь японской литературы» и т. п., в книге имеются и очерки, посвященные отдельным произведениям Миямото Юрико, Нома Хироси, Ито Сэй, Киносита Дзюндзо, Мисима Юкио.

本間久雄。明治文学史。(ХОММА ХИСАО. История мейдзийской литературы), т. 1—3. Токио, Токиодо, 1956.

Профессор университета Васэда Хомма Хисао, один из крупнейших специалистов в области мейдзийской литературы, после окончания войны серьезно переработал свою 2-томную «Историю мейдзийской литературы» и значительно расширил ее,

введя ряд новых материалов. В 1948—1951 гг. вышли первые три тома его работы, ныне переизданные. Заключительные тома — четвертый и пятый — автор готовит в настоящее время к печати. Первый том охватывает период зарожде-

ния и развития мэйдзийской литературы. В нем подробно разбирается повествовательная литература, драматургия, переводная литература этого периода. Отдельно рассматривается политический и социальный роман. Большое внимание уделяет автор литературному объединению Кэнъюся, сыгравшему значительную роль в развитии японской литературы, и движению за единство разговорного и литературного языка (гэмбунитти), которое явилось огромным событием в культурной жизни Японии и позволило заложить прочные основы современной японской литературы.

Второй том посвящен периоду расцвета мэйдзийской литературы. Здесь автор также отдельно рассматривает прозу, драматургию и поэзию, творчество наиболее значительных писателей. Отдельная глава

отведена разбору романтического направления в японской литературе, получившего в то время большое развитие. В этой связи автор останавливается на журнале 文學會 (Литературный мир) и его значении, а также на том огромном влиянии, которое оказал на передовых литераторов того времени Китакура Тококу.

Третий том представляет собой, фактически, продолжение второго, так как в нем тоже рассматривается период расцвета мэйдзийской литературы. Значительное место в этом томе уделено поэзии. Вслед за общим обзором поэзии этого периода автор анализирует и творчество крупных поэтов, явившихся родоначальниками новой японской поэзии (Симадзаки-Тосон и др.). По тому же принципу построены и разделы, посвященные прозе и драматургии.

丸山静、現代文學研究。(МАРУЯМА СИДЗУКА. Современная литература). Токио, Токио дайгаку сьюпанкай, 1957, 364 стр.

Маруяма Сидзука — литературный критик, принадлежащий к прогрессивному обществу японских литераторов 新日本文學會 (Общество новой японской литературы).

В книге, состоящей из двух частей, собраны послевоенные статьи Маруяма. В первой части собраны статьи, освещающие значение термина «современная японская литература», возникновение и развитие

современной японской литературы, проблемы, связанные с пролетарской литературой, основные вопросы развития японского романа в новейшее время. Во второй части дается разбор отдельных произведений и некоторых аспектов творчества Симадзаки-Тосона, Таяма Катай, Мори Огай, Исикава Такубоку, Кобаяси Такидзи.

В. Гривнин

АННОТАЦИИ

В. Я. АВАРИН. Распад колониальной системы. М., Госполитиздат, 1957, 457 стр.

Автор показывает распад колониальной системы, как составную часть общего кризиса капитализма и характеризует основные черты этого процесса, факторы, лежащие в его основе, и те тенденции, которые наблюдаются в ходе кризиса колониальной системы.

В книге рассматривается экономическое положение колониальных, зависимых и слаборазвитых стран и грабительская политика империалистов в отношении этих стран. Большое внимание уделяется освободительной борьбе народов против империализма.

Отдельные главы посвящены превращению Китая в могучую социалистическую державу, характеристике Корейской Народно-Демократической Республики, Демократической Республике Вьетнам, а также Республике Индии.

Ф. И. ШАВШИНА. Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953 гг.). М., Госполитиздат, 1958, 307 стр.

В книге освещаются основные этапы развития КНДР с момента ее освобождения Советской Армией от японского ига и до завершения освободительной войны героического корейского народа.

Книга состоит из восьми глав и заключений. К ней приложены подробный перечень использованных источников и литературы, а также указатель имен и географических названий.

Первые четыре главы охватывают период с августа 1945 по сентябрь 1948 г., т. е. с момента ликвидации японского колониального господства вплоть до образования

Корейской Народно-Демократической Республики. В пятой и шестой главах автор рассматривает период с сентября 1948 по июнь 1950 года, т. е. от образования Корейской Народно-Демократической Республики и до Отечественной освободительной войны корейского народа. Седьмая и восьмая главы посвящаются Отечественной освободительной войне корейского народа.

Народно-освободительная армия Китая в период войны против японских захватчиков (Военные действия 8-й и Новой 4-й армий). Пер. с китайского. М., Воениздат, 1957, 271 стр., 5 л. илл.

Работа китайских авторов, представляющая собой систематическое изложение боевых действий 8-й, Новой 4-й армий и народных партизанских отрядов Южного Китая против японских захватчиков в основном с 1937 г. по март 1945 г. В книге освещаются роль Коммунистической партии Китая в деле организации и руководства борьбой против японских агрессоров, вопросы стратегии и тактики КПК в период антияпонской войны, приводится обширный материал о героизме китайского народа в этой борьбе. Показывается созидательная работа Народно-освободительной армии в освобожденных районах.

Успехи восстановления народного хозяйства Демократической Республики Вьетнам (1955—1956 гг.). Пер. с вьетнам. М., Госполитиздат, 1958, 270 стр.

В сборник включены доклады и выступления руководящих деятелей Партии трудящихся Вьетнама и правительства ДРВ на состоявшейся в январе 1957 г. шестой сессии Национального Собрания, а также

статьи, опубликованные во вьетнамской печати в период сессии. Эти материалы характеризуют успехи трудящихся Демократической Республики Вьетнам в восстановлении и развитии промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, торговли, финансов, достижения в области культурного строительства, здравоохранения, просвещения и подъема материального благосостояния населения. В сборнике освещаются международное и внутривнутриполитическое положение республики, основные народнохозяйственные и политические задачи. В «Приложении» приводятся сообщения о X, XI, XII пленумах ЦК Партии трудящихся Вьетнама, состоявшихся в сентябре и декабре 1956 г. и марте 1957 г.

П. МОИСЕЕВ, Ю. РОЗАЛИЕВ. *К истории советско-турецких отношений.* М., Госполитиздат, 1958, 87 стр.

Авторы брошюры обстоятельно, привлекаемая малоизвестные широкому читателю архивные и другие материалы, излагают историю советско-турецких отношений.

Добрососедские, дружеские отношения между СССР и Турцией зародились в дни ожесточенной борьбы обоих народов за свою независимость, против сил империализма и внутренней реакции. Основы этой дружбы были заложены В. И. Лениным и Кемалем Ататюрком.

Авторы приводят ряд убедительных фактов, свидетельствующих о том, что ухудшение советско-турецких отношений наносит ущерб прежде всего интересам Турции и выгодно лишь силам, враждебным Турции и СССР.

Р. С. СОЛОДКИН, В. ШИЛЬДКРУТ. *Торговля монополий с экономически слаборазвитыми странами.* М., Госполитиздат, 1957, 152 стр.

В книге анализируются данные о вывозе капитала в экономически слаборазвитые страны, освещается вопрос об особенностях торговли монополий с этими странами и вопрос о прибылях монополистических объединений в результате колониального грабежа. Характеризуются политика цен и внешнеторговая политика империалистических государств, борьба между империалистами за рынки. Широко используются материалы, касающиеся торговли монополий со странами Азии и Африки.

Г. БОРОВИК. *Репортаж из новой Бирмы.* М., Госполитиздат, 1958, 77 стр.

Советский журналист, побывавший в Бирме, рассказывает о ее людях, о политике ее правительства и экономическом строительстве, о положении трудящихся и патриотизме бирманского народа, о культуре и просвещении, о политике английских и американских империалистов в отношении Бирмы, о советско-бирманской дружбе.

АХМЕД КЕРУМА. *Восстание арабы в битве за Порт-Саид.* М., Изд-во иностр. лит-ры, 1958, 149 стр.

Книга арабского автора, написанная с патриотических позиций, посвящена героической борьбе египетского народа за свою независимость. Характеризуя грабительскую политику Англии и Франции в Египте, автор особое внимание уделяет вопросу национализации компании Суэцкого канала и борьбе египетского народа против англо-франко-израильской агрессии. В книге освещается военно-дипломатическая подготовка нападения на Египет, пособничество США агрессорам. Приводится большой материал, характеризующий развитие военных действий в Египте, поддержку борьбы египетского народа странами социалистического лагеря, народами арабских стран и прогрессивными силами всего мира. Особенно подчеркивается значение помощи, оказанной египетскому народу Советским Союзом.

* * *

«Калила и Димна». Пер. с арабского И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, под ред. И. Ю. Крачковского, изд. 2. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 283 стр.

Второе издание «Калилы и Димны» воспроизводит без изменений перевод И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина, вышедший в издательстве «Academia» в 1934 г. Воспроизведена также составленная И. Ю. Крачковским библиография, которая была приложена к первому изданию. Переводу предпослано небольшое предисловие, написанное для этого издания Е. Э. Бертельсом и содержащее краткую биографию Ибн ал-Мукаффы и историю различных версий «Калилы и Димны». Книга выпу-

щена тиражом в 50 000 экземпляров (тираж первого издания был 5300 экземпляров). Это, несомненно, будет способствовать более широкому ознакомлению советских читателей с замечательным памятником арабской литературы.

Следует отметить, к сожалению, что в новом издании «Калилы и Димны» не помещено чрезвычайно интересное предисловие И. Ю. Крачковского к первому изданию; его следовало бы сохранить даже при наличии нового предисловия.

ИБН ХАЗМ. *Ожерелье голубки.* Пер. с арабского М. А. Салье, под ред. И. Ю. Крачковского. Изд. 2. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 235 стр.

Во втором издании «Ожерелья голубки» Ибн Хазма воспроизводится без изменений перевод М. А. Салье, впервые вышедший в издательстве «Academia» в 1933 г. Предисловие переводчика заменено новым, очень кратким предисловием Е. Э. Бертельса; примечания, написанные переводчиком, оставлены без существенных изменений. Новое издание выпущено тиражом в 150 000 экземпляров (тираж первого издания — 3300 экземпляров).

«Анекдоты о Ходже Насреддине». Пер. с турецкого В. А. Гордлевского. Изд. 2. М., Изд-во восточной лит-ры, 1957, 275 стр.

Турецкие версии анекдотов о Ходже Насреддине, распространенных у многих народов Ближнего и Среднего Востока, были переведены акад. В. А. Гордлевским (со стамбульского издания Веледа Избука, 1909 г.). Этот перевод был издан в 1936 г. и давно уже стал библиографической редкостью. В новом издании переводы В. А. Гордлевского воспроизведены без изменений (несущественные изменения внесены лишь в комментарии переводчика). Статья В. А. Гордлевского «Ходжа Насреддин», служившая предисловием к первому изданию, помещена в приложениях. Новое предисловие, написанное И. С. Брагинским, содержит краткий обзор развития юмора и сатиры в литературе и фольклоре народов Ближнего Востока, а также рассматривает вопрос о месте образа Насреддина в восточной сатире.

В приложении даны переводы некоторых таджикских анекдотов о Насреддине.

К сожалению, эти переводы, выполненные К. Улуг-заде и вышедшие ранее в Сталинабаде, отличаются по стилю от переводов акад. В. А. Гордлевского и потому до некоторой степени нарушают художественную цельность сборника.

АБУЛЬ-ФАРАДЖ. *Книга занимательных историй.* Пер. с сирийского, примечания и статья А. Белова и Л. Вильскера. Редакция и предисловие чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской. М., Гослитиздат, 1957, 270 стр.

«Книга занимательных историй» Григория Абу-л-Фараджа Бар-Эбрея переведена на русский с сирийского по изданию Е. А. Валлиса Баджа (Лондон, 1897 г.). Перевод является полным; исключены только 11 рассказов, которые, по словам переводчиков, были неудобны для перевода вследствие «грубого натурализма». Для удобства чтения рассказам даны заголовки, отсутствующие в сирийском оригинале. Переводу предпослано краткое, но содержательное предисловие редактора. Статья А. Белова и Л. Вильскера, помещенная в конце книги, знакомит читателя с жизнью и творчеством Абу-л-Фараджа и дает характеристику «Книги занимательных историй».

Советский читатель впервые получает возможность познакомиться в переводе с одним из наиболее интересных произведений светской сирийской литературы. Ю. Э.

ФЕДАИ. *Бахтияр-наме.* Баку, 1957, 155 стр., сост. Г. Маммедли.

Выпущенная в Баку книга «Бахтияр-наме» представляет собой азербайджанскую версию этого известного памятника, оригинал которого, как предполагают, восходит к пехлевийской традиции. Азербайджанская версия «Бахтияр-наме» принадлежит поэту Федаи.

По сообщению Г. Маммедли, его издание базируется на уникальной рукописи, хранящейся в частной коллекции М. Нахчиняни в Табризе. Поскольку упомянутая рукопись содержит лакуны, то составитель восполнил их собственными переводами из известного персидского варианта поэта Пенахи. Переводы максимально приближены к стихам Федаи, что, несомненно, должно считаться результатом огромного и кропотливого труда Г. Маммедли.

Появление в печати азербайджанского варианта «Бахтиар-наме» позволит востоковедам-иранистам вновь исследовать связанные с этим интереснейшим памятником вопросы, поставленные еще в прошлом веке Т. Нельдеке и частично освещенные Е. Э. Бертельсом и иранским ученым В. Дастгирди.

Г. А.

سعید زفیسسی. تاریخ خاندان طاهری، سر گذشت طاهر بن حسین (طاهر ذو الیمینین)

САИД НАФИСИ. *История Тахиридов. Жизнь Тахира ибн Хосейна (Тахира Зул-Яминея)*. Тегеран, Изд-во «Эгбаль», 1957, 420 стр.

В книге излагается социальная, экономическая и культурная история Ирана в период правления халифа Харун ар-Рашида и до конца правления Тахира ибн Хосейна.

نورالله دانشور علوی. تاریخ مشروطه ایران و جنبش وطن پرستان اصفهان و بختیاری

НУРУЛЛАХ ДАНЕШВАР АЛАВИ. *История конституции Ирана и движение патриотов Исфагана и бахтиаров*. С предисловием, пояснением и комментарием Хосейна Саадат Нури. Тегеран, Изд-во «Данеш», 1956, 8+232 стр., указатель.

Автор работы — активный участник описываемых в ней событий, его книга должна восполнить пробел, который существует, по мнению Хосейна Нури, в историографии иранской революции. Так, до сих пор недостаточно была освещена важная роль жителей Исфагана и бахтиарских племен в революционных событиях, предшествовавших свержению Мухаммеда Али Мирзы.

Дополнения и комментарии Нури (в основном, биографического характера) занимают стр. 186—216. В книге приведен список переводов, выполненных Хосейном Нури (10 названий).

عبد الرحيم ضرابی. تاریخ کامشان

АБД АР-РАХИМ ЗАРРАБИ. *История Камшана*. Под редакцией Иреджа Афшара. Тегеран, Изд-во «Фарханг-е Иранзамин», 1956, 320 стр.

Сочинение было написано в 1870—1872 гг. Интересны материалы, относящиеся к гео-

графии, сельскому хозяйству, общественной жизни, биографии деятелей науки и литературы, описания старинных и других выдающихся сооружений города, мест паломничества. Подлинное название сочинения «Мират ул-Касан» («Зерцало Камшана»).

علی اکبر شهابی. احوال و آثار محمد جریر طبری

АЛИ АКБАР ШЕХАБИ. *Жизнь и творчество Мухаммеда Джарира Табари*. Тегеран, Изд-во Тегеранского университета, 1956, серия «Издания Тегеранского университета», № 314, 11+82 стр., библиография (21 назв.).

Работа написана автором еще в 1935 г., но не была тогда опубликована и в пересмотренном и дополненном виде вышла в свет лишь в 1956 г. В первой части книги (стр. 1—37) дается биография Табари, во второй (стр. 37—82) — обзор его сочинений. Особое внимание уделено знаменитой «Истории Табари». Следует, однако, отметить, что в основном это пересказ разделов «Истории», посвященных древнему Ирану. Указателей в книге нет.

هادی هدایتی. تاریخ زندیه

ХАДИ ХЕДАЯТИ. *История Зендов*, т. I. Иран во времена Керим-хана (1165—1193 гг. х.). Тегеран, Изд-во Тегеранского университета, 1955, серия «Издания Тегеранского университета», № 249, 4+271 стр., указатель, библиография (63 назв.).

Книга посвящена важному для истории Ирана периоду правления Зендов (XVIII—начало XIX в.) и воцарения династии Каджаров. Д-р Х. Хедаяти называет этот период «периодом пятидесятилетних междоусобных войн» и высказывает мнение, что он недостаточно освещен в трудах историков Ирана.

Во введении (стр. 30—63) дается очерк исторических событий в Иране, предшествовавших воцарению Зендов, и приводится обзор персидских нарративных источников, посвященных рассматриваемому периоду. Первая часть книги посвящена социально-экономическому положению в Иране в XVIII в. Рассматриваются методы управления страной, положение племен, устройство армии и состояние военного дела (стр. 66—101). Вторая часть

غیاث الدین بن هماد الدین خواندمیر. تاریخ حبیب السیر فی اخبار افراد بشر

ГИАС АД-ДИН ИБН ХОМАМ АД-ДИН ХАНДЕМИР. *Друг жизнеописаний в известиях об отдельных лицах*. С предисловием Джелала ад-дина Хумайи. Тегеран, Изд-во «Хайям», ноябрь 1954, 4 тт.: I т.—43+679 стр., II т.—837 стр., III т.—743 стр., IV т.—796 стр.

Ранее существовало только два литографированных издания полного текста этого классического труда по всеобщей истории от легендарных ветхозаветных пророков до 1524 г., то есть до конца правления шаха Ирана Исмаила I Сефевидов: первое вышло в Бомбее в 1847 г.¹, второе — в Тегеране в 1855 г. В основу настоящего издания положено бомбейское, в которое были внесены некоторые исправления. Нынешнее издание является первой напечатанной типографским способом публикацией текста истории Хандемира.

В предисловии Хумайи рассматривается биография автора (умер, очевидно, в 1535 или 1536 г.), история и время написания данного сочинения, его структура и стиль, история издания полного текста.

Большую ценность представляют указатели собственных имен, географических названий, названий племен и подробное оглавление, которыми снабжен каждый том издания. Указатели и оглавление составлены Мохаммедом Дабир-е Сийаги и занимают в общей сложности более 400 страниц.

Ю. Борцовский и В. Куцев

¹ См. С. А. Storey. *Persian literature. A bio-bibliographical survey*, vol. I, part I, section II, fasc. 1. London, 1935, p. 106.

излагает военную историю описываемого периода (стр. 104—198). Третья часть (стр. 200—255) состоит из двух разделов: 1. Керим Хан Зенд; образ его правления; состояние науки, литературы, торговли, ремесел. 2. Отношения Ирана с европейскими государствами при Керим-хане. Небольшая глава (стр. 247—249) посвящена отношениям Ирана с Россией.

Источники, которыми пользовался автор, можно разделить на три группы: рукописи и издания сочинений иранских историков (использовано 12 произведений); путешествия европейцев по Ирану; архивные материалы из Архива Министерства иностранных дел Франции и Национального Архива Ирана.

ظهیر الدین مرعشی. تاریخ طبرستان و رویان و مازندران

ЗАХИР АД-ДИН МАРААШИ. *История Табаристана, Руйана и Мазандерана. Упоминания о событиях от образования Табаристана до прекращения династий царей этого края. Сочинение Сеида Захир ад-дина ибн Сеида Насир ад-дина Марашии, написанное в 881 г. х.* Тегеран, 1955, 40+442 стр., указатели.

В основу публикации положено издание Б. Дорна, вышедшее в 1850 г. в Петербурге. После 1850 г. «История» не издавалась и стала в Иране большой редкостью, в связи с чем и осуществлено рассматриваемое издание. Настоящий текст подготовлен Аббасом Шайаном по трем рукописям с учетом имеющихся в них разночтений. Книга снабжена предисловиями Саида Нафиси и Ахмеда Кесреви о сочинении и ее авторе и переводом предисловия Дорна к петербургскому изданию.

В СССР

ПЛЕНУМ СОВЕТСКОГО КОМИТЕТА СОЛИДАРНОСТИ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

В апреле 1958 г. в Москве состоялся расширенный пленум Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. В работе пленума приняли участие многочисленные представители советской общественности — рабочие, колхозники, ученые, писатели, общественные деятели. Участники пленума горячо поддержали историческое Постановление Верховного Совета СССР об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия.

С докладом выступил председатель комитета писатель Мирзо Турсун-заде, подчеркнувший необходимость всемерного содействия расширению и укреплению экономических и научных связей со странами Востока. В принятом по докладу Мирзо Турсун-заде решении выражено горячее сочувствие героической борьбе народов Азии и Африки за политическую и экономическую независимость. Комитет обратился с призывом к французскому народу сделать все, чтобы правительство Франции

прекратило «грязную» войну в Алжире.

На расширенном пленуме был избран президиум Советского комитета солидарности стран Азии и Африки. Председателем комитета избран Мирзо Турсун-заде, ответственным секретарем — А. В. Софронов.

Вице-председателем Совета солидарности стран Азии и Африки в Каире избран писатель Мухтар Ауэзов, советским представителем в постоянном секретариате этого Совета — Г. Абдурашидов.

ВЕЧЕР, ПОСВЯЩЕННЫЙ ДНЮ НЕЗАВИСИМОСТИ АФГАНИСТАНА

27 мая 1958 г. в Колонном зале Дома союзов состоялся торжественный вечер, посвященный вступлению Афганистана в сороковую годовщину независимости. Доклад сделал директор Института востоковедения Академии наук СССР акад. АН Таджикской ССР Б. Г. Гафуров. Встреченный горячими аплодисментами на торжественном вечере выступил

с речью посол Афганистана в СССР Абдул Хаким Шахалами.

ЗАСЕДАНИЕ КОМИТЕТА ПО ОСНОВНОМУ ПРОЕКТУ ЮНЕСКО «ВОСТОК — ЗАПАД»

3 апреля 1958 г. в Институте востоковедения АН СССР состоялось очередное заседание Комитета по основному проекту ЮНЕСКО «Восток — Запад». С информацией о работе 2-й сессии Международного консультативно-

го комитета по проекту «Восток — Запад», проходившей в Париже (февраль 1958 г.), выступил делегат СССР на этой сессии член-корр. АН СССР Е. М. Жуков.

С сообщением о плане участия СССР в работе по выполнению основного проекта ЮНЕСКО «Восток — Запад» выступил отв. секретарь Советского комитета канд. филол. наук Е. П. Челышев, который отметил, что главное внимание предполагается обратить на осуществление мероприятий,

призванных обеспечить распространение среди стран-участниц ЮНЕСКО правдивой информации о культуре народов Советского Союза.

На заседании Комитета был также обсужден вопрос о кандидатурах для направления в страны Востока в качестве стипендиатов ЮНЕСКО. Молодые востоковеды будут обучаться в учебных заведениях этих стран с целью изучения народных культур различных районов.

ОТЧЕТНО-ВЫБОРНОЕ СОБРАНИЕ В СЕКЦИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Состоялось отчетно-выборное собрание секции востоковедения Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Выступивший с отчетным докладом президент секции член-корр. АН СССР А. А. Губер отметил, что культурные и научные связи между Советским Союзом и странами Востока расширяются и крепнут. Важную роль играют плодотворные личные контакты между учеными и деятелями культуры, приезжающими в СССР из стран Востока. Многие советские деятели культуры и ученые-востоковеды в свою очередь посетили страны Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии и Африки.

Важной вехой в деятельности секции явилось ее вступление в Международный союз востоковедов и участие советских ученых в работе XXIV Международного конгресса востоковедов в Мюнхене осенью

1957 г. Советские востоковеды примут также активное участие в осуществлении основного проекта ЮНЕСКО «Восток—Запад».

Секция провела ряд заседаний, посвященных знаменательным датам в жизни народов Востока, юбилейных вечеров и т. д. По просьбе своих зарубежных коллег советские востоковеды отвечают на многочисленные запросы, обме-

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

На заседании филологической секции Ученого совета Института совместно с Ученым советом Института китаеведения был заслушан доклад заведующего отделом языков народов Востока Института востоковедения д-ра филол. наук Г. П. Сердюченко о реформе китайской письменности. Докладчик подробно охарактеризовал реформу и подчеркнул, что она является исключительно важным событием в жизни народов Китая.

* * *

18 апреля 1958 г. состоялось расширенное заседание Ученого совета Института, посвященное третьей годовщине Бандунгской конференции.

Заседание открыл директор Института акад. АН Таджикской ССР Б. Г. Гафуров.

Доклад о третьей годовщине Бандунгской конференции сделал д-р ист. наук проф. А. М. Дьяков.

На заседании тепло

встреченный его участниками выступил посол Индонезии Александер А. Марамис. Он, в частности, заявил: «Одной из самых важных проблем, перед которой стоят страны Азии и Африки, является то, каким образом возможно в самое кратчайшее время достичь экономической независимости». Одной политической свободы, добавил он, недостаточно. Касаясь вопросов международной политики, А. Марамис отметил, что в настоящее время есть все условия для укрепления дела мира.

С большим вниманием было выслушано выступление посла Объединенной Арабской Республики Мохаммеда А. эль-Куни. Посол отметил благородную внешнюю политику, которую проводит Советский Союз. Эта политика, сказал он, пролагает путь к длительному мирному сосуществованию. Посол ОАР выразил Советскому Союзу благодарность за оказываемую народам Азии

нападают с ними своими научными трудами, готовят рекомендательные списки литературы, выступают во время пребывания за рубежом с лекциями и докладами и т. д. На собрании был избран новый состав бюро секции. Президентом секции вновь избран А. А. Губер, вице-президентами — В. Я. Аварин, В. И. Авдиев, И. С. Брагинский, К. М. Попов.

нападают с ними своими научными трудами, готовят рекомендательные списки литературы, выступают во время пребывания за рубежом с лекциями и докладами и т. д. На собрании был избран новый состав бюро секции. Президентом секции вновь избран А. А. Губер, вице-президентами — В. Я. Аварин, В. И. Авдиев, И. С. Брагинский, К. М. Попов.

и Африки экономическую, научную и техническую помощь без предъявления каких-либо условий. Не удивительно, заявил он, что отношения между азиатско-африканскими народами и народами Советского Союза отмечены искренней любовью, дружбой и глубоким уважением.

Выступивший в конце заседания временный поверенный в делах Индии в СССР В. Ахуджа поблагодарил ученых Института востоковедения за большой интерес и симпатии к народам Азии и Африки. Он выразил надежду на дальнейшее укрепление связей между Советским Союзом и странами — участницами Бандунгской конференции.

* * *

В конце марта 1958 г. состоялось собрание сотрудников Института, посвященное дню солидарности с народом героического Алжира. Собрание открыл заместитель директора Института Н. А. Дворянков. Заведующий Отделом арабских стран А. Ф. Султанов рассказал о борьбе народов Азии и Африки против колониализма.

Представитель Постоянного комитета солидарности стран Азии и Африки Азиз Шариф выразил благодарность советскому народу за поддержку национально-освободительного движения народов Востока. Тепло было встречено выступление молодого алжирского патриота студента МГУ Муштафы Негади, рассказавшего о борьбе алжирского народа против колонизаторов.

Участники собрания заявили о своей горячей поддержке алжирского народа и потребовали прекращения «грязной войны» французских колонизаторов против народа Алжира.

* * *

В марте 1958 г. Ученый совет Института присвоил ученую степень доктора филологических наук одному из крупнейших специалистов тибетологов Ю. Н. Рериху.

Ю. Н. Рерих получил востоковедную подготовку широкого профиля под руководством виднейших специалистов в области сравнительно-исторического языкознания и востоковедения (проф. Бако, Мейе, Пелльо, Минорского и др.). По окончании Гарвардского университета Ю. Н. Рериху была присвоена степень бакалавра по разряду индийской филологии, впоследствии он получил степень магистра индийской филологии.

В 1924 г. Ю. Н. Рерих начинает вести исследовательскую работу в Индии, занимаясь санскритом и тибетским языком. В 1925—1928 гг. в составе экспедиции Н. К. Рериха он работал во Внутренней Монголии, Синьцзяне, Тибете и др. районах Китая. В 1931—1932 гг. Ю. Н. Рерих совершает с научной целью поездку в Западный Тибет. В последующие годы он вновь занимался научными исследованиями в Китае. С 1930 г. Ю. Н. Рерих — директор Института гималайских исследований в Индии. С 1949 г. он руководил в Калимпонге (Зап. Бенгалия) индо-тибетским се-

минаром для подготавливаемых к профессорскому званию и одновременно возглавлял курсы китайского и тибетского языков. Ю. Н. Рерих — член Королевского Азиатского общества в Лондоне и Азиатского общества в Бенгалии.

Перу Ю. Н. Рериха принадлежит большое количество оригинальных исследований по тибетологии, монголоведению и индианистике. Особенно важное значение имеют его труды по Тибету.

В 1957 г. Ю. Н. Рерих вернулся на Родину. В настоящее время он старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР. Ученый продолжает интенсивную научно-исследовательскую работу. Ю. Н. Рерих руководит большой группой аспирантов-тибетологов, работает над материалами советских архивов. Вместе с группой советских тибетологов Ю. Н. Рерих готовит в настоящее время к изданию большой «Тибетско-санскритско-русско-английский словарь». Он сделал также несколько научных докладов, которые будут опубликованы в советской востоковедной печати.

Выступившие на заседании члены Ученого совета высоко оценивали научную деятельность Ю. Н. Рериха. Учитывая, что большинство трудов ученого посвящено проблемам филологии, Ученый совет присудил Ю. Н. Рериху степень доктора филологических наук.

* * *

В марте 1958 г. в Институте состоялась защита дис-

сертации на соискание ученой степени доктора филологических наук М. Х. Гайнуллиным, зав. сектором литературы ИЯЛИ Казанского филиала Академии наук СССР.

В диссертации «Татарская литература и публицистика в период первой русской революции» впервые разбираются проблемы значения революции 1905 г. для развития татарской культуры и литературы. М. Х. Гайнуллин убедительно показал, как влияние революции помогло деятелям татарской демократической интеллигенции воплотить в своих публицистических статьях и художественных произведениях прогрессивные идеи. В диссертацию включены очерки и обзоры творчества татарских писателей XX в., в том числе некоторых писателей и поэтов, которые долгое время были незаслуженно забыты татарскими литературоведами.

Большое внимание диссертант уделил анализу благотворного воздействия русской литературы и культуры, а также прогрессивной литературы Востока на развитие татарской литературы.

Впервые в татарском литературоведении в диссертации рассматриваются этапы развития татарской критики и публицистики.

Решением Ученого совета Института М. Х. Гайнуллину присуждена ученая степень доктора филологических наук.

* * *

В марте 1958 г. сектор Ирана организовал вечер,

посвященный выдающемуся иранскому и таджикскому поэту Абулькасиму Лахути. Во вступительном слове заведующий отделом стран Ближнего и Среднего Востока д-р ист. наук Б. Н. Заходер охарактеризовал значение творчества поэта для современной иранской литературы, а также для литературы советского Таджикистана.

С докладом о жизни и творчестве Лахути выступил М. И. Занд. Он рассказал об основных этапах творчества замечательного поэта, о его наиболее значительных произведениях.

Докладчик подчеркнул, что А. Лахути является подлинным поэтом-новатором, обогатившим старые классические формы новым революционным содержанием.

В заключение собравшиеся прослушали записи стихов Лахути в исполнении самого поэта.

* * *

В начале апреля 1958 г. в Институте состоялась первая научная конференция аспирантов. Около 30 аспирантов второго и третьего курсов подготовили доклады и выступления, освещающие проблемы истории, экономики и филологии стран Востока и национально-освободительного движения на современном этапе, а также проблемы истории культуры этих стран.

На заседаниях секции «Социально-экономические проблемы стран Востока и национально-освободительное движение на современном этапе» были сделаны доклады: «Послевоен-

ные трудности Таиланда и американская „помощь“», «Борьба Африканского Национального конгресса Ньясаленда за выход из Федерации», «Народы Танганьики в борьбе против колониального ига», «Февральско-мартовские события 1946 г. в Египте», «Ахмед Кесрави Тавризи — видный иранский историк» и др. На секции «Проблемы истории и культуры стран Востока в древние, средние века и новое время» были сделаны доклады: «Государственный строй Бирмы накануне английского завоевания», «Древнеиндийский город», «Социально-экономические взгляды Дадабхая Наороджи», «Общественный строй Малайских государств накануне английского завоевания» и т. д.

Ряд докладов был сделан аспирантами на заседаниях секции «Проблемы лингвистики стран Востока».

Работой секций руководили д-ра экономических, исторических и филологических наук В. Я. Васильева, А. Ю. Шпирт, В. И. Авдиев, К. А. Антонова, Г. П. Сердюченко, А. М. Коростовцев, Г. Д. Санжеев и др.

Некоторые доклады аспирантов, сделанные на конференции, предполагается издать отдельным сборником.

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ ИВ
АН СССР

15 и 17 марта 1958 г. в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР состоялись заседа-

ния сессии Ассоциации ленинградских арабистов, Восточной комиссии и Отделения истории географических знаний Географического общества Союза ССР, посвященной 75-летию со дня рождения академика Игнатия Юлиановича Крачковского.

На сессии были заслушаны доклады о жизни и научной деятельности выдающегося ученого, особенно в связи с его работой над историей арабской географической литературы.

Воспоминаниями о встречах с И. Ю. Крачковским поделился Хамди Селям.

С докладом «Деятельность И. Ю. Крачковского в Географическом обществе Союза ССР» выступил канд. геогр. наук А. И. Андреев. Докладчик подробно остановился на работе ученого в Географическом обществе, действительным членом которого он был избран в 1909 г. В 1927 г. И. Ю. Крачковский был избран членом Совета, а в 1938 г. вице-президентом Общества, он наблюдал за работой Ученого архива Общества, с 1939 по 1945 г. возглавлял Отделение истории гео-

графических знаний, а с 1940 г. состоял членом редакционной коллегии «Известий Всесоюзного Географического общества». В тяжелые месяцы блокады Ленинграда с июля 1941 г. по июль 1942 г. И. Ю. Крачковский руководил всей работой Общества, в частности по сохранению архивных и библиотечных ценностей, накопленных Обществом за 100 лет его существования.

В. А. Крачковская рассказала о многолетнем труде И. Ю. Крачковского над «Арабской географической литературой». Основная часть работы была выполнена автором в суровые годы войны в осажденном Ленинграде. В докладе канд. ист. наук В. И. Беляева «Работы И. Ю. Крачковского по истории арабской географической науки» была дана общая характеристика географических произведений И. Ю. Крачковского. Канд. филол. наук Т. А. Шумовский прочел доклад «О морской географии в XV и XVI вв. у арабов и турок в IV томе „Избранных сочинений“ И. Ю. Крачковского». Докладчик остановился на некоторых

новых данных, полученных наукой после смерти И. Ю. Крачковского в области изучения арабской морской географии.

Персидской географической литературе в связи с трудами И. Ю. Крачковского были посвящены доклад канд. ист. наук Н. Д. Миклухо-Маклая «О значении географического труда И. Ю. Крачковского для изучения географической литературы на персидском языке» и Ю. Е. Борщевского «Персидская географическая литература нового времени (XIX—XX вв.) в труде И. Ю. Крачковского».

Анализу арабского историко-географического и литературного памятника X века был посвящен доклад канд. ист. наук И. М. Фильштинского «Сочинение Бузурга ибн Шахрийара „Чудеса Индии“ как историко-географический источник».

На заседании была оглашена приветственная телеграмма посла ОАР в СССР г-на М. эль-Куни, в которой отмечались большие заслуги И. Ю. Крачковского в изучении истории арабской культуры.

ИНСТИТУТ КИТАЕВЕДЕНИЯ АН СССР

В феврале 1958 г. состоялось заседание Ученого совета Института, посвященное вопросам реформы китайской письменности.

С докладом «Реформа ки-

тайской письменности и ее значение» выступил д-р филол. наук И. М. Опанин. Он подробно охарактеризовал сущность и значение реформы. Выступая в пре-

ниях, д-р филол. наук Н. Т. Федоренко остановился на истории развития реформы письменности, на некоторых трудностях, связанных с ее осуществлением и на огром-

«ВОСТОЧНЫЕ ЧТЕНИЯ»

Институт мировой литературы имени А. М. Горького и Институт востоковедения АН СССР провели в марте 1958 г. заседание «Восточных чтений», посвященное 80-летию со дня рождения основоположника современной таджикской литературы Садриддина Айни.

Заседание открыл кратким вступительным словом член-корр. АН СССР Н. И. Конрад. С докладом «С. Айни и его значение в советской литературе» выступил член-корр. АН Таджикской ССР И. С. Брагинский. Докладчик подробно охарактеризовал основные этапы творчества писателя. Особое внимание он уделил воздействию А. М. Горького на литературную деятельность С. Айни. Как отмечалось в докладе, С. Айни принадлежит выдаю-

щаяся роль в формировании метода социалистического реализма в таджикской литературе и литературах других среднеазиатских республик. Произведения Айни выдержали в СССР 134 издания, общий тираж их составил около двух млн. экземпляров. Книги С. Айни изданы на 17 языках народов СССР, они переведены на основные западноевропейские языки и ряд восточных языков.

Большой интерес вызвало сообщение канд. филол. наук К. П. Комиссарова о популярности произведений С. Айни в Иране.

Таджикские студенты, обучающиеся в Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского, исполнили на таджикском и русском языках отрывки из произведений С. Айни.

ном значении этого события в жизни китайского народа.

Канд. филол. наук Б. Г. Мудров рассказал о борьбе с правыми буржуазными элементами по вопросам реформы письменности. Ряд практических вопросов, вытекающих из реформы, подняли в своих выступлениях д-р ист. наук С. Л. Тихвинский и канд. филол. наук Л. З. Эйдлин, д-р филол. наук Г. Д. Санжеев, канд. филол. наук А. А. Калимов, канд. экон. наук Е. Ф. Ковалев и др.

Итоги обсуждения подвел директор Института А. С. Перевертайло, указавший, что задачей советских китаеведов является не только повсеместная популяризация реформы, но и посильная помощь китайским коллегам в разработке научных проблем, связанных с этой реформой.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Состоялось заседание Ученого совета библиотеки, посвященное организации работы с зарубежной восточной литературой. В заседании приняли участие сотрудники институтов востоковедения, китаеведения, мировой экономики и международных отношений АН СССР, Всесоюзного общества «Международная книга», Всесоюзной Государственной библиотеки имени В. И. Ленина, журналисты, востоковеды, литературная обществен-

ность советской столицы. Заведующий отделом литературы зарубежного Востока библиотеки В. С. Гривнин сообщил, что к настоящему времени в фондах находится около 20 тыс. книг на восточных языках и более 2 тыс. книг по востоковедению на европейских языках. Кроме этого библиотека ежегодно получает более 400 периодических изданий из 25 стран Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Библиотекой изданы библиография китай-

ской художественной литературы в переводах на русский язык, био-библиографические указатели «Калидаса», «Сабахаттин Али», «Симадзаки-Тосон». Готовится к выпуску печатный аннотированный каталог новых поступлений восточной литературы.

Выступившие в прениях член-корр. АН СССР Н. И. Конрад, д-р ист. наук Б. Н. Заходер внесли предложения, направленные на улучшение работы библиотеки.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР

Создано новое научно-исследовательское учреждение — Институт востоковедения Академии наук Азербайджанской ССР. В нем четыре отделения: арабских стран, Ирана, Турции, текстологии и публикации источников.

Институт будет способствовать всемерному изучению стран Востока, разрабатывать важнейшие проблемы современного положения в этих странах, исследовать историческое прошлое народов Ближнего и Среднего Востока, развивать и укреплять связи с востоковедными центрами зарубежных стран. Намечается предпринять сбор материалов, касающихся истории отношений России и стран Ближнего и Среднего Востока.

Директором Института назначен видный историк-востоковед, член Академии наук Азербайджанской ССР А. А. Ализаде.

КАЗАХСКАЯ ССР

В январе 1958 г. в Алматы проходило межреспубликанское совещание по вопросам перевода с русского на языки народов Средней Азии, Казахстана и Азербайджана. Совещание было создано по инициативе Министерства культуры СССР и Министерства культуры Казахстана.

На пленарных заседаниях был заслушан ряд докладов. Канд. ист. наук М. Джаналин посвятил свое выступление принципам перевода

с русского на казахский язык. Заведующий сектором переводов Туркменского филиала Института марксизма-ленинизма А. Радженнов рассказал о большой работе по переводу трудов классиков марксизма-ленинизма, проделанной в Туркмени. Известный узбекский писатель А. Мухтар выступил с докладом «Некоторые вопросы перевода произведений художественной литературы с русского на узбекский язык». Директор Гослитиздата Министерства культуры Казахской ССР М. Каратаев поделился опытом перевода «Тихого Дона» М. Шолохова на казахский язык.

Со вниманием были выслушаны содержательные доклады азербайджанского лингвиста Д. Азимова, осветившего вопросы языка и терминологии в переводах, и директора Госиздата Министерства культуры Киргизской ССР Суванбердиева, рассказавшего о принципах отбора произведений для перевода с русского на киргизский язык.

На совещании работали секции: общественно-политической, художественной и учебной литературы. Об их работе рассказали на заключительном пленарном заседании К. Хапазаров, М. Ауэзов и А. Исхаков.

ТАДЖИКСКАЯ ССР

Президиум Союза писателей Таджикистана вынес решение об издании в течение 1959—1962 гг. сочинений Абулькасима Лахути в четырех томах. В первый и второй тома войдут

стихотворения поэта, в третий том — поэмы. Переводы и письма А. Лахути составят четвертый том. Кроме того, будет выпущена книга воспоминаний о Лахути.

Для подготовки к печати сочинений А. Лахути создана редакционная коллегия в составе: Б. Сирус, М. Турсун-заде, А. Дехоти, М. Миршакар, С. Улугзода.

ТАТАРСКАЯ АССР

В январе 1958 г. в Казани состоялась дискуссия по татарскому стихосложению. В связи с тем, что татарское стихосложение имеет много общих черт со стихосложением других тюркоязычных народов Советского Союза, дискуссия привлекла внимание поэтов и ученых ряда братских республик.

На совещании были заслушаны доклады Х. Усмана и Х. Туфана об особенностях татарского стихосложения и доклад Н. Нугманова «Арабское стихосложение и его влияние на тюркское и татарское стихосложение». Большой интерес вызвали выступления татарских писателей А. Файзи, Ш. Манпура, Н. Исанбета, С. Баттала, башкирского критика Г. Хусаинова, казахских критиков Б. Кенжебаева и З. Ахметова, каракалпакского поэта Т. Джумамуратова.

ТУРКМЕНСКАЯ ССР

В мае 1958 г. общественность республики широко отметила 50-летие народно-певца — шахира Ата Са-

лиха. Творчество слепого поэта весьма популярно среди широких масс трудящихся Туркмени. Ата Салих является создателем жанра басни в туркменской поэзии.

Его стихотворения, рассказы, сказки и притчи неоднократно издавались отдельными сборниками.

Творческий подвиг Ата Салиха отмечен высокими

правительственными наградами.

На торжественном заседании юбиляра тепло приветствовали представители общественности Туркмени.

ЗА РУБЕЖОМ

КИТАЙ

В феврале 1958 г. в Пекине состоялось организационное заседание сектора планирования изданий классической литературы, созданного Комитетом планирования науки при Государственном Совете КНР. Основное внимание на заседании было уделено вопросам составления перспективного плана и определению главного направления и методов работы сектора. С докладами по этим вопросам выступили кандидат в члены Политбюро ЦК КПК Кан Шэн и заместитель заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК КПК Чжоу Ян.

На заседании указывалось, что при освоении и публикации классической литературы следует руководствоваться принципами отношения к культурному наследию, которые определены в работе Мао Цзэдуна «О новой демократии». Освоение культурного наследия прошлого — важное условие строительства новой, социалистической культуры. Целью этого освоения является исследование и развитие всего луч-

шего, что накоплено за всю многовековую историю китайского народа.

При отборе классических произведений и составлении сборников для публикации необходимо организовать широкий обмен мнениями. Вся работа должна строиться с учетом запросов не только специалистов, но и широких масс.

КНДР

В конце прошлого года состоялось торжественное заседание, посвященное 5-й годовщине со дня основания Академии наук КНДР. С докладом выступил президент Академии Пак Нам Ун. Отметив успехи, достигнутые Академией за прошедшие пять лет, докладчик подчеркнул, что для выполнения задач по развитию науки, выдвинутых 3-м съездом Трудовой партии Кореи, составлен 10-летний перспективный план развития всех отраслей науки.

В прошлом году общественность республики широко отметила 200-летие со дня рождения выдающего

важнейшее значение имеет единство специальных знаний и марксистско-ленинского мировоззрения у работников, занимающихся изданием классической литературы.

Организовано широкое обсуждение планов издания произведений классической литературы, истории и философии.

ся ученого и великого писателя — реалиста Кореи XVIII в. Пак Чи Вона. В КНДР отмечалась также 195-я годовщина со дня рождения выдающегося мыслителя и поэта средневековой Кореи Чон Да Сана.

При сооружении Тесонского водохранилища Кяннской ирригационной системы найдены многочисленные предметы железного века. Археологи предполагают, что эти предметы относятся к III в. до н. э. — I в. н. э.

МНР

В феврале 1958 г. в Улан-Баторе состоялось общее собрание действительных членов Комитета наук и высшего образования МНР.

посвященное подведению итогов работы Комитета за 1957 г. и задачам научной работы на 1958 г.

На собрании было отмечено, что ученые республики успешно решали важные задачи, связанные с дальнейшим развитием народного хозяйства и, в частности, животноводства.

Значительная научная деятельность развернута и в области гуманитарных наук. Недавно выпущен под редакцией научного сотрудника Комитета наук А. Лувсандэндэба монголо-русский словарь. Составлены

также учебные пособия по китайскому и тибетскому языкам. Было проведено несколько экспедиций для изучения фольклора и местных говоров. Выходит в свет первый том очерков монгольской литературы, составленный Ц. Дамдинсуреном. Комитетом наук проведена большая работа по учету и изданию историко-литературных памятников.

Значительно усилились связи Комитета наук и высшего образования с научными организациями и центрами многих стран Востока и Запада.

АФГАНИСТАН

мии «Пушту толына» Гуль Пача Ульфат.

* * *

В Кабуле изданы отдельной книгой очерки по истории Афганистана «Люди и события», принадлежащие перу видного афганского историка Ахмада Али Кохзада, возглавляющего «Историческое общество Афганистана». В книге А. А. Кохзада рассказывается о наиболее важных событиях афганской истории от вступления на трон Тимур-шаха Дуррани (1773 г.) до смерти эмира Дост Мухаммед-хана (1862 г.), а также приводятся краткие биографии наиболее выдающихся деятелей этой эпохи.

Труд А. А. Кохзада, написанный на основании восточных, главным образом афганских источников, доступных сравнительно узкому кругу специалистов, представляет первостепенный интерес для всех изучающих историю Афганистана.

БИРМА

С начала 1958 г. в рангунской газете «Бирман» публикуется серия статей бирманских ученых, писателей и общественных деятелей, посвященных вопросам культуры, экономики и социальных отношений в Бирме в прошлом и настоящем.

В серию входят статьи: У Тин Фатта «Современные тенденции в бирманской литературе», д-ра Тан Туна «Бирма в до-Паганский период», У Тейн Хана «Бирманская музыка и танцы», У Тин Е «Панглопское соглашение (1947 г.)», Такин Чо Сейна «Рабочее движение в Бирме с 1917 г.» и другие.

* * *

В конце 1957 г. издан справочник «Who's Who in Burma».

Справочник (под редакцией У Ба Чит Тина) включает свыше 400 биографий бирманских государственных и политических деятелей, ученых, художников, журналистов.

* * *

В январе 1958 г. в Рангуне открылась выставка изобразительного искусства, которая была организована при поддержке Бирманского общества переводов.

На выставке были представлены многочисленные работы видных мастеров бирманского изобразительного искусства.

НИДЕРЛАНДЫ

В августе 1957 г. вышел первый номер (том 1, часть 1) нового «Журнала экономической и социальной истории Востока» («Journal of Economic and Social History of the Orient»), печатаемого издательством Брилль в Лейдене.

Как отмечается в предисловии, для того чтобы достигнуть «равновесия в изучении истории Запада и Востока», решено издавать 30-томную «Экономическую и социальную историю Востока», которая будет написана соответствующими специалистами. Этот коллективный труд будет содержать изложение уже достигнутых результатов, а также определять методы и направление предстоящих исследований с тем, чтобы способствовать изучению проблем экономической и социальной истории Востока и привлечь к ним внимание ученых, студентов и широкой публики. «Журнал экономической и социальной истории» будет сопровождать издание названного многотомника, хронологические рамки которого охватят все эпохи от предьстории стран Востока до тех десятилетий XIX в., когда, по мнению инициаторов этого издания, «влияние Запада коренным образом изменило дальнейшее развитие различных стран Востока».

Редакция «Журнала» выражает надежду, что он превратится в международный орган исторических исследований.

ИНДОНЕЗИЯ

В Джакарте состоялась II национальная конференция Общества народной культуры (ЛЕКРА), объединяющего прогрессивных деятелей литературы и искусства Индонезии. С докладом о развитии народной культуры выступил ответственный секретарь Общества известный поэт А.С.Дхарта. Особое внимание на конференции было уделено развитию культуры и созданию отделений Общества в отдаленных районах и провинциях страны. Конференция наметила программу дальнейшего развития музыки, драматургии и кино и призвала всех членов Общества активно участвовать

в движении за ликвидацию неграмотности населения и воспитание молодежи.

* * *

В конце 1957 г. в Бандунге в торжественной обстановке был открыт новый государственный университет в составе факультетов: права, социальных наук, экономики, медицины и педагогики. С речью на церемонии открытия университета выступил президент республики д-р А. Сукарно, который подчеркнул, что открытие Бандунгского университета является важным событием в культурной жизни страны.

ИРАН

По указу шаха при министерстве шахского двора создано «Общество культуры и искусства», призванное содействовать развитию национальной культуры, а также осуществлять широкие связи с зарубежными культурными организациями, и прежде всего с центрами изучения Востока.

Постоянными членами Общества являются представители министерства просвещения, министерства иностранных дел, Тегеранского университета, Главного управления изящных искусств, Управления печати и радио, Иранского отделения ЮНЕСКО, Общества археологии, Общества изучения древностей, Управ-

ления книжных переводов и публикаций и т. д.

Общество будет осуществлять публикации величайших литературных памятников Ирана, организовывать выставки произведений литературы и искусства, поездки иранских артистов и деятелей культуры за границу и т. д.

При Обществе создается библиотека иностранной литературы по Ирану. Одним из ближайших мероприятий Общества является празднование 1100-летнего юбилея Рудаки.

* * *

В январе в Тегеране открылась крупнейшая за последние годы выставка современной национальной

живописи и скульптуры, на которой экспонируются лучшие произведения мастеров иранского изобразительного искусства. На выставке широко представлены работы известных живописцев Таджвиди, Карими, Рахсаза, Катузиана, Поткера, акварели Шахбазана, Форути, Партови, скульптура д-ра Хосейна Риахи, Хаджи Нури и др. Особенно большим успехом пользовались миниатюры художника Хосейна Бехзади.

Произведения мастеров искусства, работающих в западноевропейском стиле, представлены на отдельной выставке.

НИГЕРИЯ

В Ибадане состоялась третья конференция Исторического общества Нигерии. Эта организация была создана несколько лет назад. В настоящее время в рядах Общества насчитывается 350 научных работников — историков, археологов, филологов и других. Работы членов Общества публикуются в специальных сборниках. Один сборник уже вышел из печати. Историческое общество Нигерии публикует также кварталный бюллетень.

На 3-й конференции были заслушаны доклады: 1. Мечи и оружие мусульманской Нигерии; 2. Описания дельты Нигера путешественниками XVI—XVII вв.; 3. Деятельность королевской Нигерийской компании в 1830—1900 гг.; 4. Установление Британской администрации в стране Уробо; 5. История

Бенина в 1450—1550 гг. Материалы конференции будут опубликованы в специальном сборнике.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ

В конце 1957 г. король Сауд ибн-Абдалазиз открыл в Эр-Рияде первый в Саудовской Аравии университет, названный Университетом короля Сауда. Университет открыт в составе двух факультетов: литературного и физико-математических наук. На литературном факультете образованы секции: арабского языка и литературы и мусульманских языков и ли-

тератур; географии; европейских языков и литературы. По мере надобности будут созданы и другие секции. На факультете физико-математических наук будут изучаться: естествознание, химия, математика, ботаника, зоология, энтомология, геология и астрономия.

Срок обучения в университете — 4 года. Ректором нового учебного заведения назначен д-р Абд-ал-Ваххаб Аззам, который в свое время был преподавателем исламской и персидской истории в Каирском университете, затем деканом литературного факультета в Багдаде, а потом занимал пост посла Египта в Саудовской Аравии.

США

Профессор Йельского университета У. С. Корнейн сообщил, что им и его сотрудниками закончено составление нового бирманско-английского и англо-бирманского словаря.

Этот словарь содержит около пятнадцати тысяч слов, в том числе новые термины, вошедшие в современный бирманский разговорный язык.

Работа по составлению словаря продолжалась около 10 лет.

Профессор Корнейн создал в Йельском университете библиотеку из бирманских книг, которая насчитывает к настоящему времени до 4 тыс. единиц хранения.

ФРАНЦИЯ

Интересное открытие сделано французскими археологами, работающими в Афганистане. Во время раскопок на перевале Сурх Котал, примерно в 100 километрах от Кабула, была обнаружена каменная плита с кушанской надписью. Надпись сделана греческим алфавитом. Расшифровка надписи даст возможность реконструировать язык кушанов. Таким образом, это открытие будет способствовать разьяснению многих проблем истории Центральной Азии в I—II вв. н. э. Работы на перевале Сурх Котал были начаты еще в 1953 г. экспедицией под руководством М. Шлюмбергера.

Эфиопия

В конце 1957 г. в Аддис-Абебе было торжественно отмечено 10-летие деятельности советской больницы. На церемонии присутствовали император Хайле Селассие I, наследный принц, члены эфиопского правительства, посол СССР в Эфиопии Б. И. Караваев, вице-президент Академии

медицинских наук СССР В. Д. Тимаков и др. В своем выступлении император Хайле Селассие поблагодарил советский Красный Крест и персонал больницы за их деятельность по оказанию высококвалифицированной медицинской помощи населению Эфиопии и выразил надежду, что это послужит делу дальнейшего укрепления дружественных отношений между Со-

ветским Союзом и Эфиопией.

В Аддис-Абебе издана брошюра на амхарском и английском языках, посвященная 10-летию со дня основания советской больницы. В брошюре приводятся данные о работе больницы, и в частности отмечается, что советские врачи обучают эфиопских врачей передовым методам лечения.

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Из неопубликованных рукописей Карла Маркса	3
---	---

СТАТЬИ, ПУБЛИКАЦИИ, СООБЩЕНИЯ

<i>В. Жоаннес</i> (Франция). Социалистическая партия Франции и колониальный вопрос	14
<i>Н. С. Мерзляков</i> . SEATO — орудие подавления национально-освободительного движения в странах Юго-Восточной Азии	26
<i>А. М. Дьяков</i> . К вопросу о развитии национальных языков народов Индии	38
<i>И. М. Фильштинский</i> . Каирские восстания 1798—1800 гг. и описание их в хронике Абд ар-Рахмана аль-Джабарти	46
<i>Д. С. Комиссаров</i> . О реалистической тенденции в современной персидской литературе	57
<i>П. В. Дмитриев</i> и <i>В. С. Руднев</i> . Материалы об аграрных отношениях в Малайе	66
<i>С. А. Кузьмин</i> . К вопросу об империалистических противоречиях в Пакистане	74
<i>Л. А. Семенова</i> . Основные направления развития феодального землевладения в Египте XV века	83
<i>Н. П. Аникиев</i> . Общественно-политические взгляды Мухаммада Икбала	91
<i>Б. А. Розенфельд</i> и <i>А. П. Юшкевич</i> . Математика стран Ближнего и Среднего Востока в средние века	101
<i>Г. М. Бонгард-Левин</i> . Эпиграфический документ Маурьев из Бенгала	109
<i>А. Е. Глушкина</i> . Старинные японские предания	114

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

<i>И. Ф. Шостак</i> и <i>И. Г. Поздняков</i> . Прокламация японских социалистов	120
<i>Н. Г. Киреев</i> . Провал концессии Честера	122
<i>Н. З. Хотимская</i> и <i>Л. А. Мухин</i> . Коллекция М. Д. Хмырова	125
<i>А. А. Фрейман</i> (Ленинград). О некоторых согдийских монетах и легендах	128
<i>А. Джафарзаде</i> (Баку). Альбом Хуршидбану Натаван	132
<i>Ю. А. Зуев</i> (Алма-Ата). Киргизская надпись из Суджи	133

ИСТОРИОГРАФИЯ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

<i>И. М. Кутасова</i> . Буддийская философия и логика в трудах академика Ф. И. Щербатского	136
<i>М. Губоглу</i> (Румыния). Востоковедение в Румынской Народной Республике	144
<i>Э. А. Грантовский</i> . И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н. э.	151
<i>Х. Г. Шарашидзе</i> (Тбилиси). Р. Р. Орбели. Грузинские рукописи Института востоковедения, вып. I	156
<i>Б. Ю. Свириной</i> . L. Lavallée, P. Noirot, V. Dominique. Économie de la Chine socialiste	160
<i>Б. И. Потаповский</i> . Ученые ГДР о колониальной политике германского империализма	162
<i>А. С. Тевритинова</i> . Обзор ежегодника «Prilozi za orientalnu filologiju i istoriju Jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom»	164
<i>А. Ф. Миллер</i> . E. E. Ramsaur. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908	166
<i>Ю. А. Петросян</i> (Ленинград). Некоторые издания Турецкого исторического общества	169
<i>Б. Д. «Economic Development in the Middle East. 1955—1956»</i>	172
<i>П. И. Петров</i> . B. Spuler. Die Mongolen in Iran	177
<i>В. Трубецкой</i> . Саид Нафиси. Социальная и политическая история Ирана в современную эпоху, т. I	179
<i>Л. Прибытковский</i> . W. Alphaeus Hunton. Decision in Africa	181
<i>В. Галин</i> . Carlos P. Romulo. The Meaning of Bandung	184
<i>А. М. Пятигорский</i> . Садашива Пандараттар. История тамильской литературы	187
<i>Ю. Я. Глазов</i> . S. Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature	191
<i>В. С. Сегаль</i> . F. J. Ziadeh and R. B. Winder. An introduction to Modern Arabic	194
<i>Г. А. Пугаченкова</i> (Ташкент). Fouilles de Châpour. Publiées sous la direction de G. A. Salles et R. Ghirshman	196
Заметки о книгах (<i>Д. Р. Вобликов</i> , <i>Г. Никитина</i> , <i>А. Григорьев</i> , <i>Е. С.</i> , <i>Б. П.</i> , <i>А. Давидсон</i> , <i>Б. Н. Заходер</i> , <i>Р. И.</i> , <i>Л. А.</i> , <i>В. Гривнин</i>)	201
Аннотации	213
ХРОНИКА	218

CONTENTS

Materials of the Marxism-Leninism Institute of the CC, CPSU	3
Unpublished Manuscripts of Karl Marx	

ARTICLES, DOCUMENTS, PAPERS

<i>V. Joannes</i> (France). The French Socialist Party and the Colonial Question	14
<i>N. S. Merzlyakov</i> . SEATO — Instrument for Suppressing the National Liberation Movement in the Countries of Southeast Asia	26
<i>A. M. Dyakov</i> . Development of the National Languages of the Peoples of India	38
<i>I. M. Filshinsky</i> . Cairo Uprisings of 1798—1800 and their Description in the Chronicles of Abd ar-Rakhman al Jabarti	46
<i>D. S. Komissarov</i> . Realistic Tendency in Modern Persian Letters	57
<i>P. V. Dmitriev</i> and <i>V. S. Rudnev</i> . Materials on Agrarian Relations in Malaya	66
<i>S. A. Kuzmin</i> . Imperialist Contradictions in Pakistan	74
<i>L. A. Semenova</i> . Basic Tendencies in the Development of Feudal Landownership in 15th Century Egypt	83
<i>N. P. Anikeyev</i> . Social and Political Views of Muhammad Iqbal	91
<i>B. A. Rozenfeld</i> and <i>A. P. Yushkevich</i> . Mathematics in the Near and Middle East in the Middle Ages	101
<i>G. M. Bongard-Levin</i> . Maurya Epigraphic Document from Bengal	109
<i>A. E. Glushkina</i> . Ancient Japanese Legends	114

SCIENTIFIC NOTES

<i>I. F. Shostak</i> and <i>I. G. Pozdnyakov</i> . Appeal of Japanese Socialists	120
<i>N. G. Kireyev</i> . Failure of Chester Concession	122
<i>N. Z. Khotimskaya</i> and <i>L. A. Mukhin</i> . M. D. Khmyrov's Collection	125
<i>A. A. Freiman</i> (Leningrad). About Certain Soghdian Coins and Legends	128
<i>A. Ja'farzade</i> (Baku). Khurshidbanu Natavan's Album	132
<i>Y. A. Zuyev</i> (Alma-Ata). Kirghiz Inscription from Suja	133

HISTORIOGRAPHY, BOOK REVIEWS, BIBLIOGRAPHY

<i>I. M. Kutasova</i> . Buddhist Philosophy and Logic in the Works of Academician F. I. Stcherbatsky	136
<i>M. Guboglu</i> (Rumania). Orientology in the Rumanian People's Republic	144
<i>E. A. Grantovsky</i> . I. M. Dyakonov. History of Media, from Ancient Times to the End of the 4th Century B. C.	151
<i>Ch. G. Sharashidze</i> (Tbilisi). R. R. Orbeli. Georgian Manuscripts of the Institute for Oriental Studies, vol. I	156
<i>B. Y. Svirin</i> . L. Lavallée, P. Noirot, V. Dominique. Économie de la Chine Socialiste	160
<i>B. I. Potapovsky</i> . Scientists of the GDR on the Colonial Policy of German Imperialism	162
<i>A. S. Tveritina</i> . Review of the Yearbook «Prilozi za orientalnu filologiju i istoriju Jugoslovenskih naroda pod turskom vladavinom»	164
<i>A. F. Miller</i> . E. E. Ramsaur. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908	166
<i>Y. A. Petrosyan</i> . (Leningrad). Some Publications of the Turkish Historical Society	169
<i>B. D. «Economic Development in the Middle East. 1955—1956»</i>	172
<i>P. I. Petrov</i> . B. Spuler. Die Mongolen in Iran	177
<i>V. Trubetskoy</i> . Saïd Nafisi. Contemporary Social and Political History of Iran, vol. I	181
<i>L. Pribytkovsky</i> . W. Alphaeus Hunton. Decision in Africa	184
<i>V. Galin</i> . Carlos P. Romulo. The Meaning of Bandung	187
<i>A. M. Pyatigorsky</i> . Sadashiva Panda Rattar. History of Tamil Literature	191
<i>Y. Y. Glazov</i> . S. Vaiyapuri Pillai. History of the Tamil Language and Literature	194
<i>V. S. Segal</i> . F. J. Ziadeh and R. B. Winder. An Introduction to Modern Arabic	196
<i>G. A. Pugachenkova</i> (Tashkent). Fouilles de Châpour. Publiées sous la direction de G. A. Salles et R. Ghirshman	201
Bibliographical Notes	218

CURRENT EVENTS

內容

蘇共中央馬克思主義——列寧主義研究所的材料
 馬克思未曾出版的部分手稿
 論文, 文件, 通報 3

若阿納斯(法國) 法國社會黨與殖民地問題 14
 美司了谷夫 東南亞軍事聯盟是鎮壓東南亞諸國的民族解放運動的武器 26
 家克夫 關於印度人民族語言發展問題 38
 非梁金斯其 . . 1798—1800年的開羅起義——在阿泊特阿爾拉嚇曼阿爾詹巴爾蒂紀事中的敘述 46
 谷米賽羅夫 近代波斯文學中的現實主義趨勢 57
 基米特利也夫, 盧特涅夫 關於馬來亞土地關係的材料 66
 戈茲門 論巴基斯坦的帝國主義的矛盾的問題 74
 協米諾娃 埃及十五世紀的封建土地佔有制發展的基本方向 83
 阿尼克也夫 慕嚇麥特依克巴拉的社會政治觀點 91
 路順費爾特, 尤希克維奇 中世紀中近東諸國的數學 101
 孟格爾特-列文 孟加拉的孔雀王朝題詞 109
 格羅斯基哪 日本古代的傳說 114

科學短評

稍司塔克, 泊司涅弋夫 日本社會黨的傳單 120
 基列也夫 柴斯節爾租借的破產 122
 哈金司加耶, 摩亨 哈密羅夫的彙集 125
 福利依曼(列寧格勒) 論索格地安娜的貨幣及神話二三事 128
 詹發爾什特(巴古) 湖兒希特盤娜塔凡的紀念冊 132
 查也夫(阿拉木圖) 蘇奇的吉爾吉斯文題詞 133

歷史編纂學, 書報評介

戈塔所娃 雪巴特斯基院士著作中的佛教哲學和邏輯問題 130
 戈薄格路(羅馬尼亞) 羅馬尼亞人民共和國的東方學清况 144
 格拉多夫斯基 評豈耶可諾夫·從古代到紀元前四世紀末的米地亞歷史 151
 沙拉石茲(梯比里斯) 評奧兒別里·東方研究所收藏的格魯吉亞文稿, 第一冊 156
 斯維林 L. Lavallée, P. Noirot, V. Dominique. Économie de la Chine socialiste . 160
 泊塔泊夫斯基 德意志民主共和國的學者關於德國帝國主義的殖民地政策的著作 162
 鐵維里金諾娃 «Prilozi za orientalnu filologiju i istoriju Jugoslavenskih naroda pod turskom vladavinom» 164
 密列兒 E. E. Ramsaur. The Young Turks. Prelude to the Revolution of 1908 . . 166
 彼得羅向(列寧格勒) 評土耳其歷史社的幾種刊物 169
 且南 «Economic Development in the Middle East. 1955—1956» 172
 彼·彼得羅夫 B. Spuler. Die Mongolen in Iran 177
 脫路培茨桐依 評桑特納費西·現代伊朗的社會政治史, 第一冊 179
 別立泊特谷夫斯基 W. Alphaeus Hunton. Decision in Africa 181
 高林 Carlos P. Romulo. The Meaning of Bandung 184
 皮帝谷爾斯基 評山達希凡盤達拉塔爾·垣密耳文學史 187
 格拉查夫 S. Vaiyapuri Pillai. History of Tamil language and literature 191
 協加兒 F. J. Ziadeh and R. B. Winder. An introduction to Modern Arabic . . . 194
 布格慶谷娃(塔什干) Fouilles de Châpour. Publiées sous la direction de G. A. Salles et R. Ghirshman 196
 書籍短評 201
 簡述 213
 新聞 218

Allen G. C. and Donnithorne A. G. Western enterprise in Indonesia and Malaya. A study in economic development. London, Allen & Unwin, 1957. 321 p., map.

Bhanu Dharma. History and administration of the North-Western provinces (subsequently called the Agra province), 1803—1858. Agra, Agarwala, 1957, VIII, 426 p.

Bousquet G. H. Les Berbères. (Histoire et institutions). Paris, Pres. Univ. de France, 1957. 116 p.

Desai G. G. Quintessence of the Upanishads. A simple exposition of Hindu philosophy and the secrets of the Vedas. (3rd Indian ed.). Bombay, Taraporevala, 195—XII, 197 p.

Deshmukh C. D. Economic development in India 1946—1956. A personal retrospect. Bombay, Asia publ. house, 1957. 167 p.

Dollot L. La Turquie vivante. Lettre — pref. de m. André Siegfried. Paris, Berger — Levrault, 1957, 266., ill., cart.

Dzelepy E. N. Le complot de Suez. Bruxelles — Uccles. Les ed. politiques, 1957. 134 p.

Egretaud M. Réalité de la nation algérienne. Paris, Ed. sociales, 1957. 214 p.

Fa-hsien. A record of the Buddhist countries. Transl. from the Chinese by Li Yung-hsi. Peking, The Chinese Buddhist assoc., 1957. 93 p., map.

Fanchon Y. et Leruth M. L'Allemagne et le Moyen-Orient. Analyse d'un pénétration économique contemporaine. Paris, Ed. des relations intern., 1957. 206 p.

Fawzi Saad ed Din. The labour movement in the Sudan, 1946—1955. London, a. o., Oxford Univ. press, 1957. XIV, 175 p.

Furon R. Le Proche-Orient, Syrie, Liban, Israël, Jordanie, Iraq, Arabie. Géographie générale et régionale. — Le Proche-Orient avant l'Islam. — L'empire arabe. Paris, Payot, 1957. 267 p., cart.

Gibb H. A. R. and Bowen H. Islamic society and the West. A study of the impact of Western civilization on Moslem culture in the Near East. Vol. I, part 2. London, Oxford University Press, 1957. 285 p.

Hervouet Y. Catalogue des monographies locales chinoises dans les bibliothèques d'Europe. Paris — La Haye, Mouton, 1957. 100 p.

Hlavsa M. Spac se probouzi ... Lide a veci v Alziru. Praha, Nakl. lidova demokracie, 1957, 116 s., ill.

Holloway O. E. Graphic art of Japan, the classical school. London, Tiranti, 1957. 135 p., ill.

Dore Ogrizek. Japan. Vorw. von G. Duhamel. München. Wien. Basel, Verlag Kurt, Desch., 1957. 222 S., ill.

Kafesoğlu İbrahim. Harezmsahlr devleti tarihi (485—617/1092—1229), Ankara, Türk tarih kurumu, 1956. 317 s., I har. (Türk tarih kurumu yayınlarından VII. Seri—N29).

Kocaturk Vasfi Mahir Şiir defteri. Yunus Emre'den bugüne kadar türk edebiyatının her çeşitten en güzel şiirleri. 3-ncü bas. Ankara, Buluş yayinevi, 1957. 318 s.

Lawrance J. C. D. The Iteso. Fifty years of change in a Nilo-Hamitic tribe of Uganda. London, Oxford Univ. Press, 1957. XX, 280 p., ill.

Linguistic survey of the Northern Bantu borderland. Vol. 4. Languages of the Eastern section. Great lakes to Indian Ocean. London, International African Institute, Oxford Univ. Press, 1957. 89 p.

Moreland W. H. and Chatterjee Atul Chandra. A short history of India. 4th ed. London, a. o., Longmans, Green, 1957. XII, 594 p., map.

Ömer Seyfeddin külliyyati: 10. Istanbul, Ahmet Halit Yaşaroglu, 1957, 10 s.

Philips' large print atlas for Southern Africa. Ed. by Harold Fullard, 24th ed. London, Philip, 1957. XVI, 15 p., map.

Rao M. S. A. Social change in Malabar. Bombay. The popular book depot, 1957. VI, 228 p., map.

Regional conference of representatives of national commissions for UNESCO in Asia. Tokyo, 1956. Records... Tokyo, Japanese national commission for UNESCO, 1957. 148 p., ill.

Rootink R. Historical atlas of the Muslim peoples. With a forw. by H. A. R. Gibb. Amsterdam, Djambatan, 1957. X, 40 p., map.

La Société archéologique du département de Constantine. Recueil des notices et mémoires. Vol. 69. 1955—1956, 1957. XXVI, 240 p., ill.

Spies O. Türkische Chrestomathie aus moderner Literatur. Wiesbaden, Harrasowitz, 1957. VI, 97 S.

Srivastava Ashirbadi Lal. The Mughul empire (1526—1803 A. D.). 2nd ed. rev. and enlg. Agra, Agarwala, 1957. X, 588, 15 p., map.

Wint G. and Calvocoressi P. Middle East crisis. Harmondsworth (Middlesex), Penguin Books, 1957, 141 p., map.

Yamaç S. ve Martinof S. Türk masalları. Hazırlıyan: Sekibe Yamaç ve Slaveyko Martinof. Sofya, «Narodna prosveta», 1957. 144 s.